

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

DIALOGUE WITH TIME

2014 Issue 46

Editorial Council

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of Universal History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of Universal History RAS

Tamara A. BULYGINA
Stavropol State University

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Igor N. DANILEVSKY
Institute of Universal History RAS

Galina I. ZVEREVA
The Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan State University

Igor V. NARSKIJ
South-Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
The Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Marina F. RUMJANTSEVA
The Russian State University
for the Humanities

Irina M. SAVELIEVA
State University — Higher School
of Economics

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Viktoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

2014 Выпуск 46

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Ставропольский
государственный университет

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ
Институт всеобщей истории РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Томский государственный университет

Г. П. МЯГКОВ
Казанский государственный университет

И. В. НАРСКИЙ
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

М. Ф. РУМЯНЦЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

И. М. САВЕЛЬЕВА
Государственный Университет —
Высшая школа экономики

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЮШКИНА И. В., научный сотрудник
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ЗВЕРЕВА В. В., кандидат исторических наук, доцент
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КАРП С. Я., доктор исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
МАКАРЕНКОВА Е. М., доктор исторических наук
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 46

М.: ИВИ, 2014. — 400 с.

«Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 46

Moscow: IWN, 2014. — 400 p.

“Dialogue with Time” is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

А К В И Л О Н

© Общество интеллектуальной истории, 2014
© Институт всеобщей истории, 2014
© Журнал «Диалог со временем», 2014
© Коллектив авторов, 2014

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ИДЕИ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ XX–XXI ВВ.

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения русского историка, методолога, педагога, организатора науки, профессора, академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919). К юбилею был приурочен круглый стол, посвященный восприятию и реализации идей А.С. Лаппо-Данилевского в разных сферах гуманитарного знания в XX – начале XXI века и организованный Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru и кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета.

27 января – в День рождения историка – НПШ источниковедения открыла виртуальный круглый стол¹. НПШ выступила одним из инициаторов этого обсуждения в силу того, что в своих концептуальных основах она непосредственно восходит к наследию русского методолога: НПШ сложилась и с 1939 по 2011 г. существовала на основе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, которой с 1943 по 1949 г. заведовал ученик А.С. Лаппо-Данилевского Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959). После ликвидации кафедры НПШ источниковедения консолидирована на основе сайта Источниковедение.ru². Развитие феноменологической источниковедческой концепции методологии истории в последние десятилетия XX – начале XXI в., в первую очередь, связано с именем ученицы А.И. Андреева Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007) – автора концепции когнитивной истории, творческому наследию которой был посвящен круглый стол «Концепция когнитивной истории: круглый стол к 90-летию со дня рождения Ольги Михайловны Медушевской», также проведенный совместно НПШ источниковедения – сайт Источникове-

¹ Материалы круглого стола размещены на сайте Источниковедение.ru – http://ivid.ucoz.ru/publ/anonsy_npsh/lappo_150/14-1-0-136.

² Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / редкол.: Д.А. Добровольский и др. Электрон. дан. М., сор 2010-2014. URL: <http://ivid.ucoz.ru/> (дата обращения 01.01.2014).

ление.ru³ и кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета в сентябре – октябре 2012 г.⁴

На обсуждение круглого стола, посвященного 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского вынесены вопросы, позволяющие репрезентативно охватить проблему рецепции наследия А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном знании XX – начала XXI в. Дискуссия строилась вокруг нескольких основных проблем: философские основания эпистемологической концепции Лаппо-Данилевского (М.Ф. Румянцев, О.В. Сеницын, С.П. Рамазанов); рецепция идей А.С. Лаппо-Данилевского в современном историческом познании (Н.В. Середа, Л.Б. Сукина, Т.А. Булыгина); идеи А.С. Лаппо-Данилевского в источниковедении письменных и визуальных источников (А.А. Бондаренко, В.Я. Мауль, Е.В. Плавская, Л.Н. Мазур, З.М. Рубина); источниковедение историографии как предметное поле актуального исторического знания и его концептуальные основы (В.Д. Камынин, С.И. Маловичко, Н.В. Некрасова, М.Е. Колесникова); ряд докладов был посвящен исследованию «творческой лаборатории» А.С. Лаппо-Данилевского, включая конкретные практики его обращения к изучению исторических источников (Н.Н. Алеврас, Н.Ю. Болотина, М.П. Вальц).

³ Концепция когнитивной истории: круглый стол к 90-летию со дня рождения Ольги Михайловны Медушевской [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2010-2012. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/anonsy_npsh/medushevskaja_90/14-1-0-110/ (дата обращения 01.04.2014).

⁴ По итогам круглого опубликован блок статей, см.: Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 5-151.

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ VS НЕОКАНТИАНСТВО В КОНЦЕПЦИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В статье рассматривается оригинальная теоретико-познавательная концепция А.С. Лаппо-Данилевского (1863-1919) в контексте неокантианства и феноменологии. Раскрывается специфика русской версии неокантианства – специальное внимание к объекту исторического познания, историческому источнику на основе принципа «признания чужой одушевленности». Показан феноменологический характер понимания историком природы исторического источника.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, русская версия неокантианства, феноменология, методология истории, исторический источник.

Русского историка-методолога А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) принято характеризовать как неокантианца¹. Эту характеристику невозможно принять без некоторых оговорок. Во-первых, концепция Лаппо-Данилевского, как и любая оригинальная эпистемологическая концепция, плохо вписывается в «прокрустово ложе» имеющихся историко-философских классификаций и систематизаций. Во-вторых, если уж и соотносить рассуждения Лаппо-Данилевского с неокантианством, то необходимо исследовать специфику его русской версии. В-третьих, считаю возможным выявить в построениях Лаппо-Данилевского не только неокантианскую, но и феноменологическую составляющую. Смысл усилий в этом направлении заключается не в непреодолимом желании «правильно» классифицировать теоретико-познавательную концепцию А.С. Лаппо-Данилевского, а в определении ее специфики и оригинальности в контексте методологических поисков рубежа XIX–XX вв.

Для решения этой задачи необходимо, в первую очередь, рассмотреть эпистемологическую концепцию Лаппо-Данилевского в соотнесении с неокантианской парадигмой исторического познания. Говоря о сути неокантианства применительно к историческому познанию, мы, естественно, в первую очередь обращаемся к Баденской школе (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), наиболее подробно разработавшей проблему специфики исторического познания. Выделим лишь один аспект. Критикуя Вундта, Мюнстерберга, Дильтея и других авторов, противопоставлявших науки о духе наукам о природе, Риккерт вскрывает основ-

¹ Обзор такого рода взглядов на эпистемологическую позицию А.С. Лаппо-Данилевского см., например: *Транш.* 2006. С. 65-67 и след.

ную методологическую проблему – неопределимость объекта наук о духе: «что же касается понятия духа, то дать логическое определение его либо совершенно невозможно, либо, во всяком случае, возможно лишь тогда, когда предварительно уже имеется логическое понятие истории»². Риккерт решительно отказывается размышлять об объекте исторического познания и сосредотачивает свое внимание на логике исторической науки, определяя ее как идиографическую в отличие от номотетической логики естественнонаучного знания.

Напротив, в концепции Лаппо-Данилевского базовое значение имеет *теория объекта исторического познания – исторического источника*. Специальной разработке методологии источниковедения посвящена значительная часть его «Методологии истории»³. Следует подчеркнуть, что часто встречающееся утверждение, что концепция Лаппо-Данилевского – это концепция источниковедения, в корне не верно. Им была разработана не концепция источниковедения, а источниковедческая концепция методологии истории, что принципиально важно.

Таким образом, теоретико-познавательная концепция А.С. Лаппо-Данилевского по своим основаниям отличается от построений баденцев и соответствует философским исканиям русского неокантианства, основоположником которого был А.И. Введенский (1856–1925). Специфика русской версии неокантианства⁴ как раз и заключалась в пристальном внимании к «внешним, материальным, то есть, объективным [курсив мой – М.Р.] обнаружениям»⁵ «чужой душевной жизни». Построения Введенского соотносимы с концепцией Дильтея, предлагавшего при решении задач описательной психологии обращаться к «предметным продуктам психической жизни»⁶. Такого рода объекты, по мнению русских неокантианцев, изучаются с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности»⁷, который и является системообразующим как для методологии истории Лаппо-Данилевского, так и для исследования основ гуманитарного знания учеником Введенского И.И. Лапшиным (1870–1952)⁸; этот принцип важен и для В.М. Хвостова (1868–1920) при построении философии и методологии истории⁹.

² Риккерт. 1998. С. 138-139.

³ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 19-394.

⁴ Подробнее см.: Румянцева. 2012.

⁵ Введенский. 1892. С. 7.

⁶ Дильтей. 1996. С. 99.

⁷ Подробнее см.: Румянцева. 2007.

⁸ Лапшин. 1914; Лапшин. 1999. С. 124 и след.

⁹ Хвостов. 2006. С. 62-67.

Идея Введенского о «материальных явлениях», которые «служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни», переработана Лаппо-Данилевским в систематическое учение об исторических источниках как эмпирической основе исторического познания. Именно фиксация Лаппо-Данилевским исторического источника в качестве эмпирической основы исторического познания и позволила О.М. Медушевской рассматривать его концепцию как основание парадигмы истории как строгой науки в отличие от нарративной логики исторического познания, восходящей к баденскому неокантианству¹⁰. Эта составляющая концепции Лаппо-Данилевского обладает существенным эпистемологическим потенциалом, и именно она получила развитие в Научно-педагогической школе источниковедения, которая сосредоточила свои исследования на системе видов исторических источников как проекции соответствующей культуры¹¹, а в начале XXI в. усилиями Медушевской пришла к универсальному понятию «эмпирической реальности исторического мира»¹².

Но что все же сближает позицию Лаппо-Данилевского с позицией баденских неокантианцев? На мой взгляд, кроме общих аксиологических оснований, стоит выделить схожие, хотя и не идентичные, подходы к понятию исторического факта и к построению исторического целого. Как и баденцы, Лаппо-Данилевский понимал исторический факт идиографически. Но при этом он подчеркивал, что историк изучает не разрозненные / единичные факты, но «...приступая к изучению действительности с идиографической точки зрения, историк, в сущности, представляет себе ее как бы в виде единого целого, которое вмещает в себя все ее части, связанные между собою, в котором каждая из них находит свое положение <...> С такой точки зрения только мировое целое, единое и единичное представляется в полной мере действительностью, каждая из частей которой лишь искусственно может быть извлекаема из реального его единства для научного рассмотрения»¹³. Подробно проблемы исторического построения с идиографических позиций рассмотрены Лаппо-Данилевским в последней части «Методологии истории», впервые после литографированного издания 1909 г. воспроизведенной в издании фундаментального труда русского методолога в 2010 г.¹⁴

Г. Риккерт демонстрирует менее глобальный, но аналогичный подход. Размышляя об отличии научного знания от донанучного образо-

¹⁰ Медушевская. 2008 (а). С. 15-16 и след.

¹¹ См.: Источниковедение: История. Теория. Метод... 1998.

¹² Медушевская. 2008 (а); 2008 (б).

¹³ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 360-361.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 395-542: Ч. II. Отд. 2: Методология исторического построения.

вания понятий, которое и дает материал для исторического исследования, он писал: «Донаучное индивидуализирование часто вырывает свои объекты из окружающей их среды, отграничивая их друг от друга и тем самым *изолируя* их. Изолированное, однако, никогда не бывает предметом научного интереса, и нет ничего неправильнее, чем отождествлять индивидуализирующий метод с простым сопоставлением изолированных фактов...»¹⁵. Риккерт также отмечает, что «включение объекта в *окружающую его среду*, как это делает историк, есть процесс, совершенно чуждый методу генерализирующих наук», поскольку среда всегда индивидуальна, и отношение части к целому в идиографических науках / науках о культуре не тождественно отношению экземпляра к родовому понятию в номотетических / естественных науках¹⁶.

По Риккерту, «историческая связь всякого исторического объекта имеет так сказать, два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т.е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект с *окружающей его средой*, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его *развитие*»¹⁷. Аналогичный подход демонстрирует Лаппо-Данилевский, но, размышляя о типизирующей интерпретации исторического источника, он акцентирует внимание на необходимости различать коэксистенциальную и эволюционную составляющие культуры: «Понятие о той культуре, к которой источник относится, получает, однако, различные значения, смотря по тому, представлять ли ее себе в виде некоей системы ее элементов или в виде некоей стадии ее эволюции, т.е. принимать ли во внимание “состояние культуры” или “период культуры” для истолкования источника: значит, можно различать и два вида типизирующей интерпретации источника: систематическую и эволюционную»¹⁸.

Итак, можно сказать, что А.С. Лаппо-Данилевский был неокантианцем, но в русской версии рецепции философии Канта. При этом, концепция Лаппо-Данилевского в значительной мере оригинальна, поскольку имеет существенную феноменологическую составляющую. О.М. Медушевская неоднократно характеризовала Лаппо-Данилевского как «основателя иной [т.е. отличной от неокантианской – М.Р.], феноменологической концепции методологии истории»¹⁹.

¹⁵ Риккерт. 1998. С. 147.

¹⁶ Там же. С. 148.

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 112.

¹⁹ Медушевская. 1999; № 2 (120); Медушевская. 2010.

Попробуем подступиться к прояснению феноменологической составляющей концепции А.С. Лаппо-Данилевского. что не просто, поскольку феноменология Э. Гуссерля в применении к историческому познанию прояснена мало, а эмпириокритицизму, без которого невозможно ни восприятие феноменологии Гуссерля, ни понимание интеллектуального пространства рубежа XIX–XX вв., историки практически не уделяют внимания, благо эмпириокритики (за исключением, возможно, А.А. Богданова) проблемами исторического познания почти не занимались.

На мой взгляд, феноменологический подход наиболее отчетливо проявляется у А.С. Лаппо-Данилевского в *понимании природы исторического познания и конструировании понятия исторический источник*.

Прояснение объекта исторического познания Лаппо-Данилевский начинает со следующего размышления: «При выяснении понятия об объекте исторического познания я буду исходить из представления о действительности, содержание которого каждый из нас построит из эмпирических данных. В том случае, когда я высказываю ассерторическое экзистенциальное суждение о построенном мною из таких данных содержании моего представления, я и рассуждаю о действительности»²⁰. Автор подчеркивает, что речь должна идти не о самом представлении, а о «действительном существовании его содержания». Поставив проблему познания как «обоснования экзистенциального суждения о содержании моего представления, т.е. о том именно, что в нем содержится», далее Лаппо-Данилевский начинает ее рассматривать казалось бы в неокантианском ключе – через соотнесение номотетической и идиографической точек зрения. Но логика его рассуждений принципиально отлична от логики анализа образования понятий в естественных науках и науках о культуре, предложенного Риккертом²¹. А.С. Лаппо-Данилевский, отмечая ограниченность номотетического подхода в суждении о содержании исторического представления, решает эту проблему через различение *бытия* и *бывания* и связанное с этим различием понятие *изменения* и при этом подчеркивает, что историк может рассматривать изменение как с номотетической, так и с идиографической точек зрения. Но поскольку исторические факты уникальны, то они не повторяются во времени, следовательно, они могут быть включены в единственный последовательный процесс изменений – в эволюционное целое. При этом понятие *изменение* Лаппо-Данилевский формулирует феноменологически: «...в том случае, если я (на основании принципа тождества) отношу к одному и тому же объекту два различаемых мною

²⁰ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 329.

²¹ Риккерт. 1997; Риккерт. 1998.

(на основании принципа противоречия) содержания моего сознания и признаю такие содержания объективно существующими и сменяющимися друг друга во времени, я, в сущности, и говорю об “изменении”»²².

Анализируя определение исторического источника, «добытое» (по его собственному выражению) Лаппо-Данилевским, обычно акцентируют внимание на двух моментах: объективированности (реализованности) исторического источника, в силу чего он и составляет эмпирическую основу исторического познания, и его культурном (т.е. порожденном творческой активностью человека) происхождении²³. Меньше внимания уделяется второй части определения – «пригодный для изучения фактов с историческим значением», а это важно при понимании механизмов включения информации исторического источника в историческое построение. И не уделяется внимания тому, что Лаппо-Данилевский говорит о феноменологической природе этого понятия.

Естественно, что учение об исторических источниках как «об объективно-данных источниках исторического знания»²⁴ самым непосредственным образом обусловлено пониманием сути познания как выяснения содержания представления, что, несомненно, требует обращения к внеположенной сознанию реальности. Размышляя о соотношении общей методологии истории и методологии источниковедения, Лаппо-Данилевский пишет: «Общая часть методологии истории обосновывает, главным образом, ту познавательную точку зрения, с которой историк должен изучать действительность вообще, но не предрешает вопроса о действительном существовании тех именно фактов, которые известны историку из данных источников; решение такой задачи и выпадает на долю методологии источниковедения»²⁵. Таким образом, Лаппо-Данилевский, понимая исторический факт и историческое целое идиографически, что в целом соответствует позиции неокантианства (при некоторых, бегло отмеченных выше различиях в подходах), идет дальше – по пути анализа природы исторического факта, его «добывания» из источников исторического познания. Но последовательное решение этой проблемы предполагает специальный анализ понятия *исторический источник*.

Лаппо-Данилевский начинает анализ с утверждения: «С теоретико-познавательной точки зрения под эмпирически данным "источником" можно разумеать всякое данное нашего чувственного восприятия»²⁶. Это

²² Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 330.

²³ См. например: Румянцева. 2011.

²⁴ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 19.

²⁵ Там же. С. 19-20.

²⁶ Там же. С. 29.

утверждение, несомненно, отсылает нас к идеям эмпириокритицизма, выразившего существенные составляющие методологического кризиса рубежа XIX–XX вв. Далее с теоретико-познавательного уровня автор переходит на научно-эмпирический, ограничивает пространство дальнейшего анализа и предлагает в качестве исходной позиции «называть источником *всякий реальный объект* [здесь и далее курсив мой – М.Р.], который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте»²⁷. В результате проведенного анализа, занявшего в издании 2010 года десять страниц текста, Лаппо-Данилевский «добывает» следующее определение исторического источника: «...исторический источник есть *реализованный продукт* человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»²⁸. Следуя за автором, и мы сосредотачиваемся, во-первых, на реализованности/объективированности исторического источника и, во-вторых, на его «человеческом» происхождении, что заставляет нас изучать его с точки зрения «принципа признания чужой одушевленности».

И упускаем еще один важный исходный момент размышлений историка. Относя историю к области эмпирических наук, А.С. Лаппо-Данилевский формулирует требования к понятию исторического источника, которое не только «включает понятие о реальности данного объекта и понятие о его пригодности для познания другого объекта», и уточняет: «...такой объект *представляется* всякому историку-специалисту “данным” его сознанию: историк не только *признает его своим представлением*, но *приписывает* его содержанию реальное существование; в противном случае источник не мог бы служить объектом чувственного восприятия историка; последний, значит, не мог бы познавать действительность на основании источников...»²⁹. В дальнейшем изложении эта формула редуцируется до понятия источник-объект, что и приводит, на мой взгляд, к некоторому упрощению: к пониманию исторического источника как «фрагмента» реальности, а не как феноменологической конструкции. Но если все-таки посмотреть на понятие исторического источника в концепции А.С. Лаппо-Данилевского с феноменологической позиции, то можно обнаружить, что предлагаемый историком метод анализа и интерпретации исторического источника может быть рассмотрен как своего рода феноменологическая редукция, предполагающая эпохэ – своего рода «отказ» историка от установок собственного сознания путем анализа структуры собственной психики. Исследование начинается с

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 38.

²⁹ Там же. С. 30.

«научного анализа элементов своей собственной душевной жизни». Историк при этом исходит из того, что его психика и психика изучаемого им субъекта различаются лишь интенсивностью составляющих ее элементов. Однако историк не может быть полностью уверен в соответствии друг другу самих комбинаций этих элементов, поэтому исходя из анализа собственной психики, историк вынужден ограничиться констатацией сходства отдельных элементов, «общих обеим одушевленностям», а не их систем³⁰. С невозможностью полного «отказа» от собственного сознания автор связывает границы исторического познания: «...воспроизведение чужой одушевленности во всей ее полноте представить себе нельзя, хотя бы уже потому, что в таком акте всегда соучаствует то сознание, в котором чужая одушевленность воспроизводится: “я” не могу перестать быть “я” даже в момент сочувственного переживания чужого “я”. Такое переживание, ассоциирование и заключение по аналогии обыкновенно сводится к воспроизведению в себе не чужого “я”, а более или менее удачной комбинации некоторых элементов его психики...»³¹.

Но все же тщательно разработанные А.С. Лаппо-Данилевским процедуры интерпретации исторического источника при помощи психологического, технического, типизирующего и индивидуализирующего методов позволяют максимально редуцировать собственное сознание историка и воспроизвести «первоначальный» (авторский) его смысл: «<...> научно понимать исторический источник значит установить то объективно-данное психическое значение, которое истолкователь должен приписывать источнику, если он желает достигнуть поставленной себе научной цели его исторической интерпретации; но, в сущности, истолкователь может придавать объективно данное психическое значение своему источнику лишь в том случае, если он имеет основание утверждать, что он приписывает ему то самое значение, которое творец (автор) придавал своему произведению»³². Конечно, при анализе концепции А.С. Лаппо-Данилевского необходимо не забывать, что она разработана в начале XX в., т.е. сто лет тому назад. За истекший век бурного развития эпистемологии пересмотрены многие воззрения, в том числе уточнено и понимание смысла процедуры интерпретации, но здесь важно акцентировать научно ориентированный подход Лаппо-Данилевского, отличный от герменевтической линии Хайдеггера – Гадамера.

И в качестве вывода: почему все-таки *versus*, а не *u*? На мой взгляд, именно феноменологическая составляющая в концепции А.С. Лаппо-

³⁰ Там же. Т. 1. С. 349.

³¹ Там же. С. 345.

³² Там. Т. 2. С. 65.

Данилевского принципиально важна, и именно она определяет специфику концепции, выделяя Лаппо-Данилевского и из круга русских неокантианцев. Речь здесь идет не о синтезе неокантианства и феноменологии, но о переходе от объяснения специфики исторического знания, представленного в XIX в., главным образом, линейными метанарративами, к рефлексии его глубинных оснований и главное – к выявлению имманентных характеристик его объекта, что помещает методологическую концепцию Лаппо-Данилевского в общенаучный контекст, поскольку, как известно, эпистемологический кризис рубежа XIX–XX вв. в общенаучном плане во многом обусловлен «утратой объекта» в связи с развитием физики микромира. Экспликация именно общенаучного контекста при исследовании творчества А.С. Лаппо-Данилевского принципиально важна, поскольку если неокантианство сосредоточено на специфике наук о культуре как идиографических, то феноменология ищет единые основания науки, и поиск этот ведется в сфере гуманитарного знания³³.

Естественно, проведенный анализ носит сугубо предварительный характер. Необходимо дальнейшее исследование соотношения эмпириокритицизма как продолжения позитивизма в новых социокультурных условиях, неокантианства как рецепции теории познания Канта и феноменологии как оригинальной философской концепции в качестве оснований методологии исторического познания. Но принципиально важно выделить здесь именно эти три философские парадигмы, поскольку они, во-первых, представляют направление, нацеленное на строгое научное знание³⁴, и, во-вторых, решают, хотя и по-разному, общую проблему конструирующей деятельности познающего субъекта в процессе познания, столь актуальную в современных условиях поиска оснований для новой национальной / отечественной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. 119 с.
- Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. С. 101-126.
- Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: Алетей, 1996. 155 с.
- Источниковедение: История. Теория. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с. Переизд.: 2000, 2004
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1-2.

³³ См., например: *Гуссерль*. 1994. С. 103-105 и след.

³⁴ *Рорти*. 1997; *Микешина*. 2003.

- Лапишин И.И.* О перевоплощении в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. V. С. 161-262.
- Лапишин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
- Медушевская О.М.* Методология истории как строгой науки // Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 23-84.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008 (а). 358 с.
- Медушевская О.М.* Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120). С. 100-136.
- Медушевская О.М.* Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008 (б). С. 24-34.
- Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 623 с.
- Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
- Риккерт Г.* Философия истории // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 129-204.
- Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997. 297 с.
- Румянцева М.Ф.* Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства // *Cogito*: альманах истории идей. Ростов н/Д.: Логос, 2007. Вып. 2. С. 35-54.
- Румянцева М.Ф.* Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 130-141.
- Румянцева М.Ф.* Современное источниковедение: поиск универсальных оснований научного знания // Проблемы исторического познания: сб. статей / отв. ред. К.В. Хвостова. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 70-82.
- Трапи Н.А.* Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 159 с.
- Хвостов В.М.* Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. М.: КомКнига, 2006. 389 с.

Румянцева Марина Федоровна, доцент, доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ «Высшая школа экономики», mf-r@yandex.ru

О. В. СИНИЦЫН

НЕОКАНТИАНСТВО НЕМЕЦКОЕ И РУССКОЕ: ОТ МЕТОДА «НАУК О КУЛЬТУРЕ» К СПЕЦИФИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье характеризуются общие черты и особенности двух вариантов неокантианской методологии в немецкой и русской исторической мысли конца XIX–начала XX в. Особое внимание уделяется концепциям специфики исторического познания Г. Риккерта и А.С. Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: неокантианство, методология, историческое познание, биографический метод, номотетический метод, идеализм, субъективизм, историзм.

Тема и название данной статьи обусловлены прошедшей 29-31 мая 2008 г. в Москве первой в России международной научной конференцией, специально посвященной неокантианству («Неокантианство немецкое и русское: от логики познания к “социальной педагогике”») и вышедшей по ее итогам одноименной монографией¹.

Во введении этого издания обоснованно отмечается, что «долгое время неокантианство считалось перевернутой страницей истории философии, вызывающей в лучшем случае “архивный” интерес. Поэтому, когда современная философия столкнулась с *фактом* свершившегося в конце XX века “переоткрытия” и возрождения неокантианской мысли, перед исследователями возникла проблема, состоящая не только в теоретическом обосновании этого факта, но и в определении дальнейших теоретико-методологических перспектив исторического опыта этого философского течения»². В дополнение к этому можно присоединиться к мнению авторов одной из рецензий на указанную книгу В.Н. Белова и В.А. Дудышкина: «наличие такого “сегмента” общего неокантианского направления, как русское неокантианство, предоставляет отечественным философам шанс на достойное участие в начавшемся процессе систематического исследования неокантианства»³.

Исторически все школы неокантианства в своих построениях находились в зависимости от той или иной интерпретации Канта, того или иного понимания его системы. Условность наименований скрывается под

¹ Неокантианство немецкое и русское... 2010.

² Там же. С.7.

³ Белов, Дудышкин. 2012.

приставкой *neo* – что в принципе должно истолковываться с тем смыслом, который имеет отрицательная частица *ne-*: неокантианство – это, по философской сути, *не кантианство*. С этих позиций и нужно подходить как к общему, так и к особенному в немецком и русском неокантианстве.

Возникновение русского неокантианства, как и немецкого, обусловлено рядом общеевропейских и мировых социокультурных процессов. Вторая половина XIX в. была ознаменована быстрым развитием естественных наук, что требовало мировоззренческого осмысления. Первыми на это откликнулись позитивизм и материализм, влияние которых на общее мировоззрение в России было повсеместным. Им отдали дань такие в будущем их противники, как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.А. Богданов, Л.П. Карсавин, Д.М. Петрушевский и др. Однако ограниченность позитивистских и материалистических объяснений прогресса естественных наук была очевидной; неокантианство возникает как одна из идеалистических альтернатив.

Однако, объясняя причины возникновения неокантианства, необходимо иметь в виду и специфически российское основание, которое опосредовалось русской религиозной философией – самой представительной и авторитетной школой русской философии, которая, как и неокантианство, с идеалистических позиций объясняла происходящее в жизни человека и человечества. Неокантианство в России оказалось между позитивистско-материалистическим и религиозно-философским объяснением объективной реальности. Материализм и позитивизм, абсолютизовавшие действительность, – вера в себя, в вещь – и религиозная философия, – вера в потустороннее, в Бога – были одинаково неприемлемы критическому духу неокантианства, которое направляло свои усилия на действительную трансцендентность, на априорные, разумные, рациональные основания человеческого бытия. В русской истории философии отсутствовала глубокая традиция гносеологического обсуждения философских проблем, не было своих классиков типа Декарта, Фейербаха, Канта и Гегеля, поэтому, если в Германии распространение неокантианского гносеологизма воспринималось как попытка отстаивания самостоятельности и самобытности философии, то в России такая «редукция» мировоззренческого осмысления к гносеологической проблематике оценивалась не иначе, как постановка новых философских задач.

По Гегелю, новые философские системы не уничтожают принципов старых, а только показывают, что эти принципы не были последними, не были абсолютным определением, все обнаруживают бедность по сравнению с богатством вселенной. Так, и неокантианство лишь по-другому

поставило и решило важнейшие для научного знания вопросы, примыкающие в главном к учению Канта. В то же время, в неокантианстве мы имеем, собственно говоря, не одного Канта, а двух, – именно, Канта «Критики чистого разума» и Канта «Критики практического разума», которых можно или соединить, или противопоставить. Поэтому в неокантианстве встречаются представители, порой, противоположных взглядов. Лозунг Ф. Ланге и О. Либмана «Назад к Канту» В. Виндельбанд трактовал так, что «чем больше понимаешь антагонизм между различными мотивами его мышления, тем больше находишь в них средств для обработки тех проблем, которые Кант создал своими ответами. Понять Канта, значит выйти за его пределы»⁴. Этот выход «за пределы Канта» в неокантианстве был различным, а поэтому до конца XIX – начала XX в., в период кризиса позитивизма и подъема материализма, марксизма, он был *многовариантным* и пестрым, несмотря на гносеологическую общность.

Рассмотрим основные черты немецкой Баденской школы неокантианства.

Предметом познания, согласно В. Виндельбанду, является не действительность, а лишь определенные правила соединения между собой представлений, которые люди должны произвести для того, чтобы мыслить правильно. При этом, в качестве высшего критерия выносятся истина как высшая ценность. Высшие ценности – истина, благо, красота и святость – являются надвременными, внеисторическими принципами, определяющими общий характер человеческой деятельности. Эти ценности субъективно осознаются как нормы безусловного долженствования.

Г. Риккерт в своей теории познания исходил из принципов, выдвинутых Виндельбандом. «К понятию познания, – указывал Риккерт, – принадлежит, кроме субъекта, который познает, предмет, который познается. Под предметом понимается то, что противостоит субъекту как нечто независимое от него и именно в том смысле, что познание должно направляться на него, если оно хочет достигнуть своей цели»; цель же познания заключается в том, чтобы быть объективным. Источником объективности и критерием истинности познания выступают, по Риккерту, «идеальные нормы и ценности, трансцендентное долженствование [независимое от сознания – *О.С.*], признание и осуществление которых в суждении и составляет сущность познавательного процесса»⁵. Риккерт, как и Виндельбанд, специально критикует теорию отражения. Познание, по его мнению, не может быть представлением, отражающим

⁴ Виндельбанд. 1904. Предисловие автора.

⁵ Риккерт. 1904. С. 179-189, 211, 256-257.

действительность, так как действительность – «необозримое многообразие», которое невозможно отобразить представлением. Всякое познание выделяет из «необозримого многообразия» только малую часть воспринятого – что, конечно, нельзя считать отражением.

В теории познания Риккерта (как и Виндельбанда) видно влияние идей Фихте. Он признает только одну действительность, одно бытие, эмпирическую действительность, имманентную сознанию как единство формы и содержания, содержание охвачено формой – в содержании. Отсюда же отождествление истинности и ценности. Не ценность или долженствование обуславливают истину, наоборот, *истинность* суждений имеет для нас *ценность*. Теория познания пролагает путь к миру ценностей, как к целому, поскольку он устанавливает это понятие. Для того, чтобы вскрыть все многообразие ценностей, теория познания должна обратиться к той науке, которая изучает культуру как действительность, выявляя ее богатство и многообразие. Наука эта – *история*⁶.

Итак, все проблемы теории познания, поднятые в рассуждениях Риккерта, привели его к проблемам исторических наук. Если теория познания Баденской школы неокантианства пользовалась влиянием в среде философов (в России – это А.И. Введенский), то теория и методология истории, созданная представителями этой школы, получила настолько широкое распространение и поддержку среди историков, философов, социологов, юристов, что позволяет нам говорить о возникновении *неокантианского течения* в методологии истории и даже шире в *методологии гуманитарных, обществоведческих наук*. Чтобы выяснить сущность и ценность исторических наук, Риккерт и приступил к исследованию границ естествознания. Он начинает свое исследование с обычного понятия телесной действительности, которая противостоит человеку и на которую направляется его познание. Эта действительность дается нам как необозримое множество образований в пространстве и во времени, образований, отличающихся друг от друга количественно и качественно. Поскольку познание направлено на целое действительности, оно представляется нам как экстенсивное многообразие, поскольку же оно направлено на своеобразие каждого отдельного образования оно представляется интенсивным образованием⁷.

Познание действительности возможно, только если это экстенсивное и интенсивное многообразие будет каким-либо образом преодолено. В этом преодолении многообразия и заключается задача и функция есте-

⁶ Риккерт. 1910. С. 1.

⁷ Риккерт. 1903.

ественнонаучного понятия в целях познания телесного мира. Метод естествознания – метод создания общих понятий, в этих понятиях уже не предусматривается экстенсивное и интенсивное многообразие эмпирической действительности. Метод естествознания – это метод генерализирующего образования понятий. Поэтому понятия, полученные методом естественных наук, совершенно отличаются от той действительности; чем дальше идет такое образование понятий, тем дальше отходит естествознание от действительности, так как эмпирическая действительность только единична, в ней нет ничего общего. Таким образом, действительность, согласно Риккерту, существует только как совокупность единичных явлений. Общее как совокупность естественнонаучного понятия не отражает и не может отражать действительности, так как общего вообще нет в действительности. Но в общем, как в продукте генерализирующего метода, для Риккерта выражен закон природы. При этом закон природы, не является законом действительности, он только «*значит*» и обусловлен трансцендентным долженствованием. Индивидуальное, единичное во всем его своеобразии, считал Риккерт, представляет собой предмет особой науки: «исторической науки. История как наука начинается там, где прекращается естествознание»⁸. Двигаясь далее в русле Виндельбанда, Риккерт писал, что принципиальное различие между науками о природе и историческими науками обусловлено различием *методологическим*. Эмпирическая действительность одна: «Она становится природой, если мы рассматриваем ее, имея в виду общее, она становится историей, если мы рассматриваем ее, имея в виду особенное, индивидуальное». Основное различие в методах этих двух наук нужно искать в том, что делают различные понятия с этой действительностью: ищут ли они общее и во всех отношениях недействительное, или же индивидуальное в действительности? У естествознания первая задача, у истории – вторая⁹.

Согласно Риккерту, наряду с генерализирующими науками о природе существуют научные дисциплины, рассматривающие объекты природы индивидуализирующим способом через косвенное отнесение к ценностям (геология, география и т.д.). И, напротив, явления культуры можно рассматривать генерализирующим способом (юриспруденция, языковедение и т.д.), что в терминологии Р.Дж. Коллингвуда носит название – квазиисторические науки о природе и квазинаучные исторические дисциплины. Но тут же, противореча себе, Риккерт категорично заявил: «...история, которая трактует о людях, их учреждениях и деяниях может

⁸ Там же. С. 273.

⁹ Там же. С. 224.

быть названа лишь *индивидуализирующей наукой*, если мы будем иметь в виду ее последние цели. Целью ее всегда является изображение единичного более или менее обширного хода развития во всей его единичности и объекты ее либо сами суть явления культуры, либо находятся в каком-нибудь отношении к культурным ценностям»¹⁰. Тем самым, заключал Риккерт, в научной обработке действительности история принципиально отличается от естественных наук. Профессиональный историк стремится понять предмет как единое целое, в его индивидуальности, единственности и неповторимости. Но, если история должна излагать только единичное, индивидуальное, то она должна ограничиться *частью* действительности, так как она не может охватить все необходимое многообразие единичностей исторических явлений. Каков же критерий отбора? Риккерт решал проблему следующим образом: нужно выделить существенное и отбросить несущественное. Что же является существенным индивидуального, которое выделяется как отличающееся от других индивидуальностей? Тем существенным, чем индивидуальное выделяется как предмет истории, оно обязано *ценности*. Единство исторического индивидуума покоится на *отношении к ценности*: «Мы выделяем, при образовании исторических понятий, из необозримого многообразия эмпирической действительности только то, что имеет отношение к ценности»¹¹. Поэтому образование исторических понятий есть «телеологическое образование понятий». Итак, науки делятся (классифицируются) с точки зрения познавательных приемов (образования понятий) на науки об общем – номотетические и на науки о единичном, индивидуальном – идиографические, на науки о природе и науки о культуре. В целом, эта классификация сугубо методологического характера.

В самом начале 1900-х гг. неокантианство в России оказало уже заметное воздействие на умонастроения и теоретические построения философов, историков, политологов, юристов, экономистов и др. Большую роль в этом процессе сыграл журнал Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии». Хотя он предоставлял свои страницы ученым различных теоретико-методологических ориентаций, в конце XIX – начале XX в. кантианская и неокантианская проблематика становилась все более определяющей. Не случайно главный редактор журнала Н.Я. Грот, оценивая заслуги Канта и возрождавшийся на глазах интерес к его идеям, отмечал еще в 1894 г.: «Кант открыл новую эпоху в истории философии, продолжающуюся и поныне»¹². Из номера в номер

¹⁰ Риккерт. 1908. С. 74.

¹¹ Риккерт. 1903. С. 337.

¹² Грот. 1894. С. 233.

на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» Ю. Айхенвальд, С. Аскольдов, Н. Бердяев, А. Богданов, Е. Боричевский, С. Булгаков, А. Введенский, А. Дживелегов, М. Каринский, Б. Кистяковский, Д. Койген, Г. Шпет, Б. Яковенко и другие признавали неокантианство ведущим философским течением в российской науке конца XIX – начала XX в. Так, известный философ Л. Лопатин в 1906 г. в статье «Типические системы философии» отмечал, что «в наши дни, благодаря широкому распространению теории познания Канта, его, пожалуй, нужно считать господствующим философским воззрением, хотя это и не всеми сознается»¹³, а С. Булгаков с убеждением и удовлетворением подчеркивал, что то «течение философской мысли, которое носит название неокантианства <...> оказало и оказывает уже благодетельное влияние»¹⁴.

Эти настроения российских историков, философов, юристов ярко проявились при подготовке сборника научных статей под красноречивым названием «Проблемы идеализма», вышедшего из печати в 1902 г. в Москве в издательстве Московского психологического общества. В предисловии к сборнику его редактор П.И. Новгородцев прямо заявил, что «позитивные построения не выдержали и не могли выдержать испытаний возросшей мысли: перед лицом сложных и неустранимых проблем нравственного сознания, философской любознательности и жизненного творчества они оказались недостаточными. Необходим свет философского идеализма, чтобы удовлетворить эти новые запросы»¹⁵.

Все авторы сборника единодушно заявили о приверженности идеализму. Их кредо – теоретико-познавательный критицизм. Как отмечал в рецензии на этот сборник Н. Рожков, «имена Виндельбанда и Риккерта окружаются в “Проблемах идеализма” особым ореолом, а их выводы объявляются каким-то откровением истины, новым светом, воссиявшим в общественной философии и теории исторического познания»¹⁶.

Почти все российские интеллектуалы, собравшиеся в сборнике, находились под «обаянием» философии Канта. С. Франк писал, что вся «современная философская мысль опирается на Канта», Н. Бердяев утверждал, что всю историю «можно построить, только опираясь на Канта», поскольку только «Кант признает абсолютную ценность за человеком», а А.С. Лаппо-Данилевский отдавал ему должное за то, что Кант «озарил ярким светом <...> демаркационную линию, отделявшую самопроиз-

¹³ Лопатин. 1906. С. 273.

¹⁴ Булгаков. 1906. С. 461.

¹⁵ Предисловие // Проблемы идеализма... 1902. С. IX.

¹⁶ Рожков. 1903.

вольную деятельность нашей души от испытываемых нами ощущений»¹⁷. Российские последователи Канта всемерно подчеркивали огромное значение той работы, которую провели и проводят их немецкие единомышленники по возрождению критической философии кенигсбергского мыслителя. Так, Бердяев, назвав превосходной книгу В. Виндельбанда «Прелюдии», писал: «Виндельбанд дает самое классическое и изящное истолкование кантианства в духе теологического критицизма». Новгородцев высоко оценил работы Зиммеля, Ксенополя и, в особенности, Риккерта, «недавно закончившего свое замечательное сочинение по теории исторического познания». По его же словам, «...Виндельбанд и Риккерт блистательно разрешили задачу размежевания истории и естествознания», и теперь уже невозможно говорить «о способности истории, в каком бы усовершенствованном виде она ни предлагалась, предсказывать будущее»¹⁸. Эти же настроения разделяли Б.А. Кистяковский, С.А. Аскольдов, С. Трубецкой, А.С. Лаппо-Данилевский.

Судьба неокантианства в России была противоречивой. С одной стороны, оно стояло в центре методологических дискуссий первой четверти XX в. и во многом определяло ведущее место неокантианских идей в методологическом перевооружении; с другой, вряд ли можно найти – особенно в среде отечественных историков – явных сторонников неокантианской методологии истории риккертского типа. Обнаружив определенное влияние немецкого неокантианства, российские историки и философы заняли критическую позицию в отношении ряда его положений. В результате в историко-философской мысли России сложилась своеобразная ситуация: пересматривая теоретические установки позитивистской историографии и марксизма, русские мыслители подвергали критике и некоторые основополагающие принципы немецкого идиографизма.

Активная дискуссия развернулась вокруг вопроса о методе гуманитарных наук, в первую очередь, исторической науки. Если немецкие теоретики отстаивали строгое разграничение наук о природе (естественных) и наук о культуре (гуманитарных), то российские ученые вносили коррективы (уточняли) это разграничение. Их интересовала, главным образом, специфика познания в истории. А.С. Лаппо-Данилевский не раз отмечал, что науки, имеющие различное содержание, не должны вследствие этого различаться и по своим методам, ибо дело не в содержании наук, как думали Виндельбанд и Риккерт, а в том, с какими методологическими установками исследователь подойдет к этому содер-

¹⁷ Бердяев. 1902. С. 94; Лаппо-Данилевский. 1902. С. 405.

¹⁸ Новгородцев. 1902. С. 239, 261.

жанию. По его убеждению, и в развитии человеческих обществ есть однообразные и повторяющиеся моменты, поддающиеся номотетическому изучению: «резко различая “естествознание” от исторической науки, основатели идиографического построения забывают, что некоторые отрасли “естествознания” пользуются принципами, общими с теми, которые употребляются историками, не говоря о том, что вышеуказанная терминология представляется во многих отношениях искусственной... Принимая во внимание фактическое содержание наук, можно сказать, что история, подобно естествознанию, в сущности, может иметь дело с относительными обобщениями, хотя бы потому, что историк, за отсутствием нужных ему относительных понятий, сам вырабатывает их применительно к изучаемым им объектам и в зависимости от тех именно познавательных средств, которые он преследует»¹⁹.

Здесь Лаппо-Данилевский подошел к центральной для «критической философии истории» (особенно немецкого неокантианства) проблеме – роли категории ценности в историческом знании. Как известно, категория ценности пронизывала всю философию Риккерта. Посредством этой категории он пытался осмыслить весь комплекс философско-исторических проблем – классификацию наук, интерес историка к индивидуальному, возможности и принципы достижения объективной истины в исторической науке. Разделяя ряд положений неокантианской теории ценностей, Лаппо-Данилевский выступил с критикой риккертского ценностного подхода к истории, предложив свое осмысление этого важнейшего принципа, определяющего специфику исторического познания. Он связал категорию ценностей с понятиями об исторической связи и об историческом целом.

С точки зрения Риккерта, над миром действительного бытия надстраивается высшая сфера самодовлеющих и свободных от какого бы то ни было отношения к бытию ценностей, образующих царство трансцендентного смысла. Но если ценность надисторична, то и критерий отбора фактов лежит вне самой истории, а значит, риккертская методология истории носит антиисторический характер.

В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский выступил против антиисторизма неокантианской теории ценностей. Он видел недостаток аксиологического учения Риккерта в том, что немецкий философ относил все факты прошлого лишь к абсолютной трансцендентной ценности и понятие исторического значения устанавливал в зависимости от одной только ценности индивидуального. Лаппо-Данилевский, глубже осмыс-

¹⁹ Лаппо-Данилевский. 1910. С. 289-290.

лив место категории ценности в теории исторического познания, предлагал различать абсолютную ценность (обоснованную) и общепризнанную (относительную). Два типа ценностей различаются, с его точки зрения, тем, что «отнесение к обоснованной ценности требует обоснование той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличие ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком»²⁰. Отнесение к общепризнанной ценности необходимо, согласно Лаппо-Данилевскому, для выяснения, в какой мере обоснованные ценности стали исторической действительностью, т.е. в какой мере они действительно признавались той общественной группой, которую изучает историк. Поправляя Риккерта в его одностороннем установлении понятия исторического значения только в зависимости от ценности индивидуального, Лаппо-Данилевский писал: «собственно-историческое значение ценной своеобразной единичности тесно связано и с понятием о действительности индивидуального в его реальном отношении как части к историческому целому». Отсюда, Лаппо-Данилевский выводил новые принципы идиографии – *ценности и действительности* исторических фактов. Ценность в учении российского неокантианца тем полнее реализуется, чем больше имеет последствий факт, в котором она воплотилась. «Лишь в том случае, если факт окажет реальное действие на развитие человечества, – писал он, – и его последствия (путем отнесения к данной культурной ценности) будут признаны имеющими некоторую ценность, он получит и собственно историческое значение»²¹. Таким образом, историк судит об историческом значении индивидуального не только по ценному его содержанию, но и по его действительности, т.е. по объему его влияния: принимая во внимание реализацию ценности в действительности, он получает возможность рассматривать вневременную ценность в данных условия пространства и времени.

Аналогичной точки зрения придерживались Н.И. Кареев, Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов и другие российские историки. В одной исторической работе перевесят теоретические обобщения, в другой – чисто фактический материал. Но этот перевес индивидуализирующего или генерализирующего элемента не создает между ними принципиального различия, не проводит между ними методологической границы. Такова была позиция отечественных историков-методологов, позиция, отвер-

²⁰ Там же. С. 245-246.

²¹ Там же. С. 254

гавшая позитивистский сциентизм и немецкий неокантианский идиографизм, при своеобразном решении проблемы специфики исторического познания. Осознав особенность, но в то же время единство описания и объяснения, повествования и обобщения в науках о культуре, российские ученые предлагали такой путь исторического познания, в котором выражается формирование специфических свойств и связей вещей, определяющих их сущность и своеобразие.

Суммируя особенности развития историко-теоретической мысли в России в начале XX века, можно это движение определить как *русский идеалистический историзм*, подчеркивая этим как антипозитивистскую реакцию, так и критицизм в отношении материалистического понимания истории, и как этап эволюции в сравнении с немецким неокантианством и его Баденской школой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н.А.* Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма: сб. статей. М., 1902.
- Булгаков С.Н.* Под знаменем университета. Вступительная лекция в Московском университете // Вопросы философии и психологии. 1906. № 85.
- Виндельбанд В.* Прелюдии: философские статьи и речи. СПб., 1904.
- Грот Н.Я.* Основные моменты в развитии новой философии. М., 1894.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб. 1910. Вып. 1.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма : сб. статей. М., 1902.
- Лопатин Л.* Типические системы философии. Научное мировоззрение и философия. // Вопросы философии и психологии. 1906. № 83.
- Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010.
- Новгородцев П.И.* Нравственный идеал в философии права // Проблемы идеализма: сб. статей. М., 1902.
- Предисловие // Проблемы идеализма : сб. статей / под ред. П.И. Новгородцева. М.: Изд. Московского психологического общества, 1902.
- Риккерт Г.* Введение в трансцендентную философию. Предмет познания. Киев, 1904.
- Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903.
- Риккерт Г.* Понятие философии // Логос. 1910. Кн. 1.
- Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908.
- Рожков Н.О.* О «Проблемах идеализма» // Вопросы философии и психологии. 1903. № 67.

Сеницын Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой исторического образования Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; olvsin@yandex.ru

С. П. РАМАЗАНОВ

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ НЕОКАНТИАНСКОГО ДИСКУРСА А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В статье показано воздействие социальной ситуации в России середины нулевых годов XX в. на характер методологических поисков выдающегося русского историка А.С. Лаппо-Данилевского. Выявляется обусловленность своеобразия трактовки ученым неокантианской методологии истории традициями развития российской историографии и профессионализмом отечественного методолога.

Ключевые слова: исторические законы, ценность, оценка, историческое значение, понятие целого.

Переход А.С. Лаппо-Данилевского с позитивистских позиций к ориентации на базовые установки Баденской школы неокантианства происходит в середине 1900-х гг. С этого времени широко разворачиваются методологические искания Лаппо-Данилевского. Определенным итогом таких исканий явился выход в свет в 1910–1913 гг. его двухтомного труда «Методология истории», название которого дало наименование формирующейся специальной исторической дисциплине.

До середины 1900-х гг. Лаппо-Данилевский прочно стоял на позитивистских позициях, отстаивая идею о направленности исторической науки на установление законов общественного развития. Так, в речи на защите своей магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» в 1890 г. он следующим образом определял предмет исторической науки: «всеобщая история занимается изучением норм общественного развития, общих всему человечеству»¹. А в 1902 г. в одной из своих работ историк придавал первостепенное значение общим понятиям для уяснения процесса исторического развития². В опубликованной в том же году обширной статье о социологии основоположника позитивизма О. Конта Лаппо-Данилевский отмечал, что философия французского ученого до сих пор еще не утратила своего социально-этического интереса³. По сути дела, в статье о Конте русский историк выступал не с отрицанием самих законов истории, а только с критикой необоснованности контовских ут-

¹ Лаппо-Данилевский. 1890. С.284.

² Лаппо-Данилевский. Материалы... 1902. С.88-90.

³ Лаппо-Данилевский. Основные... 1902. С. 394-395.

верждений о всеобщем значении и постоянстве социальных законов⁴. Можно согласиться с Н.И. Кареевым, который замечал, что Лаппо-Данилевский, критикуя Конта, осуждал «не научную положительность его стремлений и инициативу основания новой положительной науки, социологии, а то, что первой он не дал прочного обоснования, а ко второму приступил без обоснованных предпосылок»⁵.

Социальные потрясения в России середины 1900-х гг. активизировали политическую деятельность ученого. Он избирается в Государственный Совет во время Первой Думы, выступает против студенческих забастовок⁶. Вместе с тем, такие социальные потрясения, как представляется, оказали воздействие на обращение Лаппо-Данилевского к неокантианству с его постулатом о незыблемости абсолютных ценностей.

После 1905 года меняется оценка Лаппо-Данилевским возможностей реализации обобщающей работы в исторической науке. В «Методологии истории» он уже заявляет, что «“законов истории”», в строгом смысле слова, никому еще не удалось установить: историкам, стремящимся к открытию их, в лучшем случае приходится довольствоваться гадательными эмпирическими обобщениями»⁷.

Лаппо-Данилевский принял неокантианское понимание предмета истории как «науки о культуре»⁸. Он также в целом и разделял неокантианскую классификацию наук: «По теоретико-познавательным точкам зрения, целям познания, а не познавательным “предметам” или “процессам” познания стали различать науки обобщающие от наук индивидуализирующих. Таким образом, получился двойной ряд наук: одни из них строятся с номотетической (натуралистической) точки зрения, характеризующей естествознание в широком смысле, другие – с точки зрения идиографической (чисто «исторической»), такова история в широком смысле, т.е. история природы и человечества»⁹. По его мнению, номотетическое построение истории недостаточно как с теоретической, так и с практической точек зрения. С теоретической – поскольку оно произвольно ограничивает задачу исторической науки, не дает знания индивидуальных особенностей, играющих немаловажную роль в истории, и не устанавливает обоснованного критерия выбора конкретных исторических фактов; с практической – поскольку оно не может успешно выполнять

⁴ Там же. С. 414, 485-486.

⁵ Кареев. 1920. С. 118.

⁶ Романов. 1920. С. 185.

⁷ Лаппо-Данилевский. 1910-1913. Вып. I. С. 154-155.

⁸ Там же. Вып. II. С. 292.

⁹ Там же. Вып. I. С. 66.

воспитательную функцию, не будучи в состоянии удовлетворить наш интерес к действительности, без знания реальных условий которой человек не в состоянии поступать правильно¹⁰. А марксизм, рассматриваемый им как вариант номотетического построения, характеризовался ученым как метафизическое и противоречивое построение, отождествляющее «материю» с «духом», которое «просто перескакивает из одной области в другую», но, «в сущности, не в состоянии с чисто материалистической точки зрения установить этические предпосылки своего учения и решить поставленную проблему обновления социального строя»¹¹.

Из критического анализа номотетического построения исторического знания Лаппо-Данилевский делал заключение о «законности» идиографической точки зрения на историю¹². Он писал: «В противоположность номотетическому построению, которое все более отдаляет нас от действительности, идиографическое построение стремится возможно более приблизиться к ней: оно изучает объекты как таковые»¹³.

Таким образом, Лаппо-Данилевский проводил разграничение между целями и методами естествознания и истории. Первое, по его мнению, выбирает объекты по степени общности их содержания; история же придает значение самому объекту, поскольку он представляет особенности, именно ему свойственные, а всеобщее значение объекта в истории возрастает по мере возрастания индивидуального его характера, особенностей, отличающих его от остальных и лишаящих историка возможности заменить его другим объектом¹⁴.

Согласно Лаппо-Данилевскому, историк изучает индивидуальные события. Вместе с тем, он писал: «...Действительность слишком разнородна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее индивидуальных черт»¹⁵. Следовательно, замечал ученый, историк, как и естествоиспытатель, нуждается в критерии, с помощью которого он мог бы упрощать свой материал и «выбирать из многоплановой действительности то, что имеет историческое значение». Этот критерий, с его точки зрения, должен отличаться общим значением, ибо в противном случае историческое построение, произведенное на основании такого критерия, не будет принято всеми¹⁶. Для признания же всеобщего значе-

¹⁰ Там же. С. 162-165.

¹¹ Там же. С. 114, 117-118.

¹² Там же. С. 177.

¹³ Там же. С. 224.

¹⁴ Там же. С. 235.

¹⁵ Там же. С. 233.

¹⁶ Там же. С. 234.

ния факта, по Лаппо-Данилевскому, надо признать его ценность – «то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию». «Нельзя не заметить, что сознание вообще осознает такие состояния, которые сами по себе имеют для нас определяющее его значение и характеризуются моментом некоего требования, предъявляемого нашим “я” к собственному сознанию; такие “ценности” имеют для нас абсолютное значение и, смотря по характеру требования, оказываются или познавательными, или этическими, или эстетическими. В зависимости, однако, от соблюдения или нарушения подобного рода требований или общезначимых норм и их характера, мы образуем понятия, имеющие положительное или противоположное ему отрицательное значение: истину, добро, красоту или ложь, зло, безобразия; мы, конечно, легко переносим понятия подобного рода на самые объекты, которые и получают в наших глазах соответствующее значение». «В таком случае, т.е. путем отнесения к ценности, – заключал он, – мы и признаем за ними положительное или отрицательное значение»¹⁷.

Таким образом, в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-ученый получает критерий для выбора из многосложной действительности: он оценивает объект путем отнесения его к культурным ценностям, как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный строй и т.п.¹⁸

Несомненно, будучи выдающимся исследователем и осмысливая, в отличие от немецких неокантианцев, не творчество других историков, а собственную конкретно-историческую практику, Лаппо-Данилевский не мог стать простым эпигоном теоретиков Баденской школы. При этом на методологическую концепцию русского историка не могла не оказать влияния укорененная в отечественной историографии ориентация на выявление закономерного прогрессивного развития исторического процесса в России, которая была присуща и самому Лаппо-Данилевскому в позитивистский период его творчества. Следует учесть и то, что методологическая концепция Лаппо-Данилевского формировалась на фоне обоснования Р.Ю. Виппером – пожалуй, одним из первых в мире, – релятивистской теории исторического познания.

Если немецкие неокантианцы элиминировали оценку из исторического исследования, то Лаппо-Данилевский фактически не отрицал и правомерности функционирования в историческом исследовании оценочных понятий, допуская в него категорию прогресса. Он утверждал,

¹⁷ Там же. С. 239.

¹⁸ Там же.

что история может получить «совершенно особое, самостоятельное по отношению к природе значение», только если будет рассматриваться как «постоянное осуществление некоего долженствования», считал, что историк относит к ценности саму цель индивидуального исторического развития¹⁹. «Основываясь на понятии о значении данной цели для результата, – писал методолог, – историк судит и о степени прогрессивности или регрессивности данной эволюционной серии или ее частей, смотря по тому, реализуется ли в данном ряде фактов какая-либо <...> ценность или, напротив, она постепенно сходит на нет»²⁰. Он отмечал при этом, что понятие прогресса образуется «не без некоторого субъективизма», но такое его замечание было направлено не столько на дискредитацию идеи прогресса в истории, сколько служило задаче предостеречь историка от «гипостазирования» цели исторического развития²¹.

Ход рассуждений Лаппо-Данилевского о месте категорий ценности и оценки в истории привел к тому, что, в отличие от Риккерта, он уже не говорит о вневременной трансцендентной природе ценностей, трактуя такие ценности с субъективно-нормативных позиций. Декларируя абсолютный характер ценностей, русский мыслитель уже не заявлял о независимости их от человеческого сознания. Он говорил, что человек «почерпает» идею должного из собственного сознания и сам себе предъявляет нормы²². Ученый рассматривал цель как требование субъекта, а нормативную оценку как основу «наиболее ценных наших действий»²³.

Вместе с тем эти рассуждения привели Лаппо-Данилевского к выделению двух типов ценностного подхода в историческом исследовании – отнесению исторических фактов не только к обоснованной (или абсолютной), но и к общепризнанной ценности, что в известной степени преодолевало антиисторизм аксиологического учения Баденской школы: «Если бы историк даже располагал обоснованными ценностями, <...> он еще не мог бы достигнуть научного построения исторической деятельности <...> Историк, пользующийся обоснованными ценностями, должен, кроме того, выяснить, в какой мере они стали историческою действительностью, т.е. в какой мере они действительно признавались той общественной группой, которую он изучает». «Следовательно, – заключал он, – даже при обоснованности приписываемых им культурных ценностей, историк не может устраниваться и от отнесения изучаемых им фактов к

¹⁹ Там же. С.169, 282.

²⁰ *Лаппо-Данилевский*. 1909. С. 233.

²¹ *Лаппо-Данилевский*. 1910–1913. Вып. I. С. 283.

²² Там же. С. 169.

²³ Там же. С. 168.

общепризнанным ценностям: лишь с последней точки зрения он будет вправе говорить о реализации данных ценностей в действительности»²⁴.

Постановкой вопроса о необходимости отнесения исторических фактов к общепризнанным ценностям Лаппо-Данилевский пытался связать концепцию неокантианства с немецкой «философией жизни». Со ссылкой на В. Дильтея он писал: «Итак, отнесение к общепризнанной данной общественной группой ценности сводится прежде всего к психологическому анализу тех критериев оценки, которыми данное общество действительно руководилось или руководится для того, чтобы выяснить, какой из них оказывался общепризнанным или в большей или меньшей мере признанным <...> Словом, историк будет пользоваться найденным таким образом критерием для того, чтобы с точки зрения самого общества судить о значении фактов, его касающихся»²⁵.

Вместе с тем, стремясь преодолеть крайности субъективизма дильтеевского метода «понимания», Лаппо-Данилевский констатировал, что с отнесением к общепризнанным (относительным) ценностям «историческую работу нельзя <...> признать окончательной»²⁶. Настаивая на главенствующей роли отнесения к обоснованной ценности, он писал: «Следует заметить, однако, что историк не может ограничиться изучением одних общепризнанных ценностей <...> Без обоснования их такие ценности все же оказываются результатами субъективной оценки, только с тем различием, что она произведена целою группой, а не отдельною личностью; но коллективная оценка может быть гораздо более субъективной, чем личная: психический уровень массы часто бывает ниже среднего, особенно в области отвлеченной мысли; без обоснования их такие ценности, в сущности, становятся <...> психическими фактами; а для выбора из них историк все же будет нуждаться в критерии, на основании которого он мог бы признать их значение»²⁷.

При этом положение об отнесении исторических явлений к общепринятой ценности в методологических построениях Лаппо-Данилевского было связано и с фактическим признанием историком необходимости оценивать события прошлого с точки зрения внутренней логики их развития. А такое признание приводило его к выводу, что ценностный подход не единственный критерий выбора в истории: «Понятие об историческом значении индивидуального нельзя, однако, ограничивать понятием о его ценности; ведь понятие об общепризнанной

²⁴ Там же. С. 245.

²⁵ Там же. С. 247.

²⁶ Там же. С. 244-245.

²⁷ Там же. С. 247-248.

ценности уже находится в тесной связи с понятием о действительности индивидуального: историк интересуется вневременной ценностью в процессе ее реализации; а ценность тем полнее реализуется, чем более факт, в котором она воплотилась, имеет последствий»²⁸. Значение «собственно исторического факта» в глазах историка, по его мнению, получает лишь такой факт, которому он приписывает ценность, действительность, численность и длительность его последствий²⁹.

С точки зрения Лаппо-Данилевского, понятия о «ценности» индивидуальности и ее «историческом значении» представляют собой два разных понятия: всеобщее значение факта, говорил он, можно установить лишь на основании качественного критерия – признания всеми его важности, а историческое значение определяется с учетом количественного критерия – численности его последствий, повлиявших на развитие человечества³⁰. Так, личность, может иметь «очень большую ценность» и почти не иметь исторического значения и, напротив, не особенно сама по себе ценная личность при определенных обстоятельствах может получить сравнительно большое историческое значение; если в первом случае он ограничивался констатацией такой возможности, то применительно ко второму приводил характерный пример Робеспьера³¹. Лаппо-Данилевский критиковал представителей немецкого неокантианства за пренебрежение к различению между понятиями о «всеобщем значении» индивидуальности и ее «историческом значении»³². «Лишь комбинируя понятие о ценности и действительности индивидуального, – писал он, – историк получает основание признать за ним историческое значение; такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов»³³. Так Лаппо-Данилевский, в определенном смысле, преодолевал абстрактный подход к прошлому немецких неокантианцев, по сути дела, игнорировавших вопрос о зависимости человеческих ценностей от пространственно-временных координат истории, и продолжал отстаивать право исторической науки на исследование причинно-следственной обусловленности и взаимосвязанности исторического процесса³⁴.

Осознание же необходимости каузального анализа в историческом исследовании по существу означало признание включенности в арсенал

²⁸ Там же. С. 249.

²⁹ Там же. Вып. II. С. 325.

³⁰ Там же. Вып. I. С. 238.

³¹ Там же. С. 238, 252.

³² Там же. С. 288-289.

³³ Там же. С. 238-239.

³⁴ Там же. С. 254-255.

приемов освоения историком своего объекта методов общенаучного характера. «В логическом отношении, сознательно различая номотетическую точку зрения от идиографической, – отмечал Лаппо-Данилевский, – он [историк – С.Р.], конечно, не должен смешивать их, но в действительности он может соединить их в своей работе»³⁵.

Однако и генерализация, и поиск причинно-следственных связей играли в теории исторического познания Лаппо-Данилевского второстепенную роль. Так, допуская в построении историка «типологические», даже «номотетические» обобщения, он утверждал, что эти обобщения не составляют цели исторической науки³⁶. По его мнению, историк обращается к общим понятиям лишь «для индивидуализирующего понимания действительности»³⁷. А изучение каузальных связей в истории он подчинял базирующемуся на абсолютных нормах ценностному отношению к ней, поскольку именно отнесение к ценности, на его взгляд, «дает основание выбрать из многообразия действительности те факты, которые затем подлежат изучению с причинно-следственной точки зрения»³⁸.

Категория общего заменялась в теоретических построениях Лаппо-Данилевского понятием об историческом целом, к образованию которого, с его точки зрения, собственно и стремится идиографическое построение истории, приближаясь к пониманию конкретной действительности, а не удаляясь от нее, подобно номотетическому построению³⁹. Это понятие явилось резюмирующим в концепции мыслителя.

По Лаппо-Данилевскому, понятие об историческом значении индивидуального предполагает изучение исторической связи фактов с вызвавшими их причинами или порожденными ими следствиями и служит историком не только для упрощения, но и для объединения его представлений о прошлом: образуя понятие об исторической индивидуальности в отношении ее к историческому значению, отмечал он, историк достигает «обозримости» своих представлений о ее разрозненных чертах и устанавливает «те важнейшие центральные факты, с высоты которых он может усмотреть группы и ряды второстепенных фактов и разместить их вокруг главных»⁴⁰. Вместе с этим, объединяя представления историка о действительности, понятие об исторической связи между смежными фактами, по мнению методолога, позволяет осмыслить историю как

³⁵ Там же. С. 291.

³⁶ Там же. С. 226.

³⁷ Там же. С. 231.

³⁸ Там же. С. 254.

³⁹ Там же. С. 236-237.

⁴⁰ Там же. С. 237.

непрерывный процесс⁴¹. Таким образом, говорил он, историк образует понятие о целом, признавая, «что каждый отдельно взятый исторический объект входит в одно целое, вместе с другими такими же объектами, и что каждый из них тем самым определяется в своей индивидуальности как незаменимая часть целого»⁴².

Лаппо-Данилевский считал, что понятие о целом как некотором единстве многообразия неразрывно связано с понятием об индивидуальном, так как своеобразное целое является уже чем-то индивидуальным, а с исторической точки зрения единство такого целого существует лишь в данной индивидуальности; при этом он рассматривал целое в его отношении к своим индивидуальным частям, а не к другим целым⁴³. С его точки зрения, в качестве индивидуальности, как «единичное в своем роде целое», частями которого историк признает отдельные «исторические» народы, может рассматриваться все «культурное» человечество⁴⁴.

«Предельным» понятием о целом у Лаппо-Данилевского выступает понятие о «мировом целом», которое представлялось ему целостной действительностью, части которой можно, в свою очередь, называть относительными целыми⁴⁵. Историк же, по его словам, «сосредоточивает свое внимание лишь на той части мирового целого, которую мы называем человечеством, и преимущественно изучает ее в качестве относительного целого, выясняя, какое именно реальное значение каждая его часть имела или имеет в историческом процессе его образования»⁴⁶. С точки зрения исторического целого, которым для историка будет являться история человечества, он и может, по Лаппо-Данилевскому, установить историческое значение каждого отдельно взятого факта. «Вообще, – писал ученый, рассуждая об истории человечества, – историк прежде всего характеризует его некоторым реальным единством его состава: человечество состоит из индивидуальностей, способных сообща сознавать абсолютные ценности, что и может объединять всех; по мере объединения своего сознания человечество все более становится “великой индивидуальностью”; она стремится опознать систему абсолютных ценностей и осуществить ее в истории <...> Такое воздействие предполагает, однако, наличность цели, общей для всех по своему значению, существование общей воли и проявление объединяющей и организованной деятельности членов целого, соз-

⁴¹ Там же. С. 275-276.

⁴² Там же. С. 276-277.

⁴³ Там же. С. 277.

⁴⁴ Там же. С. 279.

⁴⁵ Там же. С. 277-278.

⁴⁶ Там же. С. 283-284.

дающих культуру человечества»⁴⁷. С такой точки зрения, по его мнению, историк и конструирует исторический процесс, в котором человечество приобретает все большее историческое значение благодаря постепенно возрастающему единству человеческого сознания⁴⁸.

Учение Лаппо-Данилевского об историческом целом в известной мере коррелировалось с разделяемыми им социально-политическими идеями. В условиях возрастания революционной борьбы концепция о возрастающем единстве человеческого сознания была созвучна призывам к единению и социальному миру и направлена против марксистской теории классовой борьбы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
- Лаппо-Данилевский А.* Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900/1 учебный год. Год I-ый. СПб., 1902.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. I–II.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: лекции, читанные студентам С.-Петербургского Университета в 1908-9 академическом году / литогр. Богданова. СПб., 1909.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Речь перед магистерским диспутом по русской истории 9 мая 1890 г. // Историческое обозрение. СПб., 1890. Т. I. Отд. I.
- Романов Б.А.* А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор; зав. кафедрой истории, политических и правовых учений Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета); ramasergej@gmail.com

⁴⁷ Там же. Вып. II. С. 333.

⁴⁸ Там же. С. 334.

Н. В. СЕРЕДА

РЕАБИЛИТАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ

В статье анализируется как постепенно, начиная с 60-х гг. XX в. происходило возвращение идей А.С. Лаппо-Данилевского в отечественную историческую науку. Автор отмечает основные этапы освоения и интерпретации российскими учеными наследия своего великого соотечественника, выделяя в качестве особо значимого – период функционирования Научно-педагогической школы источниковедения.

Ключевые слова: классификация исторических источников, методы исследования, методология исторического исследования, историографическая ситуация конца XX в.

Изучение наследия А.С. Лаппо-Данилевского и интерпретация его идей начались еще при жизни ученого и значительно активизировались после его кончины¹. После некоторого затишья внимание к наследию Лаппо-Данилевского возобновилось в самом конце 1960-х гг., на что указывает публикация статьи О.М. Медушевской в знаковом сборнике «Источниковедение: теоретические и методические проблемы» (1969)².

Обращение к идеям Лаппо-Данилевского подчас происходило в скрытой форме, без упоминания его имени. С его идеями, несомненно, был хорошо знаком Л.В. Черепнин, перу которого принадлежит известная и весьма негативная статья о Лаппо-Данилевском³. Подготовка этой статьи совпала по времени с созданием Черепниным блестящей, явно написанной под влиянием идей Лаппо-Данилевского монографии о феодальных архивах⁴. О глубоком знакомстве с теорией Лаппо-Данилевского и согласии с некоторыми из ее основополагающих идей свидетельствует и Предисловие, написанное Черепниным к монографии Л.Н. Пушкарева о классификации исторических источников. Важной заслугой Пушкарева Черепнин считал оценку им исторического источника как исторического факта, как объекта, созданного человеком на основе личных субъективных образов реального мира⁵. В определении Черепниным заслуг Пушкарева, по сути, содержалось сформулированное Лаппо-Данилевским признание исторического источника, во-первых, как реального объекта, во-

¹ Подробнее см., напр.: Медушевская. 2002. С. 112-114.

² Медушевская. 1969. С. 171-194. О влиянии идей А.С. Лаппо-Данилевского на творчество О.М. Медушевской см.: Румянцева 2009, 2010.

³ Черепнин. 1949. Об обстоятельствах создания этой статьи и ее вынужденном характере см.: Простоловсова, Станиславский. 1990. 71 с.

⁴ Черепнин. 1948–1951.

⁵ Пушкарев. 1975. С. 3.

вторых, как факта и как «реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением»⁶. Что было в этом? Случайность совпадения мыслей и подходов? Просьба о прощении, обращенная к современникам, которые, конечно же, помнили оценки, данные Черепниным в 1949 г. и Лаппо-Данилевскому, и его «Методологии истории»? Желание вернуть сообществу историков своей страны гениальные мысли гениального соотечественника?

Внимательный и образованный читатель 1970-х гг. не мог не проводить параллелей между определениями исторического источника Пушкикаревым (в интерпретации Черепнина) и Лаппо-Данилевским. Менее образованный получил шанс задуматься и возможно переосмыслить некоторые положения, ранее казавшиеся аксиоматичными. Слова у Черепнина были не те, что у Лаппо-Данилевского, а суть была та же.

Что касается Пушкикарева, то он вполне определенно сформулировал мысль о том, что «понятие исторического источника глубже и обстоятельнее всего в русском буржуазном источниковедении разработано у А.С. Лаппо-Данилевского». Среди целого ряда определений Лаппо-Данилевским терминов «источник» и «исторический источник» Пушкикарев выделяет то, где идеализм автора «Методологии истории» менее всего заметен, где речь идет об источнике как реальном объекте, «который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте». По словам Пушкикарева, в признании Лаппо-Данилевским объективного характера источника исторического знания сказывается влияние достижений «марксистско-ленинской исторической и философской мысли» начала XX в.

Л.Н. Пушкикарев критиковал другую сторону определения Лаппо-Данилевским источника, а именно его оценку источника как продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением. Такое понимание исторического источника Пушкикарев вполне справедливо определяет как идеалистическое. Увлечение идеализмом относилось в те времена к разряду тяжких преступлений, однако у Пушкикарева обвинение Лаппо-Данилевского в идеализме, хотя и присутствует, но сделано как-то мимоходом и как обвинение, кажется, и не выглядит. Гораздо более эмоционален Пушкикарев, когда интерпретирует определение Лаппо-Данилевским понятия «исторический факт», полагая, что такой подход открывает дорогу субъективизму в изучении истории⁸, что также было недопустимо в советской историографии.

⁶ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 38.

⁷ Пушкикарев. 1975. С. 40.

⁸ Там же. С. 40-41.

Причудливое соединение в работе Пушкарева и в Предисловии к ней Черепнина критики идей Лаппо-Данилевского с одновременным признанием правоты методолога подтверждает справедливость слов самого Лаппо-Данилевского о том, что материализм мало пригоден и удовлетворителен с познавательной точки зрения. Это обстоятельство – непригодность материализма для объяснений – ученый описывал, демонстрируя серьезное знакомство с материалистической философией: «Материалист совершенно игнорирует затруднения, испытываемые нашим разумом при отождествлении “материи” с “духом”, и просто перескакивает из одной области в другую; не разрешая их, и, в сущности, прикрывая материалистическими терминами понятия совсем иного рода, он устанавливает между ними число словесную связь»⁹.

Вся работа Лаппо-Данилевского «Методология истории» есть демонстрация неразрывности «материи» и «духа» как в реальности жизни, так и в историческом исследовании. «Воздействие индивидуальности на среду не представляется историку механическим процессом уже потому, что такая индивидуальность понимается им в смысле субъекта, который характеризуется единством сознания, придающим единство и его действиям; значит и воздействие такого субъекта на среду характеризуется не механическими, а психическими его особенностями. Следовательно, можно сказать, что историк изучает те факты, которые состоят в психофизическом воздействии индивидуальности на среду, и обращает внимание преимущественно на психический характер такого воздействия», – пишет ученый¹⁰. Далее читаем: «С такой точки зрения под простейшим историческим фактом можно разуметь самое элементарное, происходящее в данном пункте пространства и в данный момент времени, преимущественно психическое воздействие индивидуальности на один из элементов окружающей ее среды, в особенности общественной среды»¹¹.

И, вероятно, именно в силу противоречивости материализма, отмеченной Лаппо-Данилевским, не стоит всерьез удивляться тому, что внешняя критика его идей сопровождалась их глубоким изучением и тонким использованием в исследовательских практиках советских ученых.

Авторы работ по классификации исторических источников, которые стали активно издаваться в конце 1960-х – 1970-е гг., предлагали разные классификационные признаки, указание на некоторые из них также можно найти в работе Лаппо-Данилевского. Заложенное в ней представление о целостности и системности исторического прошлого, видимого в до-

⁹ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 1. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 353.

¹¹ Там же. С. 356.

шедших до нас фрагментах – исторических источниках, наталкивало на необходимость создания классификационной схемы, эту системность отражавшей. Однако указание на своеобразие методов исследования различных источников¹² вело к появлению все новых вспомогательных исторических дисциплин и попыткам классифицировать источники с учетом методов их исследования¹³. Апогеем и блестящим проявлением развития данного направления стали докторская диссертация и монография С.М. Каштанова, где автор, кстати сказать, вслед за А.С. Лаппо-Данилевским отстаивал особость методики и предмета дипломатики¹⁴.

Интересен и знаменателен тот факт, что попытки классификации исторических источников по методам их исследования не привели к созданию системы, значимой для всей исторической науки. Классификация, основанная на этом принципе, если и сохраняет значение, то лишь в рамках определения предмета каждой из вспомогательных исторических дисциплин. Признание ее в качестве основной создавало бы впечатление дробности мира исторических источников и мира прошлого, уводило от понятий «система», «структура», «целостность». Такой подход к классификации источников в случае его закрепления способствовал бы консервации отсталости отечественной исторической науки.

В других странах историческая наука в это время развивалась уже по пути признания приоритета изучения целостности и преемственности, стабильности над изучением событий, ведущих к прерыванию стабильности, к разрывам и качественным переменам состояний. Однако, нельзя не заметить, что в то время как отечественная историческая наука работала в основном над изучением разломов, революций, потрясений, та ее сфера, которая наиболее близко соприкасается с теорией истории, философией познания, уже искала опору для перехода к исследованию проблем, изучающих стабильные состояния обществ или их повседневность. В этих условиях классификация исторических источников по методам исследования, видимо, просто не имела шансов на ее закрепление. Нужно было выработать классификацию, позволявшую увидеть и изучать историческое прошлое во всей его многогранности и сложности. Это было тем более важно, что европейская наука уже приступила к активному исследованию повседневности локальных обществ, что требовало выявления всего многообразия источников и междисциплинарного (комплексного) подхода к их изучению.

¹² Там же. Т. 2. С. 27-29.

¹³ Яцунский. 1958.

¹⁴ Каштанов. 1970. С. 5.

Возвращаясь к проблеме определения понятия исторический источник, следует отметить, что всплывшее в 1990-х гг. его определение как продукта/фрагмента прошлой реальности было, по сути, подготовлено учеными предшествующего поколения, работавшими в марксистской парадигме, потому что оно в значительной мере отвечало материализму и марксизму, основанному на его идеях.

Этапы освоения и интерпретации теории Лаппо-Данилевского отчетливо прослеживаются в материалах конференций, которые ежегодно проводила кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ¹⁵. Их анализ сам по себе может служить прекрасной информационной базой исследования в предметном поле интеллектуальной истории. Наиболее активно в плане освоения наследия Лаппо-Данилевского работали О.М. Медушевская и М.Ф. Румянцева.

Первые программные заявления Научно-педагогической школы источниковедения были сделаны, кажется, в 1996 г. в рамках конференции «Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании». Вопросы интерпретации теории Лаппо-Данилевского отчетливо прослеживаются в ряде докладов и сообщений, а также во вступительной статье к изданию материалов конференции.

Во вступительной статье было заявлено о преемственности идей А.С. Лаппо-Данилевского и развитии их сотрудниками кафедры, где в первые годы ее существования работали его ученики и последователи – П.Г. Любомиров, А.И. Андреев. Важнейший результат развития НППШ источниковедения организаторы конференции уже в тот момент видели в «отказе от утилитарного представления об историческом источнике как лишь об орудии исторического исследования и конституировании его самоценности как явления культуры»¹⁶, а себя они позиционировали как последователей этой идеи. Организаторы конференции ставили вопрос о «применении источниковедческой методологии к решению наиболее сложных проблем современной гуманитаристики», т.е. о признании источниковедения в качестве основы развития гуманитарного знания. В редакционной статье было сформулировано понимание членами кафедры главного принципа современной теоретико-познавательной концепции гуманитаристики – обращение ко всему объему произведений культуры, созданных в процессе человеческой деятельности¹⁷.

¹⁵ Ликвидирована в 2011 г., после чего Научно-педагогическая школа источниковедения консолидировалась на основе сайта Источниковедение.ру.

¹⁶ Источниковедение и компаративный метод... 1996. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 3, 5.

Пассионарные представители Научно-педагогической школы источниковедения напомнили научной общественности ту сторону определения Лаппо-Данилевским исторического источника, которая долго являлась предметом критики, либо вовсе замалчивалась. Они вернули науке данное Лаппо-Данилевским определение исторического источника как продукта человеческой психики, причем это возвращение сопровождалось совершенно иным контекстом, в отличие, например, от работы Л.Н. Пушкарева, где указанное определение также приводилось. Представители НПСИ источниковедения приводили определение Лаппо-Данилевского как ориентир для дальнейших размышлений, как образец, требовавший внедрения в практику исторических исследований.

Последствия такого подхода были значительны. Во-первых, это означало реабилитацию важнейшей идеи концепции Лаппо-Данилевского. Во-вторых, ставило под сомнение представление о том, что цель источниковедческого изучения исторических источников заключается в установлении их подлинности и достоверности заключенной в них информации. В философию и методологию науки и в практику исторических исследований ученых Европы это понимание пришло гораздо раньше, еще в 1920-е гг. Для широкого круга историков России осознание того, что «достижение “чистого знания”, очищенного в числе прочего и от человеческой субъективности путем ее мучительного преодоления в процессе “критики” исторического источника, теряет свою актуальность»¹⁸, стало следствием глубокого освоения идей Лаппо-Данилевского. Первопроходцами стали сотрудниками кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, они не просто сами осваивали огромное интеллектуальное богатство «Методологии...», но и последовательно транслировали ее основные тезисы в научную среду России. Важнейшим средством трансляции являлись ежегодные конференции, традиционно проходившие в конце января. Апробация идей осуществлялась при разработке учебных программ, подготовке методических пособий и учебников, научных статей и монографий. Значительными вехами на этом пути стало посмертное издание книги О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (2008), где идеи Лаппо-Данилевского не только интерпретированы, но и получили дальнейшее развитие, а также переиздание его «Методологии истории» (2010). В своем соединении эти два историографических факта, несомненно, будут способствовать развитию исторической науки.

¹⁸ Румянцева. 2007. С. 46.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 29-31 янв. 1996 г. М., 1996.

Каишанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: [в 2 т.]. М., 2010.

Медушевская О.М. Теоретические проблемы источниковедения в советской историографии 20-х – начала 30-х годов // Источниковедение: теоретические и методические проблемы: [сб. ст.] М.: Наука, 1969. С. 171-194.

Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Методология и теория истории: учебно-методический модуль. М., 2002. С. 106-133.

Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1990. 71 с.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». М., 2009. № 4/09. С. 12-22; 2010. №7(50)/10. С. 11-27.

Румянцева М.Ф. Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез: материалы XIX междунар. науч. конф. Москва, 25-27 янв. 2007 г. М. 2007. С. 41-49.

Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30-51.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948–1951. Ч. 1-2.

Яцунский В.К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. XI. С. 133-139.

Серёда Надежда Владимировна, доктор исторических наук, профессор; Тверской государственный университет, профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения; *nv.sereda@yandex.ru*

Л. Б. СУКИНА

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVII В. А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО И ЕЕ МЕСТО И РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Автор рассматривает концепцию развития русской культуры XVII в. в трудах А.С. Лаппо-Данилевского сквозь призму его методологии истории, оценивает ее когнитивные возможности. Во второй части статьи содержится анализ работ современных исследователей, в которых прослеживается эксплицитное и имплицитное влияние этой концепции.

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский, русская культура, методология истории, компаративное источниковедение, историческая антропология.*

В последние десятилетия интерес современных исследователей обращен не только к эпистемологической концепции истории А.С. Лаппо-Данилевского, но и к проблемам ее реализации в его собственной исследовательской практике, оценке роли различных работ ученого в формировании актуальных подходов в изучении определенных исторических периодов¹. Попробуем осмыслить содержание идей Лаппо-Данилевского, касающихся истории русской культуры XVII в. и их место в концептуальных конструкциях нынешних исследователей.

Интерес к русской истории XVII века проявился у А.С. Лаппо-Данилевского в самом начале его научного пути, еще при подготовке защищенной им в 1890 г. магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований»² (научным руководителем диссертанта был Е.Е. Замысловский, известный специалист по истории допетровской России). К проблематике этого периода Лаппо-Данилевский будет обращаться и в своих университетских лекциях, и в исследовательских работах до конца жизни, рассматривая этап исторического развития России, начавшийся после Смуты и продолжавшийся до начала петровских реформ, как чрезвычайно важный для подготовки общественного сознания к коренным преобразованиям в жизни страны, произошедшим на рубеже XVII–XVIII вв., и считал необходимым исследовать его глубоко и всесторонне.

В работах Лаппо-Данилевского, посвященных русской общественной мысли и культуре XVII в., отсутствует прямое изложение теорети-

¹ Трати. 2001.

² Лаппо-Данилевский. 1890.

ческих основ его научного подхода к данной проблематике, но имплицитно они там содержатся³. Их не следует лишь в «Методологии истории», хотя и в этом своем крупнейшем теоретическом труде он уделил им внимание в контексте рассуждений об изучении общественного и индивидуального самосознания прошлого. М.Ф. Румянцева отмечает, что принцип «признания чужой одушевленности» является системообразующим в эпистемологической концепции Лаппо-Данилевского⁴. Исходя из этого принципа, он «конституирует <...> перемены в чужой психике, в сущности, недоступные эмпирическому <...> наблюдению»⁵.

Важнейшими аспектами изучения русской культуры А.С. Лаппо-Данилевский считал развитие «народного самосознания», «личного начала» и других проявлений «коллективной одушевленности». Временем интенсивного осознания русским народом своей национальной идентификации ученый называл позднее Средневековье и раннее Новое время: «Лишь со второй половины XVI в. получил он [русский народ – Л.С.] возможность сравнивать себя с народами более развитыми. События, которыми знаменуется переход от XVI в. к XVII и от XVII в. к XVIII в связи с такой сравнительной оценкой своего национального “я” способствовали, конечно, более сознательному отношению русских людей к потребностям и задачам последующей их государственной жизни»⁶. Лаппо-Данилевский полагал, что развитие общества предшествовало развитию государства, и наоборот, лишь новый тип «просвещенного» государства способствовал формированию личности русского человека, сложившейся только во второй половине XVIII — начале XIX века⁷.

Такой подход к проблеме формирования национального и личного «я» в русской культуре и общественной мысли был обусловлен не только и не столько «неокантианством» Лаппо-Данилевского, сколько научными традициями петербургской исторической школы того времени⁸. Это становится еще более очевидным в сравнении с рассуждениями об антропологических аспектах культуры ярчайшего представителя московской историографии В.О. Ключевского, который судил о людях Средневековья, используя понятия «ума», «совести», «веры», наделяя человека личностными свойствами, и признавая его активную роль в движении истории⁹.

³ Следует также отметить статью: *Лаппо-Данилевский*. 1914. С. 5-36.

⁴ *Румянцева*. 1999. С. 141.

⁵ *Лаппо-Данилевский*. 1923. С. 308.

⁶ Там же. С. 184-185.

⁷ Там же. С. 187-188.

⁸ *Ростовцев*. 2004.

⁹ *Ключевский*. 1988. С. 337.

Формирование русского государства и его политических структур являлись у А.С. Лаппо-Данилевского отправной точкой становления политической культуры в обществе: «В XVI–XVII вв., например, главным носителем политических идей нужно признать Московское государство. Оно представляло собою Россию, и история политических идей в России вообще складывалась в зависимости от его развития»¹⁰. Но потребности и усилия государства, рождавшие в обществе политическое самосознание, рано или поздно приводили к конфликту между политическими интересами власти и идейно опередившей ее частью социума, ибо «русское правительство и общество редко действовали вместе»¹¹. Так, в XVII в. государство хотело привлечь в своих реформаторских интересах «средства» новой западной культуры (для чего были приглашены ученые книжники из Малороссии), но лучшие представители русского общества, вкушая плоды дозволенного просвещения, оказались способны понять и «принципы», лежавшие в основе чужих идей, что не могло не драматизировать их отношений с отстаивавшей некоторые охранительные позиции властью.

Русское государство в XVII в. открыло двери для иноземной западной и восточной учености, поэтому в центре концепции русской культуры Лаппо-Данилевского оказывается оценка влияния европейской средневековой и ренессансной мысли на русское общественное сознание в области морали, политики и права, а также борьба «восточников» и «западников» в кругах русских книжников и религиозных мыслителей. Западное влияние на русскую культуру XVII в., которое шло преимущественно по религиозным каналам, для ученого было несомненным. При этом он был склонен преувеличивать его роль. Как справедливо отмечал А.И. Клибанов, «культурный процесс в России XVII в. показан Лаппо-Данилевским как рецепционный по преимуществу»¹². Отметим, что Лаппо-Данилевский сознательно ограничивал исследование общественной мысли и культуры допетровской России выявлением следов культурного влияния позднесхоластической и ренессансной мысли в русской «ученой» религиозной книжности. В своих выводах он не учитывал своеобразие русской национальной религиозности и связанного с ней комплекса морально-этических представлений, зафиксированного в книжности традиционной, во многом наследовавшей средневековую культурную традицию, что было показано в трудах В.О. Ключевского.

¹⁰ Лаппо-Данилевский. 1990. С. 20-21.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² Клибанов. 1990. С. 272.

Еще в своих ранних работах и «Методологии истории» на основе синтеза номотетического и идиографического подходов к исследованию источника Лаппо-Данилевский заложил методологические основы компаративного источниковедения. Основным объектом сравнительно-исторического исследования у него выступают не уникальные феномены культуры, которые описывает идиография, а продукты типизирующего влияния социальной среды на человеческую психику — виды исторических источников, внутри которых источники приобретают общие надындивидуальные черты. Сравнение видов источников и их систем позволяет выделить общее и различное в обществах и культурах, принадлежащих к одному или разным хронологическим периодам. В исследовании русской культуры XVII в. этот подход был блестяще реализован на практике, чему способствовали исключительная эрудиция Лаппо-Данилевского в области польского и украинского богословия и общественной мысли и практически исчерпывающее для его времени знание источников в рамках избранной им проблематики. Вкус к сравнительному изучению западных и русских источников XVII в. был, несомненно, привит Лаппо-Данилевскому также его учителем Е.Е. Замысловским, предметно занимавшимся «сношениями» России с ее западными соседями.

В концепции Лаппо-Данилевского XVII век — это не все столетие, ограниченное календарными рамками, а тот его отрезок, который начинается после смуты, с первых явных интеллектуальных контактов с западной книжностью и книжниками, и заканчивается с первыми преобразованиями петровского времени. На этот «хронологический изъян» обратил внимание еще А.И. Клибанов, отмечавший, что Лаппо-Данилевский, прекрасно осведомленный в сфере русской общественной мысли XVI в., тем не менее, сбрасывает ее со счетов, связывая зарождение национального вольнодумства исключительно с западным влиянием на русскую культуру середины — второй половины XVII в.¹³ В его концепции культуры переход от Средневековья к Новому времени осуществился в России в течение всего нескольких десятилетий XVII столетия, в то время как первооткрыватель русского XVII века в качестве эпохи борьбы между старыми клерикальными и новыми секулярными тенденциями культурного развития, историк литературы и археограф Н.С. Тихонравов видел ее истоки в «умственном движении» Московской Руси XVI века¹⁴.

Вероятно, специфичность концепции истории русской культуры XVII в. А.С. Лаппо-Данилевского объясняется тем, что ее разработка

¹³ Там же.

¹⁴ Тихонравов. 1898. С. 93.

была связана со строго обозначенной главной целью его последнего научного труда – прояснить сущность основных интенций секулярной культуры и общественных идеалов XVIII века. Реализация этой цели заставляла ученого смотреть на XVII столетие всего лишь как на преддверие великой эпохи преобразований. И если, по выражению самого Лаппо-Данилевского, ему «пришлось залезать и в XVII в.»¹⁵, то заглядывать в XVI столетие у него не было ни времени, ни намерений. Его оценка культурной отсталости допетровской России, которой в процессе преобразований просто необходимо было «догонять» западные страны, чтобы не остаться на обочине европейской истории, в целом была характерна для петербургской историографии того времени. Путь в цивилизованную Европу для России XVII века, с этой точки зрения, был только один – усвоение культурного опыта Польши и Украины, поэтому выводы В.О. Ключевского, Н.С. Тихонравова и других историков русской культуры, не вписывавшиеся в вестернизационную модель ее развития, и не были использованы в исследовании Лаппо-Данилевского.

Вместе с тем, благодаря разработанным Лаппо-Данилевским методам компаративного источниковедения, его историко-культурные исследования имели большое значение для дальнейшего изучения истории культуры предпетровского и петровского времени. Они дали точку опоры исследователям, занимающимся проблемами места и роли вестернизации в формировании нововременной культуры и общественного сознания в России XVII – первой половины XVIII в. Это влияние оказалось, может быть, несколько запоздалым (в силу того, что часть главной работы Лаппо-Данилевского, посвященная данной проблеме увидела свет только спустя семьдесят с лишним лет после ее написания, в 1990 г.), но особенно значимым, так как оказалось чрезвычайно востребованным в среде отечественных исследователей на фоне заметной активизации в 1970–1980-е гг. интереса к «переходной» культуре русского XVII в., до этого длительное время остававшейся недооцененной гуманитарным знанием.

Ряд идей, содержащихся в «Истории русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.» получил дальнейшее обоснование и развитие в работах Л.А. Черной, принимавшей активнейшее участие в подготовке этого труда А.С. Лаппо-Данилевского к изданию¹⁶. В частности, в своих книгах и статьях она также рассматривает русскую культуру XVII в. как «переходную» и последовательно прослеживает нарастание в ней секулярных тенденций под вестернизирующим влиянием культу-

¹⁵ Цит. по: Черная, Сорокина. 1990. С. 9.

¹⁶ См.: Черная. 1999; 2008 и др. работы.

ры ближайших западных соседей, движение общественной мысли от застывших средневековых понятий «правды» и «чина» к довольно свободным для своего времени и санкционированным философской рефлексией новременного разума рассуждениям об «общем добре» (последняя тенденция была отмечена Лаппо-Данилевским, но не изучена им с такой тщательностью и полнотой, как это сделано Черной). В отличие от А.С. Лаппо-Данилевского, Л.А. Черная не ограничивает рассмотрение культурных процессов и явлений в допетровской Руси временем ее вестернизации, она изучает их в глубокой ретроспективе, охватывающей весь «древнерусский» период в целом и, привлекая в качестве методологической основы философскую антропологию М. Шелера, создает концепцию развития русской культуры от культуры «Тела», через культуру «Души» к культуре «Разума».

При том, что ссылка на последнюю работу Лаппо-Данилевского является уже своего рода каноническим правилом для всех исследователей, занимающихся изучением русской культуры XVII века, отношение к его идеям далеко не всегда эксплицировано в научных публикациях. Однако, думается, мы можем обнаружить следы их подспудного воздействия на современную гуманитаристику, так как их актуальность и необходимость дальнейшего развития, требующего значительных усилий нескольких поколений ученых, была очевидна и тогда, когда его концепция только создавалась, и теперь.

Осмысление роли государства в процессе перехода от одного типа культуры к другому (в данном случае, от средневекового клерикального к новременному секулярному) продолжено работами исследователей проблемы интеллектуального выбора России, осуществленного совместными усилиями власти и наиболее просвещенной части общества в XVII — первой половине XVIII в., М.С. Киселевой и Т.В. Чумаковой¹⁷. Но современное исследование, даже когда оно основано на той же источниковой базе, которую использовал и Лаппо-Данилевский (книжность, фиксирующая изменения в богословской практике России под влиянием культуры славянского барокко), не может не учитывать антропологической составляющей культурно-исторического процесса. Так, М.С. Киселева специально подчеркивает важную методологическую особенность своего научного подхода: «Обсуждая тему интеллектуального выбора, состоявшегося или не состоявшегося в культуре страны, я не сомневалась, да и теперь не сомневаюсь, что такая постановка проблемы правомерна и даже необходима в области интеллекту-

¹⁷ Киселева. 2000; 2011 и др. работы; Киселева, Чумакова. 2009. С. 22-40.

альной истории или исторической эпистемологии. Полагаю, что совершается этот выбор из соображений именно интеллектуального свойства и только тогда, когда присутствует *личностная мотивация* [курсив М.С. Киселевой – Л.С.] того человека, которому выпадает историческая роль проявить собственную волю и усилия, с тем чтобы этот выбор состоялся»¹⁸. Культурообразующая роль государства велика и несомненна, но современная гуманитаристика рассматривает государственную власть и ее интенции не в политико-правоведческой трактовке действия властной машины как закономерно обусловленного и почти механического, а через призму индивидуального сознания личности, наделенной в данное историческое время полнотой властных полномочий. Интеллектуальный выбор будущего пути развития России в XVII в. осуществлялся не абстрактным государственным аппаратом, а обладавшими специфическими личностными свойствами царями Алексеем Михайловичем, Федором Алексеевичем, Петром I.

Влияние на русскую общественную мысль и культуру XVII в. украинского и польского богословия и связанной с ним книжности – одна из актуальных тем отечественной гуманитаристики последних десятилетий¹⁹. После снятия идеологических ограничений в исследованиях, связанных с данной проблематикой, все шире распространяются компаративные источниковедческие и историко-антропологические подходы, используется опыт польской историографии, привлекаются источники западноукраинского происхождения, сохранившие заметные следы межконфессиональных взаимодействий в книжной культуре и богословской мысли славянского барокко²⁰. Особенного внимания заслуживают усилия по координации исследований в этой области Сектора междисциплинарных исследований человека Института философии РАН и Центра украинистики и белорусистики Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, позволяющие наладить диалог отечественных и зарубежных специалистов²¹.

Особенностью большинства современных исследований русской культуры XVII в. является их выраженная антропологическая направленность, выход в поисках истоков и последствий культурных трансформа-

¹⁸ Киселева. 2011. С. 379.

¹⁹ Особо отметим исследования М.А. Корзо, плодотворно работающей в этом направлении: Корзо. 1999; 2007; 2011 и др.

²⁰ См., например: Шустова. 2009.

²¹ См., например, издания, выпущенные под эгидой этих научных структур: Человек между Царством и Империей. 2003; Человек в культуре русского барокко. 2007; Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное. 2012.

ций эпохи за пределы формальных границ столетия (в «длинный» XVII век, начинающийся реформаторскими попытками Бориса Годунова и заканчивающийся преобразованиями Петра I, и условно помещающийся между введением патриаршества на Руси и его заменой Синодом), изучение явлений и процессов культуры допетровской эпохи в исторической ретроспективе и перспективе (с конца XV до конца XVIII в.). Вместе с тем, работы исследователей, специализирующихся в области истории русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени показывают, что когнитивный потенциал концепции А.С. Лаппо-Данилевского еще далеко не исчерпан, и содержащиеся в ней идеи могут быть плодотворно использованы отечественной гуманитаристикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Киселева М.С.* Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. М.: Индрик, 2000. 256 с.
- Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.
- Киселева М.С., Чумакова Т.В.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между Царством и империей // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 22-40.
- Клибанов А.И.* А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука. С. 249-280.
- Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1988. 414 с.
- Корзо М.А.* Образ человека в проповеди XVII в. М.: ИФ РАН, 1999. 189 с.
- Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с.
- Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: Освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М.: ИФ РАН, 2011. 155 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. 563 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главные моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5-36.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. 1. Пг., 1923. 285 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. 293 с.
- Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное / под ред. М.В. Дмитриева. М.: Индрик, 2012. 344 с.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 352 с.

- Румянцева М.Ф.* Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного знания // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 138-146.
- Тихонравов Н.С.* Сочинения. Т. 1. М., 1898. 572 с.
- Трати Н.А.* Эволюция научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII — XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2001. 181 с.
- Человек между Царством и Империей: материалы междунар. конфер. «Человек между Царством и Империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив» / отв. ред. М.С. Киселева. М.: Институт человека РАН, 2003. 528 с.
- Человек в культуре русского барокко: сб. ст. / отв. ред. М.С. Киселева. М.: ИФ РАН, 2007. 613 с.
- Черная Л.А., Сорокина М.Ю.* Предисловие // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. С. 3-16.
- Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от средневековья к Новому времени. М: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
- Черная Л.А.* Антропологический код древнерусской культуры. М: Языки славянских культур, 2008. 464 с.
- Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийного братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 648 с.

Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных наук НОУ ВПО Институт программных систем «УГП имени А.К. Айламазяна», г. Переславль-Залесский, Россия; lbsukina@gmail.com

Т. А. БУЛЫГИНА

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ ОБ ИСТОРИИ ИДЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В статье автор касается проблемы включенности текстов А.С. Лаппо-Данилевского в предметное поле интеллектуальной истории и рассматривает положения ученого в контексте современных подходов к изучению истории идей в широком смысле.

Ключевые слова: история идей, интеллектуальная история, социокультурный контекст, интеллектуальная коммуникация, лаборатория ученого.

Современные представления об интеллектуальной истории выходят далеко за пределы отдельных подходов и методов в изучении обширного интеллектуального пространства в его исторической ретроспективе. Не случайно сегодня речь идет уже о новом широком направлении мировой историографии – культурно-интеллектуальной истории. Именно о таком максимальном расширении исследовательского пространства, которое позволяет интенсифицировать междисциплинарное взаимодействие, использовать возможности методологического плюрализма, говорит Л.П. Репина¹. Речь идет об открытой исследовательской модели интеллектуальной истории, которая сочетает в себе методы изучения классической истории идей (общественной мысли в российской традиции), истории науки, классической историографии с методами новой интеллектуальной истории. Речь идет об анализе феномена текста в авторском сознании и исполнении, в диалоге с читателем.

В этом круге свое место заняла контекстная история общественно-го и массового сознания и методы исследования широкого спектра интеллектуальных коммуникаций. Не случайно, Р. Шартье справедливо замечает, что «терминология, описывающая интеллектуальную историю, остается расплывчатой вдвойне». Ведь, как показал автор, различные исследователи понимают под ее исследовательским пространством и историю идей как систематических форм мышления, и изучение неформальных видов мышления и общественного мнения, и историю идеологий и процесс распространения идей, и культурную историю, включающую картину мира и ментальности. Эта расплывчатость связана с тем, что интеллектуальная история охватывает все формы мысли².

¹ Репина. 2012. С. 334.

² Шартье. 2004.

Объект интеллектуальной истории вбирает в себя историю различных вариантов научных сообществ, специфику исследовательской лаборатории ученых различных областей и конкретных индивидов, включая такие понятия, как склад характера, личность и ее судьба. В рамках этого пространства находится и научная повседневность, связанная не только с социальными, но и индивидуальными реалиями, социокультурный контекст научных и общественных идей и институций. В то же время – это интеллектуальные коммуникации, определяющие сложность обратных связей науки и социума, интеллектуалов и массы, элитарной и народной культуры.

При таком подходе исследователь осознает недостаточность узкого подхода к истории всего многообразного интеллектуального пространства, объемная реконструкция которого требует признания разных ракурсов и многообразного набора исследовательского инструментария. В таком случае историографическое наследие предстает не только как мемориальный экспонат, как ретроспекция, способная отразить более поздние достижения исторической науки, а как действующие исследовательские практики, включенные в непрерывный процесс восстановления целого из фрагментов культуры прошлого.

В свете вышесказанного важным для сегодняшнего исследователя являются представления А.С. Лаппо-Данилевского об интеллектуальном пространстве истории. Для его лексики характерны не только распространенные в те годы понятия «история идей», «история культуры» или «история общественной мысли». Все эти термины он осмысливал в категориях интеллектуальной жизни и, следовательно, интеллектуальной истории. Так, в статье, посвященной В.О. Ключевскому, Лаппо-Данилевский, отмечая особенности социологического подхода своего коллеги, в сноске замечал, что в поздний период творчества Ключевский обнаруживал иное отношение к «истории интеллектуальной жизни»³.

В отличие от Ключевского, который считал, что историку общества интересны не плоды личного творчества, а «лишь та идея, которая становится историческим фактом общежития», Лаппо-Данилевский интересовался целеполагающей деятельностью человека как объекта исторического знания, независимо от результатов. Вот почему в упомянутой статье ученый обращает внимание на позднюю «существенную оговорку» Ключевского о том, что «умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся лучшими строителями общества...»⁴.

³ Лаппо-Данилевский. 1912. С. 101-102.

⁴ Там же. С. 102.

Более того, Лаппо-Данилевский среди интеллектуальных факторов истории государства отмечал не только политические теории и духовные силы, борьбу греческого и западного движений в «вялой» общественной жизни русского общества. Он особо отметил развитие национального самосознания и процесс образования исторической личности русского народа как элементов интеллектуальной жизни, «которые нельзя сводить к одним только внешним проявлениям его деятельности, не нарушая целесообразности и непрерывности ее эволюции»⁵. В связи с этим обратим внимание на мысль современного исследователя К. Гинзбурга о том, что литературные печатные тексты как источники кажутся сегодня «чем-то статичным, инертным, ничем не отличающимся друг от друга, но так ли воспринимал эту литературу современный ей читатель? Может быть та устная культура, носителем которой он был, воздействовала на его восприятие текста до такой степени, что текст переставал быть равным себе?»⁶. Историк, вслед за М.М. Бахтиным, включает коммуникацию «автор – читатель» в пространство интеллектуальной жизни: «...лишь признав, что исторической изменчивости подвержена среди прочего и фигура читателя, мы приблизимся к созданию истории, отличающейся от прежней не только использованием количественных методов, но и качественно»⁷.

Работы ученого позволяют говорить о его внимании к истории интеллектуальной целеполагающей деятельности человека прошлого. Его жизнь и деятельность являются не только предметом и объектом культурно-интеллектуальной истории, но и ее субъектом. К примеру, в статье, посвященной идее государственности в России в XVIII в., рассматривая содержание и эволюцию идеи, он широко представляет ее контекст, в лице «разнообразных факторов, а также учреждений и событий, определивших ход развития вышеуказанной идеи в России в XVII–XVIII вв.»⁸. Автор, таким образом, выделяет одно из существенных качеств интеллектуальной истории – ее контекстность.

Как отмечают его биографы, пристрастие Лаппо-Данилевского к идеальному, которое завершилось своеобразным неокантианством, было порождено ранней религиозностью и пристрастием юноши к философии. С нашей точки зрения, именно этот путь пробудил интерес ученого, как профессионального историка, не только к историческим

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Гинзбург. 2000. С. 44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Лаппо-Данилевский. 1914. С.5.

теоретико-методологическим изысканиям, но и к культурной и интеллектуальной истории. Не случайно и то, что среди лекционных курсов, которые Лаппо-Данилевский преподавал в разных учебных заведениях, не последнее место занимали курсы историографии и первобытной культуры, а позже спецкурс «Критический разбор главнейших учений, касающихся проблем чужого я». Не случайно, что именно он председательствовал в отделе культурных связей Русско-Английского общества и прочитал в 1916 г. в Кембриджском университете цикл лекций «Развитие образования и науки в России».

Еще в 1890-е годы Лаппо-Данилевский планировал работу по истории русской культуры, что также свидетельствует о научных интересах ученого. Исследователи его творчества часто ссылаются на работу единственного историка в сборнике 1902 года под редакцией П.И. Новгородцева «Проблемы идеализма», чтобы выделить этапы эволюции взглядов исследователя от позитивизма к неокантианству. Нас привлекла критика Лаппо-Данилевским О. Конта за игнорирование последним значения психологии в формировании общественной мысли и ее влияния на развитие общества. Он не соглашался с Контом в понимании исторического процесса, считая его продуктом целеполагаемых творческих усилий человека⁹. Фактически здесь содержались предпосылки формирования принципов интеллектуальной истории.

В одном из главных трудов историка «Методология истории» первая часть «Теория исторического знания» затрагивала взгляды различных школ и направлений на понимание исторического процесса и на конструирование исторической модели, что, собственно, находилось в поле интеллектуальной истории. Представляется, что своеобразие принятия Лаппо-Данилевским неокантианской классификации наук вело к конструированию единого объекта истории как науки о культуре, только с разными подходами к его изучению. Восприятие мира как целостности в его прошлом, настоящем и будущем, безусловно, очень близко мировоззрению космизма и теории «ноосферы» его друга В.И. Вернадского. В контексте этих взглядов о мировом единстве культуры они оба пришли к заключению о междисциплинарном принципе научных исследований¹⁰, к которому обратился в своих конкретно-исторических работах А.С. Лаппо-Данилевский.

В работах по методологии истории исследователь обращал внимание на необходимость признания историком в его исследовательской

⁹ Лаппо-Данилевский. 1902.

¹⁰ Вернадский. 1994. С. 129.

практике чужой одушевленности как важной составляющей интеллектуального пространства прошлого. Позже эту позицию мы встречаем и у М.М. Бахтина, когда последний, например, говорит о пространстве «конкретного, определенного «другого» – героя в литературном пространстве автора¹¹.

В своих текстах 1918 года А.С. Лаппо-Данилевский писал, что «науки о духе» признают наличие чужой одушевленности»¹², а в лекциях по русской дипломатике он говорил об изучении исторического материала, «отображающего психическую деятельность человека двояким способом – через собственное восприятие историка и «через посредство результатов чужих восприятий»¹³.

В рассуждениях о методологии истории Лаппо-Данилевский неоднократно останавливался на анализе внутренней лаборатории историка, что является одним из важных сюжетов культурно-интеллектуальной истории. К примеру, в докладе на заседании в Академии наук в 1918 г. он рассматривает знание историком методологии в качестве инструмента, который систематизирует, уточняет его знание, а также «ограждает исследователя от увлечений его темперамента». Ученый определяет методологию и как средство взаимопомощи и взаимопонимания в научном сообществе, так как методология выступает критерием ценности при использовании им разработок своих коллег и предшественников. Одной из исследовательских операций историка, по мнению Лаппо-Данилевского, является анализ не только источников, но и проверка чужих выводов об исторических фактах на основе общих знаний методологии истории¹⁴.

При изучении лаборатории историка-исследователя мы надеемся приблизиться к тайне научного творчества. Лаппо-Данилевский связывал акт творчества ученого с особенностями его индивидуальности, рассматривая его зависимость от «особенностей данной индивидуальности, взятой в целой совокупности ее мыслительных, эмоциональных и волевых процессов», с интуицией историка. Однако только методологические общие знания являются залогом систематического единства «знаний об исторической действительности» и помогают «методически производить свою работу»¹⁵. Немаловажным свойством настоящего ученого, по словам Лаппо-Данилевского, в том числе и историка, явля-

¹¹ Бахтин. 2003. С.182, 183.

¹² Лаппо-Данилевский. 1923. С. 5.

¹³ Лаппо-Данилевский. 1920. С. 5-6.

¹⁴ Лаппо-Данилевский. 1923. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 13.

ется творческое воображение, благодаря которому исследователь прошлого может «воспроизводить в себе состояния чужого сознания»¹⁶.

Важным для исследования прошлой интеллектуальной жизни является также замечание Лаппо-Данилевского о том, что должно «ассоциировать между собою идеи, кажущиеся его современникам чуждыми друг другу», но все эти действия должны проходить существенный научный анализ, невозможный без освоения методологии. Крайне ценным при изучении творческой лаборатории является и его рассуждение о логической связи аналитических и синтетических операций при исследовании прошлого, а связующим звеном при этом выступает методология истории¹⁷.

Дискурс интеллектуальной истории прослеживается и в книге Лаппо-Данилевского, опубликованной впервые по его рукописям в 1990 г.¹⁸ Он рассматривает эволюцию идей при переходе от русского средневековья к новому времени России в различных контекстах: изменения социокультурного пространства и культуры страны, многообразные религиозно-философские влияния с Запада и специфика их восприятия, различные типы мышления и традиций и т.п.

В рассказе ученого о формировании в России XVIII в. новой системы политических идей наряду с историей формирования определенных идей западной цивилизации, повлиявших на российскую общественную мысль, и процесса этого влияния в исторической ретроспективе привлекает сюжет о способах интеллектуальной коммуникации. В частности, он писал о специфике проникновения элементов европейской культуры в Московское царство, связанной с особенностями русского общественного сознания того времени: «...распространение европейской культуры в русском обществе становилось могучим средством религиозной пропаганды»¹⁹.

Особенно интересны мысли Лаппо-Данилевского о том, как воздействовали на распространение европейских идей особенности их носителей, без чего невозможно реконструировать «превращение идей», т.е. убедительно представить «изображение жизни идей»²⁰. Во-первых, по мнению исследователя, в Россию в то время проникали не отвлеченные философские и политические идеи европейской культуры, а лишь

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Лаппо-Данилевский. 1990.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же. С. 21, 24.

те «окрашенные определенным религиозным настроением конкретные ее продукты», которые сохраняли на тот момент религиозный элемент. Во-вторых, эти идеи доносили до русского общества «довольно случайные носители европейской культуры», которые «принадлежали преимущественно к тому среднему уровню образованного общества, которое еще не привыкло различать религию от светской культуры»²¹.

Наконец, автор обращает внимание на то, что чаще всего носителями западной культуры в России в эпоху Московской Руси были не признанные в Европе главные произведения философской и политической мысли, а малоизвестные в историографии начала XX века, второстепенные для европейского общества произведения. В связи с этим ученый демонстрирует такой метод изучения интеллектуальной истории, когда надо выяснить, к какому господствующему направлению или школе своего времени можно отнести автора того или иного произведения, определить хотя бы в некоторой степени, какие мысли в этих трудах затронули русское образованное общество, а какие оставили равнодушными. В то же время на процесс распространения европейской культуры активно влияли личности тех, кто мог «поддержать и вызвать в московском обществе интерес к новой образованности». Это в основном духовные лица и учителя из малороссиян, а иногда и люди из дипломатического корпуса²².

Вместе с тем, интеллектуальные коммуникации предполагают активный диалог между носителями тех или иных идей и самими идеями, а также между носителями, идеями и их восприимчивыми. Ю.М. Лотман неоднократно обращал внимание на то, что при передаче текста происходит его трансформация, т.е. формируются новые смыслы, связанные с иным культурно-историческим контекстом, с личностью читателя²³. То же самое происходит и с передачей идей, представляющих многообразные тексты, будь то проповедь, литературное сочинение или салонная беседа. При этом информация передается не только разным людям, но и различным институтам, которые по-разному воспринимают ее и производят разные смыслы.

В этом контексте воспринимаются рассуждения Лаппо-Данилевского о различии восприятия европейских идей властным институтом Московского государства и образованным обществом. Несмотря на декларации о православном царстве, правительство в прагматических

²¹ Там же. С. 17.

²² Там же. С. 22-23, 127.

²³ Лотман. 2002. С.160, 161; 1996. С. 21.

целях – для укрепления международных связей и для легитимизации царской власти, использовало культурные средства «заморской образованности». Московский государь не нашел в «греческой образованности» средств удовлетворения «государственного интереса», и поэтому среди «латинской учености» искал «людей, которые могли бы познакомить его с более выгодными приемами государственной практики. Впоследствии, это, как замечает автор, сказалось не только в мировоззрении отдельных представителей московского образованного общества, но и в московском законодательстве 1680-х годов²⁴.

Одновременно процесс восприятия западных идей для формирования русской политической мысли включал в себя рост интереса московской публики к малороссийской школьной науке, которая сама находилась под влиянием западной культуры. Ученый подробно рассказывает об усилиях Ф.М. Ртищева и других представителей образованного общества Москвы по привлечению в столицу малороссийских ученых²⁵. Однако он подчеркивает, что эти передовые представители русского общества воспринимали европейские идеи не в системе, а отрывочно: «даже выдающиеся представители нашей образованности XVIII в., например, Татищев и Щербатов, были большею частью эклектиками и компиляторами»²⁶. Это обстоятельство не могло не сказаться на формировании в целом общественного мнения.

Рукописи Лаппо-Данилевского по истории общественной мысли в России, на основе которых через 70 лет была издана рассматриваемая выше книга, свидетельствуют о широком контекстном подходе ученого к истории идей, что прослеживается на каждой странице этого издания. Более того, для понимания интеллектуальной ситуации в конкретном историческом времени он рассматривает не только процесс распространения данной идеи, но и ее отторжения, неприятия ее в обществе и причины этой реакции. Ученый рассматривает целый комплекс препятствий для распространения европейских идей в Московской Руси. Сюда входила и слабость духовной жизни Московской Руси, и страх основной части московского общества перед новизной, и темнота народа, т.е. контексты сопротивления западной культуре. Только в связи с этим А.С. Лаппо-Данилевский рассматривал идейные и мировоззренческие позиции «восточников»²⁷.

²⁴ *Лаппо-Данилевский*. 1990. С. 123, 192.

²⁵ Там же. С. 126, 128.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же. См.: Отдел второй. С. 205-248.

Таким образом, творчество А.С. Лаппо-Данилевского является не только богатым источником для изучения интеллектуальной истории России рубежа XIX–XX вв., но и демонстрирует подходы и исследовательский инструментарий, характерный для изучения интеллектуальной истории в более поздние десятилетия XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1: Философская эстетика 20-х годов. М., 2003. 958 с.
- Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. Т.1: 1917–1919. 274 с.
- Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. 272 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5-38.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Исторические взгляды В.О. Ключевского // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 100-116.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Пг., 1923. Вып 1. 278 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 685-794.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг, 1920. 288 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. 293 с.
- Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. 768 с.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социологические теории и историографическая практика. М., 2012. 559 с.
- Шартье Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html>, свободный.
- Булыгина Тамара Александровна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского Федерального университета; bul.tamara2011@yandex.ru

А. А. БОНДАРЕНКО

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АКТОВОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ДИПЛОМАТИКЕ ЛИТОВСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АКТОВ

В статье рассмотрены некоторые идеи А.С. Лаппо-Данилевского, касающиеся вопросов теории актового источниковедения и классификации источников, высказанные им в «Очерке русской дипломатики частных актов» и «Методологии истории». Исследовательские подходы А.С. Лаппо-Данилевского анализируются на материалах архива польской королевы и великой княгини литовской Боны Сфорца.

Ключевые слова: дипломатика, акты, метрика королевы Боны, ставленный лист, Великое княжество Литовское, А.С. Лаппо-Данилевский, Бона Сфорца.

А.С. Лаппо-Данилевский не только создал эпистемологическую концепцию исторического познания, но и доказал возможность применения своих теоретических разработок к конкретно-историческому материалу. Речь идет о его лекциях, посвященных источниковедению частных актов, которые, по общему мнению, послужили фундаментом для дальнейшего развития теоретических вопросов отечественной дипломатики. Несмотря на идейное неприятие и острую критику, которой подверглись работы Лаппо-Данилевского в советский период¹, их значение для исторической науки было по достоинству оценено и его современниками, и его последователями.

Основополагающим в феноменологической концепции источниковедения, берущей истоки в эпистемологической теории А.С. Лаппо-Данилевского, является представление о структурированности и взаимосвязанности интеллектуальных продуктов, которые создаются для выполнения конкретных функций, заданных породившей их информационной системой². Названием функции интеллектуального продукта в системе является его вид. Вид исторических источников – основная классификационная категория источниковедения.

¹ См.: Ростовцев. 2007. С. 225-273.

² Медушевская. 2008. С. 258.

Подробнее остановимся на представлениях Лаппо-Данилевского о «главнейших» видах исторических источников. В основе построений исследователя находится определение исторического источника («реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением») и «главенствующей» задачи методологии источниковедения («установить, действительно ли существовал тот самый факт, который известен из источника»)³. Наиболее общим критерием для «систематизации» источников является их значение для исторического познания.

Деление источников на изображающие факт и обозначающие факт обусловлено вариативностью способов фиксации информационного ресурса в источнике (и, соответственно, вариативностью форм восприятия источника исследователем). С «познавательной» точки зрения, обозначение некогда бывшего факта с помощью определенного набора символов вынуждает исследователя идти путем реконструкции образа этого факта в своем сознании. Это своего рода дополнительный этап, который предшествует началу непосредственного исследования «бывшего факта» и который естественным образом отпадает в случае восприятия историком изображения факта «в его остатках».

С той же познавательно-исторической точки зрения, учитывая значение источника «в его реконструированном целом» (а не только его реализованность в вещественной форме), различаются остатки культуры и исторические предания. При таком подходе к делению, в основе которого «лежит различие в точках зрения, с которых исторические источники изучаются, а не различие самих источников», очевидно существование источников смешанного характера, которые можно отнести и к первой, и ко второй группе. Деление источников на «объективно данные» остатки и предания с реалистической («позитивной») точки зрения – т.е. учитывая реализованность интеллектуальных продуктов как их имманентное качество – зависит от дефиниций этих понятий. Остатком культуры Лаппо-Данилевский называл «остаток того самого исторического факта, который изучается историком», а историческим преданием «отражение какого-нибудь исторического факта в источнике». По уровню информативности остатка культуры выделялись его «разновидности»: воспроизведения, пережитки и произведения. В основу разделения исторических преданий (как мысленных воспроизведений факта) положен принцип вовлеченности и участия автора предания в совершившемся факте. Автор, непосред-

³ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 38, 41.

ственно наблюдавший и воспринявший некий факт, создает чистые предания (делящиеся по своему характеру на описательные или оценочные); автор, зафиксировавший информацию по чужим преданиям, создает предания смешанные (производные или составные)⁴.

Еще одним возможным классификационным принципом Лаппо-Данилевский назвал принцип тематический, предложив различать источники «по их конкретному содержанию». Таким образом, исследователь выделил две основные группы источников: с фактическим (среди них источники идейного, бытового и повествовательного характера) и нормативным (среди них источники чисто-нормативного и утилитарно-нормативного характера) содержанием⁵.

Соответствующие критерии систематизации исторических источников – их познавательное значение и содержание – были рассмотрены Лаппо-Данилевским во вводной главе «Очерка русской дипломатики частных актов». Сами акты он определил как «документы или “грамоты” с правозначающим содержанием, то есть такие, которые облекают известное правоотношение – правительственное постановление или юридическую сделку – в письменную форму»⁶. Среди них он выделил акты осведомительного (декларативного) и акты удостоверительного (конститутивного) характера. В первом случае акт служит «для показания о состоявшемся правоотношении; он пишется для запечатления в памяти тех действий или событий, которые породили его»; во втором – акт является «основанием для признания правоотношения состоявшимся; он пишется для закрепления тех элементов или условий, из которых оно состоит»⁷.

В основе этого различия находится «характерный признак каждого из видов»; при этом Лаппо-Данилевский не исключал их смешения и подчеркивал, что разница между ними не всегда очевидна. Отличительным признаком исследователь считал степень правового значения акта. Рассматривая роль того или иного акта в судебной практике, во главу угла он ставил наличие в акте подписи или субскрипции: акт осведомительного характера не является судебным доказательством, так как он не удостоверен и, соответственно, не имеет юридической силы⁸. С этой точки зрения различались «грамоты» (удостоверительные акты)

⁴ Там же. С. 44-58.

⁵ Там же. С. 58-62.

⁶ *Лаппо-Данилевский*. 2007. С. 39.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 40-41.

и «памяти» (осведомительные акты), что аналогично делению, встречающемуся в западной дипломатике.

С.М. Каштанов считает более уместным различие «грамот» и «записей», так как «некоторые “памяти” имеют распорядительный характер и в этом смысле приближаются к “грамотам”»⁹. Выделяя из общей массы источников акты не столько как документы, устанавливающие «всякие вообще правоотношения», сколько как документы договорного вида, С.М. Каштанов провел разграничение неоднородной трактовки термина «акт» на примере немецкой языковой и историографической традиции. Непосредственно с дипломатикой в Германии отождествляется *Urkundenlehre*, при этом под *Urkunden* понимаются «грамоты, предоставляющие права и служащие доказательством прав», то есть акты «удостоверительные». Объектом изучения *Aktenlehre* являются «записи или деловые письма, лишь сообщающие о фактах или ставящие какие-то вопросы, связанные с фактами правового характера», то есть акты «осведомительные»¹⁰. Таким образом, Каштанов не причисляет «записи» к актам по той причине, что они не являются документами договорного содержания¹¹.

Предложенное Лаппо-Данилевским понятие «записей-памятей» («осведомительных» актов) рассмотрим на примере актовых источников, представленных в метрике королевы Боны (1494–1557) – частном архиве королевы польской и великой княгини литовской (1518–1556)¹². Одним из наиболее значимых «отделов» Литовской метрики является отдел так называемых «книг записей». Первоначальное искусственное разделение массива документов этого комплекса на тематические «отделы» произошло в 1798 г., было закреплено в 1835–1837 гг. и окончательно утвердилось в «Описании книг и актов Литовской метрики», которое до 1980-х гг. являлось основной архивной описью в РГАДА (Ф. 389 «Литовская метрика»)¹³. Номинальная дифференциация книг Метрики («книги записей», «книги судебных дел» и т.д.) вошла в между-

⁹ Каштанов. 1988. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 24, 19.

¹¹ Там же; Каштанов. 1970. С. 15.

¹² В рамках этой работы мы не станем останавливаться на еще одной «классификации» актовых источников, предложенной Лаппо-Данилевским. Исследователь выделял акты публичные, частные и переходную между ними форму: «публично-правовые акты с частноправовым значением» (Лаппо-Данилевский. 2007. С. 61). Эта проблематика заслуживает специального изучения.

¹³ Птавицкый. 1887. См. также: Kennedy Grimsted. 1982.

народную практику. В этом, самом общем, плане термин «запись» не является качественной (с точки зрения «степени правового значения») характеристикой содержания документов того или иного сборника и не соответствует понятию, описанному С.М. Каштановым. В книгах Литовской метрики широко представлены именно актовые источники («грамоты с правозначащим значением») ¹⁴.

В канцелярском языке Великого княжества Литовского XV – середины XVI в. под «записью» могут подразумеваться, например, жалованные и данные грамоты, хотя самоназванием большинства документов этого периода является «лист» (крайне редко – «привилей»). В «Методических рекомендациях по изданию и описанию Литовской метрики» термину «запись» была дана неопределенная трактовка, отсылающая к документам различных видов и разновидностей ¹⁵. Целесообразно использование конкретного определения, которое могло бы наиболее адекватно характеризовать существующую в Метрике обширную категорию документов. Так, был предложен термин «писарская запись»: «делопроизводственный документ, пометы, сделанные писцом об устных распоряжениях великого князя, иных событиях» ¹⁶. Основные функции, которые несут писарские записи, – регистрационная, информационная, справочная, отчетная; отсутствие их сочетания с договорной или распорядительной функцией не позволяет отнести эти документы к актам. В то же время они соответствуют определению «осведомительного акта», предложенному А.С. Лаппо-Данилевским.

Содержание, форма и целеполагание подобного рода «осведомительных актов», встречающихся в метрике королевы Боны, различны. Писарские записи вносились «в сии книги» как по особым распоряжениям самой королевы (характеризуются диспозицией «господарыня <...> рачила розказати писати лист», «с розказанья господарыни королевоє <...> про память записано»), так и по инициативе ее наместников, ведавших судебным делопроизводством в разных частях владений Боны. В таких записях фиксировались указания королевы о составлении распорядительных листов конкретным адресатам ¹⁷, о предоставлении теми или иными землевладельцами доказательств («листов и твердостей») на владение недвижимым имуществом ¹⁸, о назначении даты судебного разбира-

¹⁴ *Бережков*. 1946. С. 5-6.

¹⁵ *Методические рекомендации*. 1985.

¹⁶ *Хоруженко*. 2013.

¹⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 32об.-33.

¹⁸ Там же. Л. 102об.

тельства («записанье року»)¹⁹ или его прекращении в связи с неявкой одного из участников тяжбы²⁰ и т.д. Вероятно, сам факт внесения записи в судебные книги придавал ей известную «степень правового значения», и, несмотря на отсутствие corroborации, такие «осведомительные акты» (в понимании Лаппо-Данилевского) все же имели юридическую силу в суде. Например, в 1534 г. Бона распорядилась внести в виленские канцелярские книги запись об освобождении боярина М. Оксакова от обвинений в разбое и грабеже по причине неявки обвиняющей стороны (князя Б. Мосальского) на суд ко двору королевы в установленный срок. В диспозиции этой записи значится указание Боны «вольным вчинити» Оксакова от «позовного» листа князя Мосальского²¹. Челобитчик в таких случаях не получал специального подтверждающего листа (который можно было бы отнести к регистрационно-удостоверительному виду источников), поэтому единственным доказательством решения королевы является писарская запись (регистрация совершившегося факта), к которой в дальнейшем, очевидно, можно было апеллировать. Согласно утверждению Лаппо-Данилевского, внесение текста грамоты в записные книги являлось одним из вариантов «публичного удостоверения» актов; знаки удостоверения («частные» или «публичные») могли отсутствовать в «осведомительных» актах, но их наличие необходимо для признания акта «удостоверительным»²².

Насколько соотносится предложенное А.С. Лаппо-Данилевским деление актов на «удостоверительные» и «осведомительные» с реалиями дипломатики литовских актов? В качестве примера обратимся к ставленным листам, выданным королевой Боной западнорусскому православному духовенству.

Статья реального текста акта, фиксирующая и закрепляющая суть состоявшегося правоотношения (юридическая клаузула по А.С. Лаппо-Данилевскому), входит в его диспозицию. Этот компонент формуляра ставленных листов первой половины XVI в. чаще всего представлен одним или несколькими сложными предложениями, характеризующими объем закрепляемых за адресатом (в данном случае священнослужителем) прав. В диспозиции ставленных листов на священство обороты, выражающие юридическую сущность акта, формулируются как «цер-

¹⁹ Там же. Л. 102-102об.

²⁰ Там же. Л. 131об.-132.

²¹ Там же.

²² Лаппо-Данилевский. 2007. С. 117, 113.

ковь дали», «мает церковь держати», «мает попом быти». Ставленные листы на игуменство содержат в диспозиции обороты «манастырь дали», «мает монастырь держати»; листы на владычество (епископство) – «владыцтво дали», «мает владыкою быти», «мает владыцтво держати». Итак, следуя логике определений Лаппо-Данилевского, диспозиция и корроборация – это те компоненты акта, которые делают его «удостоверительным». Лаконичной в большинстве случаев диспозиции, состоящей из устойчивых оборотов, предшествует зачастую пространная наррация, являющаяся своего рода экскурсом в действительное положение вещей. В наррацию входят статьи (бытовые клаузулы, по Лаппо-Данилевскому), содержащие информацию обо всех обстоятельствах дела, которые в своей совокупности стали причиной создания конкретного акта. В таком случае содержание наррации «удостоверительного» акта (фиксация ранее состоявшихся фактов и правоотношений) соответствует содержанию и функциям писарской записи (то есть «осведомительного» акта).

Так, в наррации подтвердительного ставленного листа Боны Марку Воловичу на Коложский Борисоглебский монастырь в г. Гродно (1554 г.) описаны обстоятельства, предшествовавшие его появлению в канцелярии королевы²³. Упоминаются четыре грамоты, которые, так или иначе, касались управления городенского монастыря: 1) ставленный лист Боны предыдущему игумену Михаилу; 2) лист Боны И. Горностаю о назначении его опекуном этого монастыря; 3) ставленный лист И. Горностая М. Воловичу на монастырь «до воли и ласки» королевы; 4) ходатайство О. Воловича о подтверждении Боной ставленного листа И. Горностая М. Воловичу. Ни один из этих актов, видимо, не сохранился, поэтому указание на их существование ценно само по себе. Кроме того, подобные упоминания в «осведомительной» части «удостоверительных» актов ценны для реконструкции деятельности частной канцелярии королевы. Выдача господарского листа – это кульминация делопроизводственного процесса, за которым, очевидно, скрывается масса документов, являющихся как вспомогательными источниками («неактами» по С.М. Каштанову: челобитьями, ходатайствами, справками, служебными записями и т.д.), так и непосредственно актовыми источниками.

Таким образом, только «удостоверительные» акты, в отличие от «осведомительных», соответствуют дефиниции акта, предложенной

²³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28-29.

А.С. Лаппо-Данилевским («грамота с правозначающим значением») ²⁴. Их диспозиция имеет договорную или распорядительную функцию; кроме того, такого рода документы должны быть снабжены знаками удостоверения (корроборацией). В делопроизводственной практике Великого княжества Литовского при выдаче подтвердительных листов, закреплявших те или иные права, аутентичные акты часто переписывались заново, включались в текст вновь составляемого документа или же фиксировались в виде упоминаний в наррации. По сути, функции наррации акта (справочные, информационные) совпадают с функциями писарских записей, которые не являются актами с точки зрения современной дипломатики, но соотносятся с определением «осведомительного» акта А.С. Лаппо-Данилевского. Можно сформулировать предварительный вывод о том, что «осведомительные» акты не существуют в чистом виде, но встречаются в составе наррации актов «удостоверительных» – документов договорного содержания, устанавливающих конкретные правоотношения и служащих их доказательством.

Целеполагание создания актовых источников обусловлено их основной социальной функцией, поэтому повторяемость их видовых признаков вполне очевидна и выявляема. А.С. Лаппо-Данилевский указывал на зависимость верной интерпретации источника от осмысления его видовой природы: «Правильное понимание общего смысла текста зависит от правильной квалификации его разновидности» ²⁵. Впрочем, сам исследователь в своих построениях непоследовательно использовал термины «вид», «разновидность», «группа», исходя, вероятно, из синонимичности этого ряда. Его представления об «основных разновидностях» актовых источников носили скорее теоретический характер. Критике со стороны современников, в частности, подверглось отсутствие в его «Очерке...» выяснения конкретных «видов и разновидностей русских старинных актов» ²⁶. Деление актов на «удостоверительные» и «осведомительные», несмотря на свое распространение в отечественной и западной историографии, является сугубо условным и основано на широком понимании объекта дипломатики. Следует четче дифференцировать документы актового и неактового характера.

С первой четверти XX в. отечественное актовое источниковедение проделало большой путь, однако работы А.С. Лаппо-Данилевского, как

²⁴ Это отмечал С.М. Каштанов (*Каштанов*. 1988. С. 21).

²⁵ *Лаппо-Данилевский*. 2007. С. 100.

²⁶ *Котляров*. 1922. С. 259-265.

в области методологии истории, так и в области дипломатики, имеют непреходящее значение для современной науки, о чем говорят и переиздание трудов ученого, и переосмысление исследователями его идей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 18, 36.
- Бережков Н.Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 180 с.
- Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М. : Наука, 1970. 502 с.
- Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М. : Высшая школа, 1988. 230 с.
- Котляров Г.М.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 259-265.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. 631 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: Северная звезда, 2007. 288 с.
- Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
- Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.
- Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1887. 280 с.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 225-273.
- Хоруженко О.И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник. М., 2013.
- Kennedy Grimsted P.* What is and what was the Lithuanian Metrica? The contents, history and organization of the chancery archives of the Grand Duchy of Lithuania // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. 6. № 3. P. 269-338.
- Бондаренко Андрей Андреевич***, аспирант Российского государственного гуманитарного университета; *bondarenko-a.a@mail.ru*

В. Я. МАУЛЬ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ПУГАЧЕВЦЕВ В ЗЕРКАЛЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В статье предпринята попытка реабилитировать в глазах научного сообщества познавательные возможности опубликованных источников, доказать правомерность и эффективность изучения на их основе различных фрагментов прошлого с помощью культурологически ориентированной исследовательской методологии, восходящей к творчеству А.С. Лаппо-Данилевского и его последователей. Показана возможность конструирования принципиально новых образов русского бунта, когда на первый план выдвигается не событийная, а эмотивная составляющие народного протеста.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, методология источниковедения, пугачевский бунт, судебно-следственные материалы.

Начну с болезненного, прежде всего для «провинциальных» ученых вопроса о допустимости написания исторических трудов на основе только опубликованных источников. Не секрет, что отсутствие в арсенале историка архивных документов многими исследователями всегда признавалось и признается сегодня своего рода источниковедческим моветоном. Невольно позавидуешь столичным коллегам, которым для проникновения в бесценные кладовые архивов достаточно проехать лишь несколько станций метрополитена. Но «монополия на архивы» помимо явных преимуществ имеет и отрицательную сторону. В данном случае она нередко является сдерживающим фактором плодотворного развития методики и методологии науки, ибо сохраняет априорную убежденность «монополистов», что главная источниковедческая задача заключается в том, чтобы найти в архиве еще один неизвестный документ или несколько. Радость открытия невольно вызывает эффект «головокружения от успехов», и такая деятельность постепенно превращается в самоценность, требующую только атрибутировать найденные источники по классическим шаблонам: выяснить «вопросы, связанные с их происхождением, установлением степени полноты и достоверности сообщаемых свидетельств, биографической атрибуции упоминаемых лиц, установлением и уточнением дат событий». Необходимо также определить «известную типологическую общность происхождения и формуляра этих документов»¹.

Потом остается последовательно изложить содержащиеся в найденных источниках новые факты, подвергнуть всю их совокупность компаративной и статистической обработке, и дело сделано. Затем, конечно,

¹ Овчинников. 1995. С. 4.

следует опубликовать обнаруженные документы, чтобы навечно застолбить за собой славу первооткрывателя. Все, теперь можно «умывать руки» и браться за дальнейшие увлекательные поиски в архивных коллекциях. По своей теме знаю, что особенно характерной такая позиция является для многих историков-русистов, по-прежнему, как и в советское время, считающих излишним «обременять» себя «заумными» эпистемологическими экзерцициями. И если в эпоху господства «единственно верной методологии» их можно было понять, то сегодня такой методологический индифферентизм явно идет во вред научной результативности.

Принципиально иначе обстоит дело для тех ученых, кому пришлось бы преодолевать многие тысячи километров для того, чтобы оказаться в стенах РГАДА, РГВИА, ГАРФ и т.п. Понятно, что исследователи «из глубинки» чаще всего лишены заманчивой прелести собственноручно стряхивать с архивных фолиантов скопившуюся на них пыль веков, вдыхая полной грудью сладостный аромат «преданья старины глубокой». Значит ли это, что им «на откуп», в лучшем случае, можно оставить только региональный компонент прошлого? Полагаю, что такая постановка вопроса не всегда выглядит правомерной. При указанном ограниченном понимании источниковедческих потребностей историк вне зависимости от его прописки будет в основном ориентироваться на решение прагматичных задач восстановления прошлого таким, каким «оно было на самом деле». Эфемерность подобных усилий уже давно доказана исторической наукой, «история в этом смысле недоступна нашему познанию. Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано»².

Ситуация принципиально изменится, если принять во внимание, сделанное А.С. Лаппо-Данилевским открытие социокультурной природы исторических источников. Он пришел к выводу, «что исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³. В результате поменялось само понимание источника, «вдруг» наполнившееся культурологическими дефинициями. В этой связи О.М. Медушевская отмечала: «Ключевым моментом источниковедческой парадигмы методологии истории является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры»⁴.

² Гуревич. 1996. С. 85.

³ Лаппо-Данилевский. 2006. С. 292.

⁴ Источниковедение. Теория. История. Метод... 1998. С. 26.

Стало очевидным, что для адекватного представления об изучаемом событии или явлении необходимо рассматривать источники как имманентно обусловленную социокультурную целостность, учитывать особенности мировоззрения, характер и интересы их авторов. Несомненно, источники – это не просто носители исторической информации, они сами являются органичным фрагментом былых времен. Когда объективная реальность прошлого будет рассматриваться как совокупность множества субъективных смыслов его участников, тогда на первый план будут выходить интерпретация текста и его культурное целеполагание. В ходе данной познавательной процедуры используется широкий спектр общенаучных и специальных методов, определяются запечатленные документом ценности и идеалы культуры, к которой он принадлежит, что позволяет более полноценно понять содержание самого источника и реконструируемый на его основе эпизод прошлого.

В таком смысле у историков-«провинциалов» появляется неплохой шанс изучать не только, допустим, развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса или становление золотодобычи на Колыме, но и «большую историю» сквозь призму опубликованных источников, поскольку они так же, как и архивная их версия, передают текст и содержательный колорит документа. Многое, правда, зависит от научного качества публикации, но ответственность за нее целиком ложится на плечи публикатора, а потому внутри корпорации историков должна царить атмосфера взаимного уважения. Применительно к рассматриваемой теме в качестве положительных примеров грамотной публикации источников можно назвать два сборника документов, подготовленных к печати и выполненных на высочайшем профессиональном уровне коллективом ученых под руководством лучшего советского источниковеда Пугачевщины Р.В. Овчинникова⁵.

Однако недостаточно источники грамотно опубликовать, их еще необходимо адекватно истолковать – в том духе, который был провозглашен А.С. Лаппо-Данилевским и его последователями. Речь идет, конечно, о тех случаях, когда массив опубликованных документов представляет собой достаточно объемный и репрезентативный комплекс данных по изучаемой проблематике, дающих возможность получать верифицируемые результаты. Непременным требованием в этом случае оказывается высокая методологическая оснащенность исследователя, его способность применять современные теоретико-познавательные стратегии.

⁵ Документы Ставки Е.И. Пугачёва... 1975; Емельян Пугачёв на следствии... 1997.

Для проверки вышесказанного обратимся к опубликованным судебнo-следственным материалам по истории Пугачевского бунта, имея в виду, прежде всего, протоколы допросов его предводителей и рядовых участников. Здесь ситуация выглядит более-менее благополучно, по крайней мере, с точки зрения количества изданий, осуществленных преимущественно в советское время. Впрочем, имеются в виду, главным образом, материалы следствия над самим Е.И. Пугачёвым, поскольку даже его ближайшим сподвижникам «повезло» значительно меньше⁶.

Источниковедческая активность советских исследователей Пугачёвщины не должна вызывать удивления. Признав классовую борьбу движущей силой исторического развития, они именно ей стали уделять приоритетное внимание. В духе «марксизма-ленинизма» наиболее крупные народные движения XVII–XVIII вв. классифицировались как крестьянские войны – «высшая форма классовой борьбы при феодализме». Последней из них называлось восстание 1773–1775 гг., протоколы допросов участников которого также оценивались в антагонистической тональности. Например, историк В.М. Жижка по поводу показаний одного из пугачёвских атаманов с сожалением констатировал, что «допрос Хлопуши не дает полного представления о той роли, какую он играл в движении. Она, безусловно, больше и значительней того, что показано в допросе. Оно и понятно: сам Хлопуша сознательно ее умалял и о многом умалчивал, а чиновники, записывая допрос, старались выпятить “разбойничью” сторону его деятельности»⁷.

Иначе говоря, советские историки изначально были уверены, что «протоколам присуща враждебная тенденциозность по отношению к Пугачёву, его соратникам и возглавленному ими восстанию»: «Они создавались в ходе следствия, в обстановке неравной психологической борьбы между следователем и подследственным. Первый, используя весь арсенал устрашения, вплоть до истязания и пыток, стремился, часто в ущерб истине, добиться показаний, усугубляющих вину и участь подследственного. А последний, стараясь избежать новых истязаний и спасая свою жизнь, пытался умалить собственную роль в событиях восстания». Результатом подобного источниковедческого подхода стало

⁶ Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Яицком городке... 1966. № 3. С. 124-138; № 4. С. 111-126; Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Симбирске... 1966. № 5. С. 107-121; Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Москве... 1966. № 7. С. 92-109; Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова... 1980. № 4. С. 97-103; Протокол показаний С.Д. Пугачёвой... 1961. С. 39-40; Пугачёвщина. 1929. Т. 2.

⁷ Допрос пугачёвского атамана А. Хлопуши... 1935. № 1 (68). С. 164.

установление или уточнение многих конкретных сведений по истории бунта. Как процесс накопления первоначальных данных такая работа была необходимой и полезной. Однако здесь имелись и свои эвристические пределы, которые, видимо, зависели от интуиции ученых, по каким-то неведомым причинам вдруг решавших, что «сквозь эти наслоения, через пелену вынужденных показаний, сквозь штампы официозной фразеологии и терминологии отчетливо проступает подлинная история в том виде, какой запечатлелась она в памяти пугачёвцев; проступает реальный облик этих незаурядных людей, звучит их живая речь, их безыскусный рассказ о прожитой жизни»⁸.

Мотивы и критерии отбора сведений, относящихся к «подлинной истории», оставались при этом вне пределов самого источника. К тому же, накопление фактов зачастую превращалось в самоцель и значительно опережало их многогранное научное осмысление. За частоколом фактурных «героев» повстанческой борьбы никак не удавалось разглядеть живой облик обычных людей прошлого в их повседневной жизни. А вслед за распадом СССР, русское бунтарство практически перестало интересовать историков как естественная реакция ученого сообщества на гипертрофию тематики в советской историографии, поэтому редкие сегодня работы в основном выполнены в рамках традиционной парадигмы, методологические достижения последнего времени их практически не коснулись. Так, Р.В. Овчинников еще в середине 1990-х гг. был убежден, что «методика, выработанная в ходе источниковедческого исследования протоколов показания Пугачёва», может быть использована «при изучении протоколов допросов других вожakov Крестьянской войны <...> процесс исследования каждого отдельного документа этой группы требует сочетания общих, типологически сходных методических приемов с индивидуальным подходом, в частности, с подбором источников, позволяющим путем критического сопоставления установить степень достоверности следственных показаний в конкретном протоколе»⁹.

За последующие без малого двадцать лет немного изменилось в понимании задач и методик источниковедения русского бунта. Например, рассуждая о биографическом потенциале допросов пугачевцев, А.С. Майорова ставит уже известную нам проблему их достоверности, но раскрывает ее без априорно заданного прежде идеологического антуража. Она справедливо считает, что «лица, проводившие допрос, тоже были заинтересованы в выяснении подлинных фактов», хотя «на представите-

⁸ Овчинников. 1973. № 8. С. 98.

⁹ Овчинников. 1995. С. 4.

лей администрации полностью положиться нельзя – их интерпретация фактов зависела от разных обстоятельств; и излишнее служебное рвение, и возможность получения взятки играли здесь немаловажную роль». И все-таки, ссылаясь на имеющиеся примеры, историк приходит к выводу, что «материалы допросов в серьезных случаях могли быть проверены на самом высоком уровне. Поэтому любые ложные показания должны были находиться в рамках правдоподобия. В этом были заинтересованы и сами допрашиваемые, и представители администрации»¹⁰. Любопытно, что, обращая внимание на ключевой вопрос о нереализованных возможностях изучения показаний пугачевцев, А.С. Майорова не предлагает новых путей его решения, придерживаясь классических источниковедческих схем.

Понимание источников в социокультурном плане их выражения позволило сдвинуть дело с мертвой точки. В работах П.В. Лукина была обоснована, на наш взгляд, весьма перспективная методология подобного анализа: «Ведь нас интересует не столько то, говорил ли на самом деле обвиняемый те или иные “непригожие речи”, а сама возможность их произнесения. То, какие именно высказывания могли быть сделаны с точки зрения людей XVII в., уже достаточно свидетельствует об их представлениях»¹¹.

Очевидно, что очередные попытки изучения русского бунта императивно требуют учета новейших тенденций развития методики источниковедения и методологии истории. Впрочем, в ситуации, когда тема оказалась на периферии научных интересов, ее источниковедческие проблемы тем более не привлекают внимания. Едва ли не единственным исключением можно считать две небольшие работы О.Г. Усенко, посвященные интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. Положительным моментом можно считать понимание им того обстоятельства, что «судебно-следственные материалы по своим формальным признакам являются нарративными (повествовательными) источниками <...> они, по сути, – сборники “историй” (небольших рассказов), описывающих конкретные случаи (казусы). Они сообщают о событиях, которые произошли или могут произойти в реальной жизни»¹².

Это их качество «сборника историй» вполне передают и опубликованные протоколы. Нельзя забывать, что в историческом источнике объективная реальность выступает сквозь субъективную призму взгля-

¹⁰ Майорова. 1999. С. 258.

¹¹ Лукин. 2000. С. 15.

¹² Усенко. 2005. Ч. 2. С. 20.

дов его составителя или автора. Тем более данное обстоятельство усиливается, когда речь идет о такой специфической разновидности, как «расспросные речи». В этой связи О.Г. Усенко обратил внимание на проблему взаимодействия «двух сознаний – следователей и подследственных. Если последние – выходцы из низших слоев общества, то речь уже идет о взаимодействии двух культур – “письменной” и “устной”, “элитарной” и “народной”». Поэтому, полагает он, «нужно следовать принципу “диалога культур”, который требует от исследователя осознания относительности привычных для него социокультурных норм и ориентирует его не на вынесение оценок “иному”, а на понимание и объяснение “чужеродного”»¹³.

В то же время, О.Г. Усенко нередко подходит к анализу судебно-следственных материалов с позиций строгого источниковеда, и это не всегда является оправданным. Он считает, что «нет, и не может быть универсальной исторической методологии – такой, которая в неизменном виде использовалась бы при изучении разнородных источников и для решения разных исследовательских задач»¹⁴.

Не соглашусь с категоричностью этого утверждения. В общеисторическом плане нет необходимости для каждого конкретного вида источников конструировать отдельную методологию. Считая источник фрагментом социокультурной реальности прошлого, полагаю, что в любом из них запечатлевается его родная эпоха в широком спектре проявлений, поэтому одни и те же источники должны изучаться с применением набора разнообразных познавательных «инструментов». Их выбор зависит от потребности данного исследования и квалификации исследователя. Понимая, что каждый метод обеспечивает только определенный ракурс видения прошлого, считаю, что именно их многообразие позволит рассмотреть его со всех возможных в данном случае сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Москве // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 92-109.
- Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Симбирске // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 107-121.
- Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Яицком городке // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 124-138; № 4. С. 111-126.
- Документы Ставки Е.И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. 1773 – 1774 гг. / под ред. Р.В. Овчинникова. М.: Наука, 1975. 524 с.

¹³ Усенко. 2004. С. 369.

¹⁴ Усенко. 2005. Ч. 2. С. 19.

- Допрос пугачёвского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 1 (68). С. 162-169.
- Емельян Пугачёв на следствии: сб. док. и материалов / отв. исполнитель Р.В. Овчинников. М.: Языки русской культуры, 1997. 464 с.
- Протокол показаний С.Д. Пугачёвой на допросе в Ростовской комендантской канцелярии 13 февраля 1774 г. // Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 гг.: сб. док. / под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1961. С. 39-40.
- Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 97-103.
- Пугачёвщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки / под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 496 с.

Литература

- Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей: Человек в истории. М.: Credo, 1996. С. 81-109.
- Источникведение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
- Лапто-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
- Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 294 с.
- Майорова А.С. Материалы допросов участников Пугачёвского восстания как биографический источник // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Русский мир, 1999. С. 256-258.
- Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками (Источниковедческое исследование). М.: ИРИ РАН, 1995. 272 с.
- Овчинников Р.В. Сподвижники Пугачёва свидетельствуют ... // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 97-101.
- Усенко О.Г. Комплексная методология изучения судебно-следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2005. Ч. 2. С. 18-25.
- Усенко О.Г. Примерная стратегия интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М.: РГГУ, 2004. С. 366-369.

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Нижневартовского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета; VYMaul@mail.ru

Е. В. ПЛАВСКАЯ

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ В ЖУРНАЛЕ «СЫН ОТЕЧЕСТВА» (1826-1852 ГГ.)

В статье анализируются материалы журнала «Сын Отечества» (1826-1852 гг.) с целью выявления публицистики как вида исторических источников. Доказывается, что публицистика представляет собой статьи на социальную и общественную тематику. Все публицистические материалы имеют диалогическое начало, где автор прямо или опосредованно обращается к читателю. Автором были выявлены такие формы публицистики как письма, записки, рецензии, очерки.

Ключевые слова: журнал «Сын Отечества», виды источников, публицистика, журналистика, рубрикация журнала.

В концепции А.С. Лаппо-Данилевского особое место уделено методологии источниковедения. Рассматривая источниковедение как самостоятельную научную дисциплину со своим предметом и методом, он определяет предмет источниковедения как реализованный продукт человеческой психики, произведение культуры. Феноменологическая парадигма источниковедения, восходящая к эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского говорит о том, что «совокупный интеллектуальный продукт, созданный в ходе исторического процесса, не представляет собой неструктурированной массы, но, напротив, обладает имманентным свойством структурированности и взаимосвязанности». Любой вид исторических источников должен изучаться системно, в том числе и публицистика. Но для историка-источниковеда существует ряд трудностей, связанных с проблемой выявления и идентификации публицистики именно как вида исторических источников. Целеполагание автора публицистического сочинения – выразить свое мнение по общественно значимой проблеме.

До широкого распространения периодической печати публицистические сочинения создавались и бытовали преимущественно как отдельные произведения, но в начале XIX в. в России произошло сращивание периодики и публицистики. Судьба радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» и его автора, как и ряда не дошедших до печатного станка публицистических трактатов (включая М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина) определили практику российских литераторов-публицистов: во времена жесткого контроля со стороны государства единственной возможностью публично высказаться о насущных проблемах современности – и то нередко в иносказательных или исторических формах – стали

публикации в повременных изданиях. Легальная публицистика XIX века рассеяна по страницам журналов. Перед исследователем встает задача выявить этот вид исторических источников в периодике.

Объектом данной статьи является журнал «Сын Отечества» за 1826–1852 гг. Редакция определяла издание как журнал литературы, политики и современной истории. С 1826 по 1839 гг. редакторами были Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч, с 1837 г. они передали издательскую деятельность книгопродавцу А.В. Смирдину, за собой оставив редакторские функции. Позднее журнал редактировали А.В. Никитенко и Н.А. Полевой, Никитенко и О.И. Сенковский. В 1842 г. редактором стал К.П. Масальский. Со второй половины 1844 г. по 1847 г. журнал не издавался. В 1849 г. Масальский передал журнал писателю и журналисту П. Р. Фурману. В конце 1852 г. журнал был закрыт. Смена издателей не могла не сказаться на редакционной политике. К тому же надо отметить тот факт, что и при наличии единственного издателя журнал не отличался единством форм и содержания рубрик. Следовательно, проблема выявления публицистики на страницах повременных изданий не решается универсально. Чтобы разрешить эту задачу, журнал должен быть рассмотрен в динамике.

Журнал делился на рубрики, которые меняли свое название, структуру и содержание. Обратимся, прежде всего, к именованию рубрик.

Постоянно существовали следующие рубрики:

- Современная история и политика;
- Изящная словесность / Словесность;
- Иностранная словесность / Иностранная литература;
- Критика;
- Современная русская библиография.

Появлялись и некоторые другие рубрики, не столь устойчивые.

Названия рубрик не указывают на видовую принадлежность материалов с той степенью точности, которая нужна для уверенного определения их как публицистики. В российской научной традиции приняты различные методики изучения публицистики. Подход теоретической журналистики к решению проблемы был одним из первых предложен в современной гуманитарной науке. Теоретики журналистики делают упор на изучение формы публицистических текстов, без должного внимания оставляя изучение проблемы понимания, социального назначения и функциональных особенностей публицистики¹. Исследователей этого направления интересует не сам продукт общественной мысли, а его теоретическое осмысление. Согласно этому сфера их научного дис-

¹ Прохоров. 1968. С. 15-30.

курса «строгое теоретическое знание о функциях публицистики, о том, что должна дать публицистика, а не о том, что она в конкретном случае дает»². Только после такого осмысления задач публицистики исследователи переходят к данным практики, которые могут помочь объяснить те или иные явления реального мира публицистики. Однако такой подход к задачам публицистики не решает проблему ее выявления на страницах повременной печати XIX века.

Вместе с тем публицистика стала одной из центральных тем обсуждения среди литературоведов. Правда, все дискуссии шли вокруг формальных особенностей публицистических очерков. Вопрос о методе работы с публицистикой решался литературоведами в практических исследованиях, посвященных деятельности отдельных публицистов³. В них они подчеркивали, что публицист «пишет о жгучих вопросах современности», «о жизни», «о характере эпохи». Отмечая тем самым основные особенности публицистики, литературоведы не решали теоретические вопросы метода выявления публицистических жанров.

Исторические исследования публицистики также носят частный характер. Главным образом историков интересуют проблемные поля истории, которые они исследуют на материале публицистики, совершенно не определяя ее как вид⁴.

Феноменологическая парадигма источниковедения предлагает иной подход к методике изучения публицистики. Принцип признания чужой одушевленности дает возможность исследователю сделать акцент на проблеме понимания замысла автора. Это, в свою очередь, позволяет говорить о единстве происхождения публицистики как вида исторических источников. Выявление отличительных видовых признаков публицистики повременных изданий предполагает определение ее основной социальной функции – выражение и структурирование общественного мнения. Следовательно, будем ориентироваться на следующие критерии:

- злободневность затрагиваемой проблемы;
- явная авторская оценка, выраженная в употреблении оценочных выражений (качественные прилагательные и наречия присутствуют в публицистическом очерке);
- наличие обращений к читателю (явное или имплицитное);
- аналитическая направленность, предполагающая ретроспекции.

² Там же. С. 23.

³ Генри. 1988; Канторович. 1973.

⁴ Курукин, Мохначева. 1985; Зырянова. 1995. С. 102-106; Бушканец. 1983. С. 94-104; Гелицын. 1997. С. 106-111.

К наиболее существенным признакам публицистики следует отнести первые три. Последний же критерий касается главным образом проблемы отграничения публицистических заметок от информационных.

Попробуем решить проблему выявления публицистики в журнале «Сын Отечества» 1826–1852 гг. согласно таким формальным критериям.

Рубрика «Современная история и политика» структурно и содержательно не менялась. Она представляла собой обзор новостей и событий за определенное время. Приведем примеры. «В минувшем году первую степень важности исторической являла Россия твердая верою, любовию к царю своему, постоянством политической системы своей, именем Царя... Не столь отрадную картину представляют два других сильных европейских государства Франция и Англия...»⁵. Или: «Во Франции в заседании палаты депутатов обвинили господина Полиньяка...»⁶.

Могут ли такого содержания заметки быть публицистикой? Современная теория журналистики определяет жанр заметки следующим образом: «Заметка – информационный жанр. Главное для заметки – именно краткое изложение результата изучения, «сигнализирование» о существовании или отсутствии, основных чертах какого-то явления или события, человека или проблемы. Причем эти события должны выступать для аудитории как новость»⁷. Информация в таких заметках могла быть фактологической, вероятностной и даже оценочной. Заметки такого вида своей целью имели информационное «сканирование» действительности и оперативное извещение аудитории, хотя понятие оперативности для XIX в. относительно. Заметка такого содержания могла охватывать период максимум в год, при этом в ней не было момента ретроспекции. Понятно, что ретроспективный анализ при таком информировании был исключен. Следовательно, материалы этой рубрики к публицистике не относятся.

Следующая рубрика журнала представлена критическими заметками. Редакторы журнала «Сын Отечества» сами дали обзор этой части, охарактеризовав основные черты таких статей. В 6 томе за 1847 г. читаем: «Отделение критики есть важнейшая часть журнала, которая определяет не только характер его и достоинства, но и умственное право его существования. Наиболее своею критикою журнал относится к читателям, действует на них и от них обратно на словесность. Важность критики устанавливается там, где еще не установилось общественное мнение. Тем серьезнее в наше время моральная ответственность журналиста перед

⁵ Обзорение 1837 года. 1838. С. 3.

⁶ Обзорение новейших происшествий. 1830. С. 57.

⁷ *Тертычный*. 2000. С. 53.

публикою»⁸. Критика рассматривается здесь как реплика в диалоге между читателями и авторами. Примером могут служить критические очерки о романах французской писательницы Жорж Санд. В статьях авторы переходили на личность романистки, на современную им «безнравственность» и «распушенность» французов: «Недаром эта женщина приняла в литературе мужские имена, у себя дома она совершенно настоящий мужчина. Она выезжает со двора в женском платье, ибо приличия не позволяют ей одеваться иначе, но дома она ходит в панталонах из красного кашемира. Когда она пишет, то безпрестанно курит cigaritto. Злословие говорит, что она неосторожно дома подливает ром в чашку»⁹.

Иногда в рубрике «Критика» помещались письма, адресованные к редакторам журнала. Авторы писем обсуждали вопросы современной им жизни. Частой темой писем были отношения между некоторыми повременными изданиями. Такое письмо, адресованное Ф.В. Булгарину и посвященное сравнению «Сына Отечества» с «Московским Телеграфом», было опубликовано с ответом в номере за 1827 г.¹⁰ С 1830 г. в «Сыне Отечества» изредка появляется рубрика «Корреспонденция», где стали помещать такие «письма», которые становятся особым жанром и используются как средство оформления полемики по актуальным социально-политическим вопросам современной жизни. Примером может служить «Письмо в Москву о публичных удовольствиях в России», которое помещено в части 42 за 1836 г. Автор статьи настоятельно требует у всех иностранцев, чтобы нас [русских] «оставили сколь можно долее быть русскими, чтобы не уверяли, что можно блаженствовать в жизни только подражая иностранным веселостям»¹¹. Такие «письма» можно рассматривать в качестве аналитической корреспонденции.

В 1829 г. появляется еще одна постоянная рубрика «Антикритика». Авторы, выступающие в ней, писали свои ответы на предыдущие публикации в этом или других повременных изданиях. В том же 1829 г. появились подрубрики «журнальная критика» и «театральная критика». Сами же журналисты отметили, что «каждый род свободной деятельности человека имеет свою критику»¹².

Рубрики, посвященные разным вариантам критики, в том числе и литературной, заполнялись рецензиями, выражающими, в первую очередь, отношение рецензента к произведению. Отличие рецензий и кри-

⁸ Критика и библиография. От редакции. 1847. С. 1.

⁹ Домашняя жизнь Жорж Санда. 1837. С. 522.

¹⁰ Антижурналистика. Письмо к Ф.В.Б. 1827. С. 10.

¹¹ Письмо в Москву о публичных удовольствиях в России. 1830. С. 125-131.

¹² Критика и библиография. От редакции. 1847. С. 2.

тических очерков от других жанров журналистики в том, что их предметом являются не обстоятельства политической жизни, а события из области искусства, выход книг и брошюр, премьеры спектаклей и т.д. Например, в одной из рецензий за 1837 г. читаем: «Господин Мэримé, молодой французский литератор, не без дарований, особенно отличается от своей парижской собратии весьма счастливым расположением ума, которое позволяет ему угадать, что много чему Француз может поучиться у других народов... С этой мыслью изобразили мы сочинение господина Мэримé предметом статьи и решили познакомить русского читателя с содержанием «Писем об Исландии»¹³.

Такие разные по форме источники заполняли рубрику, посвященную критике. Но определяющим для нас является не формальное содержание очерка, а его функциональные особенности. Критик реагирует на социальную реальность, анализирует ее, дает оценки. В конечном счете, целью всех критических статей было обоснование суждения по поводу каких-то значимых явлений, процессов, ситуаций, имеющих общественный резонанс. Все эти признаки отвечают критериям, по которым отбирается публицистика в журнале. Потому все статьи этой рубрики можно считать публицистикой.

Следующая рубрика журнала — «Изящная словесность». Она присутствовала в журнале всегда, но содержание ее менялось.

Прежде всего, под рубрикой «Изящная словесность» публиковались произведения художественной литературы (романы с продолжением, повести, пьесы и т.д.). Можем ли мы считать художественную литературу публицистикой? Художественному творчеству свойственна типизация, основанная на вымысле, на фантазии автора. В художественном произведении есть герой, который проживает свою историю. В.Г. Белинский в одном из своих очерков определил задачи писателя так: «литератора волнуют не интересы страны, а интересы мира, не участь партий, а судьба человечества»¹⁴. Системообразующей для социальной функции литературы была идея эстетического удовлетворения читательской публики. Последнее не всегда отвечает злободневности общественной жизни. Потому мы не можем отнести художественную литературу к публицистике.

Кроме художественных произведений в этой рубрике редакторы помещали и так называемые «записки». Как правило, под термином «записки» мы встречаем источники личного происхождения. В 1829 г.

¹³ Путешествие по Исландии Мэримé. 1837. С. 97.

¹⁴ Белинский. 1859. С. 306.

для таких записок была создана специальная рубрика «Современные записки»¹⁵. Но она просуществовала всего лишь год.

Иногда издатели печатали в форме записок собственные рассуждения о современных им событиях и проблемах. Примером могут служить «Записки русского в Париже от 1829 года»¹⁶. Автор так называемых «записок» не указан. Предметом отрывка являются не личные воспоминания создателя, его чувства и настроения, а литературные пристрастия и нравы парижан, проблемы французской «безнравственности». Еще одним примером может служить публикация отрывков из «Записок о Франции», представляющая собой свободное переложение французской книги «*Vie publique et privée des Français*», опубликованной в Париже в 1826 г.¹⁷ Современная теория журналистики называет публикации, выполненные в форме письма или записок, эпистолярной журналистикой¹⁸.

Главное, что заслуживает внимания в этих «записках», что они не соответствуют своему прямому назначению. В них обсуждались не личные чувства или взаимоотношения, не проблемы частных лиц, а интересы широкой аудитории. Тем самым основной темой «записок» стала общественная жизнь, что позволяет назвать их публицистикой.

С 1828 г. помимо «Изящной словесности» в журнале появляется рубрика «Словесность». С этого времени издатели стали помещать в «Изящную словесность» только произведения художественной литературы, а в «Словесность» — аналитические очерки. Например, в одном из номеров за 1832 г. в рубрике «Словесность» опубликована статья, посвященная проблемам типического в литературе¹⁹.

С 1836 г. ситуация изменилась. Рубрика «Изящная словесность» перестала существовать вовсе. Остался единственный отдел под названием «Словесность» с двумя подотделами «Проза» и «Стихотворения». Содержание раздела «Стихотворения» ясно из его названия: в нем публиковались стихи современных поэтов. В рубрике же «Проза» печатались не только романы с продолжением, повести и пьесы, но и статьи, видовую принадлежность которых нам предстоит выяснить.

В девятом томе за 1839 г. помещена статья «Парижские нравы», в центре которой парижское общество²⁰. Автор статьи подчеркивает: «па-

¹⁵ О парижском обществе. 1829. С. 185-213; Побег пленного Француза из Алжира. 1829. С. 3-22.

¹⁶ Отрывки из записок Русского в Париже. 1829 год. 1831. С. 3-18

¹⁷ Записки о Франции. 1827. С. 3-52.

¹⁸ *Тертычный*. 2000. С. 212.

¹⁹ Типы, или первообразы в литературе. 1832. С. 413-419.

²⁰ Парижские нравы. 1839. С. 45-56.

рижское общество представляет ныне самое странное зрелище... смесь блеска с грубостью»²¹. Автор предпринимает попытку найти причину такой дисгармонии. Особенность такой публикации в совмещении образного (художественного) и аналитического начала. Причем на первый взгляд выступает преобладание художественного метода написания очерка, в то время как упор автор делает на анализ предмета дискуссии.

Вместе с такими статьями в рубрику попали путевые очерки. До 1837 г. подобные очерки помещались в рубрику «Путешествия». Теоретики журналистики считают, что этот вид публикации относился к становлению журналистики и оставался весьма популярным на протяжении нескольких веков²². Структура путевого очерка соответствует маршруту путешествия, а содержание представляет описание событий, происшествий, встреч и бесед с теми, с кем автор сталкивался в ходе поездки. Однако автор не ограничивается просто перечислением. Как правило, его картины жизни связаны с какими-либо насущными вопросами современности. Примером могут служить «Заметки путешественника» Ивана Головина, где автор, описывая нравы французской столицы, пытается показать всю суть «коварного народа», его «безнравственных» женщин и ветреных молодых парижских щеголей: «Мнение мое о Париже весьма противоречиво... Замечательно будет войти в подробности французской безнравственности. Слава Франции носит на себе старательный отпечаток духа своеволия»²³. Автор путевого очерка часто использует в качестве приема обращение к своему читателю: «Вы требуете Парижа, и я Вам последую», тем самым вовлекая читателя в живую дискуссию о посещении столицы²⁴. Описание часто сопровождалось красочными оценками: «Исполняю свое обещание и описываю тебе Париж... Перед Новым годом все магазины убираются с особенным тщанием. В Париже позволительно говорить дерзости... У меня сложилось невыгодное впечатление о парижских нравах», а далее он настоятельно советует: «прошу тебя, для пользы разочаруйся нашим идеальным Парижем. Думай о нем с удовольствием, но избавься от обворожительности»²⁵.

Согласно теории журналистики под очерком понимают статьи, аналитическое начало в которых является ведущим²⁶. Можно предположить, что аналитическое начало и определяет видовую принадлеж-

²¹ Там же. С. 45.

²² Тертычный. 2000. С. 256; Маслова. 1977. С. 5-27.

²³ Головин. 1838. С. 97-98

²⁴ Там же. С. 80.

²⁵ Месковский. 1834. С. 454-478.

²⁶ Цит. по : Тертычный. 2000. С. 240.

ность таких публикаций. Вместе с тем, в начале исследования было отмечено, что в аналитической составляющей публицистики должен быть момент ретроспекции. В жанровых особенностях очерка не всегда можно встретить то, что можно было бы назвать «взглядом в прошлое». Поэтому этот критерий не является ведущим в определении вида этой категории статей. Однако другие жанровые особенности очерка (авторская оценка, обращение к читателю, актуальность темы) соответствуют определению таких статей в качестве публицистики.

В журнале постоянно существовала рубрика, посвященная иностранной словесности. В некоторых номерах «Сына Отечества» она называлась «Иностранная литература»²⁷, в остальных «Иностранная словесность», и часть заполнялась произведениями иностранных авторов. В рубрике могли публиковать наряду с романами и повестями иностранных литераторов²⁸ аналитические статьи²⁹. С этой рубрикой предлагается работа по выявлению публицистики, аналогичная работе в рубрике «Словесность».

В номерах за 1827 г. имеется подрубрика, посвященная восточной литературе. Она так же, как и две предыдущие, представляет собой «союз» публицистики и произведений художественной литературы.

На протяжении трех изучаемых десятилетий в журнале «Сын Отечества» существовала рубрика, посвященная современной русской библиографии. Там печатались известия обо всех выходящих в России книгах, зачастую без каких-либо аннотаций и оценок. Эти сообщения не сопровождалось анализом, и потому такие заметки к публицистике отношения не имеют. Однако постепенно библиографическая составляющая уступает место аналитической. Авторы сообщений стали больше вступать в полемику, что предполагает обращение к читателю и своим оппонентам. И в 1839 г. рубрики «Библиография» и «Критика» были объединены и стали заполняться критическими обзорами³⁰.

Отличительной чертой периодики первой половины XIX в. является то, что в общественно-политических изданиях стали публиковаться исторические источники. «Сын Отечества» не был исключением. Структура рубрик, предназначенная для таких публикаций, была нестабильной. В 1826–1827 гг. такие публикации объединены в отдел «История», далее превратившийся в «Российскую историю». С 1830 по 1833 г. журнал со-

²⁷ Сын Отечества. 1828. Ч. 121; Там же. 1828. Ч. 122.

²⁸ Лавинья... 1838. С. 1-35.

²⁹ Характеристика трагедий шекспировых... 1827. С. 188.

³⁰ Лерминье... 1839. С. 81-134.

держал три исторических отдела: «Новая история», «Российская история», «Современная история»³¹. В 1833 г. добавилась еще «Средняя история». Материалы между этими разделами распределялись по хронологическому и географическому принципу. Публикация исторических источников в повременных изданиях этого времени была обусловлена развитием отечественной исторической науки в первой половине XIX в. Последняя, в свою очередь, поставила описание, публикацию и изучение исторических источников одной из главных своих задач³². Отметим, что исторический процесс в представлениях той эпохи ассоциировался с чередой исторических фактов и вереницей исторических личностей. История была персонифицирована, потому в журнале приоритет отдавался публикации записок и отрывков из дневников. Но публикация в журнале других видов исторических источников не меняла их функциональной направленности, потому к публицистике их не относим.

В журнале также помещались научно-исследовательские и научно-популярные сочинения по истории. Например, в рубрике «История» в 1827 г. были опубликованы отрывки из сочинения В. Скотта «Жизнь Наполеона, императора французов»³³, в 1828 г. «Размышления о войне 1812 года»³⁴, а в 1829 г. — «Мысли о всеобщей истории»³⁵.

В «Сыне Отечества» публиковались научные и научно-популярные исследования по другим наукам — медицине, химии, военному искусству, естественной истории, физической географии, политической экономии, этнографии, технологиям, правоведению³⁶.

С 1837 г. все такого рода материалы были объединены редакторами в одну большую рубрику «Науки и искусства». Она состояла из научно-исследовательских и научно-популярных сочинений, из публикаций исторических источников и из критико-библиографического материала.

Научные и научно-популярные статьи, безусловно, связаны с вопросами общественно-политической жизни. Авторы сообщали об интересах научного сообщества, об уровне научного знания. Все же, главным образом, они преследовали теоретические цели, которые, так или

³¹ Записки пленного Английского офицера... 1830. С. 23-38; Пребывание Французской армии в Смоленске... 1827. С. 150.

³² Цит. по: Афиани. 1970. С. 131.

³³ Сочинение В. Скотта о Наполеоне... 1827. С. 3-52.

³⁴ Размышления о войне 1812 года... 1828. С. 329-347.

³⁵ Мысли о всеобщей истории... 1829. С. 34-44.

³⁶ Военному делу, например, была посвящена статья «О состоянии французской артиллерии в 1807 году...» (1828). Материал был взят из французского сочинения генерала М.С. Фоя (Histoire de la guerre de la la Péninsule sous Napoléon).

иначе, соответствовали теме их исследований. Правда, не всегда их интересы совпадали с насущными вопросами современной им жизни, т.е. такие статьи не всегда были злободневными. Следовательно, публицистикой их считать нельзя.

Что касается рецензий на научные сочинения, то здесь имеют место совсем другие критерии отбора. Авторы этих рецензий выходили за рамки научного диалога и приближались к обсуждению проблем, актуальных для образованных людей вообще. Так, автор критического обзора «Популярной истории химии» М. Дюма упоминает об английском химике и богослове Джозефе Пристли, который оказал большое влияние на французских граждан, и только после этого рецензирует научное сочинение. В заметке читаем: «Речи Пристля о свободе вероисповедания возродили гнев церкви и министерства <...> Но смелые слова Пристля нашли отголосок во Франции, где его почли за отчаянного республиканца и предложили ему титул гражданина»³⁷. Наличие актуального начала, частого обращения к читателю, авторской критики (что предполагало оценку) позволяет исследователю отнести эти материалы к публицистике.

Общественный интерес к истории и историческим персоналиям обусловил появление в некоторых томах журнала до 1837 г. рубрики «Биография» или «Историческая галерея», в которой помещались историко-биографические материалы некоторых известных личностей³⁸. Редакция также помещала небольшую подрубрику «Некрология», где сообщалось о смерти выдающихся людей того времени. Это информационное сообщение могло также содержать биографическую справку об умершем. Заметки были информационного содержания, потому публицистикой мы называть их не можем.

В журнале также публиковались материалы, которые можно назвать историко-краеведческими. До 1837 г. такие материалы помещались в рубрики «Топография» или «Статистика»³⁹. После 1837 г. их стали публиковать в рубрике «Науки и Искусства». Это были заметки информационно-познавательного содержания. Темы их не всегда были актуальны. Наконец, их авторы не использовали оценок и критики. Потому мы не можем определить их видовую принадлежность как публицистику.

Рубрика «Смесь» стала постоянной с 1830 г. Уже по ее названию можно сделать вывод, что там могли помещать все, что заблагорассу-

³⁷ Популярная история химии... 1847. С. 37.

³⁸ Известие о жизни и службе графа А.И. Васильева... 1827. С. 303.

³⁹ Описание города Колы... 1830. С. 135; Области Азиатской Турции...1834. С. 243-250.

дится редакции. Эта часть журнала представляет для исследователя наибольшую трудность. Большинство материалов в этом разделе – либо новости, либо заметки развлекательного содержания. Редакторы могли брать новости в других иностранных журналах. Например, информация о появлении восточной литературы во Франции представляет собой русский перевод публикации из *Asiatic Journal*⁴⁰. Иногда информация, помещаемая в рубрике, была познавательной⁴¹. С 1834 г. рубрика «Смесь» дополняется двумя подрубриками: «Театр» и «Моды». В первом давался обзор новых пьес⁴². Во втором публиковались новости моды с картинками⁴³. Эти две подрубрики напоминают рекламный материал. Скорее всего, цель помещения такой информации была коммерческой.

В 1838 г. рубрика поменяла свое название на «Смесь и нечто», а в 1839 г. она получила название «Известия и смесь». Несколько изменилось и содержание рубрики. Появились статьи, которые можно назвать аналитическими комментариями. Например, статьи, в центре которых сравнение французских и русских модных нарядов в контексте сравнения нравов Франции и России⁴⁴. Помимо такого материала отдел мог содержать сатирические комментарии и анекдоты. Примером таких комментариев может служить история «Досадной ошибки французской романистки Жорж Санд», которая выбирала себе помощников в журнал *Revue Indépendant* не по таланту, а по классовой принадлежности (надо было быть рабочим, но не графом)⁴⁵. Главная идея автора заметки – высмеять «неразумие» французов.

Главным образом, статьи в рубрике «Смесь» имели целью информирование читательской аудитории, что совершенно не соответствует целевой направленности публицистики. Однако ряд публикаций (например, анекдоты или аналитические комментарии) заставляет усомниться в оценке их видовой принадлежности. Основной их темой были, безусловно, актуальные вопросы общественной жизни. Выбирая проблемные явления или события современности, авторы не стремились давать оценки этим событиям, не призывали читателей к диалогу. Злободневность тематики рубрики может быть объяснена ее основной целью, которая предполагает развлечение читателя и реализацию коммер-

⁴⁰ Восточная литература во Франции... 1829. С. 204.

⁴¹ Хотите ли знать от чего происходит слово Альманах... 1830. С. 319.

⁴² Пьеса Ф. Сулье и А. Босанжа... 1834. С. 564-571.

⁴³ Моды с картинками... 1834. С. 580.

⁴⁴ В.В. Парижанки и моды. 1840. С. 866-886; Парижские и петербургские моды. 1848. С. 67-70.

⁴⁵ Досадная ошибка Жорж Санд. 1842. С. 37-38.

ческих интересов издателя. Правда, это совершенно не определяет публикации рубрики как публицистику.

В 1838-1840 гг. журнал имел следующие рубрики: Русская словесность (Проза и стихотворения); Иностранная словесность; Науки и искусства; Критика и библиография; Современная история; Смесь и нечто / Известия и смесь. В 1841 г. структура журнала была изменена. Годовой комплект стал включать шесть томов, каждый из которых носил название «отдела». Первый «отдел» был посвящен русской словесности; второй – иностранной словесности; третий – наукам и художествам; четвертый – современной истории и политике, пятый – критике; шестой – смеси. Однако, содержание не поменялось. С 1842 г. появилась еще одна часть – «Русская история», где стали публиковать исторические источники.

В итоге можно сказать, что публицистика на страницах журнала «Сын Отечества» за 1826–1852 гг. выявлена в разных рубриках и подрубриках. К тому же ряд рубрик мог включать как публицистику, так и не публицистику. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что особенность журнальной публицистики в ее разнообразной внешней форме. Однако идея единства происхождения публицистики как вида исторических источников играет для исследователя основополагающую роль и позволяет выявить следующие формы публицистики:

- письма, записки – аналитическая корреспонденция;
- рецензия, критико-библиографическая заметка;
- очерки (проблемные, путевые).

Публицистикой не являются следующие материалы журнала:

- художественная литература;
- научно-популярные сочинения (включая исторические);
- информационные заметки (новости, известия, некрологи, информационные комментарии, биографические материалы);
- публикации других видов исторических источников

Такой подход к выявлению публицистики на страницах журнала «Сын Отечества» в динамике можно использовать как модель систематизации публицистики в повременном издании второй четверти XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антижурналистика. Письмо к Ф. В. Б. // Сын Отечества. СПб., 1827. Ч. 112. С. 10.
- Афиани В.Ю.* Журнальная археография и историческая наука в первой трети XIX века // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1970. С. 127-139.
- Белинский В.Г.* Менцель критик Гёте / В.Г. Белинский // Сочинение Белинского В.Г.: в 5 ч. Изд. к. Солдатикова и Н. Щепкина. СПб., 1859. Ч. 3. С. 285-336.

- Бушканец И.Н.* Демократический журнал «Слово» как источник изучения русско-зарубежных литературных связей // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX века: сб. науч. тр. Казань, 1983. С. 94-104.
- В.В.В.* Парижанки и моды // Сын Отечества. СПб., 1840. Т. 1. С. 866-886.
- Восточная литература во Франции* // Сын Отечества. СПб., 1829. Ч. 123. С. 204.
- Генри Э.* Заметки публициста. М., 1988. 310 с.
- Головин Ив.* Заметки путешественника // Сын Отечества. СПб., 1838. Т. 5. С. 69-84.
- Головин Ив.* Заметки путешественника // Сын Отечества. СПб., 1838. Т. 6. С. 97-103.
- Домашняя жизнь Жорж Санда* // Сын Отечества. СПб., 1837. Ч. 185. С. 522.
- Досадная ошибка Жорж Санд* // Сын Отечества. СПб., 1842. Ч. 3. С. 37-38.
- Записки о Франции* // Сын Отечества. СПб., 1827. Ч. 115. С. 3-52.
- Записки пленного Английского офицера в Париже в течение первых четырех месяцев 1814 года* // Сын Отечества. СПб., 1830. Ч. 15. С. 23-38.
- Зырянова И.В.* История женского движения в публицистике журнала «Современник» (60-е годы XIX века) // Феминизм и российская культура: сб. ст.: сост. Т.А.Тишкин. СПб., 1995. С. 102-106.
- Известие о жизни и службе графа А.И. Васильева* // Сын Отечества. СПб., 1827. Ч. 115. С. 303.
- Канторович В.Я.* Заметки писателя о современном очерке. М., 1973. 543 с.
- Критика и библиография. От редакции* // Сын Отечества. СПб., 1847. Т.6. С. 1.
- Курукин И.В., Мохначева М.П.* Проблемы истории России в консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в. (Журнал «Русский Вестник» 1856–1906). М., 1985. 120 с.
- Лавинья. Повесть Жорж Занда* // Сын Отечества. СПб., 1838. Т. 1. С. 1-35.
- Лерминье. История папы Инокентия III. Сочинение Ф. Гуртера* // Сын Отечества. СПб., 1839. Т. 9. С. 81-134.
- Маслова Н.М.* Путевые заметки как публицистическая форма. М. 1977. 115 с.
- Месковский А.* Письма из Парижа // Сын Отечества. СПб., 1834. Т. 44. С. 454-478.
- Моды с картинками* // Сын Отечества. СПб., 1834. Т. 42. С. 580.
- Мысли о всеобщей истории* // Сын Отечества. СПб., 1829. Т. 6. С. 34-44.
- Области Азиатской Турции* // Сын Отечества. СПб., 1834. Т. 43. С. 243-250.
- Обозрение новейших происшествий* // Сын Отечества. СПб., 1830. Ч. 15. С. 57.
- Обозрение 1837 года* // Сын Отечества. СПб., 1838. Т. 1. С. 3.
- О парижском обществе. Из записок придворной дамы императрицы Жозефины* // Сын Отечества. СПб., 1829. Т. 1. С. 185-213.
- Описание города Колы в Лапландии* // Сын Отечества. СПб., 1830. Т. 11. С. 135.
- О состоянии французской артиллерии в 1807 году* // Сын Отечества. СПб., 1828. Ч. 116. С. 55.
- Отрывки из записок Русского в Париже. 1829 год* // Сын Отечества. СПб., 1831. С. 3-18.
- Парижские и петербургские моды* // Сын Отечества. СПб., 1848. Т. 7. С. 67-70.
- Парижские нравы* // Сын Отечества. СПб., 1839. Т. 9. С. 45-56.
- Письмо в Москву о публичных удовольствиях в России* // Сын Отечества. СПб., 1830. Ч. 42. С. 125-131.
- Побег пленного Француза из Алжира* // Сын Отечества. СПб., 1829. Т. 2. С. 3-22.
- Популярная история химии. Сочинение М. Дюма* // Сын Отечества. СПб., 1847. Т.5. С. 1-40.

- Пребывание Французской армии в Смоленске. *Lettres sur la guerre de Russie en 1812*.
Перевел С. Усов // *Сын Отечества*. СПб., 1827. Ч. 115. С. 150-157.
- Прохоров Е.В.* Теория публицистики: итоги, проблемы, перспективы // *Вестник Московского университета*. М., 1968. № 2. С. 15-30.
- Путешествие по Исландии Мэримé // *Сын Отечества*. СПб., 1837. Т. 24. С. 97.
- Пьеса Ф. Сулье и А. Босанжа // *Сын Отечества*. СПб., 1834. Т. 42. С. 564-571.
- Размышления о войне 1812 года по прочтении разных писателей и по соображением различных суждений об оной // *Сын Отечества*. СПб., 1828. Ч. 120. С. 329-347.
- Сочинение В. Скотта о Наполеоне. Осада Тулона // *Сын Отечества*. СПб., 1827. С. 3-52.
- Телицын В.Л.* Экономическая публицистика как источник по истории адаптации российских эмигрантов // *Источники по истории российских эмигрантов в XIX – XX вв.* М., 1997. С. 106-111.
- Тертычный А.А.* Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект пресс, 2000. 310 с.
- Типы, или первообразы в литературе // *Сын Отечества*. СПб., 1832. Т. 25. С. 413-419.
- Характеристика трагедий шекспировых // *Сын Отечества*. СПб., 1827. Ч. 113. С. 188.
- Хотите ли знать от чего происходит слово Альманах // *Сын Отечества*. СПб., 1830. Т. 10. С. 319.

Плавская Екатерина Вадимовна, ekaterina.plavskaya@gmail.com

Л. Н. МАЗУР

«ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: В ПОИСКАХ НОВЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Автор рассматривает информационные аспекты идей А.С. Лаппо-Данилевского и современные тенденции в развитии методов исторического исследования. Особое внимание уделено методам визуализации исторической информации, в частности методу наблюдения, его технологиям и принципам реализации.

***Ключевые слова:** методы исторического исследования, информационные технологии, аудиовизуальные источники, метод наблюдения в историческом исследовании.*

Среди основных факторов развития исторической науки в методологическом и методическом плане можно выделить несколько наиболее важных – это, прежде всего, расширение и реструктуризация проблемно-тематического поля истории и включение в научный оборот новых комплексов исторических источников (массовых, иконографических, аудиовизуальных и проч.), которые требуют применения новых приемов и методов исследования. Немаловажную роль играет углубление интеграции наук, результатом чего стало расширение зоны междисциплинарности, разрушающей устоявшиеся теоретические и методические границы собственно исторической науки.

Но все эти факторы все же вторичны, первичной будет информационно-коммуникационная среда общества. История, будучи важной составной частью интеллектуальной жизни общества, всегда опиралась на те информационные технологии, которые поддерживали культурные коммуникации. Они определяли набор используемых историками методов работы с исторической информацией и способы ее презентации. На разных этапах развития общества формируется свой, оригинальный комплекс методических приемов, который оформляется как традиция историописания. Ее смена непосредственно связана с информационными революциями, хотя изменения происходят не сразу, а постепенно, с

¹ Статья поддержана грантом РГНФ № 14-01-00352 «Визуальные репрезентации российской деревни в художественном кинематографе 1920–1980-х гг.: историко-культурное исследование».

некоторым отставанием, в течение которого происходит превращение новых информационных технологий в общедоступные. Так было с внедрением письменных технологий в культурную жизнь общества, которое растянулось на тысячелетия. Только в XX в. с решением задач всеобщей грамотности населения можно говорить о завершении первой информационной революции, порожденной изобретением письменности и книгопечатанием. Так происходит и с внедрением компьютерных технологий, постепенно меняющих лабораторию историка и его информационно-коммуникативную среду.

Связь между господствующими информационными технологиями и методами исторического исследования очень точно подметил А.С. Лаппо-Данилевский, отразив ее в периодизации развития методологии исторического познания. В частности, он выделил²:

– *классический период* (Античность, Средние века), когда исторические сочинения рассматривались, прежде всего, как «искусство писать историю»³, в тесной связи с правилами художественно-литературного изображения истории, опиравшегося на принципы правдивости, беспристрастности, полезности. С учетом используемых технологий, этот этап вполне можно назвать *устно-историческим*, поскольку устные свидетельства выступали информационной основой исторического сочинения, устным был и способ презентации исторических текстов, а в качестве базового принципа историописания было определено следование приемам ораторского искусства;

– *гуманистический период* (Возрождение, XIV–XVI вв.) выделен Лаппо-Данилевским в качестве самостоятельного этапа, хотя он несет в себе переходные черты. В это время закладывалась основа для отделения истории от литературы и перехода к новой стадии историописания, опирающейся преимущественно на изучение письменных источников. Это нашло отражение в формулировках основных принципов исторического исследования, где на смену представлениям о правдивости приходит критерий достоверности, а «беспристрастность» заменяется понятием «объективность», т.е. уходят антропологические смыслы исторической критики, а на первый план выходят информационные, источниковедческие.

В исторических трудах этого времени все чаще поднимаются вопросы оценки достоверности источников, точности приведенных фактов,

² У Лаппо-Данилевского названия периодов не были предложены, дано только общее их описание. Приведенные обозначения периодов сформулированы мной.

³ *Лаппо-Данилевский*. 2006. С. 23.

обсуждаются приемы, как избежать ошибок, т.е. происходит поворот от авторского описания к применению научных принципов исследования, обеспечивающих объективность и сопоставимость результатов. Но окончательного разрыва с литературной традицией в этот период еще не происходит. Он приходится на более позднее время и связан с утверждением рационализма как базового принципа научной деятельности;

– *рационалистический период* (Новое время, XVII–XIX вв.), основной чертой которого стало утверждение в историческом исследовании научных принципов, опирающихся на критику источников, верификацию используемых фактов и результатов их аналитико-синтетической обработки. Основным фактором преобразования истории, по мнению Лаппо-Данилевского, выступила философия. С учетом ее развития он выделил два этапа: первый – XVII–XVIII вв., когда история испытала на себе воздействие идей немецкого идеализма (труды Г. Лейбница, И. Канта и Г. Гегеля); второй – XIX – начало XX в. – время оформления собственно теории познания (труды О. Конта и Дж. Милля, В. Виндельбанда и Г. Риккерта). В результате происходит кардинальное изменение представлений о месте и роли истории, ее задачах и методах.

Помимо влияния собственно научного (философского) фактора, отмеченного Лаппо-Данилевским, на развитие исторической науки оказали влияние те инновации в информационных технологиях, которые затронули общество – это появление книгопечатания, периодической печати, в том числе и журнальной, развитие системы образования и прочих элементов культуры модерна – кинематографа, фотографии, телевидения, радио, превративших историю в факт общественного / массового сознания. В это время складывается и та постклассическая модель исторической науки, которая сохранилась до настоящего времени. Она опирается на исследовательские практики, включающие изучение преимущественно письменных источников и, соответственно, методы их анализа (приемы источниковедческого анализа, текстологии, палеографии, эпиграфики и иных вспомогательных дисциплин), а также текстовую репрезентацию результатов исследования.

Инструментарий историков, сложившийся в рамках рационалистической модели, получил рефлексивное отражение в труде А.С. Лаппо-Данилевского. Значимость его работы состоит не столько в систематизации основных подходов, принципов и методов исторического исследования, сколько в попытке обосновать их важность и необходимость для исследовательской практики. Это был еще один шаг на пути

институционализации методологии и методов в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Показательно, что в своих суждениях о роли методологии понятие «метод» Лаппо-Данилевский рассматривает как родовое по отношению к методологии, отмечая, что «Учение о методах исторического исследования... обнимает *«методологию источниковедения»* и *«методологию исторического построения»*. Методология источниковедения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, пользуясь известными ему *источниками*, считает себя вправе утверждать, что интересующий его факт действительно существовал (или существует); методология исторического построения устанавливает принципы и приемы, на основании и при помощи которых историк, объясняя, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), строит историческую действительность»⁴.

Таким образом, Лаппо-Данилевский зафиксировал структуру методов исторического исследования, реализуемых в парадигме позитивизма и основанных на общих логических законах. Он предложил и методически обосновал развернутую схему анализа исторического источника, ставшую классической для последующих поколений историков. С другой стороны, Лаппо-Данилевский сформулировал проблему метода «исторического построения», без которого невозможно объяснение и конструирование, синтез исторической реальности. Вслед за Виндельбантом и Риккертом он выделил два основных подхода к «историческому построению»: номотетический и идиографический, которые позволяют по-разному реконструировать прошлое: с обобщающей и индивидуализирующей точки зрения. Любопытно, что разводя эти подходы, и будучи внутренне приверженцем идиографических построений, Лаппо-Данилевский характеризует сходный инструментарий, используемый исследователем в том и в другом случае, но с разной целью – это приемы причинно-следственного анализа, индуктивного и дедуктивного обобщения, направленного на конструирования целого (системы), типологии и сравнения. Раскрывая методологические и методические особенности обобщающего и индивидуализирующего подходов в историческом исследовании, Лаппо-Данилевский отметил, что историческое построение должно опираться на *законы психологии, эволюции и/или диалектики и консенсуса*, позволяющие объяснить исторические процессы и явления.

⁴ Лаппо-Данилевский. 2006. С. 19.

В целом оформление методологии исторического построения свидетельствует о переходе от описательной к объяснительной модели исторического познания, которая существенно усиливает свои позиции в XX веке. Сформулированная А.С. Лаппо-Данилевским концепция исторического исследования позволяет говорить о завершенности методического обеспечения рационалистической модели исторического познания, ориентированной на использование письменных технологий.

В XX веке инструментарий историков существенно обогатился методами смежных социальных наук. Благодаря появлению количественной истории в обиход вошли процедуры статистического анализа. Социология и антропология способствовали укоренению в исторических исследованиях контент-анализа, дискурсивного, семиотического, лингвистического анализа, то есть приемов, обогащающих и расширяющих характеристику письменных источников, доводя до совершенства не только процедуры критики, но и интерпретации текстов.

Любопытно, что эмпирическая база исторических исследований за последние сто лет менялась в целом мало (в практике работы историка продолжают преобладать письменные источники), но способы их обработки постоянно совершенствовались, обеспечивая получение не только явной, но и скрытой информации. Недаром изменение технологий исторического исследования в XX в. нередко обозначают как переход от источника к информации⁵. Новое отношение к историческому исследованию проявилось и в том, что сегодня историк все чаще выступает не только как читатель и интерпретатор сохранившихся исторических источников, но и как их создатель. Применение «неисторических» методов устного опроса, анкетирования, наблюдения, эксперимента, моделирования находит многочисленных сторонников среди историков, способствуя появлению новых исторических дисциплин со своим инструментарием, отличным от классической и постклассической / рационалистической методологической модели.

Не останавливаясь подробно на всех новшествах, которые появились в исторической науке на протяжении прошедшего столетия и которые можно рассматривать в качестве определенных вех ее развития, хотелось бы выделить появление принципиально новых технологий, в значительной степени меняющих облик исторической науки. Речь идет о так называемом *визуальном повороте*, связанном с появлением новых представлений о визуальности, ее роли в современном обществе. По

⁵ См., подробнее: Ковальченко. 1987.

мнению социологов, рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как текст, он становится Образом⁶. В результате реальность, в том числе историческая, переосмысливается в контексте истории образов.

Визуальный поворот оказывает существенное влияние на изменение технологий исторического познания. Характерно, что они носят системный характер, т.е. охватывают все уровни и элементы исторического познания (методологию и методы, проблемно-тематическое поле, язык науки, включая ее понятийный аппарат, источниковую базу, способы репрезентации результатов исследования). Остановимся подробнее на таких проявлениях визуального поворота как понятийный аппарат и источники.

Язык науки – это один из наиболее чувствительных инструментов познания, в котором новые веяния проявляются в первую очередь. О визуальном повороте исторической науки опосредованно свидетельствует все более широкое использование в словаре историка понятий «образ», «облик», «картина», «ландшафт» и др., применяемых в самых разных историко-тематических исследованиях: от традиционно историографических работ до трудов, ориентированных на изучение сюжетов социальной, политической, интеллектуальной истории, истории повседневности и др.⁷ Вместе с тем, применяемое историками понятие образа пока остается слабо структурированным и в значительной степени неопределенным, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на «восприятии» (фактически визуализации), т.е. способе познания, имеющем ярко выраженный субъективный характер с опорой на чувственный опыт.

В науке существует множество дефиниций категории «образ». В толковом словаре мы находим определение, характеризующее образ как живое, *наглядное представление* о ком-чем-либо⁸. В философии он понимается как результат и *идеальная форма отражения* предметов и явлений материального мира в сознании человека; в искусствоведении – как *обобщенное художественное отражение* действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления⁹. В литературо-

⁶ См., подробнее: Mitchell. 1995; Усманова.

⁷ См., например: Репина. 2010; Оболенская. 1991; Российская ментальность. 1999; Корзун. 2000; Родигина. 2006; Сенявский, Сенявская. 2006; Сенявская. 2006; Кныш. 2009; Голубев, Поршнева. 2011 и др.

⁸ Образ // Ожегов.

⁹ Роднянская.

ведении «художественный образ» определяется через категорию *модель мира*, всегда в чем-то не совпадающую с привычной, но всегда узнаваемой. С позиций семиотики «образ» рассматривается как *знак*, получивший дополнительное значение в существующей системе знаков¹⁰.

В большинстве определений подчеркивается, что «образ» представляет собой инструмент художественного творчества, искусства, и в этом смысле он противопоставляется строгому научному понятийному знанию, что способствует конфликтности восприятия в научной среде проблемы образа в качестве объекта исследования.

В трудах историков чаще всего образ определяется как продукт общественного сознания, отражающий индивидуальные и групповые эмоционально окрашенные представления о различных географических, социокультурных, исторических феноменах¹¹. «Образ» рассматривается и как отражение результатов чувственного восприятия чего-либо с опорой на исторические источники и как результат обобщения эмпирического материала, достигнутый через использование логических (типология, моделирование, структурирование) и эстетических приемов анализа.

Все эти подходы к изучению исторического «образа» чего-либо (семьи, врага, союзника, детства, исторической науки...) представляют собой попытку по-новому взглянуть на явления прошлого: с позиций визуального восприятия, а не логики. В этом смысле методику реконструкции и интерпретации образа можно рассматривать как способ отойти от рациональных приемов обобщения исторической информации и обращения к так называемым «качественным» методам познания, основанным на законах чувственного восприятия.

Последствия визуального поворота в науке нашли отражение в появлении такого самостоятельного направления как «визуальная антропология», которая, по мнению В.М. Магидова, превращается в одну из фундаментальных научных отраслей, объединяя культурологов, социологов, историков, философов и задавая определенный тренд в способах познания культуры и общества¹². Первоначально под визуальной антропологией понималось этнографическое документирование средствами фото- и кино съемки¹³. Но в дальнейшем она начинает восприниматься в более

¹⁰ Николаев. 2011. С. 34–38.

¹¹ Голубев, Поршнев. 2011. С. 6.

¹² Магидов.

¹³ На этих позициях находится Центр визуальной антропологии при МГУ, созданный еще в 1987 г. (руководитель – Е. В. Александров). См., подробнее: Центр визуальной антропологии [сайт] URL: http://visant.ethnos.ru/sem_conf/sem_conf.php.

широком философском смысле как одно из проявлений постмодернизма, позволяющее по-новому взглянуть на методические и источниковедческие проблемы изучения социальной истории, а также ее репрезентации¹⁴. Свой подход к пониманию места и задач визуальной антропологии характерен для культурологии. В частности, К.Э. Разлогов рассматривает данное направление как составную часть культурной антропологии¹⁵. К визуальной антропологии относят также изучение разнообразных изобразительных источников информации, среди которых важное место занимают кинодокументы. Развитие этого нового направления связано с решением целого ряда методологических проблем, в том числе разработкой понятийного аппарата, обоснованием критериев анализа информации, полученной в ходе визуально-антропологических исследований¹⁶.

В исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, и имеет свои особенности, поскольку визуальные источники традиционно рассматривались в контексте исключительно историко-культурной проблематики. В последние годы, однако, произошли заметные изменения, связанные с ростом доступности кино-, фотодокументов для сообщества историков и повышением интереса к ним¹⁷. Это заставляет задуматься над используемым исследовательским инструментарием и его методологическим обоснованием.

Отличительной чертой визуальных технологий выступает использование «неисторических» приемов сбора и фиксирования информации – методов наблюдения. Они получили методологическое обоснование и развитие в социологии, нашли применение в этнографии, культурологии, искусствоведении, музееведении, но применительно к историческому исследованию нуждаются в дополнительной адаптации и корректировке с учетом специфики объекта исследования.

Следует отметить, что технологии наблюдения не являются чем-то принципиально чуждым для исторической науки. Возможно, здесь слышатся отголоски летописного прошлого истории, когда роль очевидца была вполне типичной для составителя хроник. О применении метода

¹⁴ Центр визуальной антропологии и эгоистории Российского государственного гуманитарного университета (директор – Н. И. Басовская) [сайт]. URL: <http://visantrop.rsuh.ru/section.html?id=4652>.

¹⁵ См., подробнее: *Разлогов*. 2010.

¹⁶ *Барт*. 2004; *MacDougall*. 1998; *Руби*. 2007 и др.

¹⁷ См., например: *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. 2009; *Визуальная антропология: настройка оптики*. 2009; *Очевидная история*. 2008; *История страны*. 2004. *Нарский*. 2008 и др.

наблюдения рассуждает в своем труде Лаппо-Данилевский, хотя его основные тезисы ориентированы на задачу обособления методов истории от исследовательских практик других наук. В этом смысле он позиционирует наблюдение как метод естественнонаучных разработок. Вместе с тем Лаппо-Данилевский не отрицает, что «незначительная часть действительности, протекающей пред историком, непосредственно доступна личному его чувственному восприятию», одновременно подчеркивая проблематичность таких наблюдений¹⁸. Главную сложность в организации наблюдения он видит в необходимости выработки научных критериев оценки исторической значимости событий, а также того, что именно нужно отслеживать и фиксировать, т.е. в отсутствии устоявшихся и проверенных временем научных приемов проведения наблюдения. В качестве обычной практики историка Лаппо-Данилевский определяет изучение остатков (источников) и «чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, доступных его собственному чувственному восприятию»¹⁹.

Подобная оценка возможности применения методов наблюдения в полной мере соответствует информационным технологиям, которые определяли ситуацию в начале XX века: корпус визуальных источников еще не сформировался и не мог повлиять на реструктуризацию методов исторического исследования, а прямое наблюдение – это был удел социологов, политологов и прочих представителей общественных наук, изучающих современность.

В сходном ключе наблюдение трактуется в работах М. Блока: возможность «прямого» наблюдения *argiōi* исключается, но опосредованное наблюдение с опорой на свидетельства источников (вещественных, этнографических, письменных) рассматривается как вполне обычное явление. Указывая на возможность визуального изучения истории, Блок отмечает, что «следы прошлого... доступны прямому восприятию. Это почти все огромное количество неписьменных свидетельств и даже большое число письменных»²⁰. Но снова возникает проблема метода, так как для формирования навыков оперирования разными источниками необходимо овладеть совокупностью технических приемов, применяемых в разных науках. Междисциплинарность – это один из важнейших принципов М. Блока, без которого, по его мнению, невозможно дальнейшее развитие истории как науки.

¹⁸ Лаппо-Данилевский. 2006. С. 277.

¹⁹ Там же.

²⁰ Блок. 1986. С. 33.

Вероятно, следует смириться с тем, что «прямое» наблюдение останется для историка недоступным, поскольку участие в каком-то историческом событии и его наблюдение – это не одно и то же. Наблюдение как метод отличается своей целенаправленностью, организованностью, а также обязательностью регистрации информации непосредственно в ходе наблюдения. Соблюдение всех этих условий, и прежде всего позиции нейтрального наблюдателя, невозможно для очевидца, который участвуя в событиях, не может регулировать сам процесс его прослеживания и комплексной оценки. Для этого нужно планировать наблюдение и готовиться к нему, вводить контрольные элементы.

Применение метода наблюдения в контексте визуально-антропологических практик, напротив, становится все более актуальным, и это связано с включением визуальных источников (кинодокументов, теле-, видеозаписей, фотодокументов) в исторические исследования. Но если к фотографиям применимы обычные приемы анализа иконографических документов (они статичны), то кино- и видеофильмы воспроизводят движение, жизнь, зафиксированную объективом камеры и предполагают применение технологий прослеживания, фиксации и интерпретации визуально воспринимаемой меняющейся информации, т.е. наблюдение.

Следует учитывать и то, что кинофильмы – это в большинстве своем спровоцированные, а иногда и полностью постановочные документы, представляющие собой результат коллективного творчества. Наряду с ними сегодня активно формируется массив видеодокументов, которые снимаются частными лицами и представляют собой способ фиксации текущей реальности в естественных формах ее развития. Этот массив может представлять историческую ценность, как и любой источник личного происхождения, но он пока не описан и не доступен историкам, хотя ситуация, благодаря интернету, может кардинально измениться.

Методы изучения любых визуальных документов (профессиональных или личных) основаны на некоторых базовых принципах и приемах. Мы рассмотрим их применительно к исследованию такого варианта визуальных источников как художественные фильмы, которые благодаря развитию сетевых технологий сегодня стали доступны для широкого круга историков. При работе с ними важен комплексный подход, включающий полноценный источниковедческий анализ, дополненный характеристикой особенностей технологии съемки фильмов, их монтажа, построения кадра и прочих тонкостей кинопроизводства, без чего невозможно понять природу рассматриваемого источника. Помимо этого возникает необходимость применения методов фиксации и интер-

претации визуально воспринимаемой динамичной информации, основанных на понимании природы «образа» – основного информационного элемента кинодокумента. Интерпретация образа осложняется задачей вычленения и верификации той исторической информации, которая содержится в источнике и позволяет реконструировать прошлое в его субъективной или объективной форме.

При работе с визуальными источниками понятие образа является ключевым, поскольку и на входе, и на выходе исследовательского процесса оно определяет всю методiku работы историка. Необходимо не только декодировать тот образ (образы), который был положен в основу кинодокумента, но и проинтерпретировать его, имея более ограниченный арсенал приемов исторической реконструкции, чем авторы фильма, и соблюдая при этом правила научной репрезентации.

Если источниковедческий анализ предполагает изучение метаданных документа, его структуры и свойств, в том числе технологических, поскольку все визуальные источники связаны с применением определенных технологий, накладывающих свой отпечаток, то интерпретация содержания кинодокументов строится на анализе образов, их типичности, с учетом как явной, так и скрытой информации.

Изучение содержания визуальных источников требует применения метода наблюдения в его классической форме – целенаправленного, организованного прослеживания важных для наблюдателя-исследователя информационных элементов, часто выступающих фоном, отдельным эпизодом или второстепенным сюжетом по отношению к основной сюжетной линии. Эта позиция может быть обозначена как «критическая», поскольку предполагает отказ от роли зрителя (соучастника, свидетеля событий фильма) и выполнение функций наблюдателя, нацеленного на вычленение нужной ему информации, которая важна с точки зрения изучаемой темы. Можно выделить следующие этапы анализа аудиовизуальных источников:

1) отбор фильма (фильмов) для изучения в качестве исторического источника. На этой стадии необходимо уточнить сам объект исследования, проблему и критерии отбора конкретных документов;

2) сбор и анализ информации о создателях фильма, его целях, сверх-идее, закладываемой автором, времени и условиях создания, общественном резонансе – в общем, обо всем том, что обычно обозначается словом «судьба» фильма;

3) просмотр фильма для получения общего впечатления, знакомства с сюжетом, основными героями и событиями, определение основной

и второстепенных тем, центральной проблемы, оценка жанровых и изобразительных приемов создания образов. Кроме того, необходимо уточнить характер презентуемой визуальной информации – непосредственное отражение или реконструкция реальных/вымышленных фактов;

4) повторное целенаправленное наблюдение по намеченному исследователем плану (например, изучение религиозных практик или миграционных моделей; изменений в образе жизни, поведении, отношениях и пр.), которое сопровождается обязательной фиксацией информации с уточнением минуты просмотра, контекста и роли наблюдаемого эпизода в сюжете;

5) конструирование исторической реальности на основе оценки зафиксированных информационных элементов с учетом их *образного* решения. Оно нуждается в верификации путем сравнения с другими источниками информации.

Особенностью наблюдения является то, что его результаты отличаются известной субъективностью, поскольку проецируются на ментальную сетку наблюдателя и интерпретируются с учетом присущей ему системы ценностей и представлений. Поэтому очень важно использовать контрольные элементы (увеличение числа просмотров или же количества наблюдателей).

Таким образом, изучение визуальных источников предполагает формирование у историка особых навыков работы с информацией. На первый взгляд зрительное восприятие относится к сравнительно простому виду психофизиологической деятельности, основанному на ассоциативном понимании и образном усвоении информации, но такое мнение во многом обманчиво. Историк должен обладать визуальной культурой – это то, что часто называют «насмотренностью», что позволяет корректно воспринимать, анализировать, оценивать, сопоставлять визуальную информацию. Отдельно следует выделить задачу распознавания визуальных кодов, поскольку они историчны и по истечении нескольких десятилетий уже могут прочитываться некорректно, а ключи к этим кодам чаще всего лежат в области обыденного или национального и могут быть неочевидными зрителю из будущего. Иначе говоря, интерпретация самого текста настолько же важна, насколько и знание надтекстовых – исторических, социальных, экономических – параметров его производства и функционирования.

Свои сложности имеет решение проблемы соотношения визуальной информации и текста (вербализации увиденного), нахождения оптимального взаимодействия этих знаковых систем, имеющих некоторые

общие корни, но весьма отличных по своим механизмам функционирования (психофизиологический и логический). Здесь требуются свои «словари», свои технологии перевода.

Новая культурологическая ситуация, порожаемая визуальным поворотом, ставит перед историками новые вопросы: можно ли рассматривать визуальные образы как источники исторической информации? какие методы наиболее адекватны задачам изучения визуальных образов? как соотнести язык образов с вербальным языком? как функционирует образ в сознании, памяти, творческом воображении? каково соотношение исторической реальности и исторических форм визуальной культуры? и т.д. Вопросов пока больше, чем ответов, но они являются первым шагом к их решению.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
- Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 448 с.
- Визуальная антропология: настройка оптики. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 296 с.
- Гириц К.* Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- Голубев А.В., Поршинева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.
- История страны. История кино. М.: Знак, 2004. 496 с.
- Кныш Н.А.* Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: дис. канд. ист. наук. Омск, 2009. 250 с.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. 440 с.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2000. 270 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
- Магидов В.М.* Визуальная антропология как социокультурное явление в ретроспективе и перспективе современного исторического знания // Московский дом национальностей [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2001–2012. URL: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/v_m_magido.html (дата посещения: 01.07.2013).
- Нарский И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2008. 516 с.
- Николаев А.И.* Основы литературоведения: учеб. пособие. Иваново: ЛИСТОС, 2011. 255 с.
- Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М., 1991. С. 160–185.

- Ожегов С.И.* Толковый словарь // Словари [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/o/1-obraz.html> (дата посещения: 12.12.2012).
- Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия : сб. ст. / [редкол.: И. В. Нарский и др.]. Челябинск: Камен. пояс, 2008. 476 с.
- Разлогов К.Э.* Искусство экрана: от синемаатографа до интернета. М.: РОССПЭН, 2010. 287с.
- Репина Л.П.* Images of Time and Historical Representations: Russia – East – West // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. С. 928-956.
- Родигина Н.И.* «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
- Родянская И.Б.* Художественный образ // Яндекс: словари [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Художественный%20образ/>.
- Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М.: ИРИ РАН, 1999. 248 с.
- Руби Дж.* Визуальная антропология : реф. В.Л. Круткина // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. Саратов, 2007.
- Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имджинология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в. // Вестник РУДН. 2006. № 2 (6). С. 54-72.
- Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция образа «врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.
- Усманова А.[P.]* Визуальные исследования как исследовательская парадигма // Визуальные и культурные исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108>.
- Щербакова Е.И.* Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 473-488.
- MacDougall D.* Transcultural Cinema / Ed. by L. Taylor. Princeton : Princeton University Press, 1998. 528 p.
- Mitchell W.J.T.* What is Visual Culture? // Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside / Ed. by I. Lavin. Princeton, N.J.: Institute for Advanced Study, 1995. 339 p.
- Мазур Людмила Николаевна*, доктор исторических наук, зав. кафедрой документального и информационного обеспечения управления Уральского федерального университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Lmaz@mail.ru

З. М. РУБИНИНА

СЕМЕЙНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АРХИВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (на примере архива семьи Левицких из коллекции ГИМ)

Статья посвящена особенностям семейного фотоархива как исторического источника и перспективам исследовательской работы с этим видом фотодокументов. В качестве объекта исследования выступает семейный архив «рядовой» семьи конца XIX – начала XX в., относящейся к российской разночинной интеллигенции, что позволяет говорить об использовании и роли фотографии в повседневной жизни т.н. «обычных» людей. Автор анализирует архив семьи Левицких из коллекции фондово-экспозиционного отдела Государственного исторического музея «Музей В.И. Ленина».

Ключевые слова: исторический источник, семейный фотоархив, история фотографии, история повседневности, российская разночинная интеллигенция.

Трудно переоценить сформулированный в русской версии неокантианства и разработанный применительно к историческому познанию А.С. Лаппо-Данилевским принцип «признания чужой одушевленности». Только в том случае, если историк руководствуется в своей работе с источниками именно этим принципом, пытаясь понять Другого, с которым его разделяет время и (зачастую) пространство, история становится наукой о прошлом людей в полном смысле этого определения. Парадокс заключается в том, что при всей своей привлекательности источники личного происхождения традиционно привлекают меньшее внимание исследователей, нежели официальные документы. Тем более что это согласуется с основным принципом комплектования отечественных государственных архивов, где основными источниками комплектования являются государственные учреждения. У источников личного происхождения есть возможность привлечь к себе внимание исследователей, если они связаны с жизнью и деятельностью известных людей прошлого. Семейные архивы т.н. «обычных людей», как правило, популярностью среди историков-профессионалов не пользуются.

Если вышесказанное справедливо для письменных источников личного происхождения, то тем более это относится к семейным фотографиям. Следует заметить, что историю фотографии в целом никак нельзя назвать приоритетной темой для исторической науки. В частности, это относится к исследованию фотографии как исторического источника. Более чем серьезным исключением из правила в данном случае

являются работы В.М. Магидова¹, но они посвящены гиперсистеме кино-фото-фонодокументов (КФФД). В этом случае фотография рассматривается как часть общей системы, хотя, безусловно, имеющая свои особенности как исторический источник. Работы учеников В.М. Магидова посвящены отдельным видам фотографических памятников², но таких работ не много. Что касается семейных фотоархивов, то, насколько мне известно, в отечественной исторической науке нет источниковедческих исследований, посвященных этому виду памятников. Ситуация вполне объяснима: поскольку тема истории фотографии в целом долгое время была периферийной, то ее разработка в последние десятилетия началась, разумеется, с издания работ общего характера, публикаций шедевров отечественной фотографии из архивных и музейных собраний³. Данная статья посвящена особенностям семейного фотоархива как исторического источника на примере архива семьи Левицких из коллекции Государственного Исторического музея (далее – ГИМ).

Польский шляхетский род Левицких известен с середины XVI в. В XVIII в. его представители оказываются на территории Российской империи. Это, в основном, мелкие помещики, офицеры, чиновники невысокого ранга, православные священники. В середине XIX в. из одной из ветвей рода произошла семья (ее можно отнести к разночинной интеллигенции), чьи документы и фотографии отложились в коллекции фондово-экспозиционного отдела ГИМ «Музей В.И. Ленина»⁴ (далее – ФМЛ).

¹ Магидов. 1986; Магидов. 1993; Магидов. 2005; Магидов. 1992; Магидов. 1991.

² Диментман. 1991; Туровцева. 1993; Чертилина. 2011. № 1.

³ См., напр.: Бархатова. 2009; Никитин. 1991; Нуркова. 2006; Попов. 2010; Русская фотография... 1996; Сабурова. Андрей Карелин... 2006; Сабурова. Портрет... 2006; Сабурова. 2010; Салтыкова. 1995; Саран. 2006; Семейный альбом... 2005; Стигнеев. 2007; Стигнеев. 2011; Технотронные документы... 2011; Фотография... 2008; Шилова. 2001. Советская историография значительно беднее, и в этом смысле речь также идет об общей истории художественной или репортажной фотографии. См., напр.: Волков-Ланнит. 1974; Волков-Ланнит. 1980; Михалкович., Стигнеев. 1989; Морозов. 1955; Морозов. 1958; Морозов. 1986; Нанпельбаум. 1958; Чибисов. 1987. Общий характер носит и переводная литература. Даже в тех случаях, когда речь идет о характеристике определенного фотографического собрания, поскольку это крупнейшие мировые собрания, где аккумулированы наиболее художественно яркие и, одновременно, наиболее характерные произведения. См., напр.: Бажак. 2006; Поллак. 1983; Собрание Дома Джона Истмена... 2010; Фризо. СПб, 2008-2009.

⁴ По существующей в ГИМ традиции крупные комплексы разбиваются по видовой принадлежности памятника, чтобы в каждом случае предметы были описаны максимально полно и профессионально. Таким образом, документы семейного архива Левицких хранятся в составе коллекции документов ФМЛ ГИМ (ФМЛ ГИМ. Ф. 55. О. 1. Д. 1-16. Коллекция «Документы семьи Левицких»). Документальная часть семейного архива – это 137 музейных предметов. По видовому составу она включает в себя:

Материалы семейного архива из собрания ФМЛ позволяют осветить историю трех поколений семьи Левицких, начиная с 1830-х по 1970-е гг. Первое поколение – жившая в Керчи семья гимназического учителя Александра Константиновича Левицкого (1833 или 1835 – 1869), женатого на дочери разбогатевшего чиновника Елене Дмитриевне Посполитаки (1844 – не ранее 1934). Второе поколение семьи – три сына Александра и Елены Левицких и их семьи. Братья получили университетское образование. Старший Сергей (2 февраля 1866 – 1945) был присяжным поверенным. Средний – Вячеслав (3 февраля 1867 – 5 августа 1936), – земским врачом, посвятившим свою жизнь санитарной гигиене на производстве. Младший – Александр (1 января 1870 – 14 июня 1919) стал агрономом и работал в земстве Таврической губернии. Все три брата активно занимались общественной и социальной деятельностью. Сергей с семьей в 1918 г. эмигрировал во Францию, Вячеслав был другом семьи Ульяновых и хорошим знакомым Ленина – он стоит у истоков советской санитарной гигиены на производстве, Александр был расстрелян белогвардейцами. Третье поколение семьи – дочери Вячеслава Левицкого Ирина и Елена, и муж Елены Дмитрий Скворцов. Ирина была преподавателем хореографии, Елена (1901 – декабрь 1978) – драматической актрисой, а Дмитрий (5 октября 1901 – 1969) – актером, режиссером и театральным художником.

Фотографическая часть семейного архива состоит из 706 музейных предметов, большинство из которых – фотоотпечатки (683 предмета). В ней аккумулированы фотографии с середины XIX столетия по 1970-е гг.

Музеефикацию семейного архива Левицких никак нельзя назвать осуществленной по принятым в отрасли нормативам. Последней владелицей семейного архива была Елена Вячеславовна Левицкая, тесно общавшаяся в последние годы жизни с сотрудниками Центрального музея В.И. Ленина (далее – ЦМЛ) и сотрудниками Дома-музея Ульяновых в

документы по истории рода Левицких, официальные документы (в том числе, даже следственное дело о самоубийстве А.К. Левицкого), имущественные и финансовые документы, рукописи представителей семьи и материалы их творческих биографий, материалы периодической печати и источники личного происхождения. Фотографическая часть семейного архива хранится в составе коллекции фотографий и аккумулирована в трех коллекциях: ГИМ-112933/1-50. ФМЛ ФОЛ-18027-18076. Альбом художественных фотографий из семейного архива Левицких («альбом Скворцова»); ГИМ-112934/1-634. ФМЛ ФОЛ-18077-18710. Коллекция фотографий из семейного архива Левицких; ГИМ-112940/1-23. ФМЛ ФОЛ-18711-18733. Альбом фотографий из семейного архива Левицких. Также документы одного из членов семьи (Д.А. Скворцова) были обнаружены в Центральном Московском архиве-музее личных собраний: ЦММЛС. Ф. 146. Оп. 1. Д. 1-24. Личный фонд Д.А. Скворцова.

Подольске. После смерти Елены Вячеславовны в декабре 1978 г. сотрудникам ЦМЛ, пришедшим за завещанными музею вещами, пришлось в прямом смысле слова эвакуировать семейный архив. Следует отметить, что в ЦМЛ по ряду причин не велся последовательный учет и описание новых поступлений. Поэтому значительная часть фотографий, аккумулированных в фондах ЦМЛ (и в том числе семейный архив Левицких), не была зарегистрирована в учетной документации музея. Составление учетной документации и исследование фотографий семейного архива Левицких начались лишь с середины 2000-х гг., когда коллекции бывшего ЦМЛ уже входили в состав ГИМ (с 1993 г.).

Таким образом, семейный архив попал в музейное собрание случайно. Ни владельцы архива, ни музейные сотрудники не осуществляли отбор памятников для музейного хранения. С одной стороны, полнота семейного архива вызывает большие сомнения, поскольку речь шла об эвакуации россыпи из квартиры покойной Е.В. Левицкой. С другой стороны, отсутствие предварительного отбора позволяет не учитывать тот факт, что состав семейного архива прежде своей музеефикации был дважды (владельцами и сотрудниками музея) оценен на предмет того, что якобы будет важно потомкам. Иными словами, при анализе данного семейного архива можно не учитывать представления людей 1970-х гг., а ориентироваться лишь на время создания памятников, что при анализе видового состава комплекса отнюдь немаловажно.

Другой вопрос, что атрибуция, столь нестандартно музеефицированного комплекса, затруднена. Документы и фотографии не всегда согласуются между собой. Сами Левицкие свои фотографии подписывали редко, в альбомах ни одной подписи к снимкам не сделали. Последняя владелица семейного архива умерла бездетной, а с другими представителями семьи у сотрудников музея контактов не было. Поэтому здесь речь пойдет не просто об источниках возможностей семейного фотоархива, но о семейном фотоархиве с затрудненной атрибуцией.

Фотографии архива были классифицированы по жанрам: портрет, видовая съемка, жанровые снимки, натюрморт, предметная съемка. В отдельную группу, учитывая их социокультурное значение, были выделены фоторепродукции портретов известных людей и произведений искусства⁵. Здесь я остановлюсь на трех жанровых группах (портрет, ви-

⁵ В составе семейного архива были также выделены личные комплексы представителей семьи (в большинстве случаев, индивидуальные и групповые портреты того или иного человека, а также портреты с адресованными ему дарственными надписями) в тех случаях, где это было возможно.

довая съемка и фоторепродукции портретов известных людей и произведений искусства), поскольку жанровые снимки (35 предметов), натюр-морт (5 предметов) и предметная съемка (6 предметов) являются для рассматриваемого семейного фотоархива периферийными комплексами.

Большинство фотодокументов семейного архива Левицких составляют портреты: 528 предметов (471 изображение⁶). Хронологически они охватывают целое столетие (1850–1950-е гг.), но большая их часть относится к периоду 1880–1910-х гг. (281 предмет, 246 изображений). Это, прежде всего, массовый студийный фотопортрет (преимущественно, индивидуальный). Комплекс репрезентативен не только по количеству снимков, но по разнообразию мест съемки и по количеству наименований фотоателье. Подавляющее большинство портретов выполнено на территории Российской империи. В этом смысле можно составить карту географических связей семьи, на которой четко преобладают города, где представители семьи жили (Керчь и Москва). Очень важны снимки, выполненные на отечественных и зарубежных курортах, поскольку на их основании можно говорить о «географии отдыха» той социальной группы, к которой принадлежала семья.

Предметы данного комплекса позволяют говорить как о продукции крупных фотофирм, так и о портретах, выполненных в малоизвестных заведениях. На примере фотографий семейного архива возможен анализ особенностей культуры фотографических ателье второй половины XIX – начала XX в. При этом важно сравнение портретов семейного архива с другими коллекциями массового студийного фотопортрета и его характеристиками в письменных источниках и специальной литературе, поскольку мы можем также анализировать, чего и почему в составе семейного архива нет. В данном случае весьма показательно отсутствие образцов фотографического «китча» и дополнительной обработки снимков (очень мало эмалированных снимков, совсем нет раскрашенных). Простое сопоставление явлений коммерческой фотографии XIX – начала XX в. с составом семейного архива Левицких позволяет сделать определенные выводы об эстетических взглядах членов семьи. Среди портретов семейного архива Левицких также сложно найти карикатурные позы и вытаращенные глаза, о которых пишут современники и исследователи, т.е. речь идет о социальной группе, для которой фотосъемка в ателье привычна. С другой стороны, для комплекса не характерен

⁶ В фотографических ателье портреты делались по несколько экземпляров (часто дюжинами или полудюжинами), соответственно в семейных архивах откладывалось по несколько экземпляров одного и того же портрета.

известный по литературе разгул антуража: даже рисованные задники использованы на сравнительно небольшом количестве портретов. Однако известный по литературе и другим собраниям массового студийного фотопортрета 1880-1910-х гг. стандарт позы, разумеется, сохранялся.

Большинство портретов семейного архива – это портреты неустановленных лиц – репрезентативная визуализация социальной группы, к которой принадлежала семья Левицких. Причем визуализация становится убедительнее и доступнее для анализа из-за того, что большая часть портретов выполнена в рамках одного вида фотографии (массовый студийный фотопортрет) и принадлежит к одному периоду. Большое число портретов неустановленных лиц уравнивает определенную дисгармонию в составе личных комплексов представителей семьи, состоящих преимущественно из индивидуальных портретов. Именно портреты неустановленных лиц позволяют говорить о Левицких как части определенной социальной группы. В этом смысле представляют интерес ряд характеристик: место съемки и его связь с историей семьи, исследование бланка фотоателье, фона, реквизита, одежды портретируемых, их этнической, профессиональной и половозрастной принадлежности. Таким образом, данная группа снимков также требует определенных подходов для анализа их источниковых возможностей. К сожалению, мы бессильны реконструировать биографию того или иного человека прошлого, но можем говорить об определенных характеристиках жизни социальной группы в целом и многое прояснить в жизни исследуемой семьи, изучая таким образом круг ее общения.

Выделенные в составе семейного архива личные комплексы представителей семьи требуют совершенно разного исследовательского подхода, в зависимости от того, из каких фотографий по преимуществу они состоят – студийных или любительских. Так, комплексы, состоящие полностью из студийных портретов, позволяют выстроить визуальную биографию человека. Личные комплексы, состоящие преимущественно из любительских снимков, подобную биографию выстраивать не позволяют, зато сохраняют мгновения жизни портретируемых. Третий подход при исследовании фотопортретов связан с таким явлением, как надписи на обороте фотографий. Прежде всего, речь идет о дарственных надписях, где важно как исследование типичных для эпохи формулировок, так и тех, где проявилась индивидуальность дарителя, его взаимоотношения с другим человеком.

Наибольшим после портретов в составе семейного архива является комплекс видовых фотографий. Он включает в себя 98 предметов (96

изображений). Основной массив снимков приходится на 1890–1910-е гг., причем в семейном архиве отложилась как профессиональная, так и любительская фотография, поэтому можно говорить о взаимосвязи профессиональной и любительской видовой фотографии: например, насколько сопоставим / отличен выбор композиции кадра, отсутствие людей (кроме как в роли стаффажа) на любительских снимках. Таким образом, данный комплекс содержит материал для анализа влияния профессиональной видовой фотографии 1890–1910-х гг. на любительскую. В комплексе видовых фотографий есть также фотопейзажи Д.А. Скворцова, индивидуальные, особенные, где есть настроение, за которыми всегда виден автор-художник. Иными словами, в состав семейного фотоархива Левицких входят снимки, позволяющие говорить и о профессиональной коммерческой фотографии, и о фотолюбительстве как социокультурном явлении, и о фотолюбительстве как о творческом выражении личности.

С другой стороны, видовые снимки в составе семейного архива – всегда указание на места, где отдыхали Левицкие и их знакомые. Более того, это способ вписать историю семьи в контекст типичных для рубежа XIX–XX вв. и для данной социальной группы повседневных практик, причем как с точки зрения превалирующих мест отдыха, так и с точки зрения использования фотографии в повседневной жизни.

И массовый студийный фотопортрет, и массовая профессиональная видовая фотография последней трети XIX – начала XX в. – это социокультурные явления, тесно связанные как с историей фотографии, так и с историей повседневности. Подобное явление представляет собой такая специфическая продукция коммерческой фотографии, как репродукции произведений искусства и фотопортреты знаменитостей. Всего в этой группе 30 музейных предметов (28 изображений). Подобные снимки – неотъемлемая часть повседневной жизни интеллигентной семьи конца XIX – начала XX в. Они многократно упоминаются в переписке, мемуаристике и художественной литературе того времени. Они являлись отражением вкусов и убеждений владельца. Их вставляли в семейные альбомы наряду с портретами членов семьи, родственников и друзей. Это справедливо для фотопортретов знаменитостей из семейного архива Левицких. Многие из них выражают убеждения владельцев. Примечательно, что в семейном архиве Левицких отложилось очень мало репродукций произведений искусства.

Что касается периферийных для семейного архива жанровых групп: натюрморт, предметная съемка, жанровый снимок, то это любительские снимки, большинство из которых сделаны Д.А. Скворцовым,

и, как следствие, к ним применимы все те характеристики, которые были даны его пейзажным фотографиям. Иными словами, по большей части речь идет о произведениях творческого фотолюбителя.

По большому счету, мы можем анализировать фотографии в составе семейного архива с двух точек зрения: с точки зрения истории фотографии и с точки зрения истории повседневности определенной социальной группы (в данном случае – российской разночинной интеллигенции). В первом случае можно говорить о бытовании произведений коммерческой фотографии, о развитии и видах фотолюбительства, о влиянии профессиональной фотографии на любительскую, анализировать (где это возможно) эволюцию фотографических жанров. Во втором случае мы выясняем, что могут нам рассказать семейные фотографии о своих владельцах и их круге общения – какой у них был достаток, где они отдыхали, какие у них были эстетические предпочтения, вкусы, убеждения, круг общения. В обоих случаях анализ фотографий семейного архива оказывается весьма плодотворным.

Другой вопрос, что источники возможности всех рассмотренных групп фотодокументов тесно связаны с их количеством. Подобную картину можно выстроить лишь для периода 1880–1910-х гг., поскольку фотографий датированных этим промежутком времени в семейном архиве больше всего. И, если по отношению к периоду 1850–1870-х гг. это соотношение представляется закономерным, то нерепрезентативность фотодокументов советского периода весьма примечательна.

Фотографии семейного архива могут выступать как атрибуты типичных для того периода фотографических и социальных практик, а могут сохранить для нас уникальные произведения и уникальные человеческие взаимоотношения. В семейном архиве Левицких, с одной стороны, отложилась достаточно типичная для того времени продукция фотографических ателье: студийный портрет, видовые снимки, портреты известных людей, репродукции произведений искусства. Во многих случаях можно говорить о продукции наиболее известных фотофирм. Портреты семейного архива выполнены, в том числе, в московских ателье «Фотография Отто Ренара», «Фотография Г.В. Трунова», «Фотография М. Конарского», «Фотография Франца Опитца», «Фотография В. Чеховского», «Фотография «Доре», «Фотография П. Павлова», «Фотография «Шерер, Набогльц и К°». Ряд видовых снимков семейного архива принадлежит ялтинской «Фотографии И. Семенова» и ялтинской же «Фотографии «ЮГ»». Большая часть портретов известных людей была выполнена в петербургском ателье «Фотография Везенберг и К°», специализировав-

шемся на такого рода продукции. Большинство дарственных надписей на обороте снимков представляют традиционные для того времени формулы. И во многих отношениях мы можем говорить о типичной продукции коммерческой фотографии и о типичном ее использовании. Применительно к фотолюбительству также можно говорить о типичных явлениях: фотографирование на отдыхе, влияние профессиональной фотографии и т.д.. Но это лишь одна сторона медали.

Семейный фотографический архив в равной степени может быть назван хранителем уникальных человеческих судеб, взаимоотношений, произведений. Биография и даже личность отдельных представителей семьи могут быть частично реконструированы на основании документов и фотографий. Благодаря дарственным надписям на фотографиях прочитываются уникальные отношения людей. Фотография может стать способом творческого выражения человека, как это было с Д.А.Скворцовым. Многие любительские снимки семейного архива сохранили мгновения жизни прошлого, которые всегда уникальны.

Когда речь идет об источниках возможностях семейного фотоархива в целом, выделить типичное и показать основные направления исследования в небольшой статье гораздо проще и нагляднее. Но возможен и другой взгляд. Типичное лишь оттеняет уникальное: взаимосвязи с жизнью социальной группы, с определенной страной и эпохой, с явлениями в истории фотографии лишь высвечивают уникальность каждой человеческой судьбы, каждого, не укладывающегося в схемы снимка. Ведь семейный фотографический архив – сложный комплекс, который одновременно связан с историей фотографии и историей повседневности определенной социальной группы и который аккумулирует в себе образцы как типичного для повседневности данной группы, так и уникального, поскольку речь всегда идет о судьбах конкретных людей.

В настоящее время активно исследуется история фотографических ателье второй половины XIX – начала XX в. Но история коммерческой фотографии – это не только особенности истории фотоателье как определенной субкультуры своего времени, это история использования, бытования их продукции, которая, прежде всего, аккумулирована в составе семейных архивов. Продукция фотографических заведений, попав в определенную социальную среду, становится частью семейной истории, частью людской повседневности. Она обретает дополнительные смыслы в связи с историей той социальной группы, к которой принадлежала семья. Или наделяется уникальным смыслом, становясь посредником и хранителем человеческих взаимоотношений. Уникальные снимки в со-

ставе семейного архива позволяют выстраивать временные связи от людей прошлого к нам через созданные ими или запечатлевшие их фотографии. А типичные для своего времени снимки, продукция массовых видов фотографии, в свою очередь, вписывает жизнь семьи в контекст определенной эпохи, социальной группы и культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Альбом фотографий из семейного архива Левицких. Государственный исторический музей (ГИМ)-112940/1-23. Филиал ГИМ «Музей В.И. Ленина» (ФМЛ) ФОЛ-18711-18733.
- Альбом художественных фотографий из семейного архива Левицких («альбом Скворцова»). – ГИМ-112933/1-50. ФМЛ. ФОЛ-18027-18076.
- Коллекция «Документы семьи Левицких». – ФМЛ ГИМ. Ф. 55. О. 1. Д. 1-16.
- Коллекция фотографий из семейного архива Левицких. – ГИМ-112934/1-634. ФМЛ ФОЛ-18077-18710.
- Личный фонд Д.А. Скворцова. – Центральный Московский архив-музей личных собраний (ЦММЛС). Ф. 146. О. 1. Д. 1-24.
- Напельбаум М.С.* От ремесла к искусству: искусство фотопортрета. М., 1958. 145 с.
- Русская фотография: [фотоальбом]. М., 1996. 286 с.
- Сабурова Т.Г.* Андрей Карелин: Портрет в интерьере: каталог выставки ГИМ. М., 2006. 96 с.
- Сабурова Т.Г.* Портрет в русской фотографии: избранные произведения 1850–1910-х гг. из собрания ГИМ. М., 2006.
- Сабурова Т.Г.* Семейный альбом. Из истории фотоателье: каталог выставки ГИМ. М., 2010. 72 с.
- Семейный альбом : фотографии и письма сто лет назад: из коллекции Елены Лаврентьевой. М., 2005. 224 с.

Литература

- Бажак К.* История фотографии. Возникновение изображения. М., 2006. 159 с.
- Бархатова Е.В.* Русская светопись. Первый век фотоискусства 1839–1914. СПб., 2009. 400 с.
- Волков-Ланит Л.Ф.* Искусство фотопортрета. М., 1974. 303 с.
- Волков-Ланит Л.Ф.* История пишется объективом. М., 1980. 256 с.
- Диментман Д.А.* Коллекция фотодокументов А.А. Губарева как объект источниковедческого исследования // Страницы художественного наследия России XVI–XX вв.: Тр. ГИМ. М., 1991. Вып. 89. С. 165-176.
- Магидов В.М.* К вопросу об особенностях кинофотофонодокументов как массовых источников // Массовые документы и проблемы архивоведения. М., 1986. С. 79-92.
- Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы Архивного фонда Российской Федерации – источниковая база исторических исследований. // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1993. С. 54-55.
- Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005. 394 с.
- Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы как исторический источник. // Отечественная история. 1992. № 5. С. 104-116.

- Магидов В.М. Кинофотодокументы как объект источниковедения (историография вопроса)// Советские архивы. М., 1991. № 4. С. 32-33.
- Михалкович В.И., Стигнеев В.Т. Поэтика фотографии. М., 1989. 277 с.
- Морозов С.А. Русская художественная фотография. М., 1955. 184 с.
- Морозов С.А. Советская художественная фотография. М., 1958. 296 с.
- Морозов С.А. Творческая фотография. М., 1986. 413 с.
- Никитин В.А. Рассказы о фотографиях и фотографях. Л., 1991. 220 с.
- Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М., 2006. 287 с.
- Поллак П. Из истории фотографии. М., 1983. 176 с.
- Попов А.П. Из истории российской фотографии. М., 2010. 238 с.
- Салтыкова И.Е. Массовая портретная фотография конца XIX – начала XX века и проблема примитива // Примитив в изобразительном искусстве : тезисы докладов. М., 1995. С. 61-64.
- Саран А.Ю. История профессиональной фотографии в Орловской губернии (1855–1928). Орел, 2006. 175 с.
- Собрание Дома Джона Истмена. История фотографии. С 1839 года до наших дней. М., 2010. 766 с.
- Стигнеев В.Т. Век фотографии. 1894-1994: Очерки истории отечественной фотографии. М., 2007. 392 с.
- Стигнеев В.Т. Популярная эстетика фотографии. М., 2011. 344 с.
- Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения : сб. науч. статей. М., 2011. 307 с.
- Туровцева С.В. Фотоальбомы как объект источниковедения // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений науч. конфер. М., 1993. С. 160-161.
- Фотография: Проблемы поэтики. М., 2008. 296 с.
- Фризо М. Новая история фотографии. СПб, 2008-2009. Т. 1-2.
- Чертлина М.А. Похороны жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917 г. в фотодокументах РГАКФД // Отечественные архивы. № 1, 2011. С. 45-51.
- Чибисов К.В. Очерки по истории фотографии. М., 1987. 255 с.
- Шипова Т.Н. Фотографы Москвы – на память будущему, 1839–1930: альбом-справочник. М., 2001. 368 с.
- Рубинина Зоя Максимовна**, аспирантка Российского государственного гуманитарного университета; научный сотрудник I категории Государственного исторического музея.; zoya-rubinina@yandex.ru

В. Д. КАМЫНИН

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ “ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК” И ИДЕИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

В статье сопоставляются подходы к определению содержания понятия историографический источник, выясняются факторы, оказывающие влияние на позицию различных авторов. Доказывается непрерывность российской историографической традиции при характеристике этого понятия на протяжении XX – начала XXI вв. Раскрывается воздействие разночтений в его трактовке на качество современных диссертационных исследований. Показано значение идей А.С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения для устранения причин существующего дискурса.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, историографический источник, дискурс, диссертационные исследования.

На рубеже XX–XXI вв. характер историографических исследований оказался в центре внимания современной науки. Желание историографов разобраться в теоретических вопросах своей научной дисциплины привело ее к кризисному состоянию, проявившемуся в появлении школ, по-разному трактующих основные понятия и категории¹. Исследователями, в частности, высказываются принципиально разные позиции о предмете и функциях историографических исследований².

Настоящая статья посвящена анализу имеющихся в российской науке подходов к определению содержания понятия «историографический источник», что связано и с востребованностью современной наукой идей А.С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения.

Впервые дискурс, связанный с содержанием понятия «историографический источник», проявился в 1960–1970-е гг., когда историография из вспомогательной исторической дисциплины начала превращаться в специальную отрасль научных знаний с собственным категориальным аппаратом. В литературе того времени сложилось два понимания историографического источника. Одно из них называли «узким». А.М. Сахаров историографическими источниками считал труды историков в любой их форме: монографии, статьи, заметки, выступления в дискуссии, а также черновики, отброшенные варианты текстов и т.п.³ Часть исследовате-

¹ См.: Заболотный, Камынин. 2013. С. 48-60.

² См.: Заболотный, Камынин. 2004. С. 79-91; Алеврас. 2010. С. 173-190.

³ См.: Сахаров. 1978. С. 11.

лей сформулировала «широкое» определение историографического источника. М.А. Варшавчик, рассматривая источники по историографии истории КПСС, писал: «Источниками по историографии истории КПСС являются все материалы, непосредственно отражающие формирование, направление, состояние и перспективы развития историко-партийных знаний»⁴. А.И. Зевелев относил к историографическим источникам не только труды самих историков, но и «те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке, и условиях ее функционирования»⁵. Наиболее широкую трактовку историографического источника давал С.О. Шмидт, который предложил понимать под ним «всякий источник познания историографических явлений (фактов)»⁶.

Заметим, что «широкое» понимание содержания историографического источника, вызвало у советских авторов желание провести их систематизацию, выделив группу «первоисточников», к которым относились прежде всего трудов историков. По словам М.В. Нечкиной, эти труды «могут иметь форму крупных монографий, отдельных книг, статей, сообщений, печатных заметок. Но они могут иметь и форму устных докладов, выступлений в прениях, в дискуссиях. Каждый законченный и оформленный труд окружают, как правило, немалые массивы переработанного материала, черновиков, пробных набросков, отброшенных вариантов текста, использованных карточек и всего прочего, что составляет лабораторию историка и позже становится его архивом»⁷. Н.Н. Алеврас указала на то, что под историографическими источниками «подразумеваются любые источники, содержащие данные по истории исторической науки. Важнейшими среди них являются исторические исследования»⁸.

Мы намеренно взяли из советской историографии типичные определения историографического источника, бытовавшие в учебной литературе, с целью показать, что в сознание студента закладывалась мысль о неопределенности данного понятия.

После происшедшей «историографической революции» в современной литературе можно встретить различные по объему определения историографического источника. Обратившись к фундаментальной разработке источниковедения историографии, основательный анализ со-

⁴ *Варшавчик* 1973. С. 100.

⁵ *Зевелев*. 1987. С. 120.

⁶ *Шмидт*. 1997. С. 185.

⁷ *Нечкина*. 1965. С. 10.

⁸ *Методические рекомендации...* С. 7.

временных подходов к определению данного понятия провел С.И. Маловичко⁹. Он дает характеристику историографической традиции изучения понятия «историографический источник», анализирует разные трактовки в современной историографии, предлагает собственный вариант классификации этих источников.

Обратившись к анализу современной историографической литературы учебного характера, можно обнаружить в ней те же самые разногласия по поводу определения понятия «историографический источник», которые имели место в предшествующей научной традиции.

«Узкое» определение понятия дают В.И. Усанов и В.А. Лабузов. Они считают, что «источником для историографа служат, в первую очередь, изыскания в области истории – монографии, диссертации, статьи, научные доклады, тезисы, рецензии и т.д. Кроме того, в качестве историографического источника могут быть использованы материалы личных фондов историков, их переписка, воспоминания»¹⁰.

«Широкую» трактовку содержания понятия дает А.В. Клименко, разделяя мнение А.М. Сахарова о том, что главными историографическими источниками являются труды историков в любой их форме. При этом автор пишет, что «к другой группе историографических источников относят документацию научно-исследовательских организаций: протоколы съездов, конференций и круглых столов историков, стенограммы их дискуссий, тексты постановлений, материалы о формировании кадров исторической науки. Особый вид историографических источников представляют рецензии на исторические исследования, которые не только отражают процесс утверждения концепции в научной среде, но и содержат новые гипотезы и позитивные решения»¹¹.

Расширительное понимание содержания «историографический источник» заставляет и современных авторов проводить их внутреннюю систематизацию. В.П. Корзун предлагает выделять так называемую «опорную группу источников», которая «задает системообразующее ядро, позволяет проводить определенную иерархию текстов». К ним она относит «тексты, несущие преимущественно историко-научный (рефлексивный или критический) элемент исторического знания вне зависимости ни от жанра, ни от мест их бытования»¹².

С.И. Маловичко, выступая на сайте Источниковедение.ru, указывает, что в современной литературе имеются последователи позиции

⁹ См.: Маловичко. 2012. С. 114-117.

¹⁰ Усанов, Лабузов. 2000. С. 7.

¹¹ Клименко. 2003. С. 23.

¹² Корзун. 2000. С. 22.

С.О. Шмидта в отношении историографического источника, с которой он категорически не согласен. По его словам, определение С.О. Шмидта «если и может отвечать потребностям дальнейшего изучения “историографических фактов” или событий в исторической науке (так как здесь задействуются не только историографические, но собственно исторические источники иных видов, которые профессиональному историку все-таки необходимо различать), то совершенно не способствует превращению источниковедения историографии в строгое научное поле современной исторической науки»¹³.

В полемике с С.И. Маловичко Н.Н. Алеврас предлагает вообще отказаться от термина историографический источник. По ее словам, «многообразие результатов творческой и научной деятельности, частной и общественной жизни ученого любой научной области, и историка в частности, входит в общий корпус интеллектуальных продуктов, выработанных человечеством. Представляя феномены интеллектуальной жизни научного сообщества с присущими им социокультурными функциями, они при соответствующей ситуации в науке, могут выступить в роли источников по изучению истории историографии. Информационную базу историограф формирует из общей “копилки” интеллектуальных продуктов (своеобразных протоисточников), которой пользуется все корпоративное сообщество историков, а шире – гуманитариев»¹⁴.

Маститые историографы в пылу интеллектуальной полемики не учитывают, что их мнения интересуют не только ученых, хорошо разбирающихся в теоретических хитросплетениях историографии, но и начинающих исследователей – соискателей ученых степеней. Они зачастую приходят к выводу об относительности категориального аппарата историографической науки, о возможности вкладывать свое понимание в содержание терминов. Между тем не только источниковедение историографии должно быть *строгой наукой*, но и историографическая наука в целом должна соответствовать этому требованию. Прав В.П. Золотарев, который на конференции, посвященной 140-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского, предложил «теоретизирующим историкам» «договориться о словах, т.е. о системе терминов и их содержании»¹⁵.

Мы уже обращали внимание на то, какое негативное влияние оказывает разногласия в среде профессиональных историографов в теоретико-методологической области на диссертационные исследования¹⁶. От-

¹³ Маловичко. Феноменологическая концепция источниковедения....

¹⁴ Там же.

¹⁵ Золотарев. 2003. С. 26.

¹⁶ См.: Камынин. 2011. С. 132-135.

существование единых требований к методологии историографического исследования, устойчивое мнение о том, что историография как прикладная научная дисциплина не должна иметь собственного методологического инструментария, приводит к тому, что диссертант отказывается от формулировки собственной теоретической позиции, подменяя методологию совокупностью методов исследования. Между тем, следует различать объект исследования историографа, которым выступает историографический источник, изучаемый по методике классического источниковедческого исследования (в том числе «признания чужой одушевленности»), и предмет исследования, которым выступает историографический факт, т.е. историческая концепция исследователя, сформулированная им в одном или нескольких историографических источниках. При анализе исторической концепции автора историограф так или иначе исходит из собственных теоретических пристрастий, о которых ему не мешает заявить заранее, а не прикрываться следованием принципу научной объективности.

Весьма распространенным в диссертациях является отождествление понятий исторический источник и историографический источник. Е.В. Чернышева в докторской диссертации среди историографических источников по истории земских служащих выделяет мемуары, причем не историков, а самих земских деятелей, подчеркивая, что на страницах их мемуаров «отразились многие характерные тенденции исторического сознания того времени, часто в них формулировались концепции, которые впоследствии разрабатывались профессиональными историками»¹⁷. Вряд ли это соответствует действительности, однако автор настаивает на том, что «указанные обстоятельства позволяют рассматривать мемуары не только как исторический, но и как историографический источник»¹⁸.

В кандидатских диссертациях по историографии допускаются еще большие вольности. Создается впечатление, что молодые исследователи вообще не задумываются о содержании используемых ими дефиниций. И.В. Грибан пишет: «Разделение на историографические и исторические источники для многих материалов (прежде всего монографической (Sic! – В.К.) и мемуарной литературы) носит условный характер, так как в зависимости от исследовательских задач они могут рассматриваться в обоих обозначенных аспектах»¹⁹. Не знаем, какие должен историограф поставить перед собой исследовательские задачи, чтобы произведения историков, которые по справедливому замечанию С.И. Маловичко,

¹⁷ Чернышева. 2011. С. 13.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Грибан. 2013. С. 219.

«наиболее полно соответствует базовому понятию *историографический источник*», можно было отнести к понятию исторический источник.

В диссертационном исследовании Е.В. Лешуковой к историографическим источникам по истории Гражданской войны относится «обширный пласт исторического материала о терроре того времени, в котором выделяется два больших блока – научная литература и общественно-политическая литература»²⁰. В другом месте данной работы общественно-политическая литература характеризуется диссертантом уже как «особый вид исторических источников», включающий «в себя массовую агитационно-пропагандистскую литературу, поднимающую актуальные для общества политические вопросы»²¹.

Можно долго призывать историографов к тому, чтобы «договориться о терминах», указывать на то, какой чрезмерный вред наносит разногласия историографической науке в целом и т.д. Однако, следует обратить внимание, что каждое поколение историографов фактически проходит через один и тот же дискурс в обращении к теоретическому обоснованию понятия *историографический источник*. Мы уже показывали выше, насколько похожи позиции, занимаемые в этом отношении советскими и современными российскими учеными. Не являлась особой в этом смысле эпоха, на которую приходилось творчество А.С. Лаппо-Данилевского.

Разрабатывая теорию источниковедения, ученый обращал внимание на различное понимание в современной для него науке термина источник. Обратим внимание на методическую сторону работ А.С. Лаппо-Данилевского. Он подчеркивал, что стоит разделять взгляды на источник с теоретико-познавательной точки зрения и в научно-эмпирическом смысле этого слова. По его утверждению, «с теоретико-познавательной точки зрения, под эмпирически данным "источником" можно разуметь всякое данное нашего чувственного восприятия. В научно-эмпирическом смысле, однако, естественно несколько ограничить такое понимание и называть источником всякий реальный объект, который изучается не ради его самого, а для того, чтобы через ближайшее его посредство получить знание о другом объекте»²².

Важным представляется замечание А.С. Лаппо-Данилевского об обязательном соотношении понятий исторический источник и исторический факт. С его точки зрения, «лишь тот материал, который оказывает

²⁰ Лешукова. 2013. С. 9.

²¹ Там же. С. 13.

²² Лаппо-Данилевский. 2006. С. 285.

ся пригодным для изучения факта с историческим значением, а не для изучения какого бы то ни было факта из прошлой жизни человечества, в сущности, заслуживает наименование исторического источника»²³.

Критикуя расширительную трактовку понятия исторический источник, в частности, возможность привлечения в качестве источника явлений природы – физической или психологической – для изучения факторов, действие которых, по мнению авторов, может лучше объяснить тот или иной исторический факт, А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал: «С интересующей нас точки зрения рассуждения подобного рода нельзя, однако, признать методологически правильным: явление природы, если угодно, могут служить источниками для научного знания естествоведа, но не историка; естествовед изучает их и заключает о возможности действия в прошлое тех же факторов, которые действуют на его глазах, а историк лишь пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности; то же замечание можно, конечно, высказать и о выводах психолога, которые принимаются во внимание историком, и т.п.». По его замечанию, «если явления чужой душевной жизни никем не наблюдаются непосредственно, а всегда только через посредство внешних их обнаружений, доступных чувственному восприятию наблюдателя, например, через посредство языка (жестов, слов и проч.), то, значит, "явления" душевной жизни сами по себе не могут служить источниками знания (в смысле эмпирических данных); для ознакомления с ними наблюдатель нуждается в источниках; но последние в таком именно смысле уже оказываются не явлениями природы, а продуктами индивидуальной психики или культуры»²⁴.

Важность выделения историографических источников из общей массы определяется также тем, что многие современные историографы, в отличие от своих предшественников, уделяют особое внимание анализу специфики работы с историографическими источниками, указывая, что при выявлении исторической концепции автора возникают существенные трудности, вытекающие из специфики исторического познания. С.П. Бычкова и В.П. Корзун полагают, что в историографическом источнике скрыта методика интерпретации автором выявленного исторического материала, и главная задача историографа – понять ее. По их словам, «это наиболее трудный аспект историографического анализа», ибо «сам автор-историк, в отличие от ученого-естественника, не оговаривает свою технику исследования. Даже ученики В.О. Ключевского

²³ Там же. С. 292.

²⁴ Там же. С. 287.

отмечали, что он не демонстрировал технику интерпретации исторических событий, а скорее, удивлял собственной интуицией и готовой конструкцией – образом эпохи. Реконструкция исторической концепции предполагает учет вышеперечисленных факторов»²⁵.

С другой стороны, пишут С.В. Кондратьев и Т.Н. Кондратьева, «в настоящее время начинающий академическую карьеру историк, открывая публикации 30–40–50-летней давности, зачастую воспринимает их как своеобразные ребусы или интеллектуальные кроссворды – настолько трудно ему бывает разобраться в этих обезличенных, почти всегда безлюдных, “бесчеловечных” работах, переполненных отвлеченными абстракциями. Он, бывает, не может перевести на современный русский профессиональный язык своих предшественников»²⁶.

По нашему мнению, историографическая наука должна обладать четко очерченным понятийным аппаратом. Конечно, учитывая дифференциацию историографов, проистекающую из разного понимания учеными предмета историографической науки, не стоит надеяться на появление единой точки зрения на системообразующие дефиниции данной научной дисциплины. Разделяя понимание историографии как истории исторической науки, мы склоняемся к признанию справедливости расширительного толкования понятия историографический источник, которое оптимально соотносится с дефиницией “историографический факт” и учитывает специфику организации научных исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* Предмет историографии: версии современной науки // IMAGINES MUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Серия: Интеллектуальная история. Екатеринбург, 2010. Вып. 4. С. 173–190.
- Бычков С.П., Корзун В.П.* Введение в отечественную историографию XX века: Учебное пособие. Омск: ОмГУ, 2001. 359 с.
- Варшавчик М.А.* Об источниках изучения историографии истории КПСС // *Вопр. истории КПСС.* 1973. № 11. С. 97–104.
- Грибан И.В.* Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в отечественной и зарубежной историографии: Дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 368 с.
- Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* Научное творчество В.А. Муравьева в контексте историографических исследований в России на рубеже XX – XXI вв. // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: сб. статей: в 2 т. М.: РГГУ, 2013. Т. I. С. 48–60.*
- Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* К вопросу о функциях и месте историографических исследований в развитии исторической науки // *Вестник Тюмен. ун-та.* 2004. № 1. С. 79–91.

²⁵ *Бычков, Корзун.* 2001. С. 15.

²⁶ *Кондратьев, Кондратьева.* 2003. С. 6.

- Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Высшая школа. 1987. 160 с.
- Золотарев В.П.* Договоримся о словах! // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. СПб.: Изд-во Северная звезда, 2003. Вып. I. С. 19-28.
- Камынин В.Д.* К вопросу о роли методологии в современных диссертационных исследованиях по историографии // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века : материалы междунар. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 132-135.
- Климченко А.В.* Предмет и задачи историографии // Историография истории России до 1917 года: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / Под ред. М.Ю. Лацаевой. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2003. Т. 1. С. 12-25.
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень: ТюмГУ, 2003. 272 с.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XX–XX вв. Омск; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 226 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Издательский дом Территория будущего, 2006. 472 с.
- Лешукова Е.В.* Отражение террора Гражданской войны на территории Западной Сибири в научной и общественно-политической литературе: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
- Маловичко С.И.* Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения // Историческая наука и образование в России и на Западе: Судьба историков и научных школ. М., 2012. С. 114-117.
- Маловичко С.И.* Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Источниковедение.ru. Режим доступа: ivid.iso.ru/publ/medushevskaja_90/om_malovichko/15-1-0-130.
- Методические рекомендации по организации самостоятельной работы при изучении курса «Историография истории СССР» / сост. Н.Н. Алеврас. Челябинск: Чел. гос. ун-т, 1989. 41 с.
- Нечкина М.В.* История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: Историография истории СССР. М.: Изд-во Наука, 1965. С. 6-26.
- Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 256 с.
- Усанов В.И., Лабузов В.А.* Историография отечественной истории: с древнейших времен до 1917 года: Курс лекций: в 2 ч. Оренбург: Изд-во ОПГУ, 2000. Ч. 1: Эпоха феодализма. 108 с.
- Чернышева Е.В.* Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии: Автореф. дисс. д-ра ист. наук. Челябинск, 2011. 44 с.
- Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, kamuniv@yandex.ru

С. И. МАЛОВИЧКО

НЕПОНИМАНИЕ КАК ФОРМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье обращено внимание на сосуществование академического и социально ориентированного типов исторического знания в первой половине XIX века на примере историографических дискуссий между «скептической школой» и ее противниками. Автор делает вывод о том, что формой сосуществования разных типов исторического знания стало взаимное непонимание. Понимание может обеспечить не позиция, стремящаяся к «исправлению» другого типа истории, а рефлексия на метауровне науки с точки зрения принципа *«признания чуждой одушевленности»*, актуализированного в проблемном поле источниковедения историографии.

Ключевые слова: *типы исторического знания, научная история, социально ориентированное историописание, М.Т. Каченовский, «скептическая школа», А.С. Лаппо-Данилевский, история как строгая наука.*

Начну статью с замечания, сделанного А.С. Лаппо-Данилевским при вступлении в действительные члены Академии наук (1900). Как отметил Е.А. Ростовцев, в черновике благодарственной речи Лаппо-Данилевский записал: это избрание «я объясняю про себя не столько вниманием к моим заслугам, конечно весьма скромным, сколько одобрением того ученого направления, к которому я принадлежу <...> Не пренебрегая лингвистикой, археологией, и археографией, я стараюсь и буду стараться придерживаться того направления, которое имеет в виду не только факты, но и факторы, не одни события, но и явления, которое стремится изображать не столько картины, сколько процессы и располагает материал не живописными группами, а эволюционными рядами...»¹.

Слова Лаппо-Данилевского напомнили мне мысль о сосуществовании двух разных «направлений» в историографии, высказанную известным киевским историком почти на тридцать лет ранее. Правда, автор говорил не о положении современного ему исторического знания (начала 1870-х гг.), а о первой половине XIX в., точнее о времени спора «скептической школы» с ее критиками. Однако к словам киевского историка я еще обращусь, пока же вернемся к сказанному Лаппо-Данилевским.

Его мысль примечательна тем, что включает в себе рефлексии о разных «направлениях» современного исторического знания, к одному из которых он причислял себя. Историк не указал их количество, но, думаю, не ошибусь, если предположу, что в данном случае он все-таки имел в

¹ Ростовцев. 2004. С. 142-143.

виду *два* «направления». Следующее уточнение касается самого понятия «направление». Конечно, Лаппо-Данилевский под «направлением» понимал не то, что мы сейчас относим к направлениям неклассической модели исторической науки (историческая антропология, социальная история, культурная история и др.), т.е. область научного исторического знания, предполагающую особый ракурс рассмотрения исторической реальности². Позволю себе предположить, что говоря о направлениях, он имел в виду сосуществование особых способов историописания.

Такое предположение позволяет обратить внимание на соотношение уже не способов изучения истории, а типов исторического знания: научного и социально ориентированного. В последнее время в рамках Научно-педагогической школы источниковедения нам с М.Ф. Румянцевой доводилось неоднократно обращаться к этому вопросу. Поэтому коротко отмечу, что под социально ориентированной историей (которую не следует путать с т.н. популярной историей) мы понимаем практику конструирования прошлого, не базирующуюся на исторической науке, но особым образом востребующую ее фактологию и удовлетворяющую потребность социума в историческом знании. Целью социально ориентированной истории является поиск идентичности, как религиозной или конфессиональной, наднациональной, национальной, так и региональной или местной. Она возникла ранее самой научной истории и стала для нее «другой» в процессе формирования исторической науки.

Ставя задачу исследовать рефлексию «скептиков» и их оппонентов об изучении прошлого, я обращаюсь не к конструкциям русской истории, критикуемым «скептической школой», не к защите отдельных сюжетов этой истории ее противниками (о чем уже много написано), а к самому дискурсу историков, в попытке понять не частности спора, а принципиальные претензии, предъявляемые друг к другу, обратить внимание на целеполагание историописания, явно или неявно демонстрируемого оппонентами, что в итоге позволит выявить *форму дискуссии* историков.

Чтобы решить исследовательскую задачу последовательно обратим внимание на: 1) научные принципы достоверности историописания, выдвинутые М.Т. Каченовским; 2) критику «скептиков» представителями социально ориентированного типа историописания; 3) научный и социально ориентированный типы историописания в структуре исторического знания первой половины XIX в.; 4) возможность перехода от *непонимания* в иерархической структуре исторического знания к признанию культурных связей разных его типов.

² Румянцева. Вспомогательные исторические дисциплины...

М.Т. Каченовский: научные принципы достоверности историописания

Одним из тех, кто в первой половине XIX в. стал принципиально отстаивать формирующиеся правила научного исторического исследования, был М.Т. Каченовский (ставший затем лидером т.н. «скептической школы» в русской историографии). Научную строгость и критический подход к источникам Каченовский вынужден был защищать от сугубо социальной потребности в истории в полемике вокруг труда А.Л. Шлёцера «Нестор», издававшегося с 1809 г. на русском языке³. Строгость Шлёцера к предшествующим русским историческим опытам и логически выстроенная критика разбираемых списков древнерусских летописей вызвали отпор со стороны писателей, смотревших на историю иначе – как на занимательную повесть о героическом прошлом, в первую очередь, – прошлом своих предков. В работе «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке», относящейся к такому виду историографических источников как рецензия (но имеющая характер скрытой дискуссии) Каченовский старался отстоять авторитет знания, противопоставив его «народной гордости» (по его мнению, – невежеству), выражаемой идеей – «для нас русских ненадобна *особенная критика* [выделено автором – С.М.]». Конечно, отметил историк, «весьма приятно извинять свое *невежество* [выделено мной – С.М.] ненадобностью наук и утешительно выдумывать причины, для чего можно без них обойтись; но писатель, занимающийся словесностью, должен трудиться не для сидельцев мучных лавок, не для бородатых защитников двуперстного сложения, не для охотников рассказывать вздор <...>, а для читателей образованных». Каченовский искренне считал, что «лучшая критика все-таки будет уважаема от всех людей благомыслящих»⁴. Отстаивая строгие правила исторической работы, Каченовский подчеркивал: «Незнающие смеются над такой строгой разборчивостью и называют излишним педантизмом; но без нее, без сего труда можно ли ожидать достоверности от нашей истории?»⁵.

Рефлексия о принципе достоверности в истории позволила Каченовскому найти различие в целях самого процесса историописания, критическая история создается не для всех, а для понимающих специфику такой истории.

Защита работы А.Л. Шлёцера не означала, что М.Т. Каченовский и его коллеги старались во всем подражать источниковедческому подходу автора «Нестора» (которому не всегда удачно подражал Н.М. Карамзин,

³ См.: Шлёцер. 1809–1819.

⁴ Каченовский. 1811. № 18. С. 144-145, 148-149; № 19. С. 226, 230.

⁵ Там же. № 18. С. 131.

но более удачно М.П. Погодин). Восприняв критический подход Шлёцера, исследователи развивали его дальше (что вполне естественно) и делали выводы, противоречащие основной гипотезе известного ученого.

Как и многие другие, Каченовский не мог не проявить интерес к труду Н.М. Карамзина «История государства российского». Я позволю себе обратить внимание лишь на некоторые его замечания о труде известного историографа, которые помогут лучше понять другой его принцип, предъявляемый к научной исторической работе.

М.Т. Каченовский проявил интерес к наиболее концептуальному месту «Истории» Н.М. Карамзина – «Предисловию» (такой выбор не смогли понять некоторые его оппоненты). Именно здесь Каченовский обнаружил то, что ему показалось важным для критического разбора. Историк не согласился с тем, что в первой половине XIX в. пока только утверждалось, превращаясь в одну из характерных черт классической модели европейской исторической науки.

В статье, которую можно отнести к такому виду историографических источников, как материалы историографических дискуссий, Каченовский (обратившись к переводу на французский «Предисловия» к «Истории государства Российского») предположил, что «сия История [Карамзина], писанная в духе национальном и единственно для моих соотечественников, французам не понравится *русским своим характером* [выделено автором – С.М.], столь отличным от характера других наций»⁶. Что имел в виду критик? В «Истории государства Российского» есть мысль о различии национальных интересов к истории. У Карамзина читаем: «Согласимся, что деяния описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее <...>; однакож смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних»⁷. Явно выраженная линия на национализацию истории вызвала облаченную в иронию реакцию Каченовского: «Если это в самом деле так, то и *всякий не Русский* [здесь и далее выделено автором – С.М.] найдет их такими же <...> Сколько ни рассуждаю, никак не могу добиться, почему оные древние деяния для всякого не Русского вообще занимательнее»⁸.

Однако Каченовский намекнул на несогласие и с самой моделью государственной истории в таком социально ориентированном виде, в каком она начала утверждаться в Европе, в том числе стараниями Карамзи-

⁶ Каченовский. 1819. № 1. С. 119; Козлов. 1989; Казаков. 2013.

⁷ Карамзин. 1818. Т. 1. С. XII.

⁸ Каченовский. 1819. № 1. С. 124.

на. Критик выделил слова последнего о России, как об одном «из величайших государственных творений в мире», а более подробно остановился на другом замечании историографа. Для этого снова обратимся к «Истории государства Российского», где написано: «Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?»⁹ Каченовский не преминул на эти слова ответить, что, так как «мы не иноземцы, не имеем драгоценного права перекинуть несколько листов, пропустить скучное»¹⁰. Развивая эту тему в другой работе, он объяснил, что не против патриотизма как гражданской позиции¹¹, но не согласен с тем, чтобы патриотизм подменял собой позицию научную; как гражданин он уважает патриотизм Карамзина, но как читатель (в данном случае, – ученый-читатель) он ищет истину¹².

Реакция Каченовского на «Историю» Карамзина была обусловлена его отношением к нормам, которые позволяли исторической работе иметь большую научную строгость. Ограничение исторического исследования строго национальными рамками казалось ему неприемлемым, так как он был сторонником широкого сравнительного анализа исторических явлений. Сравнительный подход не позволял вырывать национальные истории по крайней мере из контекста, представленного историями других европейских народов, и вызывал симпатию у ряда его учеников.

Историко-критический метод, основанный на филологической критике текстов Б.Г. Нибура (история теперь рассматривается не просто скептически, но критически, с помощью исторической критики¹³) укрепил М.Т. Каченовского в выбранной научной позиции. «Шлёцер оказал нам великую услугу, обратив наше внимание на временники; но высшая критика сих временников начинается только в наше время [выделено автором – С.М.], – отмечал историк, увидевший в исследовательской практике Нибура то, чего не хватало у Шлёцера, не сумевшего подняться выше «низшей критики» источников¹⁴. Под критикой Каченовский теперь понимал не просто всестороннюю критику источ-

⁹ Карамзин. 1818. С. XVI.

¹⁰ Каченовский. 1819. № 4. С. 290-294.

¹¹ М.Т. Каченовский старался гражданскую позицию отстаивать в журналистской, а не научной деятельности, на что обратил внимание С.М. Соловьев (см.: Соловьев. 1855. С. 386-388).

¹² Каченовский. 1821. С. 37.

¹³ Niebuhr. 1875. Vol. I. P. 74-75.

¹⁴ Цит. по: Иконников. 1871. С. 36.

ников («низшая критика»), которую применял Шлёцер, но и «высшую критику» (критика исторических фактов). Неслучайно, вместе с его известным учеником С.М. Строевым они высказывали мысли о невозможности научной проверки так называемых «фактов» первых веков древнерусской истории, поскольку сообщения летописи, на основе которых они выстроены историками, включившими их в свои истории, «основаны на рассказах и преданиях». Следовательно, как писал С.М. Строев, «и древняя история наша основана на рассказах и предании! <...> не может быть подведена под строгую историческую истину»¹⁵.

Критика «скептиков» сторонниками социально ориентированной практики историописания

Многие историки не приняли критический настрой М.Т. Каченовского и «скептической школы». Выше я приводил пример реакции научного лидера «скептиков» на замечания защитников «невежества» (как о них думал Каченовский), высказанные в адрес Шлёцера. Однако авторами тех претензий были не историки, а представители определенной группы общества, защищавшие нужные им конструкции прошлого. Рассмотрим некоторые примеры т.н. «ученой критики» в адрес «скептиков».

Одним из защитников труда Карамзина выступал С.В. Руссов, который отреагировал на замечание Каченовского, что в России еще нет нормально написанной *критической* истории: «...Мы этому не поверим <...>, в “Истории государства Российского” мы имеем полную критически написанную историю <...>; российские историки <...> отвечать могут, что ими и паче в “Истории государства Российского” все вышеописанные требования исполнены столько ж, а во многом гораздо более, нежели во многих других европейских государствах»¹⁶.

В «скептиках», не без основания, увидели критиков, в лучшем случае занимающихся совершенно пустым делом, а в худшем – разрушителей «созидательной» роли истории, «открывавшей» европейским народам их прошлое. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «карамзинист» Руссов старался отстоять «полную критичность», а значит полную «научность», «Истории государства Российского» еще и потому, что сам был заинтересован в такой исследовательской практике, которую Каченовский не воспринимал как научную. Например, он искал в Европе территорию, откуда мог прийти Рюрик, и при этом ставил условие, чтобы там «говорили хотя немного по-славянски»¹⁷. Такой

¹⁵ Строев. 1835. С. 37-38.

¹⁶ Руссов. 1835. С. 2-3.

¹⁷ Руссов. 1827. С. 464.

поиск демонстрировал социальную ориентацию работы, имевшей целью поиск идентичности.

А.В. Старчевский увидел причину «неблагоденных нападков» на труд Карамзина в зависти критиков. Его удивила «выходка» Каченовского, которая заключалась в нападках, как он сам отметил: «на некоторые слова, выражения и места [выделено автором – С.М.] не “Истории государства Российского”, нет, а предисловия!»¹⁸.

П.Г. Буткова возмутило, что в «течении семи столетий никто не посягал на достоинство Несторова временника <...>; но теперь явились у нас писатели, которые смело говорят, что мы насчет летописи своей чрез-чур предубеждены и непростительно ошибаемся»¹⁹. Но наиболее последовательно старался отстоять достоверность сообщений летописей, а вместе с этим и достаточность шлёцеровских критических приемов (конца XVIII в.) М.П. Погодин. Отвечая «скептикам» (которых он назвал «легкомысленными писателями»), известный русский историк выстраивал из отбираемых им доказательств вполне логичные суждения против Каченовского и его сторонников, превратив свой публичный ответ в труд по форме чисто защитительный. Заступился он за ту национальную идентичность, которую историкам уже удалось к концу 1830-х гг. выстроить в российском национально-государственном нарративе. Поэтому защиту последнего он начал с того, над чем иронизировал критиковавший «Историю государства Российского» Каченовский. Погодин выделил «свою» (русскую) историю, из круга «других» историй, показывая, что первая как «все» быть не может, а только лучше, написав: «Русская история так счастлива [здесь и далее выделено мной – С.М.], что самые первые ее положения (покрытые в других историях мраком неизвестности или сомнительным светом, перемешанные с баснями до такой степени, что их разделить нельзя) засвидетельствованы иностранцами – современниками и очевидцами»²⁰.

Погодин и Каченовский с Строевым говорили на совершенно разных языках – они защищали разные типы историописаний и потому не понимали друг друга. По мнению Погодина, если «их» (зарубежные) истории и отличаются баснословием, но «наша» история, – нет, так как «наш» народ – *другой*. Он подчеркивал: «...все наши летописатели, даже до 16 века, отличаются добросовестностью и правдолюбием <...>, по характеру своего народа»²¹. Заканчивая свое сочинение, профессор истории

¹⁸ Старчевский. 1849. С. 270.

¹⁹ Бутков. 1840. С. 1.

²⁰ Погодин. 1839. С. 3.

²¹ Там же. С. 223.

прибег к дискурсивной практике, которая усиливала различия в типах исторического знания. На помощь национально-государственному нарративу он призвал не науку, а дух, – провозглашая вечную память летописцу Нестору: «<...> Провозгласим ему вечную память и будем молиться ему, чтоб он послал нам духа Русской истории...»²².

Защита складывающегося русского национально-государственного нарратива от «скептиков» вынуждала историков не просто балансировать на тонкой и проницаемой грани научного и социально ориентированного типов исторического знания, а приводила к полной утрате опоры в первом. Склонные более к эмпирике с суммами фактов, чем к крупным обобщениям, а тем более размышлениям о сути самой истории, П.Г. Бутков и М.П. Погодин выстраивали свою линию «обороны» против «скептиков» с помощью социально ориентированной истории. Неслучайно, Н.А. Иванов – носитель исторического сознания, которое считало возможным оценивать историков по патриотическим заслугам («нелегко вообразить себе, с какой опрометчивостью гёттингенский профессор [Шлёцер] упрекает просвещенного патриота [Татищева]», – писал он), выбирает сторону Буткова и Погодина²³.

Научный и социально ориентированный типы историописания в структуре исторического знания первой половины XIX в.

Профессионализация истории шла рука об руку с процессом конструирования национальных традиций, актуализированных интеллектуальным движением эпохи романтизма первой половины XIX в. По мнению С. Бергера, в это время по всей Европе наблюдается усиливающаяся симбиотическая связь письма истории и даже истории как университетской дисциплины с практикой строительства национальных тождеств. Этот сплав историк назвал «историографическим национализмом»²⁴. Такую связь как само собой разумеющееся воспринимали современники и именно в формате «научности» национально-государственного нарратива. Уже упоминавшийся выше А.В. Старчевский, защищавший труд Карамзина, говоря о его историографическом значении для первой четверти XIX в., подчеркивал: «Карамзин <...> трудясь *во имя науки* [здесь и далее выделено мной – С.М.], в то самое время хотел дать историческую опору новому русскому обществу; напомнить ему, что оно имеет свое прошедшее; *утвердить народность*»²⁵.

²² Там же. С. 229.

²³ Иванов. 1845. С. 28, 96.

²⁴ Berger. 2011. P. 19, 22, 37.

²⁵ Старчевский. 1849. С. 277.

Конечно, заинтересованность историков в конструировании национально-государственной истории, а затем и истории этнической принимала безусловные социально ориентированные черты, но не следует представлять конструирование национально-государственной истории практикой, ориентированной на реализацию лишь сугубо практической задачи, далекой от научности и не позволявшей говорить о так называемой «объективности». Нельзя не согласиться с утверждением современного историка К. Лоренца, считающего, что национальная история выполняла сугубо практическую функцию и «для большинства профессиональных историков <...> XIX и XX вв. эта практическая ориентация связана с созданием определенной идентификации с государством»²⁶. Однако о сугубо «практической» функции национально-государственного нарратива историки (и то, первоначально лишь отдельные) стали размышлять не ранее наступления кризиса классической модели европейской исторической науки. Напротив, рефлексия о ее «объективности» присутствовала в первой половине XIX в. В классической модели «научность» и «объективность» национально-государственной истории связывалась с последовательностью ее изложения и «истинностью» или, как указывал Н.Г. Устрялов, «верным изображением перемен»²⁷. Но сама модель национально-государственной истории (несмотря на «верное изображение») оказывалась социально ориентированной, так как каждый такой труд ставил целью поиск национальной идентичности. Таким образом, как нам уже приходилось отмечать, провозглашение объективности и научности национальной истории позволяло сделать государство и предметом, и объектом этой дисциплины²⁸.

В рамках историографической культуры первой половины XIX в. лишь единицы историков пробовали даже не противостоять общей тенденции (такой цели они не ставили), доминировавшей в историческом знании, а, рефлексировав о принципах научной истории, устранять из нее черты, которые казались им ненаучными.

При размышлении о структуре исторического знания того времени показательным выглядит пример позиции по отношению к «скептикам» Н.И. Надеждина. Приняв во внимание, что в современной Европе теперь каждый «народ хочет быть собой, живет своей, самобытной жизнью»²⁹, он сделал вывод, что и историческая наука в ее национальном

²⁶ Lorenz. 2008. P. 36.

²⁷ Устрялов. 1855. С. 405-408.

²⁸ Маловичко, Румянцева. 2011. С. 281-282.

²⁹ Надеждин. 1836. № 1. С. 5-60; № 2. С. 205-264.

варианте не может оставаться в стороне от социальной задачи формирования идентичности. Надеждин не отрицал важности исторической критики и «скептиков» в формировании научности в истории, но укорил их за то, что они не смогли быть снисходительнее к «полу-свету» некоторых «фактов». Это не значит, что такие «факты» обязательно являются «истиной», более того, как он заметил, можно было первые века нашей истории «принести <...> в жертву критике, если бы дело шло только о притязании народного самолюбия на древность [выделено мной – С.М.]»³⁰. Но у русской истории есть, по мнению Надеждина, более высокая, чем строгая научность, цель – формирование нации.

Если Каченовский отстаивал принцип, что любое чувство, пусть даже и патриотическое, не должно подменять «беспристрастие историка»³¹, то Надеждин предложил иное. Свой выбор он мотивировал защитой национальных, но не научных интересов. Он указывал, что Россия некогда потеряла часть своей «кровной» территории (Украина, Белоруссия). «Узы кровного родства были разрушены». Ныне, с конца XVIII в. «народ российский почти весь соединился в одну семью. И ничего не может укрепить сильнее этого воссоединения, как ясная память древних веков нашей древности» [здесь и далее выделено мной – С.М.]. После чего Надеждин подчеркнул, – вот почему «эти века для нас бесценны»³².

Признав, что есть критическая история, посеявшая семена скептицизма по отношению к некоторым «фактам» первых веков древнерусской истории, Надеждин предпочел ту, в которой возможен «полу-свет» – историю социально ориентированную, но внешне выстраиваемую в форме научного (критического) типа историописания. Его выбор был связан с гражданской позицией, желанием иметь историю «русского единства» (великороссы, белорусы и малороссы), и это желание было ничем не хуже актуализируемой в то же самое время в немецкой историографии истории «немецкого единства». Достижению такой цели не способствовали идеи «скептиков», а значит, согласия с ними быть не могло.

В середине XIX в. модель национально-государственной истории приобретает все более респектабельные черты научности, что показывает многотомный труд С.М. Соловьева (издававшийся с 1851 г.), в котором автор, как о самом собой разумеющемся, писал: «Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной...»³³.

³⁰ Надеждин. 1837. 130-131.

³¹ Каченовский. 1821. С. 37.

³² Надеждин. 1837. С. 116-117.

³³ Соловьев. 1896. Кн. 1. Т. 1. С. 1.

О «скептиках» вспоминали как об историках, привнесших новый научный взгляд в практику изучения исторических источников, но ошибавшихся из-за неверия в события древнерусской истории, поэтому, как писал П.Н. Милоков, Бутков и Погодин «опровергли все их построения»³⁴. Такая мысль присутствовала и в работах некоторых советских историков, считавших, что «положительный вклад “скептиков” в развитие науки был невелик. Реальное дело “скептиков” тонуло в их нигилизме по отношению к древнерусской истории»³⁵.

В заслугу М.Т. Каченовскому и «скептической школе» нередко ставили и ставят протест против национализма в русской истории³⁶, отстаивание научных принципов, «не считаясь с тем, соответствуют ли они политической конъюнктуре»³⁷. Выводы о протесте против национализма и политической конъюнктуры представляются мне несколько искусственными, уводящими из поля науки в общественную жизнь эпохи. В начале XXI в. К.Б. Умбрашко справедливо предложил вернуть «скептиков» в историю исторической науки³⁸. О науке пробовал рассуждать в 1871 г. В.С. Иконников, сделавший вывод, что «Каченовский явился перед нами защитником космополитизма в науке»³⁹. Вполне понятно, что историк имел в виду под словами «космополитизм в науке», ведь в то время в иерархической структуре исторического знания национальная история еще занимала доминирующее положение. Сегодня мы с большим основанием вправе говорить, что «космополитизм в науке» это «масло масляное», но дискурс Иконникова интересен тем, о чем сам историк не сказал, — его зависимостью от модели классической европейской историографии.

Представляется плодотворным изучение сосуществования двух типов исторического знания и, в частности, спора «скептиков» и их критиков (как формы взаимного непонимания) не только в рамках национальной историографии, но в контексте модели классической исторической науки. Важно, что такой путь уже был намечен тем же Иконниковым, но только в 1891 г., через двадцать лет после приведенного выше размышления. В «Опыте русской историографии» историк сумел поставить М.Т. Каченовского и «скептическую школу» в контекст научной практики европейской историографии первой половины XIX в. Рассматривая вопрос о принципах критического подхода Нибура, Иконников выделил главный

³⁴ Милоков. 1900. С. 196.

³⁵ Сахаров. 1978. С. 108-109.

³⁶ Милоков. 1895. С. 809; Он же. 1900. С. 196; Пустарников. 2003. С. 423.

³⁷ Шапиро. 1993. С. 372-373.

³⁸ Умбрашко. 2002.

³⁹ Иконников. 1871. С. 15.

из них – тот, который, по его мнению, состоял «не в том, чтобы доставить своим читателям художественное наслаждение и не в какой-либо практической цели, а в изыскании научной истины»⁴⁰. Историк обратил внимание на то, что идеи Нибура получили распространение не только в Германии, но и во Франции, Англии и России, везде встречая неприятие его исторического скептицизма. Иконников привел примеры такого неприятия из английской и русской историографии⁴¹. Перечислив основные возражения, высказанные некоторыми авторами против русской «скептической школы», он заключил: «Исторический скептицизм привел к известным положительным результатам. Современная историческая критика ведет свое начало от его представителей; а в исторической науке все более утверждается мнение, что история должна стремиться к тому, чтобы *стать точным знанием* [выделено мной – С.М.]...»⁴²

Можно предположить, что мнения Иконникова 1871 и 1891 гг. о «скептиках» демонстрируют происходившую трансформацию исторического знания. Последний вывод историка связан с ощущением кризиса классической модели исторической науки. Неслучайно, сразу после него Иконников привел претензии историков к традиционному содержанию «истории, как предмета» и требования исключения из нее массы политических фактов (поддерживающих линейную структуру государственной истории), которые следует заменить «явлениями исключительно культурного характера»⁴³, тем самым наделяя историю рядом черт, свойственных ее неклассической модели.

По мнению С. Бергера, в первой половине XIX в. историки критического направления оказались единственными, кто стал вести разговор о прошлом авторитетно, а значит профессионально. Но методологически изящно разоблачая многие исторические мифы, они способствовали созданию напряженности между историей (научной) и национальной мифологией⁴⁴. Таким образом, Иконников и Бергер указали на имевшийся определенный градус напряжения в европейской историографии, вызванный научной деятельностью представителей критической истории.

Однако именно Иконников еще в 1871 г. высказал мысль, которая приведена в самом начале статьи. По мнению киевского историка, в русской историографии первой половины XIX в. существовали «два направления: одни стояли за Нестора, другие против; одни поклонялись Карам-

⁴⁰ Иконников. 1891. С.15-16.

⁴¹ Там же. С. 17-19.

⁴² Там же. С. 25-25.

⁴³ Там же. С. 27-30.

⁴⁴ Berger. 2011. P. 26-27.

зину, другие склонялись на сторону Каченовского; одни еще не могли отделаться от Роллена [имеется в виду французский историк Ш. Роллен (1661–1741). – С.М.]; тогда как другие превозносили Нибура). Заканчивая свою мысль, Иконников отметил: «Но для нас не может быть сомнения на чьей стороне была истина...». На стороне «скептиков»⁴⁵.

От непонимания в иерархической структуре исторического знания к признанию культурных связей разных его типов

Возвращаясь к речи А.С. Лаппо-Данилевского, в которой он упомянул о двух «направлениях» в русской исторической науке, следует привести вывод Е.А. Ростовцева, отметившего, что направление Лаппо-Данилевского объективно «противостояло “художественной” (по выражению С.Н. Валка) школе С.Ф. Платонова»⁴⁶. На рубеже XIX–XX вв. происходил кризис классической модели исторической науки и, как отмечает С.П. Рамазанов, в русской историографии начала XX в. кризис характеризовался сменой теоретико-методологических течений, ведущую роль заняли представители неокантианства, стремившиеся «вывести историческую науку из пределов исключительно описательной дисциплины»⁴⁷. Одним из самых ярких представителей русской версии неокантианства⁴⁸ являлся Лаппо-Данилевский, который «отстаивал самоценность науки, резко разделяя объективно-научные и социально-политические интересы»⁴⁹.

Лаппо-Данилевский считал, что историческое знание должно быть строгой наукой и именно такой способ историописания он защищал от другого – «художественного» способа, который кроме научной мог преследовать еще и определенную социально-политическую цель. В данном случае я далек от мысли называть исследовательскую практику С.Ф. Платонова – социально ориентированной. «Направления», о которых говорил Лаппо-Данилевский корректнее будет назвать *разными способами* изучения прошлого. Но, думаю, не ошибусь, если отмечу, что диалог между его представителями был также затруднен взаимным непониманием.

Иную ситуацию с «направлениями» можно наблюдать в первой половине XIX в. Н.Л. Рубинштейн отмечал, что М.Т. Каченовский научное требование достоверности противопоставил другому подходу,

⁴⁵ Иконников. 1871. С. 66.

⁴⁶ Ростовцев. 2004. С. 143.

⁴⁷ Рамазанов. 2000. Ч. 2. С. 4.

⁴⁸ М.Ф. Румянцева считает, что более корректно феномен русского неокантианства, в отличие от немецкого (Баденская школа неокантианцев), называть русской версией неокантианства (см.: Румянцева. 2012. С. 130-141).

⁴⁹ Рамазанов. 1999. Ч. 1. С. 95-96.

характеризующемуся художественностью и морализующими задачами⁵⁰. «Художественность», замеченная Рубинштейном в первой половине XIX в. и отмечаемая следом за С.Н. Валком Е.А. Ростовцевым на рубеже XIX–XX вв., конечно, не схожие историографические явления, а лишь одна из черт способа историописания. Более того, понятие «художественный» по отношению к исследовательской практике выглядит абсолютно клишированным, но, как можно заметить, удобным дискурсивным шагом для противопоставления какой-либо «более передовой» – научной практике изучения истории. Например, А.Н. Пыпин заслугу Каченовского видел в научной критике, противостоявшей «художественности», подчеркнул: «У него не было ни увлечения риторикой, ни малейшего желания раскрасить историю»⁵¹.

В историографической ситуации первой половины XIX в. можно наблюдать не отдельные способы историописания, а *два типа исторического знания*. Спор между ними вызвал рефлексию (не всегда явную) о сути самой истории и явился особой формой сосуществования разных типов историописания, характерной чертой которой стало – взаимное *непонимание*. Представители разных типов исторического знания перед историей ставили совершенно разные цели, поэтому в «иной» истории они видели «ненормальную» практику, которую следует исправить.

В XIX – начале XX века можно наблюдать не линейное развитие критической истории от Каченовского (через Соловьева) к Лаппо-Данилевскому, а актуализацию идей об истории, как науке, – более того, науке строгой. Я не случайно говорю «идей», так как эти идеи об истории как науке имели разные дисциплинарные и социокультурные основания. В первом случае рефлексия о научности истории приходится на период ее становления как дисциплины, а также поиска критериев научного исторического исследования, с одной стороны, и непонимания востребованности ненаучных форм социально ориентированного историописания, отвечавшего потребностям строительства национальных / государственных тождеств, с другой. Во втором случае (Лаппо-Данилевский) идея об истории как строгой науке актуализируется в период появления неклассической модели исторической науки, а вместе с ней постепенной утраты интереса профессиональных историков к национально-государственной истории и характеризуется еще большим отрывом научного исторического знания от общественного сознания и непонимания устаревающего, но имевшего многочисленных привер-

⁵⁰ Рубинштейн. 1941. С. 235.

⁵¹ Пыпин. 1906. С. 204.

женцев способа историописания, присущего классической модели исторической науки.

Возвращаясь к проблеме сосуществования разных типов исторического знания, надо вспомнить меткое замечание Р. Арона о том, что разные отношения к истории могут «исчезнуть не скорее, чем интересы, которым они отвечают, или жизненные позиции, которые они выражают»⁵². Разные типы историописания не исчезнут по крайней мере до той поры, пока будет существовать современное (порожденное европейской культурой) представление о научности. Одной из важнейших форм их сосуществования является взаимное непонимание. Его проявления наиболее заметны в период споров между представителями разных типов исторического знания, так как каждый из них признает «правильность» и / или «полезность» только своей истории. Социально ориентированный тип исторического знания близок общественному (с XX в. массовому) сознанию и выполняет иную, чем научная история, задачу, он откликается на актуальные и не всегда однозначные потребности в знании прошлого разных социальных групп, конструирует важные для той или иной ситуации места памяти. Поэтому исследовать и понять структуру исторического знания должна научная история. Последнее важно для современной исторической науки, утратившей, как отмечает К. Лоренц, уверенность в себе и своих дисциплинарных границах после эпохи постмодерна⁵³.

Однако такое понимание может обеспечить не позиция, стремящаяся к «исправлению» другого типа истории, а позиция *внеаходимости*, рефлексия на метауровне науки и применение принципа «*признания чужой одушевленности*», обоснованного применительно к исторической науке А.С. Лаппо-Данилевским и актуализированного О.М. Медушевской и Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru. Его применение в предметном поле источниковедения историографии, с одной стороны, позволяет заменить иерархическую структуру исторического знания культурными связями разных его типов, с другой стороны, – помогает преодолеть линейность историографического процесса, дополняя ее коэкзистенциальными связями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р. Избранное : введение в философию истории М.: Издательство «Пер Сэ» ; СПб. : Университетская книга, 2000. 543 с.
- Бутков П.Г. Оборона летописи русской Несторовой от навета скептиков. СПб., 1840. 537 с.

⁵² Арон. 2000. С. 494.

⁵³ Lorenz. 2011. P. 17.

- [Иванов Н.А.] Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их, хранящихся в библиотеках С. Петербургских и Московских : отрывок из пропедевтики русской истории, составленной ординарным профессором Казанского университета Николаем Ивановым. Казань : Унив. тип., 1845. 342 с.
- Иконников В.С. Опыт русской историографии: в 2 т., 4 кн. Киев, 1891–1908.
- Иконников В.С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. 110 с.
- Казakov Р.Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н.М. Карамзина: препринт WP19/2013/02; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 52 с.
- Карамзин Н.М. История государства российского: в 12 т. СПб., 1818–1829.
- [Каченовский М.Т.] Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. № 18. С. 127-149; № 19. С. 211-231.
- [Каченовский М.Т.] О беспристрастности историка и о том, в чем именно состоит занимательность русской истории для иноземных писателей // Вестник Европы. 1821. Ч. 116. С. 35-44.
- [Каченовский М.Т.] От киевского жителя к его другу (Письмо II) // Вестник Европы. 1819. Ч. 103. № 1. С. 117-132, 198-208, 289-298.
- Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989. 224 с.
- Маловичко С.И., М.Ф. Румянцева. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве : приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 274-290.
- Милюков П.Н. Каченовский (Михаил Трофимович) // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XIVа: Карданахи-Керо. С. 809.
- Милюков П.Н. Скептическая школа в русской историографии // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. XXX: Сим-Слюзка. С. 196.
- Надеждин Н.И. Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31. № 1. С. 5-60; № 2. С. 205-264.
- Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 93-136.
- Погодин М.П. Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М.: Унив. тип., 1839. 231 с.
- Пустарников В.Ф. Университетская философия в России: идеи, персоналии, основные центры. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. 919 с.
- Пытин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1906. 581 с.
- Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999–2000.
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. 659 с.
- Румянцева М.Ф. Вспомогательные исторические дисциплины в системе субдисциплин современной исторической науки: приглашение к дискуссии // Источниковедение.ru: страница Науч.-пед. школы источниковедения. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/publ/obsuzhdenija/rumianceva2012/12-1-0-126>, свободный.
- Румянцева М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 130-141.

- [Руссов С.В.] Опыт о кожаных деньгах. СПб., 1835. 103 с.
- Руссов С.В. Письмо о россиянах, бывших некогда вне нынешней нашей России I // Отечественные записки. 1827. Т. 30. № 86. С. 463-488.
- Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. 256 с.
- Соловьев С.М. Каченовский Михаил Трофимович // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. 1755-1855: в 2 ч. М., 1855. Ч. 1. С. 383-403.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн., 29 т. СПб., 1896.
- Старчевский А.В. Николай Михайлович Карамзин. СПб., 1849. 304 с.
- [Строев С.М.] О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей, соч. С. Скромненко. СПб., 1834. 69 с.
- [Строев С.М.] О мнимой древности, первобытном состоянии и источниках наших летописей, соч. Сергея Скромненко. СПб., 1835. 44 с.
- Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половине XIX в.: автореф... дис. д-ра ист. наук. М., 2002. 47 с.
- Устрялов Н.[Г]. О системе прагматической русской истории // Русская история Н. Устрялова. Изд. 5-е, испр. и доп. ист. обозрением царствования государя императора Николая I: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 405-433. 1-е изд.: 1836.
- Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособ. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Культура, 1993. 761 с.
- Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером: в 3 ч. СПб., 1809–1819.
- Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. N.Y., 2011. Vol. 4: 1800-1945 / ed. by S. Macintyre, J. Manguerra, A. Pók. P. 19-40.
- Lorenz C. History and Theory // The Oxford History of Historical Writing : in 5 vols. N.Y., 2011. Vol. 5: Historical Writing Since 1945 / eds by A. Schneider, D. Woolf. P. 13-35.
- Lorenz C. Drawing the Line: «Scientific» History between Myth-making and Myth-breaking // Narrating the Nation: Representations in History, Media and the Arts / ed. by S. Berger, L. Eriksonas, A. Mycock. N.Y., 2008. P. 35-55.
- [Niebuhr B.G] Niebuhr's Lectures on Roman History : 3 vols. L., Piccadilly, 1875.

Маловичко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Московского государственного областного гуманитарного института и кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; sergei.malovichko@gmail.com

Н. В. НЕКРАСОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. КОЛОСОВА (1854-1919) ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ТВЕРИ

Автор рассматривает деятельность тверского историка В.И. Колосова по формированию интеллектуального пространства г. Твери, опираясь на «индивидуализирующий» метод А.С. Лаппо-Данилевского. Автор статьи считает, что изучение общественной деятельности историка необходимо для понимания его творчества.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, Научно-педагогическая школа источниковедения, В.И. Колосов, интеллектуальная биография, интеллектуальные сообщества Твери.

В процессе реконструкции интеллектуальной биографии тверского историописателя Владимира Ивановича Колосова я опираюсь на феноменологическую концепцию Научно-педагогической школы источниковедения¹, восходящую к эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского. Чрезвычайно важными для моего исследования являются утверждения ученого о человеческой индивидуальности как незаменимой части целого², о том, что «...историк интересуется не столько изменениями в чужой психике, сколько индивидуальным ее воздействием на окружающую среду; не столько отдельно взятыми изменениями, сколько единичным и непрерывным рядом изменений, т.е. становлением или происхождением того, что действительно оказалось в результате подобного рода воздействий...»³.

Интеллектуальная биография историка (это, отчасти, и «история историографии в человеческом измерении»⁴) предполагает исследование его личности и трудов – историографических источников, а также социокультурный анализ. Необходимо также использовать метод, названный А.С. Лаппо-Данилевским «индивидуализирующим методом интерпретации исторических источников»⁵. Характеризуя этот метод, историк утверждает: «При истолковании источника нельзя упускать из виду личность, которая породила его и запечатлела в нем индивидуальные

¹ Источниковедение.ru...

² Лаппо-Данилевский. 2010. С. 316.

³ Там же. С. 350.

⁴ Ретина. 2011. С. 311.

⁵ Лаппо-Данилевский. 2010. С. 137.

особенности своего творчества; но в той мере, в какой всякий исторический источник признается продуктом более или менее цельной индивидуальности, он нуждается в особом рода интерпретации – индивидуализирующей: без такого метода легко просмотреть или ложно истолковать наиболее характерные особенности источника, в силу которых он и получил, однако, свое историческое значение»⁶.

Представляется, что характеристика роли В.И. Колосова в формировании интеллектуальных сообществ и культурной среды Твери должна опираться, прежде всего, на источники, позволяющие выявить коммуникативные практики исследователя и проследить его деятельность по формированию «корпорации тверских историков» (по аналогии с «профессорской корпорацией», «семинарской корпорацией»), т.е. социальной группы, к которой он принадлежал как педагог и историк Тверского края. Для этого необходимо привлечь эго-документы (документы из личных архивов Колосова и его коллег, хранящиеся в Государственном архиве Тверской области (далее ГАТО) и научном архиве Тверского государственного объединенного музея (далее ТГОМ Н.А.)), делопроизводственные материалы, и, конечно же, труды историка.

«Формулярные списки преподавателя Тверской духовной семинарии статского советника В.И. Колосова, сент. 1897 – авг. 1902», хранящиеся в личном фонде Колосова в Государственном архиве Тверской области⁷, и статья в Православной богословской энциклопедии⁸ позволяют кратко представить биографию тверского историка. В.И. Колосов родился 1 марта 1854 г. в г. Ржеве Тверской губернии. В 1875 г. он закончил Ржевское духовное училище и Тверскую духовную семинарию и поступил на казенное содержание в Санкт-Петербургскую духовную академию, где получил степень кандидата богословских наук (1879). В том же году приказом обер-прокурора Св. Синода определен на должность преподавателя Тверской духовной семинарии по предмету всеобщей и русской гражданской истории. Преподавал всеобщую и русскую историю в Тверской женской учительской школе Максимовича, в Тверской земской женской школе, в Тверской женской Мариинской гимназии. С 1886 г. состоял членом, а в 1896–1919 гг. – товарищем председателя Тверской ученой архивной комиссии (далее ТУАК). С 1899 г. по 1919 г. – хранитель Тверского историко-археологического музея. Был инициатором организации и председателем Совета Тверского общества любителей ар-

⁶ Там же.

⁷ ГАТО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 4. 12 л.

⁸ *Троицкий*. 1911. С. 384-386.

хеологии, истории и естествознания⁹. Состоял членом-сотрудником Санкт-Петербургского археологического института, членом-корреспондентом Московского общества истории и древностей российских.

Деятельность В.И. Колосова развивалась по трем направлениям. Во-первых, он выступал в качестве педагога (что было его профессией), во-вторых — в качестве исследователя и популяризатора истории Тверского края, в-третьих — в роли общественного деятеля, члена конституционно-демократической партии. Рассмотрим эти направления.

Преподавательская деятельность. В.И. Колосов более 30 лет преподавал в Тверской духовной семинарии. Семинария для него — это и *alma mater*, и основное место реализации профессиональных и научных интересов. Воплощением той системообразующей роли, которую играло преподавание в семинарии в интеллектуальном развитии Колосова, стал его труд «История Тверской духовной семинарии»¹⁰. Публикация истории семинарии была итогом «культурного проекта», включавшего подготовку серии статей, выступление на торжестве в честь юбилея семинарии, а также осмысление актуального состояния учебного заведения¹¹.

Библиотека семинарии — место важнейших находок Колосова. Здесь им были обнаружены рукописи тверского историописателя второй половины XVIII в. Диомида Ивановича Карманова. Рукопись была подготовлена к печати и опубликована В.И. Колосовым¹². Одна из его значительных находок — неизвестное сочинение хорватского ученого, богослова, миссионера XVII в. Юрия Крижанича. Рукопись была подготовлена Колосовым к изданию и опубликована¹³.

Кроме семинарии Колосов преподавал историю в не менее значимом для интеллектуальной жизни Твери учебном заведении — земской женской учительской школе имени П.П. Максимовича. Уже в 1879 г. молодой педагог был приглашен «начальницей» школы Н.П. Дьяконовой в качестве учителя¹⁴ и преподавал всеобщую и русскую историю в старших

⁹ В разных источниках название этого общества звучит по-разному: в Уставе указано название «Тверское общество любителей археологии, истории и естествознания», Колосов в речи, произнесенной на первом публичном собрании общества, именует его как «Тверское общество любителей истории, археологии и естествознания». Название сборника, выпущенного обществом: «Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания» (Тверь, 1903.)

¹⁰ Колосов. 1889 (б).

¹¹ Колосов. 1884; 1889 (а); 1889 (г); 1889 (в).

¹² Карманов. 1893; Колосов. 1897.

¹³ Колосов. 1888; Собрание сочинений Юрия Крижанича. 1891.

¹⁴ ТГОМ НА Ф. Р-7. Оп.1. Д. 6. Л. 6-6 об.

классах школы с 1879 г. по 1908 г.¹⁵ Его коллегами были литературовед и педагог М.М. Клевенский; историк, писатель, педагог Н.А. Кун; педагог и общественный деятель Ф.Ф. Ольденбург. Ученики Колосова вспоминают о нем как о талантливом и заботливым педагоге. Тверской историк, издатель журнала «Тверская старина» А.Н. Вершинский (1888–1944) в письме Колосову так определяет влияние учителя: «...Вы, мой первый учитель по истории, зародивший интерес к этой науке...»¹⁶. Инспекторы Училищного совета при Св. Синоде, проводя регулярные проверки в духовной семинарии, отмечали в своих отчетах «...педагогический талант и даже артистический дар преподавателя гражданской истории Колосова, который свой предмет “представлял в лицах”»¹⁷.

Деятельность В.И. Колосова как *исследователя и популяризатора* тесно связана с тремя научно-просветительскими организациями Тверской губернии: ТУАК, Тверским историко-археологическим музеем и Тверским обществом любителей археологии, истории и естествознания.

ТУАК была организована в 1884 г. и стала одной из первых губернских ученых архивных комиссий в России. Комиссия занималась не только работой по сохранению и описанию архивов губернии (что входило в задачи губернских ученых архивных комиссий, созданных правительством для упорядочения местных архивов¹⁸), но и научной, издательской, археологической и просветительской деятельностью. Став членом ТУАК в 1886 г., Колосов принимал в ее работе самое деятельное участие. Вдохновителем и главным организатором работы комиссии был ее председатель (с 1884 г. и до своей смерти в 1896 г.) Август Казимирович Жизневский. Интеллигент, любитель и знаток местной истории, основатель Тверского археологического музея, А.К. Жизневский сплотил вокруг ТУАК лучших представителей тверского образованного общества. Письма, а чаще всего небольшие записочки, отправляемые по почте и с курьером Жизневским Колосову¹⁹, показывают их тесные взаимоотношения во время совместной работы в ТУАК. Записки атрибутированы как принадлежащие Жизневскому на основании сверки почерка, а также содержания

¹⁵ Ильина. 2010. С. 179.

¹⁶ ГАТО. Ф. 1020. Оп.2. Д. 21. Л. 2.

¹⁷ Цит. по: Леонтьева. 1994. С. 9.

¹⁸ Полное собрание законов... № 2149

¹⁹ Письма тверских историков-краеведов к В.И.Колосову. ч. 1. 1871-1913 гг. // ТГОМ. Н.А. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 6. Л. 11-11 об., 13-14, 25, 26-26 об., 27, 30, 31, 32-32 об., 33, 34, 35-36, 37-38, 39-40, 42, 49, 50-50 об., 51. В этом, а также в других делах личных фондов В.И. Колосова, хранящихся в тверских архивах, содержатся записки, написанные А.К. Жизневским (атрибутировано мной – Н.Н.) В.И. Колосову.

(в записках Жизневский обсуждает с Колосовым предисловие к сочинениям Д. Карманова, устройство часовни у истоков Волги²⁰). Жизневский содействовал молодому историку Твери в научных исследованиях и публикации их результатов²¹. После смерти Жизневского председателем комиссии был избран И.А. Иванов, а товарищем председателя – В.И. Колосов. Л.А. Котлярская и М.М. Фрейденберг, говоря о деятельности ТУАК, отмечают: «...фактически руководителем всей ее деятельности являлся “товарищ председателя”, широко известный тверской краевед Владимир Иванович Колосов»²². Журналы заседаний комиссии, ее отчеты, каталоги изданий свидетельствуют о стремлении Колосова сформировать интеллектуальное сообщество исследователей тверской истории. Колосов, присутствуя на заседаниях комиссии, практически всегда выступал с докладами (часто с двумя). ТУАК отдельными брошюрами и оттисками было издано 11 сочинений Колосова²³, а также обнаруженные им в тверских архивах и семинарской библиотеке и подготовленные к изданию материалы по местной и церковной истории²⁴.

Деятельность Колосова по формированию местной исторической памяти характеризует инициированный им проект по постройке часовни у истока Волги. Началом этой деятельности стала поездка Колосова к истоку Волги и доклад на заседании комиссии²⁵. Позже была опубликована статья, написанная Колосовым на основе доклада²⁶. В этой статье, опираясь на свое научное исследование о Стерженском и Лопастичском крестах²⁷ и на документы из архива Ниловой пустыни, историк пишет о важном значении истока Волги для русской истории. Описывая плачевное состояние истока, Колосов отметил: «При чтении этого реферата в заседании архивной комиссии мы заключили его следующими словами: «Местная ученая архивная комиссия, хранильница прошлого Тверской

²⁰ Письма разных лиц Колосову. 17 ноября 1879- 6 июня 1917 // ГАТО. Ф.1020. Оп.1. Д.57. Лл. 17-21.

²¹ Переписка А.К. Жизневского с известным филологом, академиком Яковом Карловичем Гротом свидетельствует об интересе последнего к научным разысканиям В.И. Колосова. Я.К. Грот содействует публикации доклада В.И. Колосова о найденном сочинении Юрия Крижанича (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 579. Л. 138-138 об.), одобрительно отзываясь о статье В.И. Колосова «Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии» (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 579. Л. 145 об.)

²² Котлярская., Фрейденберг. 1990. С. 19.

²³ См.: *Виноградов*. 1915. С. 107; *Шведова*. 1958. С.422-428.

²⁴ *Евдокимов*. 1888; *Карманов*. 1893; *Летопись о событиях в Твери...* 1902.

²⁵ Журнал 30 заседания ТУАК...1891.

²⁶ *Колосов*. 1893.

²⁷ *Колосов*. 1890.

губернии, думается, нисколько не отступила бы от своей задачи, если бы взяла на себя почин в выполнении заветов прошлого. Устроив подписку по Тверской и по всем приволжским губерниям, она могла бы соорудить на истоке р. Волги часовню, соответствующую значению реки и современному развитию России, а также привести в надлежащий вид и сам исток реки Волги, – “исток столь значительной реки”, говоря словами Озерецковского, “заслуживает быть уважен”. К последней мысли вполне сочувственно отнеслись г. Начальник губернии и многие члены комиссии»²⁸. Императором был разрешен сбор пожертвований на строительство часовни в десяти губерниях Волжского бассейна. В 1901 г. получено разрешение на строительство каменного храма. На заседании комиссии в 1901 г. постановлено построить каменный храм вместимостью 750 человек рядом с истоком Волги, недалеко от места, где в XVII в. находился Волговерховский Спаспреображенский монастырь²⁹. Закладка трехпрестольного храма состоялась в 1902 г., а в 1912 г. был освящен Преображенский престол собора.

В.И. Колосов продолжил «дело жизни» А.К. Жизневского – заботу о пополнении, формировании коллекций и научном описании экспонатов Тверского историко-археологического музея. С 1899 г. и до своей смерти в 1919 г. Колосов служил хранителем музея. Его труды³⁰, переписка с многочисленными любителями старины, желающими продать или подарить музею различной ценности памятники³¹, свидетельствуют о еще одной стороне созидательной деятельности Колосова, направленной на формирование «культурного гнезда» в российской провинции. Просветитель по призванию, Колосов был и экскурсоводом музея: «Вл.Ив., знавший музей до мельчайших подробностей и являвшийся великолепным знатоком всего, связанного с тверской историей и тверским бытом, был незаменимым руководителем при осмотре музея. Посетители музея помнят, конечно, характерную фигуру покойного и его интересные объяснения»³². Свои последние статьи Колосов посвятил музею³³.

В.И. Колосов был организатором и председателем Общества любителей археологии, истории, естествознания, организованного в 1897 г.³⁴. Общество в 1903 г. выпустило сборник под редакцией Колосова «в со-

²⁸ Колосов. 1893. С. 11.

²⁹ Журнал 84 заседания...1902. С. 11-12.

³⁰ Колосов. 1916; 1911 (а); 1912; 1906; 1909; 1911 (б).

³¹ См.: ТГОМ НА. Ф.7. Оп.1. Д. 6,7.

³² См.: М.К. 1919. С.20.

³³ Колосов. 1919 (а). С. 17-19; 1919 (б). С. 16-19; 1919 (в). С.10-13.

³⁴ См.: Устав Тверского общества... 1898.

участии с И.К. Линдеманом»³⁵. Задачи Общества изложены Колосовым в его выступлении на первом публичном заседании³⁶. В своей речи он отмечает: «Возникновение нового Общества удовлетворило уже назревающей в Тверском крае потребности сознательного отношения к своему прошлому и окружающей природе»³⁷. Задачи ставятся перед обществом «широкие и плодотворные»: «...изучение геологического строения края, местной флоры и фауны, этнографических и антропологических особенностей местного населения, а также археологии и истории местного края и т.п.»³⁸. Его друг и соученик по Тверской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной Академии, тверской историк Михаил Васильевич Рубцов в своих воспоминаниях говорит о том, что В.И. Колосов с юности любил естествознание, мечтал устроить при музее ботанический сад³⁹. Организация Общества была отчасти воплощением мечты Колосова о соединении на практике гуманитарных и естественнонаучных занятий. Деятельность общества представлена изданием единственного сборника трудов его членов. Среди авторов – тверские историописатели, педагоги, просветители: И.А. Виноградов, И. А. Иванов, Н.Д. Квашнин-Самарин, Д.П. Крылов, И.К. Линдеман, И.А. Опекаловский, Е.Н. Бастамова, М.А. Колосова, А.А. Митропольский. В.И. Колосову принадлежит 13 работ. Среди них – Речь, произнесенная в Думе на вечере, посвященном памяти А.С. Пушкина⁴⁰; рецензии на сочинения В.С. Борзаковского⁴¹, А.П. Богданова⁴², Н.Д. Квашнина-Самарина⁴³, И.Я. Красницкого⁴⁴; статья «Открытие крестьянского Комитета в Твери и речь Императора Александра II к Тверскому дворянству»⁴⁵. В сборнике В.И. Колосов попытался представить разнообразные по видам и темам труды членов общества. Среди них работы по истории Твери, материалы, посвященные А.С. Пушкину, рецензии, публикации документов, материалы по этнографии. Издательская деятельность общества не имела продолжения, однако изданный сборник продемонстрировал попытку В.И. Колосова сплотить вокруг себя единомышленников.

³⁵ Сборник Тверского общества... 1903.

³⁶ Колосов. 1903. С. 1-12

³⁷ Там же. С.1.

³⁸ Там же. С.8.

³⁹ См.: ТГОМ НА. Ф.7. Оп.1. Д. 25. Л. 1-4.

⁴⁰ Сборник Тверского общества... 1903. С. 216-232.

⁴¹ Там же. С. 341-351.

⁴² Там же. С. 351-357.

⁴³ Там же. С. 357-361.

⁴⁴ Там же. С. 362-364.

⁴⁵ Там же. С. 151-167.

Общественная и политическая деятельность В.И. Колосова тесно связана с его профессиональными и нравственными качествами. Он состоял членом городского комитета конституционно-демократической партии. В 1905 г., в период движения за церковные преобразования Колосов был лидером этого движения и вместе с единомышленниками являлся организатором первого профессионального союза в церковной среде, инициатором созыва всеобщего съезда преподавателей духовных семинарий. Колосов возглавил образованный в 1905 г. Тверской «Союз преподавателей духовных учебных заведений», выдвигавший требование свободы мнений и убеждений⁴⁶.

Таким образом, В.И. Колосов не замыкался в преподавательской деятельности в семинарии; его исследования, просветительская и общественно-политическая деятельность были взаимосвязаны; практика исследователя и преподавателя выливалась в общественную активность.

Изучение деятельности В.И. Колосова по формированию интеллектуальных сообществ г. Твери помогает глубже понять его жизненный мир и (что является главным для изучения творчества историописателя) созданные им в результате целенаправленной деятельности интеллектуальные продукты – исторические сочинения.

Исследование личности и творчества историописателя может быть плодотворным, если проводить его не с точки зрения встроенности в историографический процесс и ценности творчества историописателя для современных исследователей, но «...как историю создания историками, каждый из которых обладал своей неповторимой индивидуальностью и своим индивидуальным экзистенциальным опытом, трудов и концепций, отвечающих, к тому же, профессиональным нормативам и социальным запросам определенной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации...»⁴⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 4. 12 л.
ГАТО. Ф. 1020. Оп.2. Д. 21. Л. 2.
ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 579. Л. 138-138 об, Л. 145 об.
ГАТО. Ф.1020. Оп.1. Д.57. Лл. 17-21.
Тверской государственный объединенный музей. Научный архив (ТГОМ НА). Ф. Р-7. Оп.1. Д. 6. Л. 6-6 об.
ТГОМ. Н.А. Ф.7. Оп.1. Д. 6, 7.

⁴⁶ Информация об общественно-политической деятельности В.И. Колосова взята из статьи Леонтьевой Т.Г. «Формирование и деятельность церковной интеллигенции...» (Леонтьева. 1994. С.3-27.)

⁴⁷ Румянцева. 2010. С. 188.

- ТГОМ. Н.А. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 6. Л. 11-11 об, 13-14, 25, 26-26 об, 27, 30, 31, 32-32 об., 33, 34, 35-36, 37-38, 39-40, 42, 49, 50-50 об., 51.
- ТГОМ. Ф.7. Оп.1. Д. 25. Л. 1-4.
- Виноградов И.А.* Отчет о деятельности Тверской ученой архивной комиссии с 1903 по 1912 год включительно. Тверь, 1915. 115 с.
- Евдокимов Ив.* Каталог преосвященных архиереев тверских. [Соч.] Учителя Ивана Евдокимова; По поручению Твер. арх. комис. приготовил к изд. В.И. Колосов. Тверь: Твер. учен. арх. комис., 1888. 34 с.
- Журнал 30 заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 6 ноября 1890. Тверь, 1891. 16 с.
- Журнал 84 заседания Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 6 ноября 1901 г. Тверь, 1902. 67 с.
- Ильина Т.А.* Школа Максимовича: исследование и материалы. Тверь: ТО «Книжных клуб», 2010. 184 с.
- Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. Школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др.; Науч.-пед. Школа источниковедения. – Электрон. дан. [М. : Б. и.], сор. 2010-2013. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>.
- Карманов Д.И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Подготовил к изданию чл. Тверск. учен. арх. ком. Владимир Колосов. Тверь: изд. на средства потомственного почетного гражд. Тверск. 1-й гильдии купца Н.П. Аваева. Репр. изд. 1893 г. Тверь: тип. НИИ Центрпрограммсистем, [1992 ?]. 186 с.
- Колосов В.И.* Библиотека тверского археолога XVIII века Д.И. Карманова. Тверь, 1897. 18 с.
- Колосов В.И.* Верховья Волги в их прошлом и настоящем. Тверь, 1893. 13 с.
- Колосов В.И.* Вновь открытое сочинение Юрия Крижанича. Чит. в заседании Твер. учен. арх. комис. 23 марта 1888 г. чл. комис. Вл. Колосовым. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1888. 31 с.
- Колосов В.И.* Воспитанники духовно-учебных заведений тверской епархии в ополчении 1812 года (По поводу 150-летнего юбилея Тверской духовной семинарии). Тверь, 1889 (а). 25 с.
- Колосов В.И.* Высочайшее посещение его императорским величеством государем Николаем Александровичем Тверского музея, состоящего под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Михаила Александровича 21 апреля 1915 года. Составил хранитель музея В.И. Колосов. Тверь: Губернская Типография, 1916. 44 с.
- Колосов В.И.* Исторические сведения о Тверской семинарии // Тверские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. Тверь, 1884. № 14. С. 454-466; № 16. С. 533-574; № 21. С. 667-680; № 24. С. 750-759.
- Колосов В.И.* История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889 (б). 464 с.
- Колосов В.И.* Краткое описание Тверского музея товарища председателя Тверской ученой архивной комиссии В. Колосова. 1-я и 2-я комн. музея. Тверь, 1911 (а). 57 с.
- Колосов В.И.* Краткое описание Тверского музея. 3-я комната музея. Тверь, 1912. 144 с.
- Колосов В.И.* Празднование 150-летнего юбилея Тверской духовной семинарии 16 февраля 1889 г. Тверь, 1889 (в). 93 с.
- Колосов В.И.* Прогулка по Тверскому музею // Журнал «Тверской кооператор». Тверь, 1919 (а). № 1-2. С. 17-19.
- Колосов В.И.* Прогулка по Тверскому музею // Журнал «Тверской кооператор». Тверь, 1919 (б). № 3-4. С. 16-19.

- Колосов В.И.* Прогулка по Тверскому музею // Журнал «Тверской кооператор». Тверь, 1919 (в). № 5. С. 10-13.
- Колосов В.И.* Речь, произнесенная в первом публичном общем собрании членов Тверского Общества любителей истории, археологии и естествознания 31 марта 1898 года // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии. Тверь, 1903. Вып. I. С. 1-12.
- Колосов В.И.* Речь, произнесенная преподавателем семинарии В.И. Колосовым на торжественном публичном акте Тверской семинарии по поводу полуторастолетнего ее юбилея // Тверские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. Тверь, 1889 (г). № 9. С. 327-352; № 10. С. 370-379.
- Колосов В.И.* Стерженский и Лопастницкий кресты в связи с древними водными путями в Верхнем Поволжье: [Чит. в заседании Твер. учен. архивной комис. 19 дек. 1889 г.] Тверь: Твер. уч. арх. комис., 1890. 20 с.
- Колосов В.И.* Тверской музей и его приобретения в 1906 -1907 гг. Тверь, 1909. 57 с.
- Колосов В.И.* Тверской музей и его приобретения в 1906 г. Тверь, 1906. 38 с.
- Колосов В.И.* Тверской музей и его приобретения в 1908 -1909 гг. Тверь, 1911 (б). 54 с.
- Котлярская Л.А., Фрейденберг М.М.* Из истории тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888-1944): Учеб. пособ. Тверь: ТверГУ, 1990. 160 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. 408 с.
- Леонтьева Т.Г.* Формирование и деятельность церковной интеллигенции Тверской губернии // Тверская старина. Тверь, 1994. № 3. С. 3-27.
- Летопись о событиях в Твери тверского купца Мих. Тюльпина. 1762-1823 гг. Подготовил к изданию В.Колосов. Тверь, 1902. 31 с.
- М.К. В.И. Колосов.* Некролог // Тверской кооператор. Тверь, 1919. № 6. С. 20.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. СПб., 1885-1916. Т. 4. № 2149.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
- Румянцева М.Ф.* Парадигмальные механизмы современного историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вып. 10. С. 186-195.
- Сборник Тверского общества любителей истории, археологии. Выпуск I. под ред. Председателя Общества В.И. Колосова в соучастии с И.К. Линдеманом. Тверь: Типография губернского правления, 1903. 436 с.
- Собрание сочинений Юрия Крижанича. Вып. 1. Объяснение виводно о письме словенском: под ред. В.И. Колосова // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 1. С. 17-72.
- Троицкий С.В.* Колосов Владимир Иванович // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1911. Т. XII. Книги символические – Константинополь. С. 384-386.
- Устав Тверского общества любителей археологии, истории, естествознания. Тверь: Типография губернского правления, 1898. 12 с.
- Шведова О.И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377-433.

Некрасова Надежда Владимировна, аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; менеджер факультета истории НИУ «Высшая школа экономики», ollnekrasov@vandex.ru

М. Е. КОЛЕСНИКОВА

БИОГРАФИЯ УЧЕНОГО В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ИСТОРИИ ИСТОРИОГРАФИИ

При изучении историографических сюжетов большое значение следует уделять биографическим исследованиям, о чем писал А.С. Лаппо-Данилевский, отмечая необходимость обращения к биографии ученого при изучении продукта его интеллектуальной деятельности. В статье рассматриваются современные подходы к биографическим исследованиям в контексте истории науки.

Ключевые слова: *история историографии, биографические исследования, источники биографических исследований.*

В конце XX – начале XXI в. существенно расширилось пространство применения биографических исследований в связи с методологическими поисками мировой историографии, с превращением истории историографии в самостоятельную историческую дисциплину. Рассматривая историю историографии как часть интеллектуальной истории Л.П. Ретина обращает внимание на то, что это «...прежде всего история исторической культуры, история исторического познания, сознания и мышления – история исторических представлений и концепций, образов прошлого и «идей истории», задающих интерпретационные модели...»¹. Работающие, в исследовательском поле интеллектуальной истории, ученые подходят к оценке исторического прошлого как к истории его постижения и понимания, отдавая предпочтение исследованию исторического нарратива (языку, структуре, содержанию текста и его форме). Предметом изучения является «историческое исследование». Привлекая знания и достижения современного психоанализа, семиологии, литературной критики, историки пытаются понять правила построения и прочтения исторических текстов. Внимание также уделяется изучению самого процесса интеллектуальной деятельности, в результате которой и был создан «исторический нарратив».

Интеллектуальная история предполагает изучение результатов мыслительной деятельности представителей различных социокультурных групп. Это, в свою очередь, позволяет включать в корпус историографических источников труды не только профессиональных историков, но и широкого круга любителей и знатоков истории. Особое внимание уделяется научному инструментарию исследователей, при-

¹ Ретина. 2003. С. 44.

мам интерпретации источников, прежде всего источников личного происхождения, своеобразие конструирования текстов, а также уровням внутридисциплинарных коммуникаций. Интерес представляют также взгляды, психология, намерения авторов, влияние на них социума.

Изучение научного наследия историков тесно связано с исследованием их биографий и здесь перспективным направлением представляется историческая антропология науки. Антропологический подход к изучению истории науки акцентирует внимание на повседневной жизни ученого, межличностных и корпоративных отношениях внутри научного сообщества и включает «в первую очередь изучение разнообразных форм быта и социальных практик». Историческая антропология науки позволяет рассматривать науку «как быт людей, именующих себя учеными»². Анализируется уклад жизни, совокупность обычаев, привычек, нравов тех, кто занимается научными исследованиями. Это позволяет увидеть, «как повседневная деятельность людей, в данном случае ученых, связана с их взглядами», а также «значение того, что они делают, в той культуре, к которой они принадлежат»³. В начале 2000-х гг. в научный оборот вводится понятие «историографического быта», подразумевающее внутренний мир науки и сообществ ученых⁴. Знание жизни и творчества предшественников, ученых и исследователей, дает возможность проследить как шло развитие исследовательской традиции, формирование школ и направлений, становление ученых. Биографические исследования выступают в роли своеобразных методологических ориентиров в поисках ответа на вопрос: почему открытие или творческое достижение было сделано тем или иным человеком в то или иное время.

Все больше привлекает исследователей «новая биографическая история», в которой на первый план выходят проблемы самоидентификации личности, ее интересов и целеполагания, индивидуального выбора и инициативы, позволяющие увидеть развитие культурных традиций, обычаев и представлений, определявших поведение людей в тех или иных исторических условиях. Основное внимание уделяется анализу персональных текстов, источникам личного происхождения, запечатлевших индивидуальный опыт и эмоциональное переживание героев исследований. В центре биографического повествования оказывается внутренний мир человека, его эмоции, искания, сомнения, отношения с близкими людьми и с окружающим миром. При этом герой биографического сочи-

² Александров. 1994. С.3-5.

³ Бельский. 2005. С. 41.

⁴ Корзун. 2000. С. 20.

нения рассматривается одновременно и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны родственников, социальных групп и институтов, формальных и неформальных сообществ.

В контексте современных микроисторических подходов биографические исследования наполняются новым содержанием. Исследователи отмечают появление нового направления со специфическими исследовательскими задачами и процедурами – персональной истории. Объектом ее исследований выступают персональные тексты, а предметом – история жизни человека во всей ее полноте. Особенность этого направления состоит в том, что реконструкция личной жизни и судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех «следов» и «остатков» их деятельности рассматриваются одновременно и как главная цель исследования и как средство познания того исторического общества, в котором жили и творили герои биографических описаний⁵. Историк сосредотачивает свое внимание на частном, индивидуальном и уникальном в конкретных человеческих судьбах.

В современных исследованиях биография стала предметом не только исторического знания, но и философского осмысления, что объясняется изменением отношения к человеческой индивидуальности и обозначившейся тенденцией к персонализации предмета истории. В работах И.Л. Беленького, Ю.Л. Бессмертного, Д.А. Александрова, А.Л. Валевского, Л.П. Репиной, М.Ф. Румянцевой, С.И. Маловичко, В.П. Корзун, А.В. Козенко, С.Н. Корсакова, П.А. Шамина, Э.А. Шеуджен, Л.Р. Хут и др. рассматриваются теоретические основы и источники биографических исследований, показаны возможности применения биографического метода в исторических исследованиях, анализируются исторические и историографические источники, специфика работы с ними.

Биографическое исследование – это не просто рассмотрение конкретного материала, связанного с той или иной личностью. Биографии, создаваемые в рамках гуманитарных наук, охватывают мир, направления духовной жизни, исторические периоды в той мере, в какой они проявляют себя через личность. В биографиях рассматриваются объективные проявления и достижения, делающие данную личность интересной для конкретного исследования. Работая в биографическом жанре, необходимо исходить из того, что предмет истории дается нам в совокупности объективной жизни. Источники личного происхождения, на которых преимущественно основывается биография, это остатки прошлого, сохранившие выражение личности и воздействие на нее. Задача

⁵ Ретина, Зверева, Парамонова. 2004. С. 265.

биографа состоит в том, чтобы из такого рода документов выявить, понять и реконструировать тот комплекс воздействий, в рамках которого герой биографии определен своей средой и реагирует на нее.

Перед исследователями, занимающимися историей историографии, стоит задача освоить не только научные труды того или иного историка, но и многочисленные подготовительные материалы, черновики, рукописи, дневники, мемуары, воспоминания, анкеты, автобиографии, стенограммы, эпистолярное наследие, некрологи, справочные и энциклопедические издания, биобиблиографические указатели, фотоматериалы, видео и аудиозаписи, интервью, т.е. все те исторические и историографические источники, которые помогут воссоздать его биографию, понять логику творческой деятельности ученого, выявить его индивидуальность, проследить профессиональный путь, создать представление о его научных интересах, интенсивности научных исследований, выявить каналы передачи научной информации и проследить развитие историографической традиции.

Большую ценность для биографического исследования представляют уникальные по своей природе источники личного происхождения. По мнению исследователей, они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становление межличностных отношений. Среди них особое место занимают дневники, мемуары, вспоминая, письма. Насыщенные фактами, яркими зарисовками повседневной жизни, быта, они позволяют не только реконструировать историческую биографию того или иного человека, но и заполнить «белые пятна» истории, добавить штрихи к известным историческим событиям.

Одним из видов источников данного типа являются дневники. Они направлены главным образом на коммуникацию. Уже с момента своего создания дневники были предназначены для длительного сохранения, а следовательно – для потенциального «прочтения потомками». Разновидностью дневников, как исторических источников, являются путевые дневники, которые велись в ходе различных путешествий, поездок, экспедиций, чаще ученых. Исходя из определения исторического источника, данного А.С. Лаппо-Данилевским, как реализованного продукта человеческой психики, пригодного «для изучения фактов с историческим значением», представляется возможным рассматривать путевые дневники как «продукт человеческого творчества», интеллектуальной деятельности. Беглые, но в то же время скрупулезные, ежедневные записи позволяют не только детально воспроизвести маршрут, проследить дорожные впечатления, уникальность зафиксированных встреч в пути, но и уловить

элементы того самого «научного быта» ученого, познакомиться с культурой его полевой и лабораторной работы («лабораторный быт»). Они позволяют увидеть повседневную деятельность ученого, определяемую усвоенными навыками, привычками и научными традициями.

Путевые дневники велись, как правило, в дороге (в разъездах) с целью запечатлеть то особенное, необычное, что встречалось в пути. Чаще всего они велись «для себя», для своей памяти и содержали «мысли вслух», рассуждения с самим собой. Написанные не для научных оппонентов, не для публики, они не были рассчитаны на какую-либо цензуру и поэтому лучше, чем любые другие источники передают непосредственность и индивидуальность автора. Написанные простым и доступным языком, дневники отражают его мировоззрение, отношение к жизни, людям, раскрывают в какой-то мере черты характера. Наряду с чисто научной информацией путевые дневники содержат сведения о сопутствующих явлениях, фактах, увиденных и услышанных в дороге, в разговорах с местными жителями, прочитанных в старинных бумагах и документах. Они также дают возможность проследить зарождение научных идей, мыслей, которые впоследствии вылились в важнейшие обобщения и научные труды. Анализ научных трудов, дополненный сведениями из путевых дневников, может помочь в решении ряда научных и историографических проблем. Зачастую отрывочные, ежедневные записи путевого дневника могут являться единственным свидетельством исторического прошлого, сведения о котором в силу разных причин не сохранились до наших дней. Это особенно актуально для территорий, через которые только пролегал маршрут той или иной научной экспедиции или путешествия. Это могли быть территории, которые не являлись объектом специального научного изучения и сведения о которых, по каким-либо причинам не вошли в изданные позже, по итогам экспедиции или путешествия, научные труды исследователя – автора дневника.

В биографических исследованиях широко используются мемуары (мемуары-автобиографии, мемуары-«современные истории»). Первые чаще всего преследовали внутрисемейные цели и предназначались непосредственно потомкам. Мемуарист произвольно отбирал информацию в соответствии с индивидуальными представлениями и потребностями ее сохранения и передачи. В мемуарах-автобиографиях основное внимание уделяется истории жизни человека. В меньшей степени автор стремился запечатлеть отдельные исторические события. Вместе с тем при детальном прочтении данные источники дают возможность проследить весь ход исторического развития, конкретную «событийную» историю, «историю

места», поэтому представляют интерес и при изучении региональной и местной истории, истории провинциальной культуры. Мемуары-«современные истории», вид исторических источников, целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью их передачи в эволюционном целом. Подобные мемуары изначально пишутся для последующей публикации, иногда они перерастают в дневники или мемуары, которые автор пишет уже для себя.

Заметно выигрывают, по сравнению с другими видами источников личного происхождения, письма, так как позволяют изучать интеллектуальную и социальную историю, историческую повседневность. Эпистолярные источники дают возможность выявить те или иные моменты жизни человека, поскольку оказывают влияние, прежде всего, на того человека, которому предназначены. С их помощью выявляются межличностные отношения. Вместе с тем использование писем как источников представляет и определенную сложность. Изначально они не предназначены для длительного хранения и выполняют главным образом коммуникативную функцию. Это в определенной мере сказывается на степени их сохранности, сосредоточенности в архивохранилищах, ограничивая возможности их поиска. Письма зачастую плохо сохранились, иногда уничтожались самими адресатами или авторами. Система приема документов на государственное хранение предусматривала их передачу в составе личных фондов, чаще всего коллекций, что в свою очередь затрудняет их поиск и использование. Письма, относящиеся к одним и тем же историческим событиям и явлениям, часто оказываются рассредоточенными по разным архивохранилищам, фондам, коллекциям. Найти их, составить отдельные комплексы писем, провести их систематизацию и анализ содержания, определить информационную ценность – задача, которая стоит перед исследователем-биографом.

Важным представляются все этапы работы с историческими материалами, начиная от его сбора до упорядочивания и анализа. Сбор материала – приведение в единство всех фактов жизни ученого, его собственных высказываний, отчетов, сообщений о нем, результатов его деятельности, всего того, что непосредственно или опосредованно служит объективации его жизни. Все, что сообщает хоть что-нибудь о жизни историка, может стать материалом для его биографии. Упорядочение материала может осуществляться по-разному, но все подробности должны быть представлены в отчетливой форме и в хронологической последовательности. В этом виде они составляют исходный материал для всякой дальнейшей биографической работы.

Представление материала – следующий за предварительной работой этап. В прошедшей тщательный отбор, структурированной картине отдельная жизнь должна проявиться во всей своей целостности. Биограф не получит никакой картины на основании одного только собрания частных или простой хронологии отдельных фактов. Целое может оказаться в фокусе его зрения только в результате обобщения и представления всей жизни человека. Сбор материала и его представление не должны исключать друг друга. Для каждого отдельного случая необходимы как сбор, так и представление материала: собранный, исчерпывающий материал должен быть готов для любых новых исследований на его основе, а представление этого материала, то есть его оформление, осуществленное для решения определенной исследовательской задачи, должно быть готово к последующему использованию в свете новых идей и задач. Упорядочение фактов уже есть их интерпретация и представление.

В арсенале ученых сегодня критерии научной биографии: объективность изложения, критический анализ исторических источников, квалифицированное изучение жизни и деятельности героя биографического описания, недопустимость художественного вымысла⁶, хотя написать биографию без интуитивного познания героя, проникновения в его внутренний мир и элементов художественности сложно. Биографу необходимо последовательно проводить различие, между собственно биографией и иными жанрами, касающимися персоналий. Историк должен ощущать ответственность за своего героя, придерживаясь при описании его жизни определенных нравственных ограничений. При создании биографии своего героя исследователь реконструирует персонаж на стыке его самооценки и того места, которое герой занимал в социокультурной жизни своей эпохи. При этом исследователю важно учитывать собственную субъективность, критически относиться к своей точке зрения и реалиям своей эпохи. Чтобы избежать трудностей и ошибок, биографу необходимо обратиться к эпистемологическим основаниям биографики как науки, четко определить ее объект и понять специфику. Реконструировать биографию человека возможно, только используя методы смежных наук, прежде всего философии и культурологии, по междисциплинарному познанию человека, философское учение о человеческой индивидуальности и диалогический подход к постижению «Другого». В силу этого основным методом биографики является реконструкция индивидуальной личностной целостности. Задача и мастерство биографа состоят не в том, чтобы показать субъективные мнения героя, а в том, чтобы реконструи-

⁶ Соколовская. 1988. С. 70.

ровать ту реальность его жизни, реакцией на которую были эти мнения личности. Автору биографии важно понять своего героя, который сам находился в диалоге с самим собой.

Теоретические принципы и подходы метода реконструкции биографии писателя, ученого или исторического деятеля были разработаны Ю.М. Лотманом. Под биографической реконструкцией он понимал «воссоздание того целостного идеала личности, который создавал в своей душе герой биографии, плана, по которому он строил себя». «Мы должны, – писал Ю.М. Лотман, – раскрыть, обнаружить этот план, угадать его среди других, возможных и невозможных, тех, которые следует отбросить, потому что они не были реализованы, и тех, которые по этой самой причине заслуживают особого внимания»⁷. В поле зрения биографа должен попадать не только «собственный идеальный план личности», его реконструкция должна быть сопоставлена с совокупностью многообразных взаимоотношений героя биографии с разными людьми и социумом, объективно развивающихся на различных этапах его жизни. Осуществляя биографическую реконструкцию, биограф должен показать личность как развивающееся органическое целое, выявив единый жизненный путь. Только при таком подходе жизнь личностей не будет выглядеть случайным нагромождением отдельных поступков. Биография-реконструкция представляет собой попытку раскрыть внутреннюю пружину поступков человека. Далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели «людей без биографии» и «людей с биографией». По мнению Лотмана, каждая культура создает в своей идеальной модели тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов, и человека, обладающего определенной свободой выбора собственной модели поведения. Биографов поэтому интересуют, прежде всего, личности, способные самостоятельно организовывать и направлять события жизненного пути.

Исследования в области исторической биографии проводятся в Северо-Кавказском федеральном университете (СКФУ) на базе лаборатории биографических исследований, созданной в структуре Межведомственного научно-образовательного центра истории науки и техники Института истории и естествознания им. С.И. Вавилова РАН и университета. В рамках лаборатории ведется разработка источниковой базы биографических исследований; осуществляется подготовка региональных энциклопедий, энциклопедических словарей, биографических

⁷ Лотман. 1987. С. 13.

справочников; издаются биобиблиографические очерки; изучаются труды местных историков и исследователей (исторический нарратив); выявляются методологические приемы и подходы авторов, методики работы с источниками и их интерпретация. Биографические исследования проводятся и на базе межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история», созданного в рамках научного сотрудничества с Российским государственным гуманитарным университетом. На базе центра реализуется направление «новая биографика». Концепция лаборатории и центра позволяет использовать методы герменевтики, генеалогии, биографики, что делает возможным осуществление как традиционных исследований персональной истории, так и изучение персоналий локальной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров Д.А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3-22.
- Беленький И.Л.* Биография и Биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. С. 37-54.
- Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. Анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург-Омск: ОмГУ, 2000. 226 с.
- Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 254 с.
- Репина Л.П.* Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования // Историки в поиске новых смыслов. Казань: Новое знание, 2003. С. 37-45.
- Репина Л.П., Зверева В.В. Парамонова М.Ю.* История исторического знания: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
- Соколовская З.К.* 400 биографий ученых. М.: Наука, 1988. 514 с.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма. Т. 11. М.: Наука, 1999.
- Колесникова Марина Евгеньевна***, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»; kolesnikovam@rambler.ru

Н. Н. АЛЕВРАС

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ ИСТОРИКОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в контексте диссертационной системы, в частности – его опыт презентации магистерской диссертации, практики оппонирования диссертаций учеников и коллег.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Веретенников, С.М. Середонин, диссертация, диссертационный диспут, диссертационная культура, оппонент, методология, петербургские историки.

Интенсивный процесс осмысления и переосмысления в современной науке научного наследия А.С. Лаппо-Данилевского, которое в известные времена идеологи от власти и науки пытались вычеркнуть из национальной памяти и культуры, создание нового образа историка становятся актуальными задачами на путях методологического обновления исторического знания в начале XXI в. Дополнительным штрихом к его научному портрету может стать попытка представить его фигуру в координатах диссертационной культуры российских историков. История защиты Лаппо-Данилевским магистерской диссертации, вызвавшей обширный комплекс отзывов современников, позиционирование его учеников в сфере диссертационной культуры, деятельность самого историка по оппонированию диссертаций – это тот минимальный перечень, которым ограничивается данная статья.

Будучи оригинальным мыслителем, Лаппо-Данилевский предстает в данной сфере университетской культуры как ученый особого склада. Принципы его научной деятельности, высокие требования к самому себе как ученому и вырабатываемому им научному знанию (обостренная научная саморефлексия как черта личности историка лейтмотивом звучит в мемориальных текстах современников¹) никогда не позволяли ему снижать их уровень – шла ли речь о собственной диссертации, или диссертационных исследованиях учеников и коллег. Его специфическое место в сообществе петербургских историков и историко-научных институциях столицы, круг научных интересов (см. работы В.П. Корзун, Е.А. Ростовцева, С.Н. Погодина), формирование научной школы новой модели и ха-

¹ См. мемуарные и публицистические пассажи Г.В. Вернадского, В.И. Веретенникова, И.М. Гревса, Б.Д. Грекова, А.Е. Преснякова, Г.П. Федотова и др.

рактер мышления историка-методолога (А.Е. Пресняков, В.П. Корзун, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, Е.А. Ростовцев, А.В. Малинов), тип его личности как ученого-модерниста (Д.А. Александров) наложили отпечаток и на особенности взаимоотношений с учениками, и, как мне представляется, на его положение в диссертационной системе.

Магистерская диссертация Лаппо-Данилевского (1890)² стала значимым фактом в русской науке, а ее защита – ярким событием в истории диссертационной культуры. До сего времени идут споры о методологической ориентации автора в момент ее создания и месте диссертационного труда в его теоретических исканиях. Не касаясь в данном случае содержания диссертации, не раз анализируемой в работах современных историографов (Е.А. Ростовцев, С.Н. Платонов, В.П. Корзун), обращаю внимание на такое известное, но редко используемое для анализа произведение историка, как его речь перед диссертационным диспутом³.

Ссылаясь на свою статью с анализом этой речи⁴, отмечу особенности ее структуры и основных идей. Едва ли не впервые в опыте выступлений диспутантов в ней озвучивались историографические, источниковедческие и методологические аспекты защищаемой диссертации. По сути, Лаппо-Данилевским была представлена новая модель выступления на диспуте, ориентированная на презентацию методологических принципов диссертации. Нельзя также не заметить особую тщательность и проявленную оперативность подготовки им текста речи к публикации, что подчеркивает признание историком особой значимости подобных научных текстов. Несомненным является факт использования молодым историком диссертационной трибуны для презентации своих теоретико-методологических откровений, что придает его академическому по форме выступлению неповторимый экзистенциальный смысл.

В речи Лаппо-Данилевский обозначил свои теоретико-методологические позиции, отказываясь от традиции воспринимать историю «только искусственным, литературным рассказом любопытных, славных или поучительных происшествий». Позиционируя в диссертацией иной подход, он заявлял стремление выработать «приемы исторического изучения», чтобы впоследствии «перейти и к более высоким ступеням исторического отвлечения». Как научный манифест выглядит его резюме: «...каждое научное сочинение можно рассматривать с двух точек зрения: *методологической и феноменологической*» (курсив Лаппо-Данилевского)⁵.

² См.: *Лаппо-Данилевский*. 1890.

³ См.: *Исторические диспуты...* С. 283-292.

⁴ См.: *Алеврас*. 2011/2012. С. 136-159.

⁵ *Исторические диспуты...* С. 283, 284.

Обосновывая свой подход в изучении избранной проблемы, Лаппо-Данилевский раскрывал потенциал тех методов, которые позволяли ему «классифицировать» изучаемые явления таким образом, чтобы они предстали «не отвлеченной однообразною схемой, а в виде живой развивающейся ткани соотношений, определяемых местными условиями древнерусской жизни». Предлагаемая классификация им самим обозначалась как «динамическая». Она, по его мысли, претендовала на универсальность, позволяя «во всяком историческом исследовании видоизменять статическую схему исследуемых явлений в динамическом смысле, сообразно времени и месту». Обосновывая смысл своего системного подхода, историк полагал, что он позволил ему органично проникнуть «из области методологии в сферу феноменологии нашего труда»⁶ [курсив А.С. Лаппо-Данилевского – Н.А.].

Для идентификации методологических подходов раннего Лаппо-Данилевского представляет интерес его оригинальная попытка в тексте диссертационной речи сравнить изучаемые социальные процессы с феноменами биологического происхождения, что на первый взгляд дает основание рассматривать ее как традицию позитивистского подхода. Но на это можно посмотреть и в ином ракурсе. Обратимся к его рассуждениям о способности половой клетки передавать наследственные черты создаваемой новой «особи» при одновременном стремлении этой «особи» «к индивидуальности»⁷. Феномен наследственности из области современной ему генетики (вспомним открытия Г.И. Менделя, Т.Х. Моргана) рассматривается им в качестве аналогии социальных явлений. Диспутант полагал, что и в социальной среде «при смене различных периодов исторической жизни любой общественной группы» происходит борьба между «наследственными» чертами прежнего времени и чертами «индивидуальными», «свойственными именно тому, а не другому периоду». В этом, считал он, проявлялась борьба «старого с новым»⁸, в том числе и в сфере изучаемого им вопроса – организации прямого обложения. Если интерпретировать его подход, учитывая и дальнейшее развитие взглядов, то предлагаемая им аналогия может быть воспринята в качестве метода, позволяющего формировать представление о мире как целостной взаимосвязанной системы, представленной процессами биологического и социального происхождения – природы и культуры. Кроме того, в его рассуждениях заметны интенции будущих опытов по установлению осо-

⁶ Там же. С. 288.

⁷ Там же.

⁸ Там же С. 288-289.

бенно-стей номотетических и идиографических по своей природе исторических явлений. Полагаю, что демонстрируемая в речи новаторская позиция историка может характеризоваться как переходная – от традиционных принципов позитивистской доктрины к теоретико-методологическим идеям в стиле модернизма рубежа XIX–XX вв.

Обратимся к некоторым схолярным аспектам научной биографии Лаппо-Данилевского, связанным с особенностями его «теоретической» школы и стиля его работы с учениками. Глядя на его фигуру в этом контексте, можно резюмировать, что он предстает не столько руководителем их диссертационных исследований в прагматической постановке этого вопроса, сколько в роли ученого-наставника, не ставившего в качестве приоритетных узкоспециальные задачи подготовки их к соисканию ученой степени. Определенным объяснением позиции историка могут выступать нормативные требования диссертационной системы: его должность приват-доцента не предусматривала осуществление магистерской подготовки учеников. Известно, например, что окончивший в 1904 г. историко-филологический факультет ученик историка – В.И. Веретенников, не был «замечен» главой кафедры русской истории С.Ф. Платоновым, и не оставлен для подготовки к профессорскому званию. Работая впоследствии в Харьковском университете, он самостоятельно подготовил к защите свои диссертации⁹.

Основные усилия Лаппо-Данилевского на педагогическом и научном поприщах были нацелены на формирование у учеников качеств ученого, вооруженного осмысленной методологией, позволяющей достигать профессиональных высот доказательности научной идеи. Ученики, прошедшие его школу, признавались в его особом таланте обучать посредством ненавязчивых научных размышлений, втягивавших в этот процесс «слушателей». В результате его лекции и беседы производили, по словам В.И. Веретенникова, «неизгладимое впечатление»: «Им [Лаппо-Данилевским] не давались с высоты кафедры уже готовыми отполированными и вылощенными, красиво уложенными и приглаженными готовые мысли-построения; а они, слушатели, непосредственно вводились, непосредственно присутствовали при самом процессе творческой работы большого ученого... каким являлся Лаппо-Данилевский. ...И тут слушатели его наглядно учились на примере, который развертывал пред ними Александр Сергеевич со всей силой своей огромной ученой мысли...»¹⁰. Одновременно мемуарист подчеркивал бережное

⁹ См.: Брачев, Дворниченко. 2004. С. 140-142.

¹⁰ Веретенников. 1920. С. 205.

отношение учителя к своим ученикам, его стремление сформировать в них научную самостоятельность: «...Александр Сергеевич никогда ничем не подавлял своих учеников в их работах»¹¹.

«Мастер-классы» Лаппо-Данилевского могут быть отнесены к категории особого – «когнитивного» метода обучения. Перефразируя самого ученого, можно сказать, что характер его коммуникаций с подопечными слушателями был сродни научно-психологическому типу *понимания* в виде «вживания в чужое сознание». Этот специфический процесс общения был взаимным – осуществлялся как со стороны учеников, так и со стороны учителя. Будучи чрезвычайно строгим к своим собственным трудам и отказываясь от роли учителя-попечителя, он давал свободу их творческим исканиям. В то же время он всегда оставался строгим критиком их научных штудий.

Можно говорить лишь об одном ученике историка, успевшем защитить две диссертации при его жизни. Им являлся В.И. Веретенников¹². Интересующая нас область профессиональной жизни других известных учеников историка уходит в более позднее время. С.Н. Валк и А.И. Андреев, как известно, получили ученые степени уже в рамках советской науки и соответствующей диссертационной системы. Можно, конечно, специально задаться вопросом относительно скромного списка его учеников, защитивших диссертационные исследования. Ответ потребовал бы развернутого сюжета. Если коротко, то объяснения найдутся и в области социально-политического контекста жизни многих его учеников, оказавшихся в водовороте трансформационного сдвига России, и в воспринятой у Лаппо-Данилевского строгости отношения к процессу выработки своих научных наблюдений и обобщений, и в университетском статусе историка-учителя как приват-доцента, и в сфере разделяемой учениками философии/идеологии творчества учителя. Идеология же его творчества Лаппо-Данилевского зиждилась на высоких принципах научности и долга ученого. Для такой позиции характерна минимизация прагматики научной жизни (к этой сфере, вероятно, им была отнесена и диссертационная система), что некоторым образом сказалось на истории создания его докторской диссертации. Так или иначе, выше констатируемый факт единственного при жизни историка

¹¹ Там же. С. 201.

¹² В 1910 г. он защитил магистерскую диссертацию «История Тайной канцелярии Петровского времени» (оппоненты: А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов); в 1916 г. – докторскую – «Очерки генерал-прокуратуры в России до Екатерининского времени» (оппоненты: А.С. Лаппо-Данилевский и С.В. Рождественский).

ученика-диссертанта остается фактом, подтверждаемым информацией известного справочника Г.Г. Кричевского¹³.

Ближайшие ученики Лаппо-Данилевского – В.И. Веретенников, С.Н. Валк, оставившие о нем воспоминания в мемориальном номере «Русского исторического журнала» (РИЖ, 1920. № 6), не затронули диссертационной темы. Отношение же Лаппо-Данилевского к диссертациям одного из них – В.И. Веретенникова – при отсутствии иной информации может быть определено через обращение к отзывам учителя о диссертациях ученика¹⁴. Этот аспект позволяет перейти еще к одному виду деятельности Лаппо-Данилевского – роли эксперта диссертаций.

В поле диссертационной системы Лаппо-Данилевский, кроме диссертации Веретенникова, по имеющимся у нас сведениям выступал официальным оппонентом на диссертационных диспутах С.М. Середонина (1892), С.В. Рождественского (1897), М.В. Клочкова (1911). Относительно небольшой список оппонируемых соискателей, в сравнении, например, с С.Ф. Платоновым, не позволяет отнести его к категории активистов на этом поприще.

В личном фонде историка имеется также черновик-автограф отзыва о магистерской диссертации казанского историка Н.Н. Фирсова¹⁵. Вероятно, его составление было связано с представлением Фирсовым диссертации в Академию наук для премирования. Последняя фраза отзыва о том, что труд Фирсова «заслуживает некоторого поощрения» свидетельствует об этом¹⁶. После защиты Фирсовым докторской диссертации в Казанском университете (1903) Лаппо-Данилевский, выступая от имени Академии наук, пишет отзыв и на эту его диссертацию¹⁷. Личный интерес Лаппо-Данилевского к диссертациям Фирсова легко объясним их тематикой. Обе они затрагивали актуальные для Лаппо-Данилевского проблемы российской истории XVIII века, над которыми он активно работал в эти годы. К подобному типу относится и объемный отзыв историка о докторской диссертации М.А. Дьяконова¹⁸.

¹³ См.: Кричевский. 1984.

¹⁴ См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 386. Л. 3-8 (отзыв о магистерской диссертации); д. 387. Л. 17-29 (отзыв о докторской диссертации).

¹⁵ См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1 Д. 416. Л. 1-36. Тема магистерской диссертации Н.Н. Фирсова – «Русские торгово-промышленные кампании в первую половину XVIII в.». Защита состоялась в 1897 г. в Московском университете.

¹⁶ Остается пока неизвестным, был ли дан ход этому отзыву и номинировался ли Фирсов с магистерской диссертацией на какую-либо академическую премию.

¹⁷ См.: Лаппо-Данилевский. 1906.

¹⁸ См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 394; Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI-XVII вв.

Приведенные факты позволяют сквозь призму академических отзывов корректировать место Лаппо-Данилевского в контексте диссертационной культуры. Научно-критические работы историка высоко ценились коллегами-современниками и особо отмечаются в историографии. По свидетельству Е.А. Ростовцева В.Г. Васильевский считал Лаппо-Данилевского «первым знатоком» научно-критического жанра и называл «постоянным присяжным оценщиком трудов по экономической и социальной русской истории»¹⁹.

Первым опытом официального оппонирования стало для Лаппо-Данилевского выступление на магистерском диспуте С.М. Середонина²⁰. Сам недавно защитивший диссертацию, Лаппо-Данилевский, в отличие от другого оппонента – Платонова, был весьма строг к соискателю. Следуя установленным для себя принципам, он упрекал его в поверхностности изложения и незнании целого ряда источников, сведения из которых можно было использовать для сравнения с «показаниями Флетчера». Отмечал он и неглубокое усвоение современной историографии, а также некритичное использование фактических данных из ряда исследований. Мимо внимания Лаппо-Данилевского не могли пройти страницы диссертации, на которых автор излагал характеристику такого «капитального» вопроса как «состояние нашего хозяйства в XVI в.»: отношение крестьян к помещикам, военное и финансовое управление. Необоснованной он считал попытки Середонина сформулировать «новую теорию о происхождении четвертей» – спорного вопроса, который составил одно из важных мест в его собственной диссертации. Критически оппонент воспринял неумение автора выработать адекватный заявленной теме метод изучения темы и «выковать логически последовательную и стройную цепь рассуждений», вследствие чего работа отличалась «искусственной схематизацией», что, резюмировал Лаппо-Данилевский, «лишает жизни сочинение г. Середонина».

Не допуская снисходительности в вопросах критики диссертаций и своего ученика В.И. Веретенникова, он, в то же время не скрывал явных симпатий к нему как оригинальному автору высокой профессиональной квалификации. Отмечу особую тщательность подготовки Лаппо-Данилевским этих отзывов. Два архивных дела, содержащих обширные выписки из диссертаций и черновые наброски к текстам оппонентских

¹⁹ *Ростовцев*. 2004. С. 141, 181.

²⁰ Рукопись отзыва см.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 411. Л. 1-16. По свидетельству Н.Н. Платоновой продолжительность его выступления составила 1 час 40 мин.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 85 об.-86.

выступлений, привлекают своим объемом. Дело с отзывом о магистерской диссертации состоит из 101 л., о докторской – 157 л.

В обоих случаях он подчеркнул обоснованность выбора тем: в магистерской диссертации – в связи с отсутствием исследований по проблеме, выдвинутой на защиту, в докторской – с историографической потребностью пересмотра полувековой давности выводов предшественников автора. В первой диссертации Веретенников оказался пионером освоения документов по истории изучаемого учреждения, во второй – он продемонстрировал способность тщательного выявления и формирования целостного комплекса источников по теме с учетом различных редакций документов. Новизна двух его диссертаций у оппонента не вызвала сомнений. Он высоко оценил усилия ученика по целенаправленному сбору источниковых комплексов, доказательству их репрезентативности, а также проявленные качества диссертанта: «тщательность» и «осторожность» в использовании архивного материала. Особо историка привлек пассаж магистерской диссертации, отражающий попытки автора «восстановить историю архивного фонда Тайной канцелярии». Он подчеркнул, что диссертант принялся за написание этой истории, лишь убедившись, что сохранились три четверти его документов²¹. В докторской диссертации Веретенникову, как подчеркнул Лаппо-Данилевский, «за отсутствием подлинного делопроизводства генерал-прокурорской канцелярии» удалось возместить источниковые пробелы путем обращения к различным фондам Сената в архивах Москвы и Петрограда. Следуя своим принципам, диссертант и в этой работе доказывал репрезентативность сформированной источниковой базы. Ее обновление позволило ему раскрыть аспекты, о которых «не думал его предшественник»²². Речь шла о характере взаимоотношений генерал-прокуратуры и Сената, а также роли «личного управления» в истории этого учреждения. Специально Лаппо-Данилевский подчеркнул значение сюжетов с описанием деятельности конкретных «выдающихся» личностей – генерал-прокуроров и их заместителей.

Обе диссертации вызвали ряд серьезных замечаний, но достоинства их превышали. Отзывы завершались сходным по мысли резюме о неоспоримом значении этих исследований: с их выводами «придется считаться всякому будущему историку высшей нашей администрации XVIII века»²³. Позитивные оценки Лаппо-Данилевского явно опирались на

²¹ СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 386. Л. 4.

²² Имелся в виду А. Д. Градовский: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 387. Л. 18.

²³ Там же. Л. 28.

соответствие и реализацию в диссертациях ученика выдвигаемых им самим научных принципов исторического исследования. Сам же учитель в отзывах продолжал демонстрировать «мастер-класс» ученого-историка и собственный богатый опыт исследовательской практики, снабжая текст своими толкованиями рассматриваемых диссертантом явлений.

Специальной задачей дальнейшего изучения оппонентских выступлений Лаппо-Данилевского может стать анализ черновых набросков к отзывам, в которых сохранились не предназначенные для публики мысли историка; в них же воплотился персональный опыт изготовления отзывов, который дополняет штрихи к его амплу историка-критика.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н.* «...Мир вещей в пространстве диссертационной культуры» // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Вип.6. К.: Інститут історії України НАН України, 2011/2012. С.136-159.
- Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834-2004). СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2004. 384 с.
- Веретенников В.И.* Памяти дорогого учителя // Русский исторический журнал. 1920. № 6. С. 201-205.
- Исторические диспуты // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1890. Т. 1. С. 283-292.
- Кричевский Г.Г.* Диссертации университетов России 1805-1919. М., 1984. Библиографический указатель. Рукопись.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890. 557 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Отзыв о сочинении Н.Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II». СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1906. 34 с.
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).
- Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве XVI-XVII вв.: Отзыв А. Лаппо-Данилевского о книге М. Дьяконова «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве» (XVI-XVII вв.). СПб., 1898 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1900. 130 с.
- Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 352 с.
- Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФА РАН).
- Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета, vhist@mail.ru*

Н. Ю. БОЛОТИНА

О ЗАНЯТИЯХ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО С МАТЕРИАЛАМИ МАМЮ, ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА МИД И МГАМИД (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАДА)

На основе записей в бумагах Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ), Московского главного архива МИД (МГАМИД), Государственного архива МИД показано, с какими историческими источниками работал историк в разные периоды творчества. Характеризуется процедура получения исследователями конца XIX – начала XX в. доступа к подлинным документам; публикуются письма А.С. Лаппо-Данилевского к директору МГАМИД С.А. Белокурову с просьбами о высылке рукописей для работы в Санкт-Петербург и с обсуждением особенностей документов.

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский, С.А. Белокуров, МАМЮ, МГАМИД, Государственный архив Министерства иностранных дел, РГАДА, источниковедение, историография, архивоведение, археография.*

В последнее двадцатилетие личность и труды А.С. Лаппо-Данилевского стали объектом пристального внимания историков и источниковедов, хорошо изучена его творческая лаборатория, методология и вклад в развитие исторической науки¹. Тем не менее, не все возможности источниковой базы этой темы исчерпаны. РГАДА – старейший отечественный архив, и немногие исследователи, занимающиеся историей рубежа XIX–XX вв., заглядывают в его фонды. Благодаря сохранившимся документам в делах канцелярий Государственного архива и архивов МГАМИД и МАМЮ, а также письмам Лаппо-Данилевского в личном фонде директора МГАМИД С.А. Белокурова можно расширить источниковую базу изучения его жизни и деятельности, добавить новые грани в исследование лаборатории историка и методов работы с архивными материалами. Не менее интересно проанализировать порядок доступа к архивным документам и работы с ними исследователя в конце XIX – начале XX в.

Многим современным историкам, живущим в Петербурге, документы МГАМИД и МАМЮ (сейчас РГАДА) труднодоступны. Однако ранее, еще со времени руководства МАКИД Г.Ф. Миллером, сложилась практика высылки историкам подлинных рукописей в Петербург для временного пользования: сначала Екатерине II, а затем и в Академию наук. Таким образом, Лаппо-Данилевский мог непосредственно работать с документами, не приезжая в Москву.

¹ Историография приведена в работе: *Ростовцев*. 2004.

Сложные, но и плодотворные отношения связывали А.С. Лаппо-Данилевского и МАМЮ. Непростые конфликтные взаимоотношения историка с директором архива Д.Я. Самоквасовым в ходе подготовки запланированного Академией наук издания «Материалов по истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду» исследованы в труде Л.И. Шохина².

Лаппо-Данилевский, как свидетельствует книга выдачи дел, работал с документами архива в 1886–1890 гг. На него, как и на многих, произвело впечатление новое монументальное здание МАМЮ, выстроенное специально для архива в 1882 г. на Девичьем поле (ныне ул. Б. Пироговская, 17). После первых посещений Лаппо-Данилевский написал В.Г. Дружинину: «Здание красивое, жаль только, что далеко»³.

В фонде канцелярии МАМЮ сохранилась книга записей требований посетителей архива, в которой значится имя историка и данные о том, какие дела он просматривал. Первая запись относится к 9 апреля 1886 г., когда Лаппо-Данилевский в качестве кандидата Санкт-Петербургского университета приступил к подготовке диссертации по теме «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» (1890). Источниковой базой исследования стали материалы переписных книг и документы Разрядного приказа. Так, например, в мае–июне 1888 г. Лаппо-Данилевский просматривал переписные книги по Коломне, Калуге, Сольвычегодску, Владимиру, Алексину, а также разрядные вязки, книгу денежного сбора и одну десятью⁴.

Много времени посвятил историк работе с архивными материалами накануне защиты диссертации в мае–июне 1889 г. Из книг Денежного стола им было просмотрено 14 дел, кроме этого Лаппо-Данилевский заказывал по одной книге из дел Севского стола и Киевского повывья, а также переписные, писцовые и дозорные книги по Ярославлю, Тотмье, Владимиру и два дела из Малороссийского приказа⁵. Представляя объемы изученных книг и сложность разбора почерков писцов XVII в., можно только удивляться работоспособности Лаппо-Данилевского, который в период с 8 мая по 13 июня 1889 г. сумел просмотреть, прочесть и сделать выписки из 30 дел. Л.И. Шохин, основываясь на «книгах выдачи документов» за 1888–1907 гг., называет Лаппо-Данилевского одним из «самых усердных исследователей»⁶.

² Шохин. 1999. С. 200, 320–321 и др.; Ростовцев. 2004. С. 98.

³ Цит. по: Шохин. 1999. С. 115.

⁴ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 587. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 23–23об.

⁶ Шохин. 1999. С. 336.

В отличие от МАМЮ в канцеляриях Государственного архива и МГАМИД сохранились не только сведения о выдаваемых Лаппо-Данилевскому материалах, но и переписка, которая раскрывает обстоятельства их предоставления. Одновременно с подготовкой диссертации историк обратил внимание на материалы по внутренней политике екатерининского времени, результатом чего стали его труды «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» (СПб., 1898) и «Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II» (СПб., 1898).

Еще приват-доцентом Петербургского университета, Лаппо-Данилевский в ноябре 1895 г. был допущен в Государственный архив в Петербурге. Для этого попечитель Петербургского учебного округа обратился в Министерство народного просвещения, а оно, в свою очередь, в Министерство иностранных дел с ходатайством о допуске к архивным материалам молодого историка. Порядок доступа к делам Государственного архива был очень строгий. Поскольку в нем хранились многие секретные документы по истории империи, у министра народного просвещения И.Д. Делянова были затребованы сведения о «размере эпохи и пределов предполагаемого исследования, а также о том, может ли оно появиться в печати» в составе повременного издания или в виде отдельной книги⁷.

Министра народного просвещения от 20 декабря 1895 г. подробно сообщал о предполагаемой цели работы Лаппо-Данилевского: «занимается историей сословий в связи с историей законодательных комиссий в России XVIII века»⁸. В письме министру иностранных дел сообщалось, «что кроме рукописного материала, непосредственно примыкающего к теме г. Лаппо-Данилевского, ему необходимо было бы воспользоваться и другими данными; так, например, в виду того, что верховное наблюдение за работами комиссий принадлежало монаршей власти и ближайший надзор за ними поручен был генерал-прокурорам, указанная тема не может быть подвергнута научному изучению без предварительного знакомства с делами статс-секретарей, бывших при императрицах Елисавете и Екатерине II, а также с делами генерал-прокуроров XVIII века»⁹. Министр народного просвещения ходатайствовал о допущении Лаппо-Данилевского к возможно большему кругу источников, включая даже начало XIX в., с тем, чтобы историк мог сформировать максимально широкую базу исследования и поместить результаты своих трудов сначала на страницах

⁷ РГАДА. Ф. 31. Д. 652. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 4об.

журнала Министерства народного просвещения, а затем издать и отдельной книгой. Решение о допуске Лаппо-Данилевского в Государственный архив было принято 5 января 1896 г.¹⁰ Несмотря на ходатайство министра народного просвещения, в МИДе считали круг интересов Лаппо-Данилевского слишком обширным. В черновике, вероятно, неотправленного отношения, содержатся сомнения по поводу его работы: «Из всего этого видно, что Лаппо-Данилевский желает избегнуть всякого контроля. По-видимому, он хочет заниматься всем, что он найдет интересным для помещения в журнале народного просвещения»¹¹.

Своими трудами Лаппо-Данилевский сумел доказать научный интерес к архивным документам и творческую работоспособность. Когда он был уже адъюнктом Академии наук, ее непреременный секретарь генерал-лейтенант Н.Ф. Дубровин 20 марта 1900 г. обратился в Государственный архив с просьбой предоставить историку подлинную рукопись, принадлежащую перу Екатерины II, «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», необходимую для окончания труда Лаппо-Данилевского о научных основах правосознания в XVIII в.

Сложность исполнения просьбы состояла в особом хранении этого документа: «эта рукопись, – говорилось в послании Дубровина, – зашитая в парчу и запечатанная малою государственною печатью, поступила в Государственный архив в 1857 году, когда по высочайшему повелению прислана была сюда митрополитом Филаретом из Успенского собора»¹². Для того, чтобы распечатать документ и предоставить его для изучения, требовалось особое разрешение императора, о чем и просила Академия наук. 21 марта Николай II разрешил историку ознакомиться с автографом Екатерины Великой. Такой интерес Лаппо-Данилевского к «Учреждениям», а затем и к другим законодательным источникам и рукописям, хранящимся в МГАМИД, связан с его крупномасштабным археографическим проектом – подготовкой серии «Памятники старинного русского законодательства»¹³.

Став академиком, Лаппо-Данилевский уже без какой-либо дополнительной бумажной волокиты получил возможность в апреле 1908 г. ознакомиться с перепиской Екатерины II и Вольтера, хранящейся в запечатанном пакете, и даже сделать необходимые копии¹⁴. Сюда же, в Государственный архив, в мае 1908 г. для занятий академика сроком на

¹⁰ Там же. Л. 6-6об.

¹¹ РГАДА. Ф. 31. Д. 652. Л. 11об.

¹² Там же. Л. 14.

¹³ Ростовцев. 2004. С. 163-166.

¹⁴ РГАДА. Ф. 31. Д. 652. Л. 19, 20.

две недели была доставлена из императорской Публичной библиотеки рукопись «Правление гражданское, о его истинном начале и о его власти», а в октябре несколько томов «Oeuvres complètes de Voltaire»¹⁵. Интерес к Екатерининскому времени всегда присутствовал в творчестве Лаппо-Данилевского, и для своих исследований он неизменно привлекал архивные материалы. Так, в октябре 1911 года историк прислал в Государственный архив визитку, на обороте которой написана была просьба разрешить А.В. Ястребову для него «снять копии с нескольких документов, касающихся И.И. Бецкого»¹⁶.

Петербургские историки решали проблемы, связанные с доступом к документам МГАМИД, через Государственный архив и Санкт-Петербургский главный архив МИД, куда по специальным запросам временно пересылались дела. Первое свидетельство об обращении Лаппо-Данилевского к документам МГАМИД относится к 1906 году По его просьбе в Петербург была выслана Переписная книга Нежинского полка за 1654 г. (687 л.), возвращенная в Москву в декабре 1907 г.¹⁷ По личному заявлению Лаппо-Данилевского от 14 декабря 1906 г. к изучению рукописи был допущен составитель Малороссийского родословника В.Л. Модзалевский¹⁸. Согласно сохранившемуся в деле канцелярии МГАМИД «Листу для записи требований занимающегося в читальнях» в апреле 1906 г. Лаппо-Данилевский исследовал городские книги по Новгороду Великому и по Нижнему Новгороду¹⁹.

При подготовке серии «Памятники старинного русского законодательства» Лаппо-Данилевский в феврале 1908 г. через Академию наук обратился в МГАМИД с просьбой прислать из архивной библиотеки²⁰ рукописи «Краткий специмент о высочайшем наследственном повелительстве» (№ 158/213 в 4-ку на 73 л.) и «О правлении гражданском Локка» (№194/324 в лист на 142 стр.), необходимые ему для занятий «по истории русского правосознания»²¹. В январе 1909 г. Академия наук запросила сроком на три месяца рукописи «О наследстве по французскому праву, соч. Феррвера» (№ 164/238 в 4-ку на 101 л.) и перевод «Уложений венецианских о наследствах без духовных» (№ 160/233 в 4-ку на 223 л.) из архивной библиотеки²².

¹⁵ Там же. Л. 23, 25.

¹⁶ Там же. Л. 28.

¹⁷ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 5250. Л. 1, 4; Ф. 31. Д. 758. Ч. 23. Л. 1, 4, 5.

¹⁸ Там же. Ф. 31. Д. 758. Ч. 23. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 5250. Л. 2.

²⁰ Там же. Ф. 181 «Рукописный отдел библиотеки МГАМИД».

²¹ Там же. Д. 5350. Л. 1-2.

²² Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 5444. Л. 1, 7; Ф. 31. Д. 758. Ч. 23. Л. 6-8.

Интересные сведения о занятиях Лаппо-Данилевского с материалами МГАМИД и подготовке их к публикации содержатся в письмах историка директору архива С.А. Белокурову, сохранившихся в его личном фонде. Главные темы посланий – археографическая деятельность по изданию памятников законодательства XVII–XVIII вв., просьбы о предоставлении копий рукописей и сверке публикуемых источников. Поражает, как хорошо ориентировался Лаппо-Данилевского в коллекции документов МГАМИД, в письмах он даже указывает конкретные поисковые данные интересующих его документов.

Переписка Лаппо-Данилевского с Белокуровым свидетельствует о существовавшем уважительном отношении профессиональных историков к коллегам-архивистам. Служащие МГАМИД и МАМЮ на равных с историками писали фундаментальные труды, участвовали в академических изданиях и публиковали ценные источники. Из писем Лаппо-Данилевского видно, как важны для него были мнение и замечания Белокурова, насколько он нуждался в профессиональной помощи архивиста. Как и сейчас, так и во времена Лаппо-Данилевского, в продвижении исторической науки большую роль играли дружеские личные связи историков и архивистов.

Документы РГАДА способствует изучению источниковедческой и археографической деятельности Лаппо-Данилевского, раскрывают обстоятельства получения доступа к архивным документам, а также показывают деятельность крупнейших исторических архивов Российской империи по организации работы со своими материалами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма А.С. Лаппо-Данилевского директору МГАМИД С.А. Белокурову

№ 1. [Петербург] 1890 г. мая 7

Окажите Ваше доброе содействие Корнелию Петровичу Уленбеку, который занимается сношениями России с Данией, кажется в XVII веке. Я сам знаю, как облегчаются работы в архиве, когда встречаешь радушный прием, который Вы, надеюсь, не откажитесь сделать и Корнелию Петровичу, как и мне оказали. Посылаю Вам книгу свою и надеюсь, что Вы в ней не найдете слишком много ошибок.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 1. Автограф.

№ 2. Станция Милорадовка Екатеринославской губернии 1904 г. июня 3

Около месяца тому назад проездом через Москву я заходил к Вам в архив (где и оставил две брошюрки на Ваше имя), но к крайней моей досаде не застал Вас в городе. А между тем у меня было несколько маленьких дел, о которых мне хотелось поговорить с Вами. Одно из них состоит вот в чем.

В введении к одному сочинению, над которым я работаю теперь, мне крайне желательно было бы иметь под рукою хотя бы некоторые из глав «Политики» Крижанича, до сих пор не появившиеся в печати. Из Вашей интересной книги я вижу, что Ваше общество²³ располагает копией с «Политики», приготовленной для издания. Я не хотел бы обращаться к рукописи (подл[инику]), не выяснив вопроса о том, когда начнется печатание текста Обществом и не будет ли оно иметь что-либо против пользования им теперь посторонним лицом? А на днях мне пришла в голову мысль, нельзя ли было бы выслать в Академию наук хотя бы на самое короткое время (напр[имер] недели на две) копию, принадлежащую Общ[еству] И[стории] и Др[евностей], если она сейчас не в типографии? Или, в крайнем случае, нельзя ли было бы снять копии с нескольких страниц, разумеется, на мой счет? Если бы первая комбинация была бы мыслима, то я мог бы официально обратиться к Вам через Академию в сентябре, когда я вернусь в Петербург. Если так устроить нельзя, может быть, Вы научите меня, как быть.

О других маленьких делах, которые имеют отношение к Академии, я еще буду писать Вам в ближайшем будущем. Здесь я пробуду до 15 июня, а затем перееду в Перианц на дачу Кольке (Балтийск[ая] жел[езная] дор[ога] ст[анция] Варвара, Силламяги²⁴).

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 3-4об. Автограф.

№ 3. Петербург 1905 г. апреля 5

Позвольте воспользоваться тем, что Вы не чужды нашей Академии наук, и обратиться к Вам с несколькими просьбами. Исполнение которых, впрочем, не может отнять у Вас много времени.

Прежде всего, я давно уже хотел писать Вам по поводу одного из изданий, предпринятых Академией²⁵, а именно научно-критического издания важнейших памятников нашего законодательства 1649-1831 г. (описание подлинных рукописей, источники отдельных статей, история текста и его критика – послесловие – в подстрочных примечаниях); каждый выпуск под редакцией того, кто взялся за издание данного памятника. Уложение – взял Дьяконов²⁶, Никоновскую (греч[ескую]) Кормчую – Бенешевич²⁷, воеводские инструкции – ваш Богословский²⁸, регламент П[етра] В[еликого] –

²³ Общество истории и древностей Российских при императорском Московском университете.

²⁴ Силламяги – курорт на берегу Финского залива.

²⁵ Распределение источников почти полностью совпадает с Программой издания серии «Памятники старинного русского законодательства» ([Программа издания серии «Памятники старинного русского законодательства»]; *Ростовцев* С. 163).

²⁶ Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк русского права, академик.

²⁷ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938), византист, палеограф.

²⁸ Богословский Михаил Михайлович (1867-1929), историк, профессор Московского университета.

Павлов-Сильванский²⁹, Учреждение о губ[ерниях] – я и т. д. Не возьмете ли Вы чего-нибудь? В числе предпринятых изданий, как видите, есть и Уложение. Весьма важно было бы знать, можно ли будет Академии наук рассчитывать на успех, если она обратится в Министерство иностранных дел с просьбою о пересылке оригинала из Московского главного архива в здешний арх[ив] министерства. Выписать его можно было бы не на долго, на 1-2 месяца (а, пожалуй, и меньше) только для того, чтобы сфотографировать текст³⁰. Не имея списков, вполне заменяющих подлинник, пришлось бы или отказаться от издания или просить о высылке сюда Уложения на длинный срок. А здесь у нас свой аппарат и можно все устроить дешево. Так вот, я и был бы очень благодарен Вам, если бы Вы сообщили мне. Стоит ли поднимать такое дело в надежде на его успех?

В настоящее время у нас ведется и другое издание той же серии, а именно Наказ имп[ератрицы] Екатерины II. В виде приложения издается и генерал-прокурорский наказ. Между тем в Вашем Госуд[арственном] Древлехранилище (Отд. V, рубр. I, № 8, в третьей обложке) есть текст генерал-прокурорского наказа с поправками Екатерины II³¹. Если эти поправки не велики, не были бы Вы настолько любезны, чтобы отметить их на прилагаемой корректуре? то, что переправлено императрицей можно было бы отметить одним способом, то, что внесено вновь в виде вставок и проч. – другим. С прилагаемым корректурным экземпляром, разумеется, церемониться нечего.

У меня была еще просьба к Вам относительно выписок некоторых текстов из рукописи Крижанича в Синодальной типографии; да, боюсь, что и без того уже злоупотребляю Вашим терпением и попытаюсь обратиться прямо к г[осподину] Покровскому, который, было, обещал их сделать, да, вероятно, забыл.

Я еще не благодарил Вас за присылку мне «Чтений»; сообщите, кстати, каковы размеры членского взноса, который я до сих пор не препроводил Вам.

Заранее извиняюсь, что я письмом своим доставил Вам некоторые хлопоты, прошу Вас, примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 6-8. Автограф.

²⁹ Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869-1908), историк, с 1899 г. работал в Государственном архиве МИД.

³⁰ В бумагах канцелярии МГАМИД сохранилось дело о фотографировании Соборного Уложения (РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3337).

³¹ Под указанным шифром Ф. 135. Древлехранилище. Отд. V. Рубр. I. 38. Л. 34-39 значится «Генерал-прокурорский наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому маршалу поступать», написанный Г.В. Козицким с собственноручными добавлениями Екатерины II.

№ 4. Петербург 1905 г. мая 5

Большое спасибо Вам, многоуважаемый Сергей Алексеевич, за общенные Вами сведения. Позвольте отблагодарить Вас и в предисловии к академическому изданию, которое, вероятно, выйдет осенью. Я, конечно, хорошо понимаю, что Вас осаждают просьбами и, когда писал Вам в последний раз, то только хотел получить известие от Вас о том, можно ли будет надеяться на исполнение моего челобитья. А вышло так, что я точно заставил Вас торопиться с его скорейшим исполнением, чего у меня поистине на уме не было. Мне очень досадно, что так вышло.

За Ваше мнение по вопросу о выписке Уложения я Вам также очень признателен и воспользуюсь Вашим указанием осенью.

В надежде, что если не теперь, то в будущем Вы можете быть снимете крест, поставленный Вами на одном из моих предложений.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 9-9об. Автограф.

№ 5. [Петербург] 1911 г.

Если бы Вы нашли вероятным сверить прилагаемый набор с оригинальными текстами, хранимых в Вашем архиве, то очень одолжили бы Академию: выписать их сюда, конечно, трудно, а потому пришлось беспокоить Вас просьбой сверить их на месте, когда у Вас найдется ½ часа свободного времени. Не желали ли бы Вы получить какие-либо издания Академии?

Преданный Вам и заранее благодарный Вам за Ваши поправки.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 2. Автограф.

№ 6. [Петербург] 1917 г. июня 28

Зная, что Вы интересуетесь Римскими архивами и делами, я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой не отказать в добром совете и указании профессору Римского университета Влад[имиру] Ник[олаевичу] Забугину³², желающему содействовать образованию Русского института в Риме. Забугин сам расскажет Вам, в чем дело.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 5-5об. Автограф.

№ 7. Москва б/д

Сегодня не успел разыскать Вас в архиве для того, чтобы попроситься с вами и поблагодарить Вас за оказанную Вами мне помощь и за радушный прием в вашем хранилище. А завтра думаю уехать на юг, откуда проездом снова буду в архиве лишь в августе. Поэтому письменно спешу выразить Вам мою признательность и надежду на то, что и Вы в случае нужды обратитесь ко мне.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 10. Автограф.

³² Забугин Владимир Николаевич (1880-1923), католический церковный деятель, историк; в июне 1917 г. был направлен в Россию итальянским правительством в качестве специального посланника по укреплению межгосударственных связей.

№ 8. Б/д

Будьте добры, не сообщите ли сведения касательно прилагаемой грамоты; очень обязали бы Академию; справка нужна для издаваемого ею Сборника грамот.

Пользуюсь случаем приветствовать Вас и заранее благодарить Вас. С совершенным уважением готовый к услугам А. Лаппо-Данилевский.

Записи чернилами другим почерком (С.А. Белокурова?): «Госу[дарственное] Древл[ехранилище]. I, IV, № 6³³» и карандашом: «Тр[оице] Серг[иева] м[онасты]ря игум[ену] митрополиту о невзим[ании] пошлин от старцев. 7 ½ свин[цовых] печатей покол[оты]».

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 13. Автограф.

№ 9. Петербург Б/г ноября 28

Позвольте обратиться к Вам с следующей покорнейшей просьбою. В прилагаемом листе за № 39 Вы найдете грамоту, печатаемую Академией в Сборнике грамот бывшей Коллегии экономии; грамота – из вашего архива. Не будете ли Вы столь любезны и не сверите ли этот последний набор с подлинным текстом, о чем мы с благодарностью упомянем в предисловии. Печатать грамоту предполагаем с соблюдением (дословным и с знаками) правописанья подлинника.

Ф. 184. Оп. 1. Д. 623. Л. 14-14об. Автограф.

БИБЛИОГРАФИЯ**Источники**

Программа издания серии «Памятники старинного русского законодательства» // Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 31. Д. 652, 758, ч. 23; Ф. 180. Оп. 7. Д. 5250, 5444; Ф. 181 «Рукописный отдел библиотеки МГА-МИД». Д. 5350; Ф. 337. Оп. 1. Д. 587.

Литература

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. 347 с.

Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999. 523 с.

Болотина Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХ и ГС), доцент кафедры истории российской государственности; bolotina30@rambler.ru

³³ Под этим номером хранится: Жалованная грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный провоз товаров по Двине. 1448-1454 гг. Опубликовано в «Сборнике грамот Коллегии экономии» (Пг., 1922. Т. 1, № 39).

М. П. ВАЛЬЦ

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ В. ШТЕРНА В «МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ» А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Анализируются механизмы рецепции как одного из основных способов освоения научного наследия применительно к сфере психологии и их трансформация в области исторического знания на примере труда А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» и идей В. Штерна.

Ключевые слова: рецепция, А.С. Лаппо-Данилевский, В. Штерн, методология истории, психология.

Для своих исторических построений в «Методологии истории»¹ А.С. Лаппо-Данилевский зачастую использует идеи ученых, работавших в других областях знания. Особое место автор отводит психологии, играющей важную роль в его концепции. Используя проведенные другими специалистами исследования, Лаппо-Данилевский выстраивает свою теорию. Здесь мы сталкиваемся с таким механизмом познания, как рецепция, под которой понимаем осознанный интеллектуальный процесс восприятия идей и концепций и их трансформации в соответствии с исследовательскими подходами и познавательными задачами реципиента.

Много внимания Лаппо-Данилевский в своем труде уделял немецкому психологу В. Штерну, чьи выводы стали основой для рассуждений российского историка. В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский упоминает следующие работы немецкого ученого: «Воспоминания, показания и ложь в раннем детстве»², «Показания как духовный результат и как продукт допроса»³, «Опыты реальности»⁴, «О психологии показаний»⁵. Больше всего материала российский историк использует из второго исследования, которое мы и выберем для изучения.

Отметим также, что мы работали не с русскоязычными переводами, а с оригинальными текстами и именно теми изданиями, которыми пользовался сам Лаппо-Данилевский. Названные работы В. Штерна на русском языке отсутствуют (по данным фондов Российской Государст-

¹ Лаппо-Данилевский. 2010.

² Stern C. und W. 1909.

³ Stern. Die Aussage... 1904.

⁴ Stern. Wirklichkeitsversuche... 1904.

⁵ Stern. 1902.

венной Библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки)⁶.

Размышляя о неверных свидетельских показаниях, российский историк обращается к взглядам В. Штерна: «В связи с только что перечисленными “ошибками памяти” или воспоминаниями, возникающими под влиянием воображения, можно указать и на такие, которые проистекают от инстинктивного стремления разума дополнить или объяснить данные опыта. В таких случаях свидетель выдает свое толкование факта за испытанный им действительно бывший факт. Свидетель видит, например, человека, сидящего за столом, но не то, на чем он сидит, и тем не менее, в показании своем говорит, что он видел человека, сидящего за столом на стуле; свидетель наблюдает, положим, трех людей, собравшихся вокруг стола и приступающих к обеду, причем один из них в вышеуказанном положении, другой сидит на скамье, а третий собирается занять стул, который стоит спереди у стола, но в своем показании о виденном говорит, что, соответственно числу обедающих, при столе было три стула; свидетель замечает собаку и оглядывающуюся даму, и превращает эти два ничем не связанные в действительности образа в яркую сцену нападения собаки на даму и т.п.»⁷.

Теперь посмотрим, что пишет сам В. Штерн: «На вопрос: “Можно ли увидеть, на чем сидит человек?” – чаще неверно отвечают: “Да”, – вместо правильного: “Нет”. С чисто объективных точек зрения, конечно, здесь не имеется никаких “дополнений”; понятно, что у человека должно быть какое-то место для сидения. Но также ясно, что на картине нет и следа этого места для сидения, и в этот раз вопрос как раз не о том, о чем обычно: об обработанном и дополненном через сами собой разумеющиеся толкования и логические выводы воспоминания, – а о голых фактах восприятия как таковых; не об объекте, а об ощущении. Результат чаще всего таков: невозможно провести четкое разделение между настоящим восприятием и истолкованным, хотя не представленные факты, а скорее изображающая картина содержит дополнение в показаниях»⁸. И приведем еще одну мысль В. Штерна: «Так как там есть три человека, которые хотят пообедать, должно быть – так заключают люди – и три стула, которые неоднократно уже возникают в показаниях. По этой же причине на допросе восемьдесят процентов всех опрошенных на вопрос о количестве находившихся на столе ложек от-

⁶ Перевод с немецкого языка ниже приводимых цитат выполнен мною – М.В.

⁷ Лапко-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 310.

⁸ Stern. Die Aussage... 1904. S. 94.

ветило: “Три”. Данный вопрос содержит наибольший процент ошибок от всех вопросов на допросе вообще»⁹.

Итак, сравнив все три вышеприведенные цитаты, отметим следующее. Конечно, нельзя сказать, что Лаппо-Данилевский точно передает мысли Штерна в своей «Методологии истории», но определенное сходство все же прослеживается. Во-первых, российским исследователем был взят пример с местом для сидения и мысль о том, что свидетели не обращают специального внимания на то, на чем именно сидит человек. Далее Лаппо-Данилевский развил эту мысль и заключил, что даже если все три человека будут сидеть на разных стульях или креслах или скамейках, и даже более того, если один из них будет стоять, то свидетель не придаст этому большого значения и, скорее всего, скажет, что было три стула, например, то есть по одному на каждого человека. Хотя это могли бы быть и кресла. Во-вторых, в рамках данного примера, Лаппо-Данилевский перенял представленную ситуацию с обедом и тремя людьми из второй цитаты Штерна, приведенной нами. А ложки, служившие другим примером немецкого психолога, российский историк заменил все теми же стульями, которых так же, как и тех самых ложек, по результатам опроса было три.

Таким образом, Лаппо-Данилевский иллюстрирует свою мысль видеоизмененным примером из работы Штерна. В данном исследовании немецкий психолог не предпринимает попыток включить полученные им выводы в область истории, но это делает Лаппо-Данилевский. Так, автор «Методологии истории» обосновывает с точки зрения психологии утверждение о том, что в исторических показаниях бывают ошибки, которые могут «проскользнуть» неосознанно и без умысла сфальсифицировать данные. Лаппо-Данилевский развивает утверждения Штерна, и в своей работе использует уже измененный пример, который он не присваивает себе, но дает указание на исследование немецкого коллеги.

В следующих рассуждениях, продолжая говорить об ошибках в показаниях, Лаппо-Данилевский использует доказанное Штерном положение: «Исследователь не может упускать из виду, например, что, судя по некоторым опытам, впрочем, едва ли достаточным, женщины, пожалуй, “менее забывают, но больше искажают”, чем мужчины»¹⁰. В оригинальном же исследовании немецкий психолог пишет следующее: «Мой прошлый, основанный на работе с восьмью женщинами вывод: “Женщины забывают меньше, но искажают больше,” – мог бы, конечно, считаться

⁹ Ibid. S. 98.

¹⁰ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 316.

временным. Вытекающие отсюда положения никаким образом не должны претендовать на общепринятость. Необходима была перепроверка на более широкой основе»¹¹. Штерн впоследствии провел более обширное исследование, которое подтвердило выдвинутую немецким психологом гипотезу¹². Но отметим, что последнее исследование было проведено на подростках, а не на взрослых людях. Лаппо-Данилевский называет опыты «едва ли достаточными», но, несмотря на это, включает результаты исследования в свою концепцию и, говоря о возможности неточных показаний, отмечает, что необходимо учитывать дополнительные факторы, такие как, например, пол лица, дающего показания.

Далее А.С. Лаппо-Данилевский говорит о внушении: «Вынужденные показания часто возникают под влиянием внушения: оно прививает воспринимающему лицу идеи, чувства или эмоции без участия его воли и нередко даже без ясного с его стороны сознания, заставляет его говорить то, что хочет за него другой, хотя бы самому воспринимающему его показание и казалось самопроизвольно данным. Более или менее явно выраженное ожидание опрашивающего и самая постановка вопроса может уже внушать свидетелю то направление, в каком он “должен” ответить. Такая форма показания часто лишает свидетеля возможности придать ему индивидуальный характер, а иногда выпытывает у него сведения, которые он хорошо не помнит или не знает и при сообщении которых он впадает в ошибки»¹³.

Сравним с тем, что пишет В. Штерн. Немецкий психолог рассматривает сущность внушения и отмечает, что оно бывает активным и пассивным и может касаться любой сферы. Штерн выделяет важные отличительные черты внушения: во-первых, оно должно повлечь за собой не просто индифферентное содержание сознания, но и точку зрения по конкретным содержаниям сознания. Во-вторых, внушаемый перенимает уже готовую точку зрения внушающего, акт самостоятельного постижения, прихода к этой точке зрения самим внушаемым индивидом отсутствует. В-третьих, внушаемый считает, что к данной точке зрения он пришел сам и что эта точка зрения его собственная¹⁴. Итак, основная мысль Лаппо-Данилевского восходит к идеям немецкого психолога.

Далее Штерн рассматривает феномен наводящих вопросов, утверждая, что идеальные вопросы, т.е. вопросы, не оказывающие влияния на

¹¹ *Stern. Die Aussage...* 1904. S. 131.

¹² *Ibid.* S. 132.

¹³ *Лаппо-Данилевский.* 2010. Т. 2. С. 350.

¹⁴ *Stern. Die Aussage...* 1904. S. 67-70.

показания допрашиваемого, едва ли существуют. Таким образом, все вопросы влияют на показания допрашиваемого, разница заключается лишь в степени этого влияния¹⁵. Лаппо-Данилевский на этой проблеме подробно не останавливается, несмотря на то, что он дает ссылку и на данное построение Штерна. Российский историк ограничивается скорее общими выводами, более важными для разбираемой им идеи, и акцентирует внимание на основном тезисе о влиянии наводящих вопросов на показания, основываясь также и на примерах, приведенных немецким психологом для иллюстрации своих мыслей, но не приводя их: «Если допрашивающий высказывается, предположим, так: “Если ты знаешь что-то, то скажи это”, то тот, кого спрашивают, ощущает это категорически: “Я должен что-то знать”. Никогда человек, которого допрашивают, не будет оценивать ответ “Я этого не знаю” как положительный <...> поэтому намного охотнее будет дан ложный ответ, чем вообще никакой»¹⁶.

Говоря далее о влиянии допрашивающего на показания допрашиваемого, Лаппо-Данилевский отмечает: «“произвольные показания” сами могли возникнуть иногда путем опроса свидетелей, показания которых записывались и выдавались за произвольные, хотя могли уже быть результатом того внушения, какое оказывает тот, кто ставит вопросы, на того, кто отвечает на них; в случаях подобного рода даже интонации или жесты допрашивающего уже могут влиять на характер ответа; последний, правда, может быть полнее произвольного показания, но легко становится и менее достоверным; впрочем, восприимчивость ко внушению, очень заметная у детей, с течением лет убывает»¹⁷.

Теперь сравним это с тем, что пишет Штерн: «Самый наводящий вопрос, заданный робким голосом, теряет свою внушающую силу, а самый безобидный вопрос, заданный настойчивым тоном, а также сопровождаемый строгим взглядом и повторенный со все нарастающим напряжением голоса, становится духовной пыткой, выпытывающей желаемый ответ»¹⁸. Немецкий психолог отмечает влияние интонации допрашивающего на показания допрашиваемого, о чем говорит и Лаппо-Данилевский. Российский историк также разделяет вывод Штерна: «Способность сопротивляться внушению у более взрослых испытуемых увеличивается почти в два раза по сравнению с детьми»¹⁹. Но все же заме-

¹⁵ Ibid. S. 70-77.

¹⁶ Ibid. S. 62.

¹⁷ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 350.

¹⁸ Stern. Die Aussage... 1904. S. 77.

¹⁹ Ibid. S. 45.

тим, что данное исследование немецкий психолог проводил только на детях, а Лаппо-Данилевский об этом ничего не говорит, ограничиваясь фразой, которая может быть отнесена и ко взрослым людям.

Таким образом, в параграфе о критике, устанавливающей научно-историческую ценность показаний источника, Лаппо-Данилевский с психологической точки зрения обосновывает возможность их недостоверности. Российский историк использует выводы Штерна, который в своем исследовании разбирает, в частности, и способы влияния допрашивающего на допрашиваемого. Таким образом, выделяется несколько возможностей влияния: сама постановка вопроса, интонация допрашивающего, его жесты, авторитет (о последнем Лаппо-Данилевский не упомянул, но это является также немаловажным). Российский историк не останавливается подробно на механизмах психики и на том, почему допрашиваемый может дать неточный ответ, отсылая читателя к исследованию специалиста в этой области – Штерна, а просто выделяет важные для исторического исследования моменты, которые также необходимо учитывать при работе с историческими источниками и их критике.

В. Штерн в своем исследовании использовал показания людей разных возрастов (детей, подростков, взрослых), данные на основании картин. То есть испытуемые должны были вспомнить то, что было на них изображено. А.С. Лаппо-Данилевский, которого более интересовали показания об объектах, следующих во времени, т.е. последовательность происходивших событий, считал, что именно они самые важные для историка и отметил ограниченность в этом плане исследования своего немецкого коллеги²⁰. На первый взгляд, для историка важна последовательность событий, что, конечно, справедливо, но все же история не состоит только из временных последовательностей, она охватывает все сферы жизни, также и материальные объекты, достоверное описание которых тоже играет важную роль для исторической картины. Поэтому опыты Штерна, основанные на показаниях о материальных объектах, все же имеют важное значение. Замечание Лаппо-Данилевского в данном случае не очень правомерно, так как Штерн вообще не считал своей целью применить результаты своих экспериментов к области истории. Как пишет сам немецкий психолог: «Теперь мы ставим своей задачей дать новой исследовательской области [экспериментальной психологии – М.В.] прочное теоретическое основание»²¹. Поэтому совершенно очевидно, что автор не уделял внимание показаниям, более интересующим

²⁰ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 301.

²¹ Stern. Die Aussage... 1904. S. 1.

историка. Лаппо-Данилевский увидел дальнейшие возможные пути развития психологии, которые могли бы быть успешно применены в области исторического познания.

Рассуждая обширнее о степени достоверности показаний свидетеля, А.С. Лаппо-Данилевский отмечает, что верность данных зависит от «запаса чувственно воспринятого», на основании которого сообщающий и дает свои показания. Опираясь на исследования В. Штерна, российский историк отмечает, что этот запас зачастую превосходит данные, содержащиеся в сообщении свидетеля, «что не трудно заметить при сравнении самопроизвольных показаний в форме рассказа (Bericht) с показаниями, вызванными опросом свидетеля (Verhörprodukt)»²². На самом же деле немецкий психолог пришел к данному заключению не на основе сопоставления названных форм показаний (хотя это также присутствовало в его исследовании), а при рассмотрении каждого из них. В ходе своего опыта Штерн показывал ребенку картинку, которую, по правилам, можно было разглядывать одну минуту, а потом просил испытуемого рассказать в свободной форме все, что он помнит, и без посторонней помощи. Сначала ребенок рассказал, как могло бы показаться на первый взгляд, все, что знал. Но после того, как психолог задал вопрос: «Это все, что ты помнишь?» – испытуемый вспоминал еще детали. Затем Штерн повторил свой вопрос, и ребенок смог рассказать дополнительные подробности²³. Информация о воспринятом у ребенка хранилась, но он смог ее полностью воспроизвести только после нескольких попыток. То есть «запас чувственно воспринятого» был больше, чем приведенный в его показаниях первоначально. Такие сообщения отличаются хорошим качеством.

По-другому дело обстоит с допросом. В нем всегда будет присутствовать, пусть и в разной мере, элемент принуждения. Хоть допрос и дает инструмент для получения данных, он все же добывает их насильственно, содержа приказ: «Вспоминай!». Этот вариант упоминался нами выше: допрашиваемый даст скорее ложный ответ, чем вообще никакой. То есть при допросе вероятность получения неверного ответа повышается. В. Штерн в рамках своего исследования выяснил, что спровоцированное на допросе стремление дать конкретный ответ было настолько велико, что установка дать верный ответ постоянно нарушалась. На два правильных ответа приходился один неправильный²⁴.

²² Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 295.

²³ Stern. Die Aussage... 1904. S. 15.

²⁴ Ibid. S. 61-63.

Немецкий психолог сравнивает названные выше формы показаний для того, чтобы выяснить, какая из них более достоверна, а какая – менее, а не для того, чтобы выяснить, насколько запас чувственно воспринятого превосходит приводимые сведения. Об уровне достоверности разных форм показаний А.С. Лаппо-Данилевский упоминать не стал, но модифицировал идеи немецкого психолога. И хотя прямой ссылки на то, что это идеи В. Штерна, у российского историка нет, некоторые фразы невольно отсылают к результатам исследования немецкого коллеги, тем более что рассуждения следуют в этом же абзаце, но цепочка мыслей российского историка ведет уже в другую сторону.

Во-первых, Лаппо-Данилевский рассуждает о заинтересованности дающего показания в том факте, который он воспринимает²⁵, о подобном пишет и Штерн: то, что разглядывалось с наибольшим интересом, будет лучше и четче воспроизведено, а то, что было отмечено неосознанно или не вызывало особого интереса, – будет лишь нечетко упомянуто или вообще никак²⁶. Но в отличие от немецкого психолога, Лаппо-Данилевский имеет в виду совсем другое: он говорит о теоретическом и практическом интересе (здесь также нельзя путать с тем, что в подобных случаях подразумевает Штерн) и о том, что человек может сообщать фактическую истину при наличии первого, а не второго. Под практическим интересом подразумевается заинтересованность в факте, желание подвергнуть свершившееся событие субъективной оценке²⁷. Напомним, что в исследовании немецкого психолога тоже фигурирует понятие практического интереса, практично-личное отнесение к ценности (*praktisch persönliche Wertbeziehung*)²⁸, но здесь имеется в виду нечто другое. То, что для сообщающего имеет более практическое значение, что более важно для него с точки зрения практичности, запоминается быстрее и лучше. Таким образом, в ходе рассуждений Лаппо-Данилевского фигурируют определения Штерна, но в них вложен иной смысл. Мысли российского исследователя можно было бы сформулировать, не используя понятий, схожих с понятиями Штерна, следующим образом: если у свидетеля есть личная заинтересованность, то велика вероятность дачи искаженных показаний, которые будут соответствовать его интересам.

Итак, на основе рецепции идей В. Штерна А.С. Лаппо-Данилевский делает следующие выводы. Более достоверные показания даются челове-

²⁵ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 295-296.

²⁶ Stern. Die Aussage... 1904. S. 61.

²⁷ Лаппо-Данилевский. 2010. Т.2. С. 295-296.

²⁸ Stern. Die Aussage... 1904. S. 128.

ком о тех вещах, которые являются для него более важными, их он и воспринимает в первую очередь. Показания зависят и от формы, в которой они даются: самопроизвольной или на допросе. В первом случае влияния на сообщающего не оказывается, во втором случае элемент давления всегда присутствует. «Безобидных» вопросов не существует. Влиять на ответ может множество факторов: постановка вопроса, интонация этот вопрос задающего, его жесты. Женщины менее забывают, но более искажают, чем мужчины. Но на этом половое (и возрастное) разделение российским историком дающих показания заканчивается. Лаппо-Данилевский не упоминает, что не только пол, но и возраст играют важную роль в восприятии событий и их последующем воспроизведении, как это доказал Штерн. О зависимости показаний от возраста их дающего российский историк не говорит ничего. Вообще Лаппо-Данилевский не всегда сообщает, что те или иные исследования проводились на детях, а не на взрослых людях, а также зачастую смешивает эти возрастные категории, применяя результаты исследования первых к поведению вторых. Штерн же не раз повторял, что отличия наблюдаются, а прогресс возраста имеет очень характерное психологическое значение²⁹.

В рамках работы с исследованием Штерна российский историк применяет к своему построению не только доказанные им выводы, но и заимствует примеры у своего немецкого коллеги, видоизменяя их и таким образом создавая свои собственные, ярко иллюстрирующие его мысли. Таким образом, рецепция построений Штерна Лаппо-Данилевским протекает не только в форме «идей», но и «примеров».

Если говорить о том, в каком направлении должна развиваться психология для того, чтобы достижения данной науки были еще более полезны истории, то Лаппо-Данилевский считает, что необходимо исследовать механизмы дачи показаний об объектах, следующих во времени, так как, по его мнению, они являются самыми важными для историка. Штерн же в своем исследовании изучал описательные показания, данные на основе картин.

Рецепция А.С. Лаппо-Данилевским идей В. Штерна не может быть оценена однозначно. С одной стороны, становится понятна необходимость применения исследований по психологии в исторической работе: история и психология связаны между собой. Многие показания, уровень их достоверности могут быть объяснены с точки зрения психологии. Они даются людьми, восприятие которых индивидуально и может зависеть от пола человека, его возраста, а также других факторов. Достиже-

²⁹ Ibid. S. 63.

ния этой науки дают историку новый инструментарий при работе с показаниями свидетелей, их критике и оценке. С другой стороны, идеи Штерна в некоторых случаях упомянуты Лаппо-Данилевским довольно поверхностно, им взято лишь то, что «удобно» для его построения, а спорные моменты не выделяются. Но все же применение психологии к построениям методологии истории сделало исследование А.С. Лаппо-Данилевского более глубоким и открыло новые возможности междисциплинарного взаимодействия данных наук.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1-2.
Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
Stern W. Die Aussage, als geistige Leistung und als Verhörsprodukt // Beiträge zur Psychologie der Aussage. III Heft. Lpz., 1904.
Stern C. und W. Erinnerung, Aussage und Lüge in der ersten Kindheit. Lpz., 1909.
Stern W. Wirklichkeitsversuche // Beiträge zur Psychologie der Aussage. II Folge. 1904.
Stern W. Zur Psychologie der Aussage // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Bd. XXI. 1902.

Вальц Мария Павловна, аспирантка кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; Madenova_marie@hotmail.com

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И. Н. Ионов

СВЯЗАННАЯ ИСТОРИЯ МЕЖДУ ДВОЙНОЙ СВЯЗКОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗЬЮ*

В статье рассматриваются демографические, социальные, психологические предпосылки эволюции связанной истории как важного направления современной мировой (глобальной) истории. Показано, как демографический взрыв на Западе в XIX в. и сопровождавшие его особенности социализации сказались на превращении зародышей связанной истории XVII–XVIII вв. в универсальную историю. Показано, как завершение демографического перехода в XX в. повлияло на становление современной связанной истории и возникновение глобальной исторической памяти.

Ключевые слова: связанная история, демографический переход, обратная связь, двойное послание, боваризм.

Связанная история и колониальное прошлое

Проблема связанной истории была впервые поставлена К. Манхеймом, который в 1929 г. указывал, что «в одной и той же сфере опыта возникают картины в различных перспективах, обусловленных различными позициями», и предлагал изучать их в связи в рамках социологии познания¹. В 1972 г. К. Гирц применил эту схему к этнографии, в частности к колониальной ситуации, в которой в 1912 г. столкнулись представители французской, берберской и еврейской культур, а также к образам реальности, созданным ими при помощи различных *рамок интерпретации*. Его подход требовал разрушить «псевдоединство» интерпретации ситуации, начать диалог с носителями разных культур («разговора в самом широком смысле») и применять особый способ описания, названный им «насыщенным» и предполагающий альтернативные контекстуализации сказанного².

Эта тема была продвинута на историко-философский уровень Э. Вульфом применительно к сложным мультикультурным сообществам (1982) и развернута Э.В. Саидом в книге «Культура и империализм»

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13–06–00301а).

¹ Манхейм. 1994. С. 237.

² Гирц. 2006. С. 178, 182–183, 198.

(1992). В последней связанная история идентифицируется с разными «взаимопересекающимися областями опыта и культуры»³, созданными колониальной и постколониальной ситуациями и попытками «истолковать совместно несовпадающие виды опыта, у каждого из которых есть собственные цели и темп развития, свои собственные внутренние структуры, внутренняя связность и системы внешних отношений – и все это сосуществует и взаимодействует с другими»⁴. Автор называет их «перекрывающимися или переплетающимися историями» или «сетью взаимосвязанных историй», позволяющими освоить колониальный и имперский опыт не в разделяющих, а в связывающих терминах⁵. Связанная история – междисциплинарная практика, «предвосхищенная в совпадении и сближении географии, культуры и истории» в колониальный период⁶. Это не только эпистемологическая, но и онтологическая реальность. «Мы, так сказать, принадлежим самим связям, а не находимся где-то вне их или над ними», – подчеркивал Саид⁷. Связанность может выражаться по-разному. Временная связанность проявляется в ретроспективности изображения, позволяющей соединить описание реалий колониального времени и постколониальный опыт, пространственная связанность – в *гетерофонии* исторического описания (Гирц называл это «насыщенным описанием»)⁸.

В данном случае Саид обращался к глубинным истокам связанной истории, находя их в классическом историзме И.Г. Дройзена, видевшего возможность истории как науки в ее роли предыстории настоящего и, в связи с ним, в перспективизации прошлого, в актуализации остатков некогда бывшего и превращении их в исторические источники⁹. Но Саид видел и слабость такой идеи истории, которая предполагает изложение процесса воспитания человечества как целого и не желает при этом говорить ни «о каждом негритянском племени», ни о его религии, в которой будто бы «нет... ни малейшего выражения религиозного чувства»¹⁰. Саид фиксировал противоречие внутри этой (универсалистской, колониальной) псевдосвязанности, формирующейся «как контрапунктические ансамбли, поскольку никакая идентичность невозможна как таковая без определен-

³ Саид. 2013. С. 99.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 66, 68–69.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Там же. С. 135.

⁸ Там же. С. 156, 334.

⁹ Дройзен. 2004. С. 63, 70, 82, 470.

¹⁰ Там же. С. 344, 430–431, 380, 344.

ного ряда инверсий, отрицаний и оппозиций: греки всегда предполагают варваров, а европейцы – африканцев или восточных людей». На этих противостояниях построена вся привлекательность и самоочевидность самоидентификаций. Саид подчеркивал, что такие «структуры подхода и референции... требуют тщательного анализа и изучения»¹¹.

Контрапункт псевдосвязанности препятствует диалогу и подлинной связанности. Западная культура выстраивает асимметричные образы реальности путем схематизации, «обеспечивающей белой расе ее безраздельное господство»¹². В крайней форме противопоставление сторон контрапункта – это переход «от коммуникации к господству», при котором «поле переходов, пересечения и перекрещивания идей» превращается, по Ф. Фанону, в своего рода манихейство, полярное противопоставление реалий, являющееся обоснованием насильственности колониальной политики¹³. Большую роль в этом играет стандарт целостного образа (гештальта), который обеспечивает «консолидированное видение» реальности, сконструированное как проекция «целого ряда взаимопересекающихся утверждений, при помощи чего достигалось практически полное единство позиции»¹⁴. Наличие этого стандарта исторического образа ведет к тому, что и в постколониальный период намечается движение «прочь от идущего взаимообмена»¹⁵, от идеала освобождения к идеалу национализма, к воспроизводству насилия и господства.

В руках профессиональных историков, таких как американский историк С. Субрахманьям, признанный лидер в области историй раннего Нового времени – от Индии до Запада Европы – тема связанной истории в последнее время почти полностью лишилась теоретического аспекта¹⁶. Но так происходит не везде. В Австралии связанная история развивается на стыке миросистемного и постколониального подходов и понимается там прежде всего как транснациональная история, хотя вопрос о системности связей обычно не ставится¹⁷. В странах Восточной и Центральной Европы проблематизируются условия их тесной и весьма двусмысленной связи с Европейским сообществом¹⁸. При этом эпистемологическая ситуация вокруг связанной истории остается сложной и неоднозначной.

¹¹ Саид. 2013. С. 129.

¹² Там же. С. 221.

¹³ Там же. С. 238.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 81.

¹⁶ Subrahmanyam. 1997; 2011.

¹⁷ Connected... 2005.

¹⁸ Melegh. 2006.

Связанная история и процесс глобализации

Теоретическая сторона дела актуализируется в связи со все более очевидными противоречиями процесса глобализации и ролью связанной истории в качестве основы такого продуктивного направления глобализации, как универсализация совместной деятельности, кооперация, коэволюция, коадаптация стран и культур. С этой точки зрения связанная история имеет непосредственное отношение к проблеме перехода от классического и неклассического к постнеклассическому, синергетическому подходу к историческому знанию, акцентирующему внимание на росте порядка из хаоса¹⁹.

В отечественной синергетике ее взаимодействие с историческим знанием оценивается по-разному. Е.Н. Князева и Е.С. Куркина заявляют, что в рамках системного и синергетического подходов «история представляется не как совокупность историй отдельных народов и государств, а как необратимая эволюция человечества, связанная... со структурными трансформациями единой Мир-Системы»²⁰. Они соединяют универсализм с акцентом на исследованиях положительной обратной связи как двигателе истории человечества. Л.Н. Васильева ассоциирует синергетический подход с теорией локальных цивилизаций, обращая внимание на соотношение хаоса и коммуникации. Она обращает внимание на феномен «эрзац-элиты», строящей свою власть на моральном насилии и для этого блокирующей потоки информации и каналы обратной связи. Это обеспечивает такой элите видимость компетентности, поддерживаемую внешними регалиями²¹. Соответственно, в центре исследования оказывается ценность процессов с отрицательной обратной связью и их разрушение эрзац-элитой, ориентированной на насилие, а не согласие²².

Синергетический подход к связанной истории как междисциплинарный ставит множество теоретических проблем в области теорий информации, коммуникации, демографии, психологии и психотерапии²³. В частности, это актуализирует психологическую проблему совместности, центральную для теории связанной истории. Традиционный способ ее решения в 1970-е гг. приводил психологов И.У. Сильвермана и Э. Джейрингер к мысли, что субъект с более высоким уровнем познавательного развития в процессе совместной деятельности необходимо

¹⁹ Ионов. 1997.

²⁰ Князева, Куркина. 2009. С. 130.

²¹ Васильева. 2005^a. С. 75-85. С. 81-83.

²² Васильева. 2005^b.

²³ Аршинов. 1999. С. 7-53, 175-190.

«поглощает» деятельность индивида с более низким уровнем, так что на деле действующим оказывается лишь один, господствующий партнер, а другой предстает полностью зависимым, объектом деятельности²⁴. Отход от этой позиции ставил в 1990-е гг. перед отечественными психологами А.И. Донцовым, Е.М. Дубовской, И.М. Улановской проблемы анализа *процесса коммуникации*, меры его развитости (от «молчаливого соприсутствия» до коллективистской самоидентификации). Особое значение придается отношению актора к целям деятельности (которые при этом подразделяются на внешние, объективно обусловленные и внутренние, реально признаваемые). Поэтому в центр внимания выдвигаются «установки и интенции участников кооперации»²⁵.

Оказывается, что связанность истории не оптимизируется примитивным отношением господства–подчинения. Более того, универсальность истории скорее отрицает ее связанный характер. Коммуникативность общественных отношений, по Н. Луману, неизбежно предполагает элемент алогичности, случайности (*контингентность*) и конфликт по поводу выбора состояния общественной системы. Это придает такой системе внутреннюю неопределенность и свободу, а временным связям ее истории – свойства посткаузальности и постлинейности. В этом сила современной истории и современных обществ²⁶. Отношения господства в противоположность этому предполагают псевдосвязанность, предопределенность выбора в пользу доминирующей стороны.

Сложно связанные системы неотделимы от особых типов памяти. М. Ротберг считает постколониальную эпоху глобализации временем перехода от соревновательной (*competitive*) памяти, при помощи которой одни группы пытаются заблокировать память других групп – к разнонаправленной (*multidirectional*) памяти, которая предполагает диалог с ненулевой суммой (без победителей) и которая бросает тем самым вызов базовым принципам мышления по поводу культурной памяти и групповой идентичности. В области разнонаправленной памяти воспоминания групп продуктивно взаимодействуют, причем результат такого взаимодействия (как и у Лумана) принципиально непредсказуем. В условиях глобализации особую роль приобретают воспоминания маргинализованных и оппозиционных социальных сил, которые используются мировым сообществом для формирования самоидентификации и борьбы за признание и справедливость. При этом, например, проблема Холокоста,

²⁴ Silverman, Jeiringer. 1973; Донцов, Дубовская, Улановская. 1998. С. 62.

²⁵ Там же. С. 64–66, 70.

²⁶ Луман. 2001. С. 16; Назарчук. 2012. С. 63.

являющаяся ключевой в обосновании политики прав человека, ставится в неожиданный контекст истории колониального угнетения²⁷.

Коллективная память эпохи глобализации, которую многие называют «глобальной памятью», «глобальной культурой памяти» (К. Юнке) или «космополитической памятью» (Д. Леви и Н. Шнайдер), подчеркивая ее универсальный характер, приобретает свой глобальный статус именно потому, что подпитывается *связанной историей* разных человеческих групп и порождает стремление к кооперации в борьбе за свои права. Это позволяет Б. Мишталь называть ее «пост-универсалистской» космополитической памятью²⁸. Точнее всех выразился С. Конрад, который назвал этот род памяти «переплетенными» или «перекрестными памятьями» (*entangled memories*) по аналогии с перекрестной историей (*entangled history*) и прямо указал на их связь²⁹. По этому же пути идет К. Юнке, которая говорит о «переплетенных прошлых»³⁰.

В сущности, речь идет об осмыслении альтернативных путей глобализации, реализующих разные формы связи между народами и культурами. Путь И.У. Сильвермана и Э. Джейрингер означает доминирование положительной обратной связи (при которой каждый фактор положительно связан с другим), а значит и линейных самоускоряющихся *процессов с обострением*, создающих возможность быстрого прогресса, но грозящих разрушением системы. Путь Б. Мишталь, М. Конрада и К. Юнке означает доминирование отрицательной обратной связи, присутствие механизмов саморегуляции и рефлексии. Эти альтернативы реализуются в разных моделях связанной истории, созданных в особых демографических условиях, при различных формах социализации, определяющих доминирование различных психологических установок, порождающих собственные образы общества и формы описания мировой истории.

Модели соотнесенности-1.

Демографический взрыв и универсальная история.

Г. Иггерс в своей эпохальной работе «Глобальная история современной историографии» (2008) отметил, что если на рубеже XVIII века у Г.В. Лейбница и в книге «Всеобщая история с древнейших времен до наших дней» (1736–1765) присутствовали попытки создания неевропоцентрической версии истории человечества, учитывающей взаимодействие народов (Китай и Европы, путешествия, создание колоний), то уже во

²⁷ Rothberg. 2009

²⁸ Misztal. 2009.

²⁹ Conrad. 2003. P. 98.

³⁰ Juenke. 2013.

второй половине XVIII века у Вольтера возникает просвещенческий прогрессизм, радикально изменивший картину прошлого и создавший европоцентрическую модель истории. Г. Иггерс, Э. Ван и С. Мукарджи связывают это с процессами модернизации (в частности, с научной революцией) и стремлением оправдать колонизацию и империализм³¹. Однако в синергетической перспективе, уделяющей особое внимание демографии, социологии и психологии, проблема истоков и эволюции связанной истории выглядит несколько иначе.

Обращает на себя внимание изменение демографической ситуации в середине XVIII в. С этого времени начинается промышленный переворот, развивается медицинское обслуживание, падает детская смертность, происходит демографический взрыв в ряде стран Запада. В XIX – начале XX в. его население возросло по модели процесса с обострением в 2,5 раза (Великобритании в 4 раза, Северной Америки в 5 раз)³². Ситуация бурного роста в целом ряде областей породила переключение сознания с традиционалистской картины мира на прогрессистскую, выдвинула на первые позиции новые формы исторической памяти и дискурса. Прогрессистская картина мира играла роль мотиватора в экономических и политических преобразованиях, рационализм и детерминизм имели, прежде всего, мировоззренческое значение.

Внимание к этим процессам характерно для социологов (Д. Рисмен, Н. Глейзер, Р. Дэнни), которые еще в 1950 г. осмыслили социальные и психологические следствия этого поворота (встроив его, с некоторыми оговорками, в старую, прогрессистскую линейно-стадиальную модель). Они отметили переход от относительно малодетной традиционной семьи с высокой детской смертностью к многодетной семье эпохи демографического взрыва и соответствующий переход от доминирования установки, ориентированной на традиции (прежде всего религиозные) к господству установки, ориентированной на личные убеждения (*inner-directed*)³³. По сути, этот переход, свершившийся в XVIII–XIX вв., означал интериоризацию образов Бога, государства, истеблишмента, которые приобрели форму *Супер-эго*, внутреннего регулятора поведения, определявшего сущность убеждений. Оно развивалось за счет *Эго*. Задачей родителей в семьях среднего класса стал успех ребенка в жесткой конкуренции, его использование как инструмента в борьбе семьи за благосостояние, часто

³¹ Иггерс, Ван. 2012. С. 32-33. Не надо забывать и о движении иезуитов-фигуралистов в XVII–XVIII вв., пытавшихся построить общую картину истории Европы и Китая. См.: Ионов. 2007. С. 165-167.

³² Федорова, Каримова. 2013. С. 66-68.

³³ Riesman, Glazer, Denney. 2001. P. xlii-xliv.

– на поприще заморской торговли или в колониях. Для этого была необходима строгая дисциплина и закалка характера, нормативная самоидентификация, единство взглядов и содержания исторической памяти внутри поколения – в группе соратников по борьбе за процветание³⁴.

По мнению Рисмена, следствием этого было создание «внутреннего гироскопа» – генерализированного образа мира, эгоизм и невнимание к другим традициям. Возникла классическая модель научного знания, истинностного, детерминистского и претендующего на объективность. Образом истории стала прямая, открывавшая данному индивиду путь к благосостоянию и рассматривавшаяся как процесс воспитания человека³⁵. Об этом писали еще современник событий И.Г. Гердер и историкограф Э. Трельч, отмечавший в теориях универсальной истории смену идеалов «Французской революции или английского джентльмена, американской демократии или социалистического братства»³⁶ в зависимости от места рождения историка.

В результате связанность истории получалась односторонней. Коммуникация в начале XX века выступала не предпосылкой, а следствием социальности. М. Вебер писал, что «‘социальным’ мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом... смыслу соотносится с действием других лиц и ориентируется на него»³⁷. Это означало, что предпосылки социальности (прежде всего религиозные и моральные) уже имеются к началу контакта. Иной, стоящий вне такой связи, определяется прежде всего через отрицание убеждений наблюдателя и уже только затем – через его собственные убеждения. Это привело, в частности, к неспособности М. Вебера увидеть сходство между протестантской и конфуцианской этиками³⁸. В этом контексте псевдосвязанности модернизация и глобализация оборачивались европеизацией или, по крайней мере, вестернизацией мира. Они представлялись детерминированными процессами, создающими свои традиции (или «колеи», *path-dependency*).

Общим идеалом выступала положительная обратная связь роста населения, производства и культуры, обеспечивавшая прогресс как *процесс с обострением*, который должен был реализовать идеалы гуманизма. Как известно, типичным социальным процессом с обострением является ре-

³⁴ Ibid. P. 39-40, 42.

³⁵ Ibid. P. 30, 44.

³⁶ Гердер. 1959. С. 278; Трельч. 1994. С. 124.

³⁷ Вебер. 1990. С. 602.

³⁸ Там же. С. 307-344.

волюция. Представления о *коридоре безопасного роста* отсутствовали³⁹. Так из зародышей связанной истории середины XVIII столетия формировалась универсальная история, являвшаяся на деле ее отрицанием, парадоксальным проявлением *локального* (западного) *универсализма*. В сущности, это история картезианского человека-рационалиста, ориентированного на ценности, которые именуются гуманистическими. Все иные варианты развития рассматриваются как пережиточные или тупиковые. Это модель истории, замкнутой на собственные образ и идеалы, в которой игнорируется позитивная сторона иных культур, что придает ей ряд отрицательных черт, определяющих деформацию образов прошлого. Наиболее опасная из них – игнорирование контекста, в котором возникла сама универсальная история, неспособность историков отличить факты прошлого от навязанной теорией прогрессистской перспективы, различить собственно исторический, идейно-политический и эстетически-литературный аспекты историописания.

Причины подобных когнитивных девиаций сознания в условиях отношений господства и зависимости в 1950-е гг. изучала школа Пало-Альто. В центр ее внимания попала проблематика контекстов и метакоммуникаций. Входившие в нее ученые (в том числе крупный антрополог и кибернетик Г. Бейтсон, вдохновлявшийся идеями Р.Дж. Коллингвуда) анализировали пороки межкультурных связей в контексте психологии семьи, прежде всего противоречий в отношениях родителей и детей⁴⁰. В этом они сближались с Д. Рисменом, для которого воспитание в буржуазной семье эпохи демографического взрыва было связано с противоречием между любовью к детям и требовательностью к ним как к экономическому ресурсу⁴¹.

Подобное двойственное отношение находит, по мнению Бейтсона, выражение в *конфликтных предписаниях* родителей детям, которые он называл «двойными посланиями» или «двойной связкой». В условиях зависимости детей от родителей им не позволялось анализировать ни такие послания, ни отношение родителей к ним, что мешало осознанию контекста коммуникации (метакоммуникации), учило двоемыслию и в крайних случаях вело к дезориентации и шизофрении. Бейтсон называл такие сообщества «шизофреногенной семьей»⁴². В ней «ни одна из сторон не в состоянии получить или отправить неискаженное метакомму-

³⁹ Турчин. 2010. С. 156-158.

⁴⁰ Вацлавик, Бивин, Джексон. 2000. С. 22, 52, 64, 79, 93-94, 103-105.

⁴¹ Riesman, Glazer, Denney. 2001. P. 44.

⁴² Бейтсон. 2000. С. 251-252.

никативное сообщение»⁴³. Ключевое следствие общения в такой семье – отрицание личности объекта коммуникации, а также болезненность и патологичность общения с манипулятором, «ощущение обманутости» и «постоянное травмирование», которые оно порождает. В результате «коммуникация с другим может повредить моей идентичности вплоть до распада организации моего опыта»⁴⁴. «Шизофреническая семья, – писал Бейтсон ниже, – весьма устойчивая организация, динамика и внутренняя работа которой таковы, что каждый ее член постоянно подвергается переживанию отрицания своего ‘Я’»⁴⁵. Связанность людей на основе господства одних над другими ведет, таким образом, к взаиморазрушению.

Родители, как и европейцы XVIII–XX вв. – носители «цивилизаторской миссии» в колониях – выступают у Г. Бейтсона в роли лицемеров, создающих отношения господства и зависимости и не разрешающих ни критиковать, ни даже осознать их. Связанность истории семьи или колоний превращается в фальсификацию истории человеческих отношений. Э. Саид назвал такую картину истории *ориентализмом*. Ее суть в том, что Азия говорит в универсальной истории Запада не своим языком, а только «через и благодаря воображению европейцев, которые представлены победителями Азии». Рефлексия по поводу этого воображения («фигуративного» измерения) запрещена⁴⁶. Ребенок (как и житель колонии) лишается права голоса, «он может знать, но не может говорить»⁴⁷. На языке постколониальной критики это называется быть *субалтерном*. Г.Ч. Спивак писала, что восприятие эпохи Просвещения в бывших колониях – это субалтерное «восприятие снизу». История рациональности в нем неразрывна с историей колонизации и представлением об «обязанностях раба», а значит несет в себе «двойное послание», деформирующее постколониальную и мигрантскую культуры, противопоставляя в них публичную и частную сферу⁴⁸.

Вне Запада возникает свой, оксиденталистский его образ, деформированность которого пародировывает искажение ориенталистского образа Востока. (Псевдо)связанная история в ее универсалистской форме рано или поздно распадается на части, приводит к возникновению альтернативных и принципиально несоединимых, невозможных друг с другом картин прошлого, таких как неколониалистская картина, написанная с

⁴³ Там же. С. 261–262.

⁴⁴ Там же. С. 266, 275.

⁴⁵ Там же. С. 267.

⁴⁶ Саид. 2006. С. 87, 89.

⁴⁷ Бейтсон. 2000. С. 268.

⁴⁸ Spivak. 2009. P. 624.

точки зрения неоконсервативного истеблишмента Запада и картина «теологии освобождения» Латинской Америки Э. Дусселя, написанная с точки зрения маргиналов, отверженных⁴⁹. В них, точно по Бейтсону, каждая из сторон подвергается отрицанию своего Я.

Ситуация с субалтерном, двойничеством и «расклеивающейся» историей характерна и для отношений внутри Европы XVIII в. Н. Элиас в 1930-е гг., анализируя мировоззрение возникающей буржуазии, указывал на «полную аналогию происходящему сегодня в колониальных странах... в подъеме западноевропейской буржуазии на придворной фазе развития общества... Внутренне они (бюргеры. – И. И.). соглашались с превосходством придворно-аристократических манер и пытались моделировать и контролировать собственное поведение по этому образцу... Дворяне... часто насмеялись над бюргерами, желавшими быть ‘изысканными’ и неумело подражавшими придворным»⁵⁰. Эта «двойная связка» приводила к «постоянному давлению» и «внутреннему расколу личности», что находило выражение, как писал Элиас, в «левантинизме» – претенциозных манерах бюргеров, свойственных людям, стремящихся идентифицировать себя с «цивилизацией» и именно поэтому постоянно ощущающих себя «варварами»⁵¹. Из «непрестанной борьбы индивида с самим собой» рождалось «чудовищное напряжение», не отпускавшее человека, «оказавшегося под перекрестным огнем, который ведется со всех сторон»⁵². Беззащитность такого человека связана с тем, что люди, чьего превосходства он опасается, «соотносятся с его собственным ‘Сверх-Я’, с его собственным аппаратом самопринуждения» (курсив мой. – И. И.)⁵³, то есть ядром личности человека эпохи демографического взрыва.

Поэтому изучение предпосылок рационализации долгое время оставалось табуированным, рациональные идеи как бы рождались из преодоления предрассудков; между историей Средних веков и Нового времени образовался зазор, который только во второй половине XX в. был заполнен историей раннего Нового времени, изучающей сложные процессы взаимодействия дворянства и буржуазии, метрополий и колоний, поведения и убеждений, описанные Н. Элиасом.

Подобное патологическое состояние охарактеризовал философ Ж. де Готье. Анализируя в 1892 г. образы романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», он описывал при помощи понятия «боваризм» ложное, болез-

⁴⁹ Dussel. 1996.

⁵⁰ Элиас. 2001. Т. 2. С. 310-311.

⁵¹ Элиас. 2001. Т. 1. С. 105, 117; Т. 2. С. 216, 273, 276, 293, 309–310.

⁵² Там же. С. 297, 309-310.

⁵³ Там же. С. 292-293.

ненное, зависимое самосознание, связанное дезориентацией (Элиас называл его «левантинизмом»). У госпожи Бовари его определяет зависимость от нравов и обычаев «света», у отца господина Бовари (Шарля Дени-Бартоломе) – зависимость от военных традиций, у фармацевта Оме – вера в прогресс. Эти идеи обладают для них «суггестивной силой... замещая центр тяжести индивида, принуждают осознавать себя иным, чем он является на самом деле: индивид самым трагическим образом приносит в жертву этой ложной концепции свою собственную личность»⁵⁴. Во фрейдистской традиции это означает конфликт *Эго* индивида и его *Супер-эго*, воплощающего постороннюю, господствующую над индивидом идею.

Ж. де Готье выделял фундаментальный и патологический боваризм. Первый связан со стремлением человека развиваться, он превращается в конце концов в метафору творчества, желания стать Иным⁵⁵. Патологический боваризм, как правило, приводит к саморазрушению. Ситуация может быть катастрофической, как в случае с самоубийством госпожи Бовари, а может быть трагикомической, как в случае с фармацевтом Оме, видевшем свою миссию в распространении прогресса и цивилизации. Он надеялся, что идеологическое превосходство обеспечит автоматический успех всем его начинаниям. Обычно за это платили увечьями, тюрьмой или разочарованием другие люди, Оме же процветал и его единственным горем было то, что государство не наградило его орденом. Патология его памяти к концу жизни выразилась в том, что он измыслил фантастическую историю своих заслуг, вписав свой образ в историю прогресса⁵⁶.

Опасность патологического боваризма, по мнению Готье, в том, что он разрывает связи между людьми, мешает создать адекватный, совместный, связанный образ реальности. Под его воздействием нация создает фиктивное самосознание, отворачивается от собственной природы, приобретает искаженное представление о собственной истории. Готье писал: «Над сообществом нависает угроза. Оно может заплатить своим разрушением за недостаток рассудительности, который заставляет его принять за универсальную истину то, что было манерой поведения, полезной для определенной группы»⁵⁷.

«Двойная связка» и положительная обратная связь между иллюзией и ее подкреплением не позволяют контролировать коммуникацию как необходимую функцию общественной жизни, смену контекстов

⁵⁴ Gaultier. 1921. P. 75, 15, 26, 39.

⁵⁵ Ibid. P. 276-277, 294, 297.

⁵⁶ Флобер. 1979. С. 181-192, 344, 347-348.

⁵⁷ Gaultier. 1921. P. 127.

сообщений и вообще рассуждать о контекстах (метакоммуникации), что ведет к принципиальному неразличению модусов словоупотребления: метафоры и научной идеи, реальности и игры, серьезности и иронии, диалога и манипулирования. Выход из этой ситуации возможен в разные стороны: в сторону распада общественных коммуникаций и роста взаимной агрессии по типу процесса с обострением, в сторону снижения уровня манипуляции или в сторону игры, выводящей за пределы отношений господства (Г. Бейтсон приводит пример дзен-буддистского коана, при котором у учителя выбивают палку, являющуюся инструментом манипуляции⁵⁸). Бейтсон показал, что «если удастся парировать или сопротивляться этой патологии, опыт такого рода, взятый в целом, может способствовать творчеству»⁵⁹.

Формы разрыва поля связанной истории

Проблема псевдосвязности применительно к истории Центральной и Восточной Европы (прежде всего Балкан) поставлена А. Киосевым, выведена на уровень исследования С. Антохи, М. Зомбори и А. Мелехом. Дело в том, что политическое сближение с Западной Европой не привело в балканских странах к становлению диалога, общей идентификации и общеевропейской истории. Напротив, возникло растущее ощущение культурной дистанции, которое находит выражение в идее о постепенном уменьшении цивилизованности и нарастании «варварства» по пути с Запада на Восток («западно-восточный градиент»), утверждавшей асимметрию отношения Запада и Востока Европы и тем самым – невозможность равноправного диалога внутри Европы. Образ Восточной Европы последовательно вытеснялся из образа Запада, субалтернизировался. «Неправильная» Европа трактовалась как земля полукровок, частично ответственных за коммунизм, за природе своей отвратительная, расистская, ксенофобская и националистическая, объект цивилизаторской миссии Запада. Тем самым лозунги «возвращения к нормальности» и «воссоединения с цивилизованным миром», провозглашавшиеся в социалистическом лагере в 1980-е годы, которые С. Антохи характеризует как эскапистские проявления «геокультурного боваризма», спровоцировали воспроизводство *цивилизационного неравенства*⁶⁰.

Первоначально недостатки переходного периода: «мнимый капитализм», «псевдобуржуазия», «искаженное» и «неравномерное» развитие воспринимались на Балканах как «пережитки прошлого», «племенного

⁵⁸ Бейтсон. 2000. С. 232.

⁵⁹ Там же. С. 300.

⁶⁰ Antoхи 2002. P. 2, 15-16; Melegh. 2006. P. 1-5, 9, 18, 25.

коллективизма» и «восточности» новых европейцев. Но постепенно открылась связь этой терминологии с идеями глобализации как унификации и «тотальной идеологией» в смысле К. Манхейма. Это не было простое воспроизводство идей Запада и Востока в духе «Холодной войны». Преодоление тоталитарности советского коммунизма привело к болезненному столкновению с тоталитарностью европоцентризма как выражением «тотализированных» когнитивных паттернов⁶¹. Венгрия рассматривает Европейский союз как субъект, в то время как Европейский союз относится к Венгрии как к *объекту*. Создается псевдосвязанность, своего рода шизофреническая семья. Это редуцировало культурную коммуникацию между ними в «односторонний диалог», то есть внутренний диалог Запада. «Это диалоги с одним субъектом ('диалог с собой'), – писал А. Мелех, – и, таким образом, мы должны отбросить идею о каком бы то ни было диалогическом конструировании идентичности с оглядкой на западно-восточный градиент»⁶². Разрушение диалога подрывает когнитивные возможности данного подхода, в том числе для Запада. В обоснование этого положения Мелех ссылается на И. Нойманна, который писал: «Бахтин настаивал, что без 'Другого' субъект на самом деле не может иметь знания ни о себе, ни о мире, поскольку значение создается в дискурсе, где встречаются сознания»⁶³.

Эта порочная познавательная ситуация порождает фантомы, такие как «Центральная Европа», которые интегрировали западные мифы в общественное сознание населения Восточной Европы и при помощи которых бывшие социалистические страны пытались повысить свой статус⁶⁴. Этот дискурс сначала казался реальным, отражавшим качественные различия регионов. Но, как подчеркивает А. Мелех, на деле реальность Восточной Европы сравнивалась с «тотально идеологизированным» образом Западной Европы, который К. Манхейм характеризовал как «трансцендентальный бытию», «нереальный», так как «при данном общественном порядке его содержание реализовано быть не может...»⁶⁵. Однако при его помощи создавался целостный гештальт, смысл которого «'предшествует' постижению отдельных элементов» и навязывает свое понимание исторического развития и нашего места в нем⁶⁶. Отсутствие диалогического контекста позволяет

⁶¹ Ibid. P. 1-4, 30.

⁶² Ibid. P. 28.

⁶³ Ibid. P. 27; Нойманн. 2004. С. 40.

⁶⁴ Melegh. 2006. P. 30-31, 42-48.

⁶⁵ Ibid. P. 19; Манхейм 1994. С. 166.

⁶⁶ Там же. С. 179.

А. Мелеху вообще не обсуждать когнитивное значение подобной конструкции. Для него цивилизационный градиент и связанные с ним спекуляции по поводу «сущности» Центральной и Восточной Европы – это область воображаемого⁶⁷.

Статус образа Восточной Европы тем более неприемлем, что он ломает целостную картину, представляя пограничным, переходным, «полузападным – полувосточным». Большую роль в этом играет пространственное воображение, которое, как писали С. Антохи и М. Зомбори, имеет картографический характер и производит редукцию и локализацию различий, формирует представление о дистанциях между культурами, придавая им сущностный и иерархический характер. Эти «картографические упражнения, основанные на ‘данных в опыте’ различиях имеют целью установление пограничных переходных категорий, серых зон, которые проблемны, ненадежны и смутны». Результат их интеграции в мировоззрение – кризис политической самоидентификации балканских стран и ощущение неприкаянности личности в сумеречной зоне пограничья, где она предстает как возможное, но незавершенное, как исключение из правила⁶⁸.

Попытки выхода из этой ситуации, которую И. Валлерстайн определил как «двойную связку» (принять такой универсализм значит потерять, отказаться — тоже потерять), стремление преодолеть геокультурный боваризм вылились в евроскептицизм⁶⁹. Характерно становление маргинального сознания и обращение к постколониальной литературе (Э.В. Саид, С. Амин, И.Б. Нойманн, Л. Вульф) и левой критике европоцентризма (И. Валлерстайн). Особенно важными оказались идеи Нойманна, проследившего возрождение в самоидентификации европейцев с XV в. идеи «варвара» применительно к туркам и проекцию этой идеи на другие восточные народы. Он показал, что именно на этой антитезе, заменившей противопоставление христиан и язычников, основана современная идея Европы, которая до XV в. имела маргинальный характер⁷⁰. Тогда впервые в истории Запада возникла специфическая псевдосвязанность истории, не предполагавшая, а *разрушавшая* диалог.

Универсализм цивилизационной концепции показал себя «данайским даром» сильным обществ слабым, инструментом имперской политики. Он возбуждает имперское и гасит местное историческое воображение, продуцируя в последнем явления, связанные с колониальностью.

⁶⁷ Melegh. 2006. P. 23-24.

⁶⁸ Ibid. P. 5, 14-16; Zombory. 2012.

⁶⁹ Melegh. 2006. P. 28.

⁷⁰ Нойманн. 2004. С. 71, 82, 88-90, 103-104, 143-144, 155.

«Венгерская местная история страдает под тяжким гнетом универсально значимого ‘Запада’, – пишет А. Мелех, – доминирование которого удерживает воображение на низшей границе градиента... Таким образом, нет сомнения, что колониальность как система власти, интернализирующая иерархические образы социального развития, релевантна исследованию западно-восточных дискурсов о Восточной и Центральной Европе, практикуемых внутри и вне региона»⁷¹. «Империализм воображения», пояснил В. Голдзуорти, возрождает стратегии воображаемой и когнитивной колонизации Балкан, разработанные великими державами в XIX в. и развитые в эпоху империализма средств массовой информации⁷². Перекрывающиеся истории Западной и Восточной Европы еще раз оказываются разорванными, их соположенность стимулирует не взаимообмен смыслами, а понукание к безоглядному копированию западных образцов – или же порождает безоглядное сопротивление, национализм и расизм, а значит так или иначе – неконтролируемые процессы с обострением.

Интересно, что стремясь вырваться за рамки этой новой формы цивилизационного дискурса в его глобалистском и колониальном прочтении, А. Мелех и С. Антохи сознательно идут путем дробления целостного гештальта и соединения разнородных методов: *case-studies* и интеллектуальной истории, локального и глобального подходов⁷³. Собственно, этот путь связанной истории, который предлагал Э. Саид.

Правда, надо отметить, что трактуя утопию только как нечто иллюзорное и противостоящее реальности и сближая образ тотальной идеологии Маннгейма и образ тоталитаризма, Мелех совершает ошибку. Утопия у Маннгейма, в отличие от общепринятого значения слова – это именно то, что *реализуемо*, что способно «преобразовать существующую историческую действительность» и связанный с ним дискурс. Маннгейм подчеркивает, что, осознавая доминирование трактовки, по которой утопия «в *принципе* невозможна», он «сознательно устранил это значение в... узкой дефиниции данного понятия»⁷⁴. Социолог считал, что «вместе с исчезновением всех форм утопии (человек) утратит волю создавать историю и способность понимать ее»⁷⁵.

Утопия Маннгейма напоминает фундаментальный боваризм Ж. де Готье. Без нее невозможно предпосылочное знание, структурирующее любой человеческий образ реальности. «Это не умаляет значения

⁷¹ Melegh. 2006. P. 31.

⁷² Ibid. P. 33-34; Goldsworthy. 1998.

⁷³ Melegh. 2006. P. 4.

⁷⁴ Манхейм. 1994. С. 164-168.

⁷⁵ Там же. С. 219.

знания... – подчеркивает Маннгейм, – проблема заключается не в том, чтобы скрывать и извинять эти перспективы, а в том, чтобы задать себе вопрос, как при наличии этой перспективности возможны познание и объективность. Ведь и в визуальном изображении предмета в пространстве то обстоятельство, что предмет может быть в силу природы вещей дан *только* в перспективе, не является источником ошибки; и проблема состоит не в том, как создать изображение, лишенное перспективы, а в том, как посредством сопоставления различных точек зрения понять сущность перспективы как таковой и тем самым достигнуть объективности нового типа. Так и здесь ложный идеал познания абсолютно изолированного внечеловеческого видения должен быть заменен идеалом человеческого видения, все время расширяющего свои границы»⁷⁶.

Тотальность Маннгейма соотносима со стратегией насыщенного описания К. Гирца. Маннгейм писал: «Тотальность в нашем понимании не есть непосредственное, раз и навсегда данное видение, доступное лишь божественному оку, или относительно замкнутый, стремящийся к стабильности образ. Тотальность предполагает восприятие частичных взглядов, постоянное преодоление их границ, стремление к целому, которое, расширяясь шаг за шагом в процессе познания, видит свою цель не во вневременном окончательном решении, а в предельно возможном для нас расширении перспективы»⁷⁷.

В этом смысле тотальность противоположна и практике взаиморазоблачения идейных противников, которая уже в начале XX в. превратилась в политику тотальной релятивизации⁷⁸. Скептицизм и релятивизм «ведут к новой концепции объективности» только в том случае, если они не ограничиваются направленностью на противника, но становятся также поводом для внутреннего диалога, самокритики, «посредством конфронтации с самим собой и проверки себя»⁷⁹. «Мы начинаем видеть себя не только в общих чертах, как познающего субъекта вообще, но в определенной роли, до этого момента скрытой от нас, – продолжал Маннгейм, – в ситуации до этого момента нам недоступной, руководствующегося мотивами, до той поры нами не осознаваемыми... возможность относительного освобождения от социальной детерминированности возрастает пропорционально пониманию этой детерминированности... Исследовать частичный характер подобных позиций и их

⁷⁶ Там же. С. 248.

⁷⁷ Там же. С. 93.

⁷⁸ Там же. С. 41.

⁷⁹ Там же С. 46-47.

взаимную соотнесенность в рамках всей социальной действительности и является задачей 'свободного от оценки' исследования идеологии»⁸⁰.

Маннгейм проповедовал инклюзивистский подход к соотнесенности различных исторических теорий, признавал «взаимодополняющий характер частичных, социально и политически обусловленных познаний»⁸¹. И хотя его понимание синтеза порядком устарело, идея соотнесенности, связанности идеологически и культурно противостоящих подходов остается актуальной⁸². При помощи анализа соотнесенных историй он считал возможным выявить «степень постижения, присущую различным точкам зрения»⁸³. Однако такая операция требует, как своей необходимой предпосылки, изменения не только познавательной, но и социально-демографической ситуации.

Модели соотнесенности-2.

Демографическая стабилизация и связанная история

Преодолению противоречий развития связанной истории могут способствовать новые тенденции в демографии и процессах социализации⁸⁴. В XX в. на Западе, в Японии, в России наступает демографическая стабилизация как завершающая стадия демографического перехода, что меняет условия социализации ребенка и установки личности. Демографическая ситуация начинает контролироваться семьей и государством, на нее оказывает воздействие отрицательная обратная связь⁸⁵. Место идеала занимает перспектива устойчивого развития.

Во второй половине XX в. появляется детоцентрическая семья и любовь к ребенку становится более последовательной. Он перестает быть экономической ценностью и отношения с ним приобретают личный характер. Возникает представление не только о проблемных детях, но и проблемных родителях, что дает возможность для анализа внутрисемейных отношений и возникновения теории шизофреногенной семьи. Социальная мобильность падает, суровое воспитание не оправдывается. В центре общества потребления – не производство, а реклама, умение рассмотреть потребности людей и использовать их для обогащения. Тут необходимы не столько рациональность и упорство, сколько внимание к «маргинальным различиям», не убежденность, а наблюдательность и гибкость, ценностями становятся вариативность и казуальность. Человек,

⁸⁰ Там же. С. 47, 72.

⁸¹ Там же. С. 128.

⁸² Вернер, Циммерманн. 2007.

⁸³ Маннгейм. 1994. С. 237.

⁸⁴ Wouters. 1986; Mennell. 2007; Wouters. 2007.

⁸⁵ Федорова, Каримова. 2013. С. 142-155.

ориентированный на внутренние убеждения, уступает господствующее место человеку, ориентированному на вне, на Другого (*other-directed*)⁸⁶.

У Э. Левинаса возникает соответствующее этой ситуации представление об ответственности перед Другим, о Другом как конституирующем бытие, время и познание. Характерно, что по его мнению, «время Другого и мое время не происходят одновременно... подлинное время представляет собой эффект или событие разъединенного соединения двух различных темпоральностей». Интерсубъективность такого времени не в том, что это «не интегративное введение времени Другого в мое». Интерсубъективность проявляется в сложном диахроническом отношении, включающем «разрыв и не интегративное соединение»⁸⁷. Здесь ярко видно современное скептическое отношение к идеалу исторического синтеза, место которого занимает диалог.

Соответственно меняются образы общества и его истории. Они приобретают неклассический характер, критикуются претензии на субстанционализм, детерминизм, финализм, истинность, как ведущие к логическим ошибкам. Общественные науки призваны способствовать решению не мировоззренческих, а конкретных проблем. Если у М. Вебера условия коммуникации в обществе предзаданы, то у Н. Лумана коммуникация и создает общество, помимо нее оно невозможно, поскольку сама коммуникация весьма маловероятна. Ведь оба участника социального действия не могут знать, правильно ли они понимают друг друга. Луман называет это «двойной контингентностью» (неопределенностью). Ориентация на совместные действия – основа связанной истории – является для него основанием всякой социальности⁸⁸. Тем самым связанная история выходит на первый план, причем ее выдвигают те же силы, которые и вытеснили ее на периферию мира идей почти триста лет назад. При этом роль положительной обратной связи не уменьшается, а лишь ограничивается. Она связана с вариативностью социальных систем, рассматривается как мощный механизм развития. Но рестаблизация системы, выбравшей свой вариант развития, на основе отрицательной обратной связи также необходима⁸⁹. Связанность ни в коем случае не становится идеалом, как в универсальной истории. Предельная связанность – это жесткость и окостенение. С внешним миром взаимодействует не структура, а медиумы – ее ослабленная форма (язык, смысл как виды упорядочивания переживания). Поэтому границы культур у Лумана нечетки, а роль историописа-

⁸⁶ Riesman, Glazer, Denney. 2001. P. 45-47, 49.

⁸⁷ Полещук. 2006. С. 35-36.

⁸⁸ Назарчук. 2012. С. 18, 74-75.

⁸⁹ Там же. С. 80-83.

ния состоит в том, чтобы «иметь возможность ‘освободиться’ от своей истории и творчески менять свои семантики»⁹⁰. На этом фоне возникают образы множественных модернизаций (Ш.Н. Айзенштадт), рефлексивной модернизации (У. Бек), глобализации как гетерогенизации (Я. Нидервеен Питерсе), глокализации (Р. Робертсон). Они описывают совместные истории различных стран, проходящих сходные процессы своими, связанными, но подчас расходящимися путями⁹¹.

Картину, нарисованную Рисменом, конкретизировали Вутерс и Меннел, которые связали описанный им переход с процессом «информализации» и обозначили его как важную составляющую цивилизационного процесса. При характеристике поколений, ориентированных на Другого, они опирались на методологию Н. Элиаса, опровергнув утвердившийся в 1970-е гг. взгляд на теорию Элиаса как универсалистскую, однолинейную концепцию растущего самоконтроля – стержня исторического процесса. Показав, что для Элиаса не было характерно мышление в терминах «больше-меньше», они представили его теорию цивилизации как изучение путей развития *Супер-Эго*, включающих контр-процессы (контр-истории). Они прямо заявили, что «поиск однозначных оценок цивилизирующих или дисциplinирующих черт, основанный на произвольном наборе примеров, кажется... бесплодным»⁹².

Вутерс и Меннел связали новые установки человека с деколонизацией и глобализацией, растущей потребностью во взаимной идентификации, искренности и высвобождении эмоций, которые привели к *контролируемому снятию контроля* за поведением и к запрету на доминирование⁹³. Наиболее яркая страница процесса информализации – студенческая революция 1968 года носила явные признаки коана, преодоления «двойной связки», о которых писал Г. Бейтсон. Многие ее идеи имели характер терапевтических «двойных посланий». Лозунги «Запрещено запрещать!» и «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» остались в истории как символы прорыва к новой поведенческой ситуации.

«Экспрессивная революция» 1960-х гг., по мнению Вутерса, привела к тому, что «опасные» эмоции больше не вызывают стыда, особенно страха «потерять лицо». Судьба человека среднего класса перестала зависеть от мнения «хорошего общества». Чувство превосходства табуировано. Дегradировала функция включения и исключения, которая

⁹⁰ Там же. С. 56-59, 17, 73.

⁹¹ Beck, Grande. 2010. P. 406-638.

⁹² Wouters, Mennell. 2013. P. 554-557, 560-561.

⁹³ Wouters. 2011. P. 143-145.

была ранее присвоена истеблишментом, перестали действовать нормы «достойного поведения», потеряли силу манипуляции, оценки и связанные с ними девиации самооценки. Это проявилось уже во время Войны в Персидском заливе (1991). Солдаты уже не боялись, как во время Второй мировой войны, проявлять страх. Армия стала терять свою роль «машины обезчеловечивания», о которой писал историк цивилизации Р. Осборн⁹⁴. Важнейшими общими тенденциями в США, Голландии, Англии и Германии в XX в. стало уменьшение социальной и психической дистанции между истеблишментом и аутсайдерами, полами и поколениями, возникновение ситуативных самоидентификаций, смешанных культурных кодов и идеалов⁹⁵.

В результате «двойная связка» стала несколько менее разрушительной не только для постколониального, но и для западного сознания⁹⁶. Ведь ее предпосылкой были ощущения господства и подчиненности. Это стало доминировать над сознанием и *Супер-эго*, что уменьшило психологическую напряженность. Этому способствовало как разрушение субординации, так и растущий интерес к особенностям поведения людей иных статусов и культур, которые ранее однозначно толковались как отклоняющиеся от нормы. Ориентация на Другого предполагала усиление роли чувства стыда перед Другим, заместившего чувство вины (доминировавшего во времена Р. Бенедикт). Из интереса к Другому органически вырастает стремление создавать не только собственную, но и связанную историю капиталистов и рабочих (глобальная история труда), колонизаторов и колонизируемых (постколониальная критика), мужчин и женщин (гендерный подход). Рефлексивность этих форм познания прошлого связана с потребностью в коммуникации и взаимопонимании⁹⁷.

Связанная история развивается в ситуации проблематизации метакommunikаций. Это прежде всего лингвистический и культурный повороты, впервые тематизировавшие метакommunikации в теории истории⁹⁸. Следующим этапом стала дискуссия по поводу соотношения акторов связанной истории конкретных эпох и регионов. Не случайны острые споры Э. Саида и А.Р. Абу-эль Хаджа по поводу интерпретации отношений между Египтом, Османской империей и Европой в XIX в. и оценок работ Т. Митчелла и З. Челик⁹⁹. Они раскрывают череду опосредований про-

⁹⁴ Осборн. 2008. С. 385.

⁹⁵ Wouters. 2011. P. 141-145.

⁹⁶ Schaebler. 2004. С. 12.

⁹⁷ Wouters. 2011. P. 150-157.

⁹⁸ Yaïm. 2002. С. 14, 23.

⁹⁹ Caud. 2013. С. 240-242; Abou-El-Haj. 2000. P. 79, 81.

процесса взаимодействия и способы их интерпретации. Исследование распространяется в сторону Европы, раскрывая в работах О. Вебера и Н. Зомон Дэвис историю формирования наций как связанную историю власти, городов и крестьянства¹⁰⁰. На фоне этих споров трудно рассматривать модернизацию или глобализацию как детерминированные структурные процессы и методика раскрытия их «закономерностей» (*path-dependency*) сменяется маршрутизацией или логистикой процессов (*process-sequencing*). При этом не надо забывать о терапевтическом значении постколониальной критики, которая имеет одной из своих функций разрушение психологического напряжения, порожденного прежней ситуацией зависимости. Идеалом выступает не «смена цивилизации» или традиционализм, а гетерогенизация взаимодействующих культур.

Парадокс современной ситуации состоит в том, что на Западе, где универсальная история занимает традиционно признанное место, демографический переход закончился и она имеет все признаки анахронизма. Более того, способствуя росту психологического напряжения и дезориентации среди мигрантов и местных жителей, ведущим к взаимной агрессии, универсальная история способствует тому, чтобы взрыв «третьего» мира и «первом» приобрел военную форму. Реальные перспективы имеет распространение универсальной истории лишь в зоне демографического взрыва, например, в афроцентристской форме. Связанная история становится в этих условиях гарантом стабилизации обстановки в странах, закончивших демографический переход. Она помогает создать глобальную историческую память, переосмыслив традиции историописания, критикуя отжившие и развивая новые теоретические приемы исторического знания¹⁰¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 203 с.
- Бейтсон Г. Экология разума. Избр. статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотов, М. П. Папуш. М.: Смысл, 2000. 476 с.
- Васьева Л.Н. Гражданское общество и правовое государство (синергетический подход) // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 75–85.
- Васьева Л.Н. Синергетический подход в теории элит и его использование при анализе политической элиты (на примере постсоветской России). М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. 316 с.

¹⁰⁰ *Schaebler*. 2004. P. 10; *Weber*. 1976.

¹⁰¹ *Ионов*. 2010; 2011; 2012; 2013; 2014.

- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / Пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. 320 с.
- Вебер М. Избр. произв. / Пер. с нем. М.И. Левин, А.Ф. Филиппов, П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С 59–90.
- Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 392 с.
- Гириц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / Пер. с англ. Е.М. Лазаревой // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. / Гл. ред. С. Я. Левит. М.; СПб., Изд. СПбГУ, 2006. С. 171–203.
- Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // *Вопросы психологии*. 1998. № 2. С. 61–71.
- Дройзен И. Г. Историка / Пер. с нем. Г. И. Федоровой под ред. Д. В. Складнева. СПб., Владимир Даль, 2004. 583 с.
- Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии (при участии Суприи Мукерджи) / Пер. с англ. О.В. Воробьевой. М.: «Канон» РОИИ «Реабилитация», 2012. 432 с.
- Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6. С. 118–135.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Ионов И.Н. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 30. С. 257–274.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 139–153.
- Ионов И.Н. Идея «цивилизации» в Европе XIX в. в контексте связанной и перекрестной истории // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 40. С. 27–50.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6. С. 134–149.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 3 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 138–153.
- Ионов И.Н. Идеи «цивилизации» и «варварства» в Европе XVIII–XIX вв. в контексте связанной истории // *Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 212–274.
- Князева Е.Н., Куркина Е.С. Глобальная динамика мирового сообщества // *Историческая психология и социология истории*. 2009. № 1. С. 29–153.
- Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. М.И. Левина, С.П. Капушина, А.И. Миллер, Т.И. Студеникина. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: «Весь мир», 2012. 248 с.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2008. 764. [4] с.
- Полещук И. Понятие интересубъективной темпоральности в философии Левинаса // Эмманюэль Левинас: путь к Другому. СПб: СПбГУ, 2006. С. 22–36.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: «Русский мир», 2006. 637 с.

- Said Э.В. Культура и империализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., «Владимир Даль», 2013. 734 с.
- Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. М.И. Левина, С.Д. Сказкин. М.: Юрист, 1994. 719 с.
- Турчин А.В. Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 156–163.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е.Г. Трубина, В.В. Харитонов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
- Федорова Н.А., Каримова Л.К. Историческая демография: теория и метод. Учебное пособие. Казань: Казанский университет, 2013. 202 с.
- Флобер Г. Госпожа Бовари. М.: «Правда», 1979. 352 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб: Университетская книга, 2001. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. 331 с.; Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. 382 с.
- Abou-El-Haj R.A. Historiography in West Asian and North African Studies since Said's Orientalism // *History after the Three Worlds: Post-Eurocentric Historiographies* / Ed. by A. Dirlik, V. Bahl and P. Gran. N.Y.: Rowman & Littlefield Publ., Inc, 2000 P. 67–84.
- Antohi S. Romania and the Balkans. From Geocultural Bovarism to Ethnic Ontology // *Transit – Europäische Revue*. 2002. Vol. 21. P. 1–21. URL: http://archiv.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=235&Itemid=411.
- Beck U., Grande E. Varieties of Second Modernity: Extra-European and European Experiences and Perspectives // *British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61, № 3. P. 406–638.
- Connected Worlds. History in Transnational Perspective / A. Curthoys and M. Lake (eds.). Canberra: Australian National University E Press, 2005. URL: http://epress.anu.edu.au/titles/cw_citation.
- Conrad S. Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001 // *Journal of Contemporary History*. 2003 Vol. 38. № 1. P. 85–99.
- Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor, and the Philosophy of Liberation / trans. E. Mendieta. Atlantic Highland (NJ): Humanities Press, 1996. 248 p.
- Gaultier J. de. Le Bovarysme. Paris: Mercure de France, 1921. 316 p.
- Goldsworthy V. Inventing Ruritania. The Imperialism of the Imagination. New Haven, London: Yale University Press, 1998. 254 p.
- Juenke C. Entangled Pasts. Remembering War and Violence in Contemporary French Fiction. [2013]. URL: http://www.romanistik.uni-bonn.de/die-bonner-romanistik/lehrende/frau-dr.-claudia-juenke/vortraege_juenke.pdf.
- Melegh A. On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest: Central European University Press, 2006. 220 p.
- Mennell S. The American Civilizing Process. Cambridge: Polity, 2007. 388 p.
- Misztal B.A. Collective Memory in a Global Age: Learning How and What to Remember // *Current Sociology*. 2009. Vol. 58 (1). P. 2–22.
- Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven: Yale University Press, 2001. 315 p.
- Rothberg M. Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford: Stanford University Press, 2009. 408 p.
- Schaebler B. Civilizing Other. Global Modernity and the Local Boundaries (French/ German/Ottoman and Arab) of Savagery // *Globalization and the Muslim World*. Culture,

- Religion and Modernity / Ed. B. Schaebler, L. Steinberg. Syracuse (N.Y.), Syracuse University Press, 2004. P. 3–29.
- Silverman I. W., Jeiringer E.* Dyadic Interaction and Coservation Induction: A Test of Piaget's Equilibration Model // *Child Development*. 1973. Vol. 44. № 4. P. 815–820.
- Sпивак Г. Ч.* Rethinking Comparativism // *New Literary History*. Vol. 40. № 3. Summer 2009. P. 606–629.
- Subrahmanyam S.* Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early & Modern Eurasia // *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. № 3. P. 735–762.
- Subrahmanyam S.* Explorations in Connected Histories. From the Tagus to the Ganges. New Delhi: Oxford University Press, 2011. 276 p.
- Weber E.* Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1976. 632 p.
- Wouters C.* Formalisation and Informalisation: Changing Tension Balances in Civilizing Processes // *Theory, Culture & Society*. 1986. Vol. 3. № 2. P. 1–19.
- Wouters C.* Informalization: Manners and Emotions since 1890. L.: Sage, 2007. 274 p.
- Wouters C.* How Civilizing Processes Continued: Towards an Informalization of Manners and a Third Nature Personality // *Norbert Elias and Figurational Research: Processual Thinking in Sociology* / N. Gabriel and S. Mennell (eds.) Oxford: Wiley–Blackwell, 2011. vi + 271 p.
- Wouters C., Mennell S.* Discussing Civilisation and Informalisation // *Política y Sociedad*. 2013. Vol. 50. № 2. P. 553–579.
- Zombory M.* Maps of Remembrance. Space, Belonging and Politics of Memory in Eastern Europe. Budapest: L'Harmattan, 2012. 311 p.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; ionov@mail333.com

О. И. ХОРУЖЕНКО

ПЛИТА СХОРОСМИРА: ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБЫЧАЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ РОДОВОЙ ПАМЯТИ

В контексте иных родословных подделок XVII в. исследуется плита Схоросмира, изготовленная предположительно представителями рода Вердеревских, его мнимыми потомками. Как и в иных случаях фальсификации родовых некрополей, памятник выступает местом памяти, средоточием построения сословной и родовой идентичности и средством ее презентации в социуме.

Ключевые слова: фальсификация источников, некрополь, генеалогия, палеография, родовая память, поминальный обычай.

Современная проблематика исторической науки, ориентированная на исследование практик коммеморации, предполагает вовлечение исторических источников самого широкого типологического ряда и изучение их с применением методов вспомогательных исторических дисциплин (палеографии, хронологии, топонимики и т.д.). Эти источники, связанные, в первую очередь, с практикой поминания (мемориальные памятники, синодики), и ранее не были обойдены вниманием историков, но изучались в контексте социально-политических, генеалогических и иных вполне традиционных в отечественной историографии проблем.

Рассуждая о достоверности источников, связанных с православным поминанием, С.Б. Веселовский писал: «Нет никаких оснований не доверять этим покровам и записям; с такими вещами, как запись в синодики на вечное поминание, не шутили, и никому не пришло бы в голову записывать в поминание вымышленные имена и класть покровы на гробы несуществовавших предков»¹. Исследователь неоднократно подчеркивал эту мысль: «никому не было смысла фальсифицировать его [синодик], например записывать в поминание не существовавших лиц»²; «записи в синодиках заслуживают полного доверия, т.к. к этому относились с верой и никому не могла прийти в голову мысль поминать в своих молитвах вымышленных предков»³.

¹ Веселовский. 1969. С. 165.

² Там же. С. 26–27.

³ Там же. С. 45. Исследователь неоднократно подчеркивал особенную достоверность синодиков и считал, что они выступали источником для родословных росписей, а не наоборот (Там же. С. 18, 45, 331). Принять это утверждение сложно – в

В 1595 г. Дмитрий Иванович Годунов, обустроивая родовой некрополь в Костромском Ипатьевском монастыре, положил богато украшенный покров, в частности, на гроб своего предка князя Чета: «бархат, шолк червчат по белой земле с розными шолки, а на них кресты, а в крестах по 14 дробниц серебряных круглых, золочены, а на них выбиваны святые, около дробниц веревочки золотные и серебряные, подписи шиты золотом да серебром, подложены крашениною зеленою»⁴. В монастырский синодик также был вписан «князь Чет, во святом крещении Захарий, и дети его»⁵. Но, как убедительно доказал сам С.Б. Веселовский, князь Чет, легендарный предок Сабуровых и Годуновых, – фигура вымышленная. Легенда о его выезде и крещении, об основании им Ипатьевского монастыря в том месте, где ему явились в видении святые Ипатий и Филипп, возникла в конце XVI в. В ее распространении были заинтересованы как Годуновы, так и их вотчинный монастырь. Легенда должна была оправдать, с одной стороны, возвышение Ипатьевского монастыря, разбогатевшего от вкладов Годуновых, с другой – новый высокий статус самих ктиторов, в прошлом скромного по карьерным успехам рода. Легенда, в частности, «объясняла всем, кто удовлетворяется подобными баснями, причины почитания таких мало популярных святых, как Ипатий Гангрский и апостол Филипп»⁶. Получается, что С.Б. Веселовский переоценил благочестие людей прошлого – Д.И. Годунову, вопреки утверждению исследователя и при как минимум непротивлении монастырских властей, все-таки «пришло в голову пошутить». Но был ли Д.И. Годунов в этом смысле уникален?

В середине XVII в. Алексей Иванович Полев, неудовлетворенный происхождением от нетитулованного и малоизвестного Александра Борисовича Поля (уп. 1390), дополнил родословную легенду фантастическими подробностями. Александр Поле стал внуком вымышленного князя Федора Юрьевича Фоминского и сыном князя Бориса Федоровича Хлепенского (уп. без княжеского титула в 1449 г., возможно, ретроспективно). В соответствии с этой идеей А.И. Полев поновил фамильный некрополь в родовом богомолье – Иосифо-Волоколамском монастыре, а в своей ярославской вотчине (полученной из поместий) с. Новом Полеве установил памятную доску в честь «удельного князя Федора Юрьевича

таким случае остается непонятным, отчего имена членов рода вносились в синодик строго в том порядке, в котором они перечислялись в родословных росписях (*Хоруженко*. 2008. С. 222–228), и игнорирование такими записями женских имен.

⁴ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. С. 44.

⁵ *Днев.* 1858. С. 75.

⁶ *Веселовский*. 1969. С. 188.

Фоминского», умершего якобы в Новгороде в 1347 г. Родопомынные записи Полевых в синодиках Иосифо-Волоколамского монастыря были дополнены новым рядом мнимых предков, которым А.И. Полев щедро «пожаловал» княжеский титул: «князя Феодора, князя Бориса, князя Константина, князя Остафея, князя Юрия, князя Михаила»⁷. Естественно, внесение новых записей в синодики не предполагало какой-либо проверки их достоверности со стороны монастырских властей. В Иосифо-Волоколамском монастыре действовал своеобразный тариф за внесение в синодик, установленный еще Иосифом Волоцким⁸. Никаких иных условий для внесения в синодик, кроме денежного или земельного вклада, монастырские власти не выдвигали.

В некрополе Донского монастыря находится пышный саркофаг «болярина Феодора Михайловича, отца св. Алексея, митрополита всея России, из фамилии Плещеевых». Он был перенесен сюда из московского Богоявленского монастыря⁹. Речь в эпитафии идет о Федоре Бяконте, «выехавшем из Чернигова около 1335-го года, во время владения великого князя Иоанна Даниловича»¹⁰. Был ли Бяконт черниговцем, или нет¹¹, существование такого лица несомненно¹². Маловероятно иное – обретение и уверенная идентификация его останков спустя без малого пятисот лет после его кончины¹³. Родовой некрополь Плещеевых складывался в

⁷ *Кавельмахер*. 1989. С. 480–484. В этом списке узнаются Федор Юрьевич Фоминский, Борис Федорович Хлепенский, Константин Юрьевич Березуйский (предок Ржевских, Травинных и Козловских), Остафий Федорович (предок Еропкиных). До разоблачения этой памятной плиты В.В. Кавельмахером как подделки XVII в. она, с легкой руки ее первооткрывателя Н.А. Астрова, воспринималась в качестве подлинной: *Астров*. 1872. С. 61–75; *Квашнин-Самарин*. 1887. С. 24–25.

⁸ Княгиня Мария Голенина, упрекнувшая игумена в том, что «дати 20 рублей на семь лет, ино то грабежь, а не милостьяня», получила ответное послание Иосифа, в котором содержались как практические, так и религиозные основания этой практики (Послания Иосифа Волоцкого. С. 181).

⁹ *Саитов*. 1908. Т. 2. С. 427.

¹⁰ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1. № 44.

¹¹ *Горский*. 2000. С. 31.

¹² Фамилия «Бяконтовы» в этом роду, по-видимому, не закрепилась, впрочем, к нему мог принадлежать Внук Бяконтов, дьяк новгородского архиепископа Феодосия, упомянутый в 1543 г. (Древняя Российская вивлиофика. Ч. 14. С. 159). С.Б. Веселовский отмечал топонимы, явно связанные с землевладением Бяконта и его потомков: селения Бяконтово близ Подольска, Бяконтово-Плещеево близ Дмитрова, (*Веселовский*. 1974. С. 60) и Бяконтово-Кизилково в Нерехте, принадлежавшее некоторое время С.Г. Плещееву (*Веселовский*. 1969. С. 185).

¹³ Отсутствие практики письменной фиксации захоронений в Средневековье отмечает С. Франклин (*Франклин*. 2006. С. 268). Традиция подписанного надгробия начала распространяться только в конце XV в.

Богоявленском монастыре на протяжении XVIII в.¹⁴, а «надгробие» Федора Михайловича Бяконта было изготовлено Плещеевыми в 1820-х годах¹⁵. Присвоенное родоначальнику отчество было новацией по отношению к существовавшим на то время родословным росписям.

Таким образом, практика «записывать в поминание вымышленные имена и класть покровы на гробы несуществовавших предков», вопреки ее отрицанию С.Б. Веселовским, все-таки существовала. Понятно, что представителями служилых родов в данном случае двигала не забота об «устройении души» никогда не существовавших родоначальников. Связанные с этим значительные расходы, возможный риск разоблачения не отменяли явной потребности в создании подобных кенотафов. Эти мнимые захоронения становились, вероятно, «местом памяти», средоточием выстраивания сословной и родовой идентичности и средством ее презентации. Мнимые захоронения легендарных предков отмечаются как в центре, так и на периферии, с XVI по XIX в. Вероятно, выявленные на сегодня памятники не позволяют судить о масштабности этого явления; новые открытия позволят дополнить общую картину.

При строительных работах на территории Солотчинского монастыря близ Рязани, проводившихся в 2003–2004 гг., была обнаружена белокаменная плита¹⁶, содержащая следующую надпись:

«Лѣта 7051-го году апрѣля въ 23 д(е)н(ь)¹, как по|чета строит(и) каменная ц(е)рков(ь) во имя Покрова | пр(е)св(е)тыя Б(огоро)д(и)цы, і с того мѣста перенесено тѣ|ло зятя великого кн(а)зѣ Ол(е)га Ивановича Ивана Смірославовича | Схоросмира, во иноцех скимника Іосифа, по упрошению родственни|ков его, для того, что прилучилос(ь) быт(и) | под олтарною стеною. А переносил епис|коп Θεодосіи коломенскіи со архиман|дритомъ Хрисанѡомъ ||».

Примечание. ¹Слово вписано над строкой

¹⁴ На 1791 г. самое старое надгробие Плещеевых в Богоявленском монастыре относилось к 1737 г. (подпоручика Романа Ивановича Плещеева. См.: Древняя Российская вивлиофика. Ч. 19. С. 342, № 116), новейшее – к 1757 г. (боярыня Дарья Николаевна Плещеева. См.: Там же. С. 343, № 120). Некрополь Плещеевых XVII в. располагался в церкви Николая Чудотворца в Гнездняках (захоронения 1630–1702 гг., *Саитов*. 1908. Т. 2. С. 426–427). Изначально Плещеевы, вероятно, формировали родовой некрополь близ могилы митрополита Алексея в храме Чуда архистратига Михаила в Чудовом монастыре. Во всяком случае, племянник митрополита Алексея боярин Данила Феофанович был погребен тут в 1392 г. (*Панова*. 2002. С. 21).

¹⁵ *Беляев*. 1996. С. 33.

¹⁶ *Нагорнов, Гераськин*. 2007. С. 55; *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84–89; *Гераськин*. 2009.

В тексте речь идет о легендарном предке Вердеревских, Апраксиных, Крюковых и иных рязанских дворянских родов, «выехавшем к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому из Большие Орды муже честном именем Солохмир Мирославич, который по крещении назван Иоанном. Великий князь отдал за него в супружество сестру свою родную великую княжну Настасью Ивановну и пожаловал ему разные вотчины»¹⁷. Легенда о Солохмире была некритически усвоена Д.И. Иловайским. Его не смутило то, что во время княжения Олега Ивановича Большой Орды еще не существовало; он даровал Солохмиру титул мурзы, дополнил легенду точной датой выезда (1371) и рядом подробностей: о дружине Солохмира¹⁸, предпочтении, которое ему оказывал великий князь Олег Иванович перед иными своими боярами, о решающей его роли в рязанско-московских и рязанско-пронских усобицах¹⁹.

Плита имеет форму трапеции с верхней гранью 53,5 см, нижней 43 см, левой 82,5 см, правой – 82 см. Максимальная толщина плиты 9,5 см. Ее залегание, судя по глубине, на которой она была найдена (2 м), вероятно, вторично. Сведений о захоронении под плитой, расположенной при обнаружении горизонтально с отклонением от оси восток–запад в 45°, не приводится²⁰. Впрочем, ни содержание надписи, ни ее формуляр не позволяют охарактеризовать плиту как надгробную, вероятно, будет правильнее именовать ее памятной. По содержанию надписи на каменных плитах разделяются на строительные и надгробные²¹. Смешанный тип строительно-надгробных плит предполагает указание на положение тела под плитой²², каковое в рассматриваемой надписи отсутствует. Ближайший аналог для надписи о перенесении тела Схоросмира – плита из с. Новое Полево о кончине князя Федора Юрьевича Фоминского²³.

¹⁷ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 2. № 45.

¹⁸ Ю.В. Гераськин уточнил, что дружина Салахмира была конной и участвовала в 1371 г. в штурме Переяславля-Залесского (*Гераськин*. 2009).

¹⁹ *Иловайский*. 1858. С. 164, 197.

²⁰ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84.

²¹ *Гириберг*. 1960. С. 3–4.

²² Пример подобной плиты приводит В.Б. Гириберг. Могильную плиту царевны Анны Иоанновны 1550 г. в Смоленском соборе московского Новодевичья монастыря сопровождает строительно-надгробная надпись 1685 г., сообщающая, что тело царевны «перенесено и поставлено на сем месте» (*Гириберг*. 1960. С. 7). В работе 2007 г. В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин оперируют термином «надгробная плита» (*Нагорнов, Гераськин*. 2007. С. 57), 2008 г. – «памятная плита» и «памятная надгробная плита» (*Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84), в 2009 г. Ю.В. Гераськин вернулся к термину «надгробная плита» (*Гераськин*. 2009).

²³ *Кавельмахер*. 1989. С. 480–484.

Источник был введен в оборот В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным в 2007 г. Авторы предложили свой вариант прочтения и интерпретации надписи, рассмотрев содержащиеся в ней данные в свете историко-политических, историко-географических и генеалогических проблем. Между тем изучение внешних, формальных особенностей источника в работе 2007 г. авторами предпринято не было, они лишь констатировали, что «надпись выполнена вязью XVI века, что прекрасно согласуется с датой, приводимой в тексте плиты»²⁴. Авторы не обосновали свою датировку вязи, а лишь сослались на палеографические таблицы, приложенные к учебному пособию по литературе для учащихся старших классов²⁵. Сопоставление памятника эпиграфики со случайным образчиком книжной вязи XVI в., послужившим иллюстрацией к учебному пособию, не представляется корректным, а сходство с ним – убедительным. Безусловно, графика этой надписи, важность которой показана В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным, заслуживает специального исследования, что и было предпринято в работе 2008 г.

Палеография вязи в целом изучена недостаточно. Существующие представления о ее развитии базируются на ценной работе В.Н. Щепкина²⁶, однако исследователь оперировал ограниченным кругом источников, введенных на ту пору в научный оборот. Значительно расширили возможности для изучения вязи (в первую очередь на памятниках эпиграфики) публикации В.Б. Гиришберга, Т.В. Николаевой, И.И. Плешановой, Л.А. Беляева, Т.Д. Пановой²⁷. Этими авторами были рассмотрены отдельные палеографические сюжеты, связанные с развитием вязи в XVI–XVIII вв., но обобщающих наблюдений на основе этого очень ценного и уже достаточно репрезентативного материала сделано не было.

С работы В.Н. Щепкина утвердилось представление о возрастании со временем пропорций букв вязи, постепенном увеличении их высоты по отношению к ширине (в терминологии автора – «показателя вязи»), устанавливаемых для двухмачтовых букв. Для первой половины XVI в. исследователь отмечал показатель вязи 5, к середине XVI в. он увеличился до 7, к середине XVII в. – до 10, а к его концу – до 11½²⁸. В качестве датирующего признака показатель вязи признан и в учебных

²⁴ Нагорнов, Гераськин. 2007. С. 58.

²⁵ Ольшевская, Травников. 1996. С. 311.

²⁶ Щепкин. 1904. С. 57–80.

²⁷ Гиришберг. 1960; Гиришберг. 1962; Николаева. 1966; Николаева. 1958; Николаева. 1960; Плешанова. 1966; Беляев. 1996; Хворостова, Беляев. 2006; Кренке, Беляев. 2006; Панова. 2002.

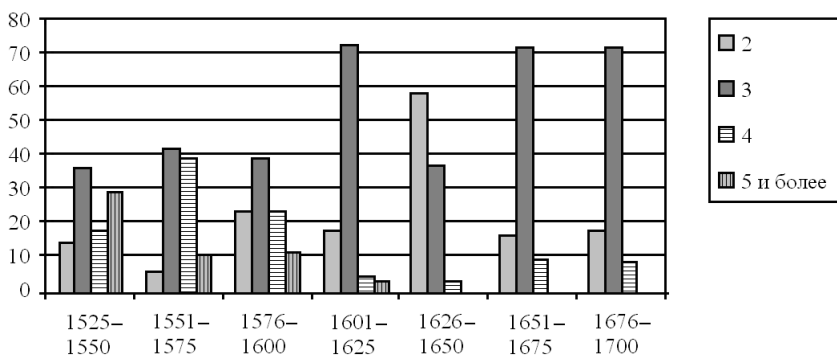
²⁸ Щепкин. 1904. С. 71, 72, 74.

пособиях²⁹. Между тем, наблюдения Щепкина в этом вопросе относились, вероятно, к отдельным рукописям и предметам декоративно-прикладного искусства, они явно недостаточны для широких обобщений и неприменимы к эпиграфическим памятникам. Относительно высокие показатели вязи (5 и более) оказались здесь непродуктивны. Исходя из точно датированных материалов³⁰, можно говорить о том, что высокие показатели достаточно весомо были представлены лишь во второй четверти XVI в., значительно потеряли свои позиции во второй и третьей четвертях, а со второй четверти XVII в. исчезли совсем. Показатель 4 показывает максимум в третьей четверти XVI в., затем заметно падает. Напротив, низкие показатели вязи (2–3) суммарно преобладают на протяжении XVI–XVII в. и к концу периода достигают 91 %.

Таблица 1. Показатели вязи XVI–XVII вв. на памятниках эпиграфики

показатель вязи/период (кол-во ед.)	1525- 1550 (27)	1551- 1575 (47)	1576- 1600 (34)	1601- 1625 (38)	1626- 1650 (63)	1651- 1675 (30)	1676- 1700 (33)
2	15%	6%	24%	18%	59%	17%	18%
3	37%	43%	40%	74%	38%	73%	73%
4	18%	40%	24%	5%	3%	10%	9%
5 и более	30%	11%	12%	3%	0%	0%	0%

Эти данные можно представить в виде диаграммы:

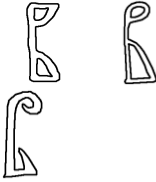

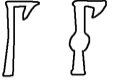

²⁹ Черепнин. 1956. С. 388; Щепкин. 1967. С. 49; Тихомиров, Муравьев. 1982. С. 51.

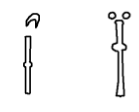
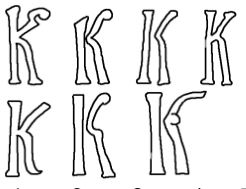
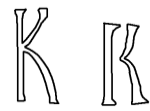
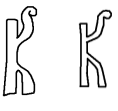

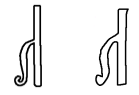
³⁰ В статистику включены источники, опубликованные в указанных выше работах В.Б. Гиршберга, Т.В. Николаевой, Л.А. Беляева, Т.Д. Пановой и др., а также представленные в Интернет-публикациях. Показатели вязи округлены до целых значений.

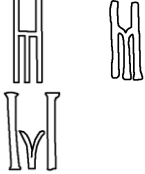

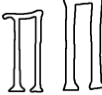

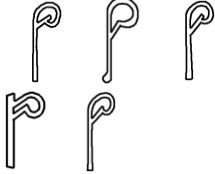
Таким образом, памятники эпиграфики показывают обратную закономерность изменения показателя вязи, чем та, что была отмечена В.Н. Щепкиным: он не возрастает со временем, а наоборот – убывает.

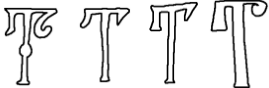

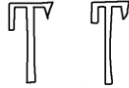

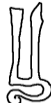
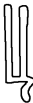

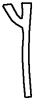

В рассматриваемой надписи показатель вязи – 3, к концу строки резчик увеличивал как ширину линий, так и ширину букв, отчего буквы, расположенные близ правого поля, имеют показатель 2. Понятно, что сам по себе показатель вязи и в данном случае не может выступать в качестве надежного датирующего признака.

Таблица 2. ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАДПИСИ
НА ПЛИТЕ СХОРОСМИРА

	Надпись на плите Схоросмира	середина XVI в.	конец XVII в.
А	 1 2 3	 1540 1543 1568	 1676 1693 1699
Б	 1 2	 1568	 1699
В	 1 2 3 4 5 6 7 8 9	 1560/61 1564 1568	 1677 1692
Г	 1 2	 1564	 1699

Д	 <p>1 2</p>	 <p>1568</p>	 <p>1679</p>
Є	 <p>1</p>	 <p>1564 1560/61</p>	 <p>1699</p>
З	 <p>1 2</p>	 <p>1568</p>	 <p>1677 1689 1695</p>
И	 <p>1</p>	 <p>1568</p>	 <p>1699</p>
I	 <p>1</p>	 <p>1551</p>	 <p>1690 1693</p>
К	 <p>1 2 3 4 5 6 7</p>	 <p>1564 1568</p>	 <p>1661 1699</p>
Л	 <p>1 2 3</p>	 <p>1568</p>	 <p>1688 1699</p>

М	 <p>1 2 3</p>	 <p>1540 1560/61 1568</p>	 <p>1693</p>
Н	 <p>1 2</p>	 <p>1532 1564 1568</p>	 <p>1680 1688</p>
О	 <p>1 2</p>	 <p>1568</p>	 <p>1699</p>
П	 <p>1 2</p>	 <p>1560/61</p>	 <p>1699</p>
Р	 <p>1 2 3</p>	 <p>1564 1568</p>	 <p>1670 1677 1679 1689 1689</p>

С	 1	 1560/61	 1699
Т	 1 2 3 4	 1560/61	 1679 1692
Х	 1 2	 1540	 1698
Ц	 1	 1560/61	 1699
Ч	 1 2	 1560/61	 1693
Ш	 1	 1560/61	 1692
Ъ	 1 2	 1561	 1699
Ѣ	 1 2	 1551	 1670

Ю	 1	 1568	 1689 1690
Ѧ	 1 2 3	 1561	 1692
Ѧ	 1 2	 1560/61	 1701

Текст помещается на лицевой стороне плиты, врезан вглубь трехгранновыемчатой техникой. Глубина и ширина врезов различаются в отдельных буквах. Наиболее широкие врезы наблюдаются ближе к правому полю. Следов разметки строк не видно, ряд букв выходит за строку. Поля также не были прочерчены, в результате текст выровнен плохо, особенно по правому краю. Надпись расположена в 11 строк, причем резчик, не рассчитав поверхность плиты, был вынужден примерно в 4 раза, уменьшить буквы последней строки. В результате строка заняла лишь половину отведенной под нее ширины, оставшееся место занял единственный декоративный элемент – четырехлепестковая цветочная розетка. Тем самым резчик не вполне использовал возможность вязи «расширяться и сжиматься с одинаковой легкостью»³¹. Текст написан слитно, в первых двух строках словоразделение в ряде случаев обозначено точками.

Сокращения частей букв в том виде, о котором говорил В.Н. Щепкин, единичны (*ИЛ* в восьмой строке, *ХИ* в десятой), как и случаи классического подчинения одной буквы другой. Чаще сокращается мачта подчиняющей (*ПО* в первой и второй строках, *ПЕ* в третьей и т.д.) или подчиненной буквы (*ВИ* в пятой строке). В большинстве случаев подчиненными и уменьшенными в размерах оказываются *О* и *Е*. Из других способов сокращения резчик применял соподчинение (*ГО*, *ЮРО*, *ТО*), лигатуру мачта+мачта (*ЛЪТ*, *АП* и т.д.) и лигатуру полумачта+полумачта (*НИ* – трижды, *ПИ*). Лигатура полумачта+полумачта или дробленая мач-

³¹ Щепкин. 1904. С. 57.

товая лигатура – явление довольно позднее, введенное так называемой «школой Ивана Грозного» и распространившееся в XVII в. (первые примеры дробления лигатур в старопечатных книгах относятся к 1600–1607 гг.)³². Это – один из признаков достаточно позднего появления надписи. Ложная лигатура как таковая резчиком не применялась (единственный случай – *AI* в шестой строке). В сочетании *ОЮ* (девятая строка), вероятно по ошибке, перекадина в букве *Ю* была направлена влево, отчего у него получилось сочетание из зеркально обращенной *Ю* и *О*.

Из украшений резчик применил петлевидный завиток в начальной лигатуре *ЛБ*, завиток и декоративную деталь в виде лепестка в букве *Ы* (восьмая строка), и небольшую S-образную виньетку в пятой строке, заполняющую свободное пространство под подчиненной буквой *А* в слове *Ивана*. Такую же виньетку можно видеть в заголовке «Книги Большому чертежу» – она заполняет пространство под буквой *Б* в слове *здьлань*³³. В целом резчик был не склонен к дополнительному декорированию.

Написание ряда букв специфично, что позволяет предложить аналогии в точно датированных памятниках. Буква *А* напоминает современную *Я*; она состоит из вертикальной мачты, в ряде случаев с навесом, петли и косой черты, как правило, переходящей в завиток. Буква образует лигатуры *АП*, *АН*, *АВ*, ложную лигатуру *AI*. Йотированная *А* навеса не имеет; перекадина украшена узелком. В лигатурах в качестве первой мачты йотированной *А* используется мачта предстоящей буквы³⁴. Такое построение буквы на памятниках эпиграфики встречается в середине XVI в. (Табл. 2. А-1568), но не является преобладающим. Надписи конца 1530-х и 1540-х гг. содержат иную *А* – она, в подражание уставу, образована петлей и косой чертой, либо мачтой, косой чертой и перекадиной (Табл. 2. А-1543)³⁵. Развитие *Я*-образной буквы *А* приходится на вторую треть – конец XVII в.³⁶ Наиболее близкая к рассматриваемой надписи буква *А*, в которой косая черта переходит в завиток, содержится в образце 1653 г.³⁷ Такое же декорирование косой черты наблюдается в буквах *Л*, *И*.

³² Там же. С. 79.

³³ Книга Большому чертежу. С. 51.

³⁴ Здесь и далее используется терминология, предложенная В.Н. Щепкиным (Щепкин. 1904. С. 59–61).

³⁵ Шокарев. 2006. С. 126. Ил. 3 (1540); Вишневецкий. 2006. С. 137. Ил. 19 (1543).

³⁶ Хворостова, Беляев. 2006. С. 40. Ил. 9 (1658); С. 42. Ил. 12 (1688); Векслер, Беркович. 2006. С. 56. Ил. 10 (1675); Левина. 2006. С. 100. Ил. 17 (1634); С. 103. Ил. 21 (1639), Ил. 23 (1646).

³⁷ Левина. 2006. С. 105. Ил. 25. В.Н. Щепкин опубликовал образец рукописной вязи 1523 г. с такой же буквой (Щепкин. 1904. Табл. LIII. № 35), но в рукописной традиции она, кажется, развития не получила.

Буква *B* в надписи представлена несколькими вариантами. Ряд из них использует штабмовку верхней (Табл. 2. В-4) или нижней (В-1, В-3) петли. Наиболее характерная для надписи буква – с верхней округлой петлей, образующей завиток и соединенной с мачтой диагональной перекладиной (В 6-9). Такой же способ написания петли используется в букве *P*. Ближайшие аналоги графики датированы 1670–1690 гг.³⁸

Датирующее значение имеет графика буквы *З* (Табл. 2. З-1), в которой переход от верхней к нижней части произведен через петлю. Такая форма могла образоваться только на основе развитой скорописи XVII в. В предшествующее столетие она не встречается, однако в последней четверти XVII в. достаточно распространена³⁹.

Из трех вариантов буквы *M* обращает на себя внимание М-1. Для вязи, представленной как в книжной (рукописной и печатной), так и в эпиграфической традициях, характерны варианты М-2 и М-3. Имея в основе две мачты с полумачтой в центре, они показали свою плодотворность для образования мачтовых лигатур и конструкций подчинения. Напротив, вариант М-1 (из двух мачт и двух диагоналей), зрительно неотличимый от лигатуры *ЛЛ*, чрезвычайно редок. Он явно зависим от скорописной графики; использование такого варианта можем отметить лишь в конце XVII в. Довольно поздний вариант написания демонстрирует буква *H*. Более старый вариант, напоминающий латинскую *N*, в рукописях уже с XIII в. сопровождался вариантом с горизонтальной перекладиной⁴⁰, но в вязи *H* с горизонтальной перекладиной не встречается до конца XVII в. *P* представлена в надписи однородно, она в большинстве случаев выступает над строкой, за редкими исключениями – с узелком в центре мачты или несколько выше ее центра. Как и в букве *B*, петля округлая, образует завиток, завершающийся окружностью; петля соединена с мачтой диагональной перекладиной. Эти особенности буква сохраняет и в лигатурном написании (лигатуры *МИР*, *ПИ*, *РН*). Близкие к представленной в надписи буквы встречаются только с последней трети XVII в.⁴¹ В образцах, относящихся к 1530-1540 гг., петля буквы *P* ломаная либо округлая, но не имеет декоративных элементов, присущих рассматриваемой надписи⁴².

³⁸ Папин. 2006. С. 230. Ил. 45 (1677); С. 231. Ил. 46 (1679).

³⁹ Там же. С. 230. Ил. 45 (1677); С. 231, Ил. 46 (1679); С. 233. Ил. 49 (1689); С. 239. Ил. 57 (1695).

⁴⁰ Пронштейн, Овчинникова. 1987. С. 15.

⁴¹ Папин. 2006. С. 228. Ил. 41 (1670); С. 230. Ил. 45 (1677); С. 231. Ил. 46 (1679); С. 232. Ил. 48 (1689); С. 233. Ил. 49 (1689).

⁴² Кренке, Беляев. 2006. С. 45. Ил. 1 (1537/38); Левина. 2006. С. 94. Ил. 8 (1535); Шокарев. 2006. С. 126. Ил. 3 (1540); С. 127. Ил. 4 (1543); Вишневский. 2006. С. 137. Ил. 19 (1543); С. 140. Ил. 29 (1541/42); С. 141. Ил. 31 (1543); С. 146. Ил. 46

В строках 9 и 10 примечательны полные штамбы букв *О* (дважды) и *Ө* – резчик впервые проявил склонность к штамбовке, игнорировав до этого возможность спрямить округлые детали букв *Є*, *О*, *С*. Штамбовка позволяет создать мачтовые лигатуры, но этот способ резчик не использовал. В рукописных памятниках такие штамбы, по наблюдениям В.Н. Щепкина, встречаются со второй половины XVII в., а несколько ранее, в 1620–1630 гг., они отмечены на предметах декоративно-прикладного искусства⁴³. Опубликованные после исследования Щепкина памятники подтверждают его вывод. Полные штамбы буквы *Ө* представлены в эпиграфике начала XVIII в.⁴⁴

В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин, отметив в работе 2008 г. такие поздние палеографические особенности надписи, как «бусины» на мачтах, дробление лигатур, построение петель у букв *В* и *Р*, полные штамбы, что явно датирует надпись концом XVII в., пришли к алогичным по отношению к этим наблюдениям выводам: «хотя полностью исключить принадлежность плиты XVI веку нельзя, эти точные аналоги в надписях второй половины XVII и архаизирующих написаниях начала XVIII в. говорят о ее позднем, по отношению к событию, происхождении»⁴⁵.

Общий вывод, проистекающий из палеографических особенностей надписи, состоит в том, что перед нами – развитая вязь, характерная для более позднего времени, чем дата, приведенная на памятнике⁴⁶. Она как раз требует «полностью исключить» XVI в. как дату ее изготовления. Датировать ее этим временем не «трудно»⁴⁷, а решительно невозможно. На конец XVII в., а не «вторую половину XVI–XVII в.» очевидно указывают знакомство изготовителя с образчиками графики поздней вязи, построение ряда букв на основе графики развитой скорописи. Вязь, которой выполнена надпись, следует отнести к самому концу XVII в., а значит, она совершенно не соотносится с датой, которая содержится в самом тексте.

(1546); С. 149. Ил. 51 (1539); С. 150. Ил. 53 (1530/31); С. 166. Ил. 89 (1547); С. 171. Ил. 102 (1547); *Гириберг*. 1960. Табл. II. Рис. 2 (1531); Рис. 3 (1537); Табл. III. Рис. 1 (1538), Рис. 2 (1541); Табл. VII. Рис. 2 (1538).

⁴³ *Щепкин*. 1904. С. 74.

⁴⁴ *Папин*. 2006. С. 242. Ил. 61 (1701).

⁴⁵ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 88.

⁴⁶ *Гириберг*. 1960. С. 13.

⁴⁷ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 87. Следует отметить, что авторы, по всей видимости, неохотно приняли новую дату плиты. Сохранить возможность датировки XVI в. было призвано, вероятно, упоминание о проведенном ими некоем текстологическом анализе, который показал им, что «составители надписи... копировали надпись с более ранней доски». В работе Ю.В. Гераськина 2009 г. вопрос о датировке плиты не поднимается.

Изготовление плиты можно связать с деятельностью Ивана Вердеревского. В 1686 г. он подал в разряд вместе с родословной росписью, содержащей легенду о своем происхождении от Солохмира Мирославича⁴⁸, две грамоты из архива Солотчинского монастыря. Первая – ок. 1390–1401 гг. рязанского великого князя Олега Ивановича солотчинскому игумену Федору на селище Федорково⁴⁹. Вторая – 1427–1456 гг. рязанского великого князя Ивана Федоровича игумену Лариону на с. Филипповичи⁵⁰. Обе грамоты, представленные в копиях, содержат важные для родословия Вердеревских интерполяции. В первой великий князь Олег действует, «поговоря с зятем своим с Иваном с Мирославичем», во второй – уже великий князь Иван, «поговоря с дядею своим с Григорьем с Ивановичем». Эта формула не встречается в других рязанских и современных им актах. Схожее выражение присутствует лишь в грамоте киевской княгини Анастасии Васильевны 1458/59 г. («подумавши есмо с нашими детьми... и с нашим отцом архимандритом печерским... и с нашею верною радою, со князми и с паны»⁵¹), но вдова князя Олелько Владимировича была чужестранкой, распорядившейся в этом акте приданной вотчиной, на что, очевидно, требовалось одобрение семьи и правящей верхушки Киевского княжества. Очевидно, ни Олег Иванович, ни Иван Федорович не находились в том же положении. И если довериться представленным И. Вердеревским спискам и принять, что Олег Иванович мог выбрать в свои ближайшие советники зятя, то Ивану Федоровичу Григорий Иванович приходился только двоюродным дядей, каковая степень родства сама по себе не предполагает особой доверительности.

Обе грамоты Солотчинского монастыря были заверены властями: «К подлинному списку архимандрит Павел руку приложил. А подлинная грамота в Солотчинском монастыре в казне. Келарь Пахомей руку приложил». Однако в монастырской казне подлинных грамот не было, здесь хранились только списки⁵². Вероятно, Солотчинский монастырь выступал по отношению к Вердеревским в той же роли, в какой Кашинский Клобуков к Бедовым и Головкиным, а Калязин Макарьев – к Кожиным⁵³.

Ю.В. Гераськин предложил интересную версию о заимствовании формы «Смирославович» из грамоты великого князя Олега Ивановича ок. 1390–1401 гг., о которой автор, правда, говорит почему-то во мно-

⁴⁸ Антонов. 1996. С. 106.

⁴⁹ Акты социально-экономической истории. Т. 3. № 324. С. 353–354.

⁵⁰ Там же. № 328. С. 355–356.

⁵¹ Там же. Т. 1. С. 200. № 279.

⁵² Там же. Т. 3. С. 354, 356.

⁵³ Введенский. 1933. С. 98; Зимин. 1963. С. 405–407, 410, 412.

жественном числе⁵⁴. По его не лишеному основания мнению, содержащаяся в ней фраза «с Иваном с Мирославичем», могла трансформироваться в читаемое на плите имя «Ивана Смирославовича»⁵⁵.

Поскольку плита была изготовлена примерно через полтора века после отмеченной в тексте даты, нужно внимательнее изучить хронологические указания нанесенной на нее надписи. Текст относит перестройку в камне церкви Покрова Богородицы в Солотчинском монастыре к 1543 г. Точная дата постройки храма неизвестна. Предание называет Покровскую церковь местом захоронения великого князя Олега Ивановича (в летописи говорится лишь о его захоронении в Солотчинском монастыре⁵⁶). Возможно, в 1402 г. церковь была еще деревянной. При описании 1628–29 гг. в монастыре упоминалась «церковь каменная Покров св. Богородицы вверх шатром, а вверх той церкви колоколница», причем «церкви и все церковное – строенье великих князей резанских»⁵⁷. Итак, если довериться данным писцов, каменная Покровская церковь была построена до 1521 г., когда последний рязанский великий князь Иван Иванович бежал в Литву. Архитектурные особенности, упомянутые в описании 1628–29 гг., позволяют говорить о том, что церковь представляла собой храм «иже под колоколы» с шатровым верхом (первым шатровым храмом из сохранившихся до наших дней считается Троицкая в Александровой слободе 1510-х гг.)⁵⁸. Вероятным временем постройки в камне Покровской церкви следует считать первое двадцатилетие XVI в., а 1543 год, упомянутый в надписи, не может быть принят, если относить церковь к «строеньям великих князей резанских». В 1768 или в 1770 г. церковь обрушилась; останки великого князя Олега Ивановича и его жены Евпраксии были перенесены в соборный храм Рождества Богородицы⁵⁹.

⁵⁴ Гераськин. 2009. В работе 2008 г. авторы приводят цитату одной из грамот Олега Ивановича с формулой «поговоря с зятем своим с Иваном Мирославовичем» со ссылкой на публикацию А.Н. Пискарева (*Нагорнов, Гераськин. 2008. С. 86*). Но на указанной ими странице такой фразы нет, поскольку она содержит грамоту великого князя Ивана Федоровича Солотчинскому монастырю на село Филипповичи с интерполяцией «поговоря с дядею своим с Григорьем с Ивановичем» (*Древние грамоты и акты Рязанского края. С. 4. № 3*). В свою очередь, упоминание грамоты Ивана Федоровича сопровождается у авторов ссылкой на «Историю» Д.И. Иловайского. Публикацию этого акта и библиографию см.: *Акты социально-экономической истории. Т. 3. № 328. С. 355–356*.

⁵⁵ Гераськин. 2009.

⁵⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 188.

⁵⁷ Писцовые книги Рязанского края. С. 721, 722.

⁵⁸ Кавельмахер. 1995. С. 48–50.

⁵⁹ *Македоний, архим.* 1886. С. 5.

В 1543 г., если верить надписи, одновременно действовали коломенский епископ Феодосий и архимандрит Солотчинского монастыря Хрисанф. Из других источников следует, что в этом году монастырь возглавлял не Хрисанф, а архимандрит Арсений; он наследовал Феодосию (уп. до 1539) и, в свою очередь, был предшественником Тихона (поставлен в декабре 1552 г.)⁶⁰. Что касается архимандрита Хрисанфа, то он был поставлен между 1557 и 1560 гг., умер между 1564 и 1567 гг. Коломенский епископ Феодосий был хиротонисан 2 июля 1542 г., упоминается до 1555 г., был свержен (по словам Ивана Грозного – в ходе народного бунта, инспирированного протопопом Сильвестром, А.Ф. Адашевым и князем А.М. Курбским) и жил на покое в Солотчинском монастыре, где и умер в ноябре 1560 г.⁶¹ Таким образом, Феодосий и Хрисанф действительно могли выступать единовременно, но не в 1543 г., а в 1557–1560 гг. Иначе говоря, изготовитель надписи не был вполне знаком с реалиями, соотносящимися с той датой, на которую она претендовала. Памятная плита вовсе не «фиксирует факт переноса останков... военного и государственного деятеля Великого княжества Рязанского»⁶², а лишь конструирует его как часть истории рода Вердеревских и Апраксиных.

У В.П. Нагорнова и Ю.В. Гераськина в работе 2007 г. вызвало затруднение слово «прилучилось» в составе фразы «для того, что прилучилос(ь) быт(ь) под олтарною стеною», что потребовало обращения к Словарю современного русского литературного языка под редакцией А.П. Евгеньевой (1983). Исходя из приведенного здесь значения «случиться, произойти», авторы предложили такую интерпретацию фразы: «Для того, что(бы) (тело) было под алтарною стеною». Тем не менее, В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин, кажется, остались не вполне удовлетворены предлагаемым ими «современным смыслом» фразы и сделали следующий вывод: «о причине переноса можно только догадываться, на плите написано “по упрощению родственников”, что стало поводом для этого неясно»⁶³. Между тем, эта фраза совершенно ясна: останки Схоросмира были перенесены, потому что («для того, что»⁶⁴) мешали строи-

⁶⁰ Там же. С. 22–23.

⁶¹ Строев. 1877. Стб. 1031; *Македоний, архим.* 1886. С. 24–25. В справочной литературе присутствуют путаница в дате устранения Феодосия с кафедры (называется ок. 1560 и ок. 1563 гг.) и годом его смерти («неизвестен»).

⁶² Нагорнов, Гераськин. 2008. С. 83.

⁶³ Нагорнов, Гераськин. 2007. С. 58, 61.

⁶⁴ В древнерусском языке, в отличие от современного, предлог «для» употреблялся при обозначении причины, основания чего-либо; свойственное современному русскому обозначение при помощи этого предлога цели, из чего исходили авторы, было вторичным: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. С. 248–249.

тельству новой церкви: они оказались («прилучились»⁶⁵) на том месте, где планировалось строить алтарную стену. Именно так авторы и трактовали содержание надписи в работе 2008 г.⁶⁶

Несколько неожиданной оказалась интерпретация В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным имени легендарного основателя рода Вердеревских и Апраксиных: «исходя из текста плиты, приходится признать именем, данным ему при рождении, Хоросмир»⁶⁷. Этот вывод сказался в названиях их работ 2007 г. («Салахмир или Хоросмир?»), где он задал надуманную исследовательскую проблему, и 2008 г. («мурза Хоросмир»)⁶⁸. Между тем, форма «Хоросмир» стала следствием неверного словоразделения, предложенного авторами при публикации надписи – «Ивана с Мирославовича с Хоросмира» вместо очевидного «Ивана Смирославовича Схоросмира». Словоразделение, которого придерживаются В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин, решительно не может быть принято. Если авторы считают слова «Мирославович» и «Хоросмир» топонимами, что могло бы оправдать обособление ими «с» в обоих случаях в качестве предлога, то это исключает их одновременное понимание и как антропонимов. Форма «Схоросмир» в иных источниках для обозначения легендарного предка Вердеревских и Апраксиных не встречается, однако, написание его имени отличается известным разнообразием: наряду с Салахмир/Солохмир⁶⁹ встречаются варианты Салнохир⁷⁰, Салхомир⁷¹ и даже Лохмир⁷². Нельзя исключить и сознательного искажения имени родоначальника в попытке представить измененную форму как архаичную.

⁶⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 19. С. 209; *Срезневский*. 1902. Стб. 1426–1427; значение «оказаться» приведено и в Малом академическом словаре под ред. А.П. Евгеньевой, но В.П. Нагорновым и Ю.В. Гераськиным не отмечено.

⁶⁶ *Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84.

⁶⁷ *Нагорнов, Гераськин*. 2007. С. 61.

⁶⁸ В публикации текста надписи в 2008 г. дано предложенное научным сотрудником Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника Е.В. Шапиловой верное чтение *Схоросмир*, тем не менее, авторы и здесь оперировали формой *Хоросмир* или компромиссной (*С*)*хоросмир* (*Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 84).

⁶⁹ Памятники истории русского служилого сословия. С. 313.

⁷⁰ Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича. С. 95. Вероятную связь с родословной легендой Вердеревских и Апраксиных в версии Патриаршей редакции демонстрирует имя предка рода Хитрово – Едуган Сильнохир, который подавался как брат Салнохира/Салахмира (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1. № 57).

⁷¹ *Долгоруков*. 1857. С. 326. Автор не указал на источник, из которого он заимствовал эту форму. Позднее вариантом *Салхомир* пользовался А.А. Зимин (*Зимин*. 1988. С. 267), которому В.П. Нагорнов и Ю.В. Гераськин и приписали его обнаружение (*Нагорнов, Гераськин*. 2008. С. 87).

⁷² Родословная книга (по списку А). С. 190.

25 сентября 2010 г. плита была освящена наместником Свято-Троицкого монастыря г. Рязани архимандритом Андреем (Креховым) в присутствии представителей ряда дворянских родов, выводящих свой род от Солохмира/Схоросмира, и торжественно установлена в соборе Рождества Богородицы Солотчинского монастыря, где и экспонируется в настоящее время⁷³. Можно легко заметить в этой церемонии общие детали, роднящие ее с предшествующими. Ни потомков легендарного Солохмира, ни церковных деятелей, возвративших плиту в мемориальную практику, не заинтересовали сомнительные детали ее оформления и содержания, выдающие ее фальсифицированность. Как и у ближайших аналогов, функция этого памятника состоит не в душеполезном поминании «Схоросмира, во иноцех скимника Иосифа», а в презентации древности рода его потомков и демонстрации значимости обители. В этом и видится значение новооткрытого памятника.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты социально-экономической истории конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1 / сост. С.Б. Веселовский; отв. ред. Б.Д. Греков; М., 1964. Т. 3 / сост. И.А. Голубцов; отв. ред. Л.В. Черепнин.
- Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.
- Астров Н.А.* Удельный князь Федор Юрьевич Фоминский // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Ч. 163. Сент. С. 61–75.
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. М., 1996.
- Введенский А.А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 85–109.
- Векслер А.Г., Беркович В.А.* Монастырские и церковные кладбища XVI–XVII веков. Раскопки и наблюдения Центра археологических исследований г. Москвы. 1989–1997 годы // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 51–81.
- Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев / под ред. В.И. Шункова, С.М. Каштанова. М., 1969.
- Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / подг. к печ. Э.Г. Чумаченко; под ред. В.И. Буганова и Б.В. Левшина. М., 1974.
- Вишневецкий В.И.* Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий XX века // Русское средневековое надгробие... Вып. 1. С. 130–174.
- Гераськин Ю.В.* Загадка мурзы Салахмира. Салахмир – Иван – монах Иосиф // Виноград: журн. для родителей [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2009. № 1 (27). URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=42474>, свободный.
- Гириберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. 1. С. 3–77.
- Гириберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1962. Т. 3. С. 212–287.
- Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.

⁷³ Торжества в Солотчинском женском монастыре; *Евсина*. 2010.

- Диев М., протоиер. Историческое описание Костромского Ипатского монастыря. М., 1858.
- Долгоруков П.[В.] Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4.
- Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. СПб., 1854.
- Древняя Российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 14; М., 1791. Ч. 19.
- Евсина И. Прекрасная Солотча // Благовест [Электронный ресурс]: православная газ. Электрон. дан. URL: <http://www.blagovesti.ru/arhiv/2010/n10.files/solot.htm>, свободный (дата обращения: 15.09.2013).
- Зимин А.А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1963. Т. 17. С. 399–428.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / подгот. к печ. В.Г. Зиминой, В.Б. Кобрин; отв. ред. В.И. Буганов. М., 1988.
- Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858.
- Кавельмахер В.В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 480–484.
- Кавельмахер В.В. Церковь Троицы на Государевом дворе древней Александровой слободы // Кавельмахер В.В. Памятники архитектуры древней Александровой Слободы (сб. ст.). Владимир, 1995. С. 19–74.
- Квашин-Самарин Н.Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.
- Книга Большому чертежу / подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.
- Кренке Н.А., Беляев Л.А. Монастырский некрополь XVI–XVII веков. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 44–50.
- Левина Т.В. Белокаменное надгробие XV – начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 82–123.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. 11.
- Македоний, архим. Солотчинский монастырь. Историческое описание // Календарь Рязанской губернии на 1886 год / изд. Рязан. губ. стат. комитета. Рязань, 1886. Приложения. С. 1–84.
- Нагорнов В.П., Гераськин Ю.В. Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в рязанском Солотчинском монастыре // Российская археология. 2008. № 2. С. 84–89.
- Нагорнов В.П., Гераськин Ю.В. Салахмир или Хоросмир? (К истории формирования рязанского боярства) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. раб. Рязань, 2007. Т. 14. С. 55–64.
- Николаева Т.В. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 180–190.
- Николаева Т.В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1958. Вып. 2. С. 92–106.
- Николаева Т.В. Новые надписи на каменных плитах XV–XVII вв. из Троице-Сергиевой лавры // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Т. 6. С. 207–255.
- Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., [1800]. Ч. 1, 2.

- Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Литература Древней Руси и XVIII века. М., 1996.
- Памятники истории русского служилого сословия / сост. А.В. Антонов. М., 2011.
- Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2002.
- Папин И.В.* Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 195–256.
- Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года / сообщ. М.И. Соколов // Чтения в имп. О-ве истории и древностей российских. 1890. Кн. 3. С. I–XII, 1–60.
- Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / под ред. В.Н. Сторожева. Рязань, 1900. Т. 1, вып. 2.
- Плешанова И.И.* Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Т. 6. С. 149–206.
- Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зиминой, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
- Пронштейн А.П., Овчинникова В.С.* Развитие графики кирилловского письма. Изд. 2-е, перераб. Ростов н/Д, 1987.
- Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича, патриарха вся России // Юбилейный сборник имп. С.-Петербургского археологического института. СПб., 1913. Ч. 2. С. I–XXVII, 1–118.
- Родословная книга (по списку А, хранящемуся в Московском архиве Коллегии иностранных дел) // Временник имп. Московского о-ва истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 131–203.
- [*Саитов В.И.*] Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4: (Г–Дяфинь); М., 1994. Вып. 19 (Пренебесный–Присвѣдѣтельствовати).
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902. Т. 2.
- Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
- Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* Русская палеография. 2-е изд., доп. М., 1982.
- Торжества в Солотчинском женском монастыре, посвященные 620-летию со дня основания // Рязанский информационный форум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Рязань, сор 2008. URL: <http://www.rifinfo.ru/news/14536>, свободный.
- Франклин С.* К вопросу от предыстории русских надписных надгробий // Русское средневековое надгробие... Вып. 1. С. 268–279.
- Хворостова Е.Л., Беляев Л.А.* Надгробие в археологическом контексте. Плиты из церкви Николы в Старом Ваганькове // Русское средневековое надгробие... Вып. 1. С. 37–43.
- Хорузженко О.И.* Царский синодик «Греческой книги» и Государев родословец // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 222–228.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956.
- Шокарев С.Ю.* Некрополь XVI–XVII веков в избранных надписях. Плиты из коллекции Музея истории г. Москвы // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII века: материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 124–129.
- Щепкин В.Н.* Вязь // Древности. Труды имп. Московского археологического о-ва. М., 1904. Т. 20. С. 57–80.
- Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967.
- Хорузженко Олег Игоревич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; khoruzhenko1@yandex.ru

О. Р. ДЕМИДОВА

ПОДВОДЯ ИТОГИ: ЭМИГРАНТСКИЕ МЕМУАРНЫЕ ТЕКСТЫ О КОНЦЕ ЭПОХИ РОМАНОВЫХ

Статья посвящена осмыслению событий конца февраля – начала марта 1917 года свидетелями и участниками этих событий, получившему отражение в мемуарных текстах, созданных в 1920–1970-х гг. При всем разнообразии социальной принадлежности, предшествующего жизненного опыта, а также идеологических, политических и партийных установок и степени своего участия, мемуаристы оценивают Февральскую революцию в едином нравственном ключе, рассматривая ее как переворот, приведший не только к концу династии, но и к краху страны. Статья основана на обширном корпусе мемуарных и дневниковых текстов, как опубликованных, так и не введенных до сих пор в научный оборот.

Ключевые слова: *переворот, переговоры, анархия, насилие, мемуар, дневник, нравственная оценка, экзистенциальный опыт, будущее страны.*

Эмиграция как бытие в ситуации экзистенциального разлома располагает к воспоминаниям и размышлениям о прошедшем. Насильственно вырванный из привычного хода жизни обстоятельствами внешнего порядка и вынужденный начинать ее заново и практически с нуля в пространстве иной, чуждой ему культуры, эмигрант неизбежно обращается к прошлому, пытаясь осмыслить настоящее и обрести (или сохранить) себя в новых условиях. Типичная для эмигрантского сознания укорененность в прошлом выступает фактором, способствующим выживанию в настоящем с возможностью «прорасти» в будущем, соединив таким образом уже, казалось бы, безвозвратно утраченное и еще, как представляется, не обретенное.

В связи с этим утверждение о неукорененности потерявших родину людей в бытии представляется не вполне корректным, как минимум, по двум основаниям. Во-первых, родина, потерянная в физическом смысле, сохраняется в памяти на уровне образа и хранится ею, и утрата не делается тотальной, пока живет образ утраченного. Во-вторых, образ властно требует воплощения в слове, а ткань прежней жизни неуклонно прорастает в текстах, воссоздающих прошлое в мельчайших подробностях и делающих его почти осязаемым. В результате хронологически разные пласты бытия сопалагаются, поверяя друг друга и образуя некий бытийно-культурный палимпсест, что придает воспоминаниям онтологический статус. Перефразируя известную максиму, эмигрант мог бы утверждать: «Я помню, следовательно, я существую». Вероятно, именно этим объяс-

няется обилие мемуарных текстов в любой диаспоре, и русская эмиграция первой волны являет собой один из самых убедительных тому примеров: к мемуаристике рано или поздно обращались представители всех бывших российских сословий, социальных слоев, этнических групп и профессий. Разумеется, известность приобретали прежде всего изначально рассчитанные на публикацию воспоминания писателей, политиков, государственных деятелей и т.п., поскольку известность автора заведомо обуславливала интерес к тексту и его востребованность публикой. Однако значимость мемуарного текста для историка культуры не зависит от того, насколько публичной фигурой являлся его создатель, – или зависит в режиме «от противного»: нередко мемуары частных лиц, отложившиеся в официальных архивных собраниях или хранящиеся в семейном архиве, представляют не меньший, если не больший интерес, чем воспоминания известных персон, так как создатели подобных воспоминаний, как правило, менее сосредоточены на себе и более внимательны к окружению, подмечая его мельчайшие детали и подробности. И нередко воспоминания «просто эмигрантов» воссоздают атмосферу эпохи, течение жизни, ход событий, характеры, общий фон описываемого более широко, тонко и убедительно, чем тексты их знаменитых современников.

История мемуарной прозы первой эмиграции отчетливо подразделяется на два периода: межвоенный (1920–1939) и послевоенный (1950–1980-е гг.). Начало первого периода практически совпадает с началом эмиграции как таковой, что обусловлено не только спецификой феномена эмиграции, осознававшейся как изгнанничество, но и «стихийно» сложившейся жизненной и творческой практикой: как правило, первым выступлением писателя, государственного, политического или общественного деятеля в эмигрантской периодике становились воспоминания о пережитом в России в период между февралем – октябрём 1917 г. и в последовавшие месяцы или годы до эмиграции. В результате в 1920–1930-е годы увидело свет значительное число собственно мемуаров и мемуаров-дневников, повествующих об ушедшей в прошлое жизни, о революции и гражданской войне, о бегстве из России и начальном этапе скитаний на чужбине. К писательским текстам этого рода относятся «Мои воспоминания» С. Волконского (Берлин, 1923–1924), «Живые лица» З. Гиппиус (Прага, 1925), ее же «Синяя книга: Петербургский дневник 1914–1918» (Белград, 1929), «Санкт-Петербург: Видения» С. Горного (Мюнхен, 1925), «Петербургские зимы» Г. Иванова (Париж, 1928), «Затуманившийся мир» П. Пильского (Рига, 1929), «Воспоминания» Н. Тэффи (Париж, 1931), «Некрополь» В. Ходасевича (Брюссель, 1939) и мн. др.

Не менее представительен корпус изданных в те же годы воспоминаний политических и общественных деятелей: «Два пути (Февраль и Октябрь)» М.В. Вишняка (Париж, 1931); «Из воспоминаний А.И. Гучкова» (Последние новости. Париж. 1936. Август–сентябрь); 3-хтомник «Власть и общественность на закате Старой России: Воспоминания» (Париж, 1930) и «Первая Государственная Дума: Воспоминания современника» (Париж, 1939) В.А. Маклакова; двухтомная «Война темных сил» (Париж, 1928–1930) и «Отреченные дни Февральской революции» (Харбин, б.г.) Н.Е. Маркова; «Крушение Империи (Записки председателя Русской Государственной Думы)» М.В. Родзянко (Архив русской революции. Т. 27. Берлин, 1926); «Дни» В.В. Шульгина (Белград, 1921). В 1926 г. в Париже вышло в свет второе издание мемуарной книги М.М. Винавера «Недавнее (Воспоминания и характеристики)» (1-е изд.: Пг., 1917). В конце 1920-х гг. в ведущем парижском журнале эмиграции «Современные записки» под общим названием «Из воспоминаний» публиковались фрагменты мемуаров А.Ф. Керенского (1928. Кн. 37; 1929. Кн. 38-39); тогда же его воспоминания были изданы на немецком языке (Errinerungen. Von Sturz des Zarentums bis zu Lenins Staatsreich. Dresden, 1928).

После войны начался новый период в истории эмигрантской мемуаристики, вполне сопоставимый с первым как количественно, так и качественно. Пик послевоенного «мемуарного бума» пришелся на 1950-е годы; большинство из опубликованных тогда писательских воспоминаний вошли в золотой фонд эмигрантской мемуаристики: «Воспоминания» И.А. Бунина (Париж, 1950), «Дмитрий Мережковский» З.Н. Гиппиус (Париж, 1951), «Подстриженными глазами» и «Мышкина дудочка» А.М. Ремизова (Париж, 1951; 1953), «Поезд на третьем пути» Дон-Аминадо (Нью-Йорк, 1954), «Другие берега» В.В. Набокова (Нью-Йорк, 1954; русскоязычному изданию предшествовали два англоязычных 1951 г.: «Conclusive Evidence: A Memoir» и «Speak, Memory»; в 1967 г. вышел третий вариант: «Speak, Memory: An Autobiography Revisited»), «Бывшее и несбывшееся» Ф.А. Степуна (Нью-Йорк, 1956) и др. Корпус воспоминаний политиков и общественных деятелей также пополнился рядом значимых изданий: «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника» (Париж, б.г.) и «Из воспоминаний» (Нью-Йорк, 1954) В.А. Маклакова, «Пережитое» В.М. Зензинова (Нью-Йорк, 1953), «Перед бурей. Воспоминания» В.М. Чернова (Нью-Йорк, 1953) и др. Тогда же вышло в свет посмертное двухтомное издание воспоминаний П.Н. Милюкова (Нью-Йорк, 1955-1956).

В 1960-е –1970-е гг. были изданы «На Парнасе Серебряного века» С.К. Маковского (Мюнхен, 1962), «Встречи» Ф.А. Степуна (Мюнхен, 1962), «Далекое» Б.К. Зайцева (Вашингтон, 1965), «На берегах Невы» И. Одоевцевой (Вашингтон, 1967) и англоязычная версия «Курсива» Н.Н. Берберовой (Нью-Йорк, 1969; русскоязычная версия: Мюнхен, 1972 г.), «Russia and History's Turning Point» А.Ф. Керенского (L., 1968).

Отдельный корпус составляют воспоминания приближенных ко двору лиц, придворных и членов императорской фамилии: «С Царем и без Царя» последнего дворцового коменданта В.И. Воейкова (Гельсингфорс, 1936), «При дворе последнего Императора» начальника канцелярии министра двора ген. А.А. Мосолова (впервые опубли. в первых пяти номерах рижского еженедельника «Для вас» за 1937 г.; в том же году изданы отдельным изданием под названием «При дворе Императора» рижским издательством «Филин»), «Книга воспоминаний» в.к. Александра Михайловича (Париж, 1933), «Моя жизнь на службе России» в.к. Кирилла Владимировича (Лондон, 1939, на англ. яз.), «В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи» в.к. Гавриила Константиновича (Париж, 1953) и др.

Словный, профессиональный, возрастной спектр, представленный в эмигрантской мемуаристике, весьма широк. Кроме писателей, государственных, политических и общественных деятелей, к мемуарному жанру обращались военные разных рангов, от военачальников до нижних чинов; юристы, деятели искусств, врачи, сестры милосердия (от придворных дам до представительниц низших сословий). Соответственно, не менее широк идеологический спектр явленных в текстах точек зрения: от крайне правой до умеренно либеральной и радикально левой. Тематический диапазон охватывает практически все области российской действительности, от придворного, столичного и провинциального быта конца девятнадцатого – начала двадцатого веков до бытия эпохи исторических катаклизмов. Однако, о чем бы ни писали авторы: о «блистательном Санкт-Петербурге» с его придворными и дворянскими балами, театрами и выставками; о жестко иерархизированном мире петербургской чиновной знати; о вызывающей в памяти детство и юность усадебной жизни; о гимназическом и студенческом быте; о повседневности войны и военных госпиталях и лазаретах – все это в конце концов становится лишь создающим определенную атмосферу фоном для описания событий конца февраля – начала марта 1917 г., взорвавших привычный ход жизни, необратимо переломивших ее уклад, положивших конец трехсотлетней эпохе российской истории и через несколько ме-

сцев приведших к власти большевиков. В некоторых случаях ощущение неотвратимости конца эксплицитно в названиях воспоминаний, их частей или в самом тексте, см., напр., уже упоминавшееся «Крушение империи» Родзянко, «Последний Петербург» И.И. Тхоржевского¹, одна из глав которого красноречиво названа «Перед обвалом» (Тхоржевский. 1999: 91-109), или название первой книги воспоминаний военного врача, видного деятеля Красного Креста и антикоммунистического движения Ю.И. Лодыженского² – «Из записок военного врача эпохи второго российского «Смутного времени» (1907–1925)» (Лодыженский. 2007: 17-236). Великий князь Кирилл Владимирович в конце жизни утверждал, что в последние месяцы правления Николая Второго «трудно было избавиться от ощущения, что все здание истощенной Империи угрожающе покачнулось и крах неминуем» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 237). Тхоржевский, вспоминая о политической обстановке в стране и внутриправительственных противостояниях в предвоенные годы, с горечью замечает: «“Мы” и “они” продолжали ссориться на краю бездны» (Тхоржевский. 1999: 88).

Истоки и причины крушения империи разные мемуаристы, в зависимости от своих идеологических предпочтений, определяют по-разному: не доведенные до логического завершения либеральные реформы Александра Второго; преждевременная смерть Александра Третьего³; негативное влияние Победоносцева на политику Александра Третьего и Николая Второго⁴; склад личности Николая Второго (Нико-

¹ Автор приступил к работе над воспоминаниями незадолго до смерти, в нач. 1950-х гг., и успел написать лишь две первые главы; его потомок С.С. Тхоржевский в 1999 г. подготовил текст к изданию, дополнив его рядом мемуарных очерков, опубликованных И.И. Тхоржевским в эмигрантской периодике в 1920-х – 1940-х гг.

² Воспоминания, написанные во второй половине 1960-х гг., подготовлены к изданию сыновьями мемуариста в 2007 г.

³ См. утверждение в.к. Александра Михайловича: «Преждевременная кончина императора Александра III приблизила вспышку революции по крайней мере на четверть века. /.../ Начиная со дня смерти императора Александра III в 1894 году, три силы приняли участие во внутренней борьбе за власть в России: монарх, царская фамилия и адепты революционного подполья. Симпатии же остального столетидесятимиллионного русского народа делились между этими двумя лагерями, между престолом и анархией, и находились в зависимости от искусства каждой их борющихся сторон заручиться поддержкой народных масс» (Николай Второй. 1994: 280).

⁴ Тхоржевский писал в статье «Навстречу своему жребию», опубликованной в парижском «Возрождении» в 1940 г. и включенной составителем в «Последний Петербург»: «Александр III самый тяжелый тормоз прикрепил к крестьянскому делу. Это было основной ошибкой его эпохи, в России закреплялась община, а стало быть, крестьянская нищета и крестьянские коммунистические настроения. /.../ Про-

лай Второй. 1994: 294, 301-316; Гурко. 1927; Данилов. 1928: 212-213 и мн. др.) и его сыгравший фатальную роль для страны брак, прямо или косвенно повлекшие за собой Русско-японскую войну, первую русскую революцию, Манифест 17 октября, созыв Государственной думы как первый шаг к либерализации государственного устройства⁵, Первую мировую войну⁶, усиление влияния Распутина при дворе (Гурко. 1927); слабость и / или злой умысел правительства и «интеллигенции», предавших императора и интересы страны⁷ и мн.др. «О революции, ее причинах, развитии и течении написано более чем достаточно и со временем будет написано еще больше. За перо брались как ее сторонники, рассчитывавшие сделать карьеру и попасть в историю, так и противники, потерявшие все, вплоть до родины, и желавшие оправдаться перед потомством за совершенные ими глупости. Писали и «большие люди» в кавычках, в силу слепого случая сыгравшие крупную роль, и мелкота, не игравшая никакой роли, но все-таки бывшая «современником собы-

должать крестьянскую политику императора Александра III и К.П.Победоносцева значило продолжать в России «промедление времени» в крестьянском вопросе, длить русскую нищету. Вся первая половина царствования императора Николая II и была продолжением этой ошибки, упорствованием в ней» (Тхоржевский. 1999: 7); см. также главу «В Мариинском дворце», в которой мемуарист воссоздает мнение Столыпина о крестьянской реформе Александра Второго и ее судьбе в годы правления Александра Третьего (Тхоржевский. 1999: 35-36).

⁵ Ср. мнение в.к. Александра Михайловича: «Сын императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов департамента полиции. Это был – конец! Конец династии, конец империи! Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!» (Николай Второй. 1994: 342).

⁶ Тхоржевский вспоминает о предостережении Столыпина «Только война может погубить Россию», которое было забыто «в грозные предвоенные дни», а «инстинкт русского самосохранения был заглушен чувством великодержавности, международными иллюзиями» (15; 88).

⁷ См., напр., утверждение в.к. Кирилла Владимировича о реакции правительства на события в Петрограде накануне Февраля: «Правительство почти ничего не делало для прекращения беспорядка в Петрограде. /.../ Если бы в то время были приняты энергичные меры, чтобы предупредить назревающую бурю, то все еще можно было спасти. Но ничего не предпринималось, и все, как будто намеренно, было оставлено на волю случая /.../ Почву для революции подготовили именно те люди, которые были обязаны своим высоким положением Государю. Русский народ не виноват, он был обманут. Справедливо говорится, что «революции вынашиваются под цилиндрами», в головах образованной публики, «интеллигенции» из профессоров и социальных теоретиков. Никто, кроме них, не хотел революции, и именно на них лежит вина за смерть Государя и за те муки, которые вот уже 21 год терпит Россия» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 236, 237, 238).

тий». Большинство их теперь ушло в лучший мир, и все писания, мемуары, воспоминания слились в головах потомства в хаос, малопонятный и запутанный», – утверждал бывший морской офицер Б.В. Бьёркелунд в мемуарном фрагменте «Революция 1917 года», написанном в 1965 г. (Бьёркелунд, 2013: 39)⁸.

Однако при всем многообразии воспоминаний и неоднородности установок их авторов, тексты составляют некий единый мемуарный корпус с присущими ему типологическими характеристиками. Первая из них – отношение к описываемым событиям в исторической перспективе. Почти все мемуаристы более или менее сходятся в оценке Февральской революции как поворотного момента в истории, ставшего для династии и империи роковым и сразу либо через несколько месяцев приведшего страну к краху, хотя, по утверждению в.к. Гавриила Константиновича, поначалу «никто не предвидел всех трагических последствий переворота с его роковым концом» (Великий князь Гавриил Константинович, 1993: 219). Правда, сопоставление с другими текстами позволяет усомниться в справедливости этого утверждения. Тхоржевский ощутил февральские события «как бездну», а отречение Николая Второго – как роковой рубеж (Тхоржевский, 1999: 13). Доктор Лодыженский, руководивший лазаретом им. в.к. Михаила Александровича, развернутом в Киеве, куда революционная волна докатилась несколько позже, вспоминает, что при известии о петроградских событиях «старшая сестра княгиня Нина Владимировна Вадбольская⁹ сразу впала в крайний пессимизм», которого он «тогда не разделял», и признает: «Оказалась права она, а не я» (Лодыженский, 2007: 118). Воейков, воссоздавая события конца февраля – начала марта 1917 г., известия о ко-

⁸ Впервые опубликован в парижском журнале «Русская бль» (1970. № 107.

⁹ Вадбольская Нина Владимировна (урожд. Шишкина, в первом браке Зубова; ? – 1965) – княгиня, жена кн. Н. П. Вадбольского; в годы Первой мировой войны старшая сестра лазарета в.к. Михаила Александровича, награждена Георгиевской медалью; в эмиграции в Югославии (с 1921), умерла в Брюсселе; см. ее воспоминания о начале работы в лазарете: «Там (в Киеве – О.Д.) встретила своего мужа, который провел меня к Великому Князю М.А. Встретилась очень радостно и, как всегда, вспоминали балы для институток (Смольного института) в залах Зимнего дворца. Поговорили, какое помещение устроить для больных дивизии Великого князя, офицерский госпиталь или лазарет. Он сказал, что дает мне полную уверенность на ведение всего этого дела: приглашение всего персонала, врачей, сестер и других служащих. /.../ Старшего врача мы выбрали вместе. Я предложила хирурга Юрия Лодыженского (так! – О.Д.), брата Владимира Лодыженского, убитого в дивизии Великого Князя. Он был молодой, неопытный, но прекрасной души человек. С ним у нас дало очень хорошо ладилось» (Вадбольская. Б.г. Л. 7).

торых доходили до Ставки, расположенной в Могилеве, вспоминает финал речи П.А. Столыпина, произнесенной в 1910 г. в Государственной Думе: «Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования сверг бы Россию в геенну огненную», и резюмирует: «Пророчество П.А. Столыпина вполне сбылось: из телеграмм и доходивших до меня сведений я узнал, что одновременно с властью Исполнительного Комитета Государственной Думы в Петрограде в последних числах февраля возникла новая параллельная власть – совета рабочих и солдатских депутатов» (Воейков. 1994: 147-148).

Начало и ход мартовских событий описаны в мемуарных и дневниковых текстах типологически сходным образом как начало полной анархии, разгул беззакония и торжество дикой и бессмысленной стихии, взбунтовавшейся черни, которую никто даже не пытался обуздать. Воссоздавая увиденное 2-го марта на углу Жуковской улицы и Литейного проспекта, кн. Ф.В. Беннигсен, только что вернувшаяся с мужем с фронта, где она на протяжении трех лет служила сестрой милосердия, передает ощущение ужаса и невозможности поверить в реальность происходящего: «Эти первые автомобили, наполненные солдатами с пулеметными лентами через плечо, с развевающимися красными флагами, – произвели на меня такое ужасное впечатление, что я долго не могла прийти в себя. Так это было непохоже на то, что я всегда привыкла видеть, на тех солдат, с которыми я имела дело 3 года на фронте, среди которых так долго жила. В автомобилях были также и женщины: увешанные пулеметными лентами, с револьвером в руках, они ехали обнявшись с солдатами, что-то кричали и махали красными флажками. На крыльях автомобилей лежали солдаты, держа ружья наперевес, с взведенными, очевидно, курками, так как руки у них были на курках. На подножках тоже стояли солдаты; все это несло по улице под непрерывный рев сирен автомобилей, при криках солдат и женщин. Публика на улице сторонилась от них, очень немногие снимали шапки, но все были испуганы и взволнованы /.../ Мы еще прошли немного на Литейную. Там народу было больше, автомобили носились взад и вперед, было много пьяных и оборванцев. На Невском толпа стояла сплошной стеной, как будто ждали что-то, и в воздухе носилось что-то угрожающее. /.../ Магазины все были закрыты, и дворники с перепуганными лицами закрывали ворота» (Беннигсен. Б.г. Л. 15). Представительница совершенно иного сословия, мещанка В.П. Шелепина, тоже фронтовая

сестра милосердия, прибывшая в Петроград в начале 1917 и работавшая в Общежитии увечных воинов, описывает происходившее в мартовские дни в иной стилистике и в более сжатом, но не менее выразительном варианте: «Начались беспорядки по всему городу. Стали арестовывать, заключать в тюрьмы, а потом расстреливать; многие не могли вернуться домой. На улице отбирали документы. Днем нельзя было ходить по улице, а ночью ходили по домам и арестовывали, и больше они не возвращались. Их ожидала тюрьма и расстрел» («Претерпевший до конца спасен будет». 2013: 16). Бьёркелунд, в феврале 1917 находившийся в Петрограде после фронтовой контузии «в командировке в отряд /.../ новобранцев», получил приказ явиться в экипаж утром 27 февраля, обеспечить поддержание порядка в собственной части и оставаться там ночевать, «чтобы при первой тревоге быть на месте»; около семи часов вечера его рота получила «распоряжение командира идти на Театральную площадь и заблокировать движение по Офицерской улице со стороны Коломны». Бьёркелунд вспоминает, что в городе, где шло восстание, слышны были пулеметная и ружейная стрельба, рев и вой толпы, пение революционных песен, прерываемое криками «ура», на Невском собрались громадные толпы; утром стало известно, что власть перешла к Комитету Государственной думы во главе с Родзянко и что Дума послала А.И. Гучкова и В.В. Шульгина делегатами в Ставку к Николаю Второму, чтобы добиться его отречения. Мемуарист квалифицирует все в совокупности как «бунт, в котором принимают участие лица, никоим образом этого делать не должны» (Бьёркелунд. 2013: 22-25, 28, 30). В.к. Кирилл Владимирович описывает воцарившиеся в столице «хаос, беззаконие и диктат толпы»: «Уличная стрельба не прекращалась ни днем, ни ночью, причем трудно было понять, кто с кем воюет. Петроград оказался в руках у враждующих преступных банд, которые бродили повсюду, грабя магазины и склады¹⁰. По ночам они собирались вокруг костров на перекрестках и развлекались тем, что орали, пели и стреляли в каждого, кто осмеливался показаться на пустынных улицах обреченного города. Вооруженные бандиты грабили винные погреба гостиниц и частных домов, и от них можно было ожидать все что угодно. Они еще больше обнаглели, когда поняли, что против мятежников не принимается никаких мер, и почувствовали власть в своих руках»

¹⁰ Ср. воспоминания Бьёркелунда о 28 февраля: «Я пошел в свою роту. К моему изумлению, столы там были завалены голландскими сырами. Команда объяснила мне, что они их подобрали на площади около Николаевского моста, где толпа разгромила лавку» (Бьёркелунд. 2013: 29).

(Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 239). В.к. Гавриил Константинович днем 26 февраля с трудом доехал до дому, поскольку «Троицкий мост был запружен толпами народа», а в последующие «тревожные и мрачные дни /.../ сидел дома и никуда не показывался». В воспоминаниях он не стал «распространяться о кошмарных днях начала революции, о которых так много писалось», однако упомянул о весьма характерном эпизоде: в первые же дни у него «был отнят автомобиль», перешедший к военному министру А.И. Гучкову, «и он даже на нем поехал в Псков, к Государю, потребовать его отречения. Дороги, впрочем, оказались столь плохи, что ему пришлось вернуться и ехать поездом» (Великий князь Гавриил Константинович. 1993: 219, 220).

Авторы цитированных выше и многих других воспоминаний и дневников дают весьма эмоциональную оценку событий, независимо от ракурса восприятия (политического и/или нравственного) определяя происходящее как нечто аномальное¹¹, недопустимое, катастрофическое и достаточно предсказуемое по возможным последствиям. Происходившее воспринималось, откладывалось в памяти и воссоздавалось в тексте в режиме непосредственного отклика на события или по прошествии ряда лет как результат трагической предопределенности или как полная неожиданность, но в любом случае – как нечто необратимое, как разразившаяся над страной трагедия рока или наказание свыше, см. утверждение кн. Беннигсен: «И вдруг, как Божий гнев, разразилась революция...» (Беннигсен. Б.г. Л. 13). Сопоставление текстов позволяет выявить ряд наиболее значимых для авторов частотных определений с перекрывающимися друг друга семантическими полями: «хаос», «ужас», «кошмар», «бездна», «катастрофа» и т.п.; Шульгин впоследствии вспоминал о «зияющей пустоте», образовавшейся после падения царского правительства (Шульгин. 1994: 141).

На этом фоне весьма сдержанными представляются дневниковые записи в.к. Михаила Александровича, чья судьба, как и судьба всей династии, решалась в эти самые дни: «Когда мы приехали в Петроград, то было сравнительно тихо, к 9 ч. по улицам уже началась стрельба и почти все войска стали революционными, старая власть больше не существовала – ввиду этого образовался временно-исполнительный комитет, кот<орый> и начал отдавать распоряжения и приказания» (27

¹¹ Бьёркелунд, например, вспоминая свои действия 1 марта, пишет: «В этот день 1-го марта 1917 года я как раз пытался вернуться самому и вернуть три с половиной тысячи человек к тому порядку, который я считал естественным и нормальным» (Бьёркелунд. 2013: 33).

февраля, маркированное как «начало анархии»; курсив мой – О.Д.); «Мы проснулись от усиленной езды автомобилей, как легковых, так и грузовых, переполненных солдатами и стреляющими, преимущественно в воздух – раздавались и сильные выстрелы от ручных гранат. Солдаты кричали ура; все автомобили разъезжали с красными флагами, и у всех были красные ленты или банты на груди или в петлицах» (28 февраля); «На улицах продолжалась, как вчера, та же езда на автом<обиях>, стрельба. /.../ Слышали о нескольких убийствах по соседству, совершенных солдатами» (1 марта); «Езда на автомобилях продолжалась, стрельба прекратилась, солдаты заполняли все улицы, не обращая никакого внимания на офицеров, – вообще должен прибавить, что все последние дни царил полная анархия» (2 марта) (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 396, 397, 398). Анархия как результат и закономерная поведенческая экспликация сложившейся накануне полного краха ситуации безвластия, отмеченной в первой записи, становится экзистенциальной доминантой восприятия событий и смысловой рамкой попытки их вербального отображения.

Записи Михаила Александровича последовательно воспроизводят ход событий, повлекших за собой отречение Николая Второго в ночь на 2 марта и его собственное, последовавшее менее суток спустя: телеграфные переговоры с ген. М.В. Алексеевым 27 февраля, визит депутации с проектом подписанного великими князьями Павлом Александровичем и Кириллом Владимировичем «Манифеста великих князей»¹² 2 марта, переписку с Родзянко 1 и 2 марта¹³, противостояние Временного правительства и Петроградского Совета. Однако записи не развернуты, автор выступает лишь как добросовестный регистратор, фиксирующий основные приметы происходящего и намеренно избегающий оценок и выражения эмоций какого бы то ни было рода; единственное эмоционально окрашенное утверждение встречается в письме Михаила Александровича к

¹² В «Манифесте», который принято рассматривать как одну из последних отчаянных попыток спасти династию, от имени императора Николая Второго председателю Государственной Думы предлагалось «немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 610).

¹³ Содержание письма великого князя Родзянко неизвестно, однако после него на Миллионную, 12 прибыл караул из школы прапорщиков для охраны Михаила Александровича; в ответном письме от 2 марта Родзянко призывает Михаила Александровича «угovorить» Николая Второго добровольно отказаться от престола за себя и за наследника в пользу брата; текст письма см. в: (Никитин. 2007: 170).

жене, Н.С. Брасовой. от 1 марта: «События развиваются с ужасающей быстротой (курсив мой – *О.Д.*)» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 499). В записи от 3 марта, сделанной после отречения, речь идет лишь о раздавшемся в шесть часов утра телефонном звонке Керенского, сообщившего о намерении нового правительства «в полном составе» приехать к великому князю через час и об опоздании министров на два с половиной часа (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 398)¹⁴. В записке к Брасовой, написанной в тот же день, накануне отъезда из Петербурга, Михаил Александрович сообщает, что «страшно занят и крайне утомлен» и обещает при встрече рассказать «много интересного» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 499).

В дневниках и воспоминаниях современников последнему акту истории династии, разворачивавшемуся 3 марта 1917 года в квартире кн. Пугатина на Миллионной, 12, где в дни переворота жил в.к. Михаил Александрович, уделено значительно больше внимания. В дневнике французского посла в России М. Палеолога совещанию членов правительства с великим князем, в ходе которого решалось, возлагать ли последнему на себя императорские обязанности, посвящена развернутая многостраничная запись, сделанная на следующий день, 17 марта по новому стилю, на основании рассказа одного из участников совещания (Палеолог. 1991: 362-365); о нем же идет речь и в обширной дневниковой записи в.к. Андрея Владимировича, текст которой также основан на рассказе очевидца («Позорное время переживаем». 1998: 53). Из рассказов следовало, что «обмен мнений длился около 3-4 часов» и в продолжение «всех этих долгих и тяжелых споров великий князь ни на мгновение не терял своего спокойствия и своего достоинства», несмотря на то, что волнение всех членов правительства «было большое» и «во время совещания все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всех прикончить, хотя поездка к Мише держалась в тайне. Боязнь контрреволюции у всех была большая» («Позорное время переживаем». 1998: 53, 365, 53).

Об отречении Николая Второго и в.к. Михаила Александровича писали многие современники, очевидцы и непосредственные участники событий: Керенский в двух книгах воспоминаний и в различных мему-

¹⁴ Ср. дневниковую запись от 2 марта 1917, сделанную Николаем Вторым после отречения: «Нужно мое отречение. /.../ Я согласился. /.../ В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман» (Отречение Николая II. 1990: 34).

арных фрагментах (с существенными разночтениями), А.И. Гучков и В.В. Шульгин, П.Н. Милюков, друживший с в.к. Михаилом Александровичем со времен службы на Юго-Западном фронте и впоследствии располагавший архивом кн. Брасовой контрразведчик капитан Б.В. Никитин, английский посол в России Дж. Бьюкенен, Воейков, Мосолов, генерал-квартирмейстер Ставки верховного главнокомандования и начальник штаба главнокомандования Северным фронтом в 1914–1917 годах Н.А. Данилов – один из свидетелей отречения Николая II¹⁵, члены императорской фамилии и «рядовые» мемуаристы, по-разному оценивая произошедшее и определяя его причины. В.к. Кирилл Владимирович вспоминал: «3 марта 1917 года по старому стилю наступила внезапная развязка ужасной трагедии. Это была катастрофа. В ночь на 3 марта Государь отрекся от престола от своего имени и от имени цесаревича Алексея. Великий князь Михаил отказался принять на себя управление страной. Вся власть перешла к правительству. Это был самый печальный день в моей жизни. Будущее утратило всякий смысл. /.../ Казалось, будто сама земля разверзлась под ногами. /.../ Занавес опустился. Все погрузилось во тьму. Не оставалось ничего другого, как испить горькую чашу жизни до конца в надежде, что после Голгофы настанет Воскресение» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 243, 244). С ним на эмоционально-оценочном уровне перекликается более сдержанный стилистически текст воспоминаний в.к. Гавриила Константиновича: «Через несколько дней пришло ужасное известие об отречении Государя. Мне было очень тяжело и больно» (Великий князь Гавриил Константинович. 1993: 219). Бьёркелунд, вопреки убеждению в том, что «режим сгнил и гангрена охватила все, соприкасавшееся с ним», считал, что после отречения Николая Второго «все надежды на спасение рухнули окончательно»: «кругом царил хаос, /.../; мне казалось, что все сошли с ума, и это впечатление усиливалось тем, что кругом меня царила общая радость, тогда как я считал, что страна гибнет, и был в совершенном смятении» (Бьёркелунд. 2013: 32, 41, 40)¹⁶. Две из уличных «зарисовок» в записках

¹⁵ Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 212-242; перепечат. в: Николай Второй. 1994:419-453.

¹⁶ Ср. с другим его утверждением, характеризующим причины внутреннего смятения, в котором пребывало морское офицерство: «Одним из столпов всех установок был Царь. Это была личность для нас символическая, и за нее любой из нас должен был быть готов отдать все, вплоть до жизни. И вдруг этот Царь отказался быть Царем, и в то же время жизнь у нас стали отнимать за то, что мы готовы были отдать ее за Царя, и именно тогда, когда Царю она была совершенно не нужна. /.../

кн. Беннигсен недвусмысленно символизируют крах бывшего имперского величия, позволяя предвосхитить дальнейшую судьбу страны: «Со всех аптек снимают Государственные Гербы, и толпы народа молча смотрят на это»¹⁷, а вид сожженного здания Окружного суда «невольно приводит в трепет. Это какой-то поруганный мертвец. /.../ И как насмешка над судом людским, над воротами, над мраморным барельефом, сияет сохранившаяся золотая надпись: «Да будет Суд скорый, правый и милостивый!». Прочтя опубликованный Манифест об отречении императора Николая Второго за себя и за сына и Акт об отречении Михаила Александровича, княгиня и члены ее семьи почувствовали «какой-то вихрь, хаос, который закружил, /.../ пропасть, из которой тянулись призраки анархии и разнузданных народных страстей» (БАР. Собр. А.П. и Ф.В.Беннигсен. Л. 18, 19, 20).

Преданный слуга престола ген. Мосолов, размышляя о причинах катастрофы, выражает убеждение, что роковую для страны и династии роль сыграли физическая разъединенность императорской семьи в мартовские дни и ее разобщенность, начавшаяся задолго до переворота¹⁸, а также фактор неожиданности: «И Николай Александрович, и Михаил Александрович приняли свои решения одни, без всякой попытки снестись с родными, не посоветовавшись ни с кем из них, ни даже между собою»¹⁹. Революционная волна была для них столь неожиданна, что отрезала всякую возможность совещаний. Однако Государь в роковой

Люди, в силу революции вышедшие в министры и представители власти, говорили и делали вещи, совершенно не укладывавшиеся в понятие и представления морского офицера, а матросы – «команда» – оказались не «христоробивым воинством», а разбойниками, убийцами и трусливыми спекулянтами» (*Бьёркелунд*. 2013: 8).

¹⁷ Ср. воспоминания Лодыженского, вынужденного «ради ограждения больных от всегда возможных эксцессов толпы снять вывеску (Лазарет в.к. Михаила Александровича – О.Д.) и царские портреты» (*Лодыженский*. 2007: 118).

¹⁸ См. название соответствующих глав: «Ни одного» и «Разъединение Императорской фамилии» (*Мосолов*. 1992: 118, 119).

¹⁹ По сведениям Никитина, в.к. Михаил Александрович 1 марта отправил брату телеграмму, в которой «как любящий брат и преданный русский человек» призывал его, «забыв все прошлое /.../ пойти по новому пути, указанному народом (10; 169); Николай, направляясь после отречения в Могилев, послал брату, «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму», в Петроград телеграмму: «События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь верным и преданным братом. Горячо моллю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники» (Скорбный путь Михаила Романова. 1996: 41); однако, по утверждению Н.С. Брасовой, Михаил Александрович этой телеграммы не получил (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 618).

день не мог внять совету семьи не только по материальным условиям, но и вследствие постепенно сложившихся отношений. Этот росчерк пера во Пскове стоил жизни семнадцати членам династии меньше чем за два года» (Мосолов. 1992: 118). Главе партии кадетов Милюкову «мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией для перехода к конституционному строю» (цит. по: Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 615), а секретарь фракции октябристов в 3 и 4 Государственной думе и ближайший сотрудник Гучкова Н.В. Савич полагал, что «Акт» Михаила Александровича уничтожил «парламентский строй», введенный Манифестом об отречении от престола его старшего брата (Савич. 1993: 208).

Очевидно, что, кроме факторов сословного, социального, гендерного, политического и идеологического порядка, мемуаристов отличает друг от друга характер самоидентификации по отношению к происходящему. С этой точки зрения авторы всех цитированных и многих других текстов представляют несколько групп: добровольные творцы истории, ее невольные участники, свидетели и жертвы и составляющие отдельную группу наблюдатели, к которым относятся, главным образом, послы и другие представители иностранных государств, оказавшиеся в России в период февральских / мартовских событий. При этом избранная позиция задает не только конструируемое в тексте представление о характере собственных действий и действий других персонажей, но и их нравственную оценку. Осознающие себя творцами истории в собственном восприятии прошлого выступают носителями некоего сверхзнания, дающего право на ненормативные действия: они, как им представляется, задают и направляют ход событий, делая определенные прогнозы на будущее и оправдывая свои действия заботой о благе страны и народа, ср., напр., воспоминания Шульгина о понимании задач, стоявших перед Временным комитетом Государственной думы, образованным 27 февраля: «Может быть два выхода: все обойдется – Государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие» (Шульгин. 1989: 125). На подобного рода мотивировке основывает в.к. Кирилл Владимирович описание своего похода к Государственной думе во главе Гвардейского экипажа и с «красным бантом»: «В последние дни февраля анархия в столице достигла таких масштабов, что правительство (Временный комитет Государственной думы – О.Д.) обратилось к солдатам и командирам с воззванием, предлагая прийти к Думе и таким образом продемонстрировать лояльность. Этой мерой правительство предполагало хоть в какой-то степени восста-

новить порядок. /.../ Распоряжение правительства поставило меня в очень неловкое положение. Так как я командовал Гвардейским экипажем, входящим в состав столичного гарнизона, приказ правительства – последнего, хотя жалкого прибежища власти в Петрограде – распространялся на моих подчиненных /.../ и, более того, он касался меня лично как командира. Я должен был решить, следует ли мне подчиниться приказу правительства и привести моих матросов к Думе или же подать в отставку, бросив их на произвол судьбы в водовороте революции. /.../ Меня заботило только одно: любыми средствами, даже ценой собственной чести, способствовать восстановлению порядка в столице, сделать все возможное, чтобы Государь мог вернуться в столицу» (Великий князь Кирилл Владимирович. 1996: 241-242).

Современники – свидетели событий, силою исторических обстоятельств вынужденные сделаться их участниками, расценили этот и подобные ему поступки несколько иначе. Ген. Мосолов пишет о нем внешне бесстрастно, однако событийный контекст, в который помещен рассказ, и семантический ряд придают ему отчетливо негативную коннотацию: «Великий князь Кирилл Владимирович во главе командуемого им гвардейского экипажа отправился в Думу, надеясь этим способствовать установлению порядка в столице и спасти династию в критический момент. Попытка эта не нашла поддержки и осталась безрезультатной. Наместник на Кавказе Николай Николаевич коленапреклоненно умолял царя об отречении» (Мосолов. 1992: 118). В беспощадно иронической тональности описывает этот эпизод Воейков: «Великий Князь разъяснил матросам значение происходивших событий. Результатом разъяснения было не возвращение матросов дезертиров к исполнению службы, а решение заменить Высочайше пожалованное экипажу знамя красной тряпкой, с которой Гвардейский Экипаж и последовал за своим командиром в Государственную Думу. /.../ Великий Князь Кирилл Владимирович, с Царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече, явился 1-го марта в 4 часа 15 мин. дня в Государственную думу, где отрапортовал председателю Думы – М.В. Родзянко» (Воейков. 1994: 158). Бьёркелунд, выражая мнение морского офицерства и не называя имен, вспоминает о «генералах, адмиралах, сановниках», бывших «ставленниками Царя», которые «вдруг /.../ стали изменниками, заговорщиками против того, кому присягали» и «с невероятной легкостью надели красные банты, правда, не всегда спасавшие их от самосуда толпы, но зато вполне подтверждавшие их сущность» (Бьёркелунд. 2013: 6). Очевиден иной нравственный модус и

самый спектр оценок: свидетели-участники, избавленные от необходимости искать оправдания собственным поступкам, оценивают события как таковые, действия других людей и собственное эмоциональное состояние, тогда как полагающим себя творцами истории приходится прежде всего прямо или косвенно объяснять причины, побудившие их действовать определенным образом, а нередко и пытаться выдать мнимые побуждения за истинные, представляя себя жертвами исторических обстоятельств.

В известном смысле они и были таковыми, как и значительная часть населения Российской империи – неудивительно, что к теме жертвенности в том или ином варианте обращаются многие мемуаристы, прежде всего противопоставляя официальной революционной риторике контрреволюционную и развенчивая миф о «великой бескровной». Свидетели и участники событий скептически упоминают об организованных Петроградским советом торжественных похоронах мнимых «жертв революции» – случайных прохожих, убитых шальными пулями стрелявших революционеров²⁰, и пишут о фактических жертвах, которыми стали «полицейские и верные своему долгу офицеры, в громадном количестве убитые в первые и последующие дни революции на территории бывшей Российской империи» (Бьёркелунд. 2013: 31). Бьёркелунд перечисляет фамилии морских офицеров, убитых 3-5 марта в Петрограде, Кронштадте и Гельсингфорсе (Бьёркелунд. 2013: 33, 41, 57-58); вдовы морских офицеров, погибших в ходе «революционных беспорядков», подробно описывают эти «самые страшные дни стихийного ужаса в Гельсингфорсе» (БАР. Собр. Н.С.Дон. Листы не нумерованы); д-р Лодыженский вспоминает об опасности, грозившей жизни раненых фронтовых офицеров, проходивших лечение в подведомственном ему госпитале в Киеве (Лодыженский. 2007: 118 и след.); кн. Вадбольская

²⁰ Ср. эпизод из «Записок» кн. Беннигсен: «Горничная вернулась домой до того испуганная, что долго не могла говорить. Когда они вышли на Литейную и подошли к Марининской больнице, раздались сначала отдельные выстрелы, а потом пулеметная стрельба вдоль по всей улице. Страшно испуганные, они старались спрятаться за памятником Олденбургского и видели, как перед ними упало несколько человек» (БАР. Собр. А.П. и Ф.В. Беннигсен. Л. 17) и запись в дневнике в.к. Михаила Александровича от 26 февраля 1917: «Беспорядки в Петрограде усилились, на Суворовском проспекте и Знаменской убитых было около 200 чел.», а также его запись от 27 февраля о том, что ему удалось убедить ген. Беляева и Хабалова не защищать Зимний дворец и «вывести людей до рассвета из Зимнего и этим избежать неминуемого разгрома дворца революционными войсками» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 396, 397).

пишет о том, что во избежание этой опасности «приходилось очень много возиться с переименованием офицеров в солдаты и выдачей им аналогичного удостоверения» (БАР. Собр. Н.В.Вадбольской. Л. 17).

Свидетельства очевидцев вполне позволяют квалифицировать события конца февраля – начала марта 1917 года как «бессмысленный и беспощадный» бунт²¹; вероятнее всего, именно под этим названием они и вошли бы в отечественную историю, если бы одержала верх «контрреволюция», которой так опасались члены Временного комитета, приехавшие 3 марта к Михаилу Александровичу, чтобы убедить его отречься от престола. К сожалению, история не знает сослагательного наклонения – она лишь предлагает набор объективных возможностей, из которых люди обречены делать тот или иной выбор, основываясь на субъективном о них представлении. Открывавшиеся перед Россией возможности виделись непосредственным участникам событий по-разному: Михаил Александрович 1 марта писал Н.С. Брасовой о том, что «Манифестом великих князей» «начнется новое существование России» (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 499); авторы «Манифеста» пытались «сохранить Ники престол»²²; члены Временного комитета и противостоявший комитету Петроградский совет стремились к власти; народ хотел «воли». В результате такого конфликта интересов «из числа неограниченных возможностей России историей избрана была возможность, казавшаяся самой невероятной: гибели монархии – и срыва народа в бездну» (Тхоржевский. 1999: 109).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беннигсен. Б.г. – Беннигсен Ф.В. Записки // Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский, далее - БАР) Колумбийского университета. Собр. А.П. и Ф.В. Беннигсен.
- Бьёркелунд. 2013 – Бьёркелунд Б.И. Воспоминания. СПб., 2013.
- Бьюкенен. 1991 – Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991.
- Вадбольская. Б.г. – Воспоминания Нины Владимировны Вадбольской // БАР. Собр. Н.В. Вадбольской.
- Вел. кн. Гавриил Константинович. 1993 – Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
- Вел. кн. Кирилл Владимирович. 1996 – Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.

²¹ См. тексты телеграфной беседы М.В. Родзянко и ген. Н.В. Рузского в ночь на 2 марта 1917, участники которой называют происходившие и готовившиеся события переворотом (Николай Второй. 1994: 434-435).

²² См. переписку в.к. Павла Александровича с в.к. Кириллом Владимировичем и Родзянко от 2 марта в: (Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 2012: 615-616).

- Воейков.* 1994 – Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М., 1994.
- Гурко.* 1927 – Гурко В.И. Царь и царица. Париж, 1927.
- Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича.* 2012 – т Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915–1918 / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталева. М., 2012.
- Дон. Б.г.* – Дон Н.С. Воспоминания // БАР. Собр. Н.С.Дон.
- Лодыженский.* 2007 – Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М., 2007.
- Мосолов.* 1992 – Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.
- Никитин.* 2007 – Никитин Б.В. Роковые годы: Новые показания участника. М., 2007.
- Николай Второй.* 1994 – Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
- Отречение Николая II.* 1990 – Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Ред. П.Е. Щеголева. М., 1990 (репринтное издание).
- Палеолог.* 1991 – Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
- «Позорное время переживаем». 1998 – «Позорное время переживаем»: Из дневника великого князя Андрея Владимировича / Публ. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // Источник. 1998. № 3.
- Родзянко.* 1990 – Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.
- Савич.* 1993 – Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
- Скорбный путь Михаила Романова.* 1996 – Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / Сост. В.М. Хрусталева, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996.
- Тхоржевский.* 1999 – Тхоржевский И.И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999.
- Шелепина.* 2013 – Шелепина В.П. Воспоминания сестры милосердия (1917 – 1922) // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. О.Р. Демидовой. СПб., 2013. С. 16-39.
- Шульгин.* 1990 – Шульгин В.В. Годы. Дни. М., 1990.
- Шульгин.* 1994 – Шульгин В.В. 1917–1919 // Лица: Биографический альманах. 5. М.; СПб., 1994. С. 121-328.
- Демидова Ольга Ростиславовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*
olgard55@yandex.ru

В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

А. Ю. СЕРЕГИНА

ВИКОНТЫ МОНТЕГЮ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРИСТОКРАТОВ-КАТОЛИКОВ В ПОЛЕМИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI – XVII вв.

В статье анализируются репрезентации английских аристократов-католиков XVI–XVII вв., виконтов Монтегю в полемической литературе и книжных посвящениях; рассматриваются их трансформации и способы манипуляции ими в различных политических контекстах.

Ключевые слова: Реформация, английские католики, Англия XVI–XVII вв., виконты Монтегю, религиозная полемика, книжные посвящения, парламентские речи, рукописные коллекции.

Образы государственных деятелей и лидеров конфессиональной общины, представлявшиеся виконтами Монтегю – аристократами-католиками XVI–XVII вв. – широкой аудитории, включавшей в себя как единоверцев Монтегю в Англии и за ее пределами, так и представителей английской политической элиты, воспринимались, вызывали отклик и трансформировались; ими манипулировали в собственных политических целях, т.е. они превратились в фактор политической и религиозной полемики. Чтобы проанализировать этот процесс, необходимо обратиться к литературным произведениям, в которых фигурировали Монтегю – как «герои» мелькавшие в эпизодах, упоминавшиеся или как адресаты посвящений. Тексты показывают, какие аспекты этих образов воспринимались их аудиторией и как именно они использовались.

Самым ранним произведением, обращенным к Монтегю, был опубликованный в 1557 г. в Лондоне сборник переводов с латыни. В него вошел созданный в предыдущее десятилетие перевод «Югуртинских войн» Саллюстия, автора которого – Александра Баркляя¹ – уже не было в живых, а также и история заговора Катилины, принадлежавшая перу Томаса Пейнелла (ум.1564). Именно Пейнелл был составителем этого издания. В молодости – каноник августинского монастыря в Мертоне (Сарри), он хотя и остался по духу католиком, признал разрыв с

¹ Александр Барклай (ок. 1476-1552) – монах бенедиктинского монастыря в Или, позднее приходский священник. Доктор богословия, переводчик с латыни и поэт.

Римом и позднее был настоятелем англиканского прихода и одним из капелланов Генриха VIII. В качестве последнего он познакомился со многими придворными, и явно был близок к ряду католиков в окружении короля, в том числе и к отцу виконта, сэру Энтони Брауну. Последний упоминался в адресованном виконту посвящении как «превосходный и благородный человек, ваш отец, верный своему сеньору и королю и вернейший по отношению к нашему Господу Богу»².

Обращение воспроизводит все звания Монтегю, упоминая его титул, и принадлежность к рыцарям ордена Подвязки и членам Тайного Совета. Сам виконт прославляется в посвящении как идеальный аристократ – военачальник, разбирающийся в политике и тонкостях военного дела, дворянин, обладающий знанием о «титулах, степенях знатности или других вещах, подобающих благородному человеку», придворный, отличающийся «тонким умом», большими познаниями, начитанностью, прекрасными манерами, и покровитель ученых³. Но еще более важной оказывается его верность католичеству – именно она определяет «славу» виконта: «Ваше сиятельство <...> во все времена и вопреки всему сброду еретиков сохранял и постоянно и благочестиво поддерживал католическую веру нашего Спасителя и искупителя Иисуса Христа»⁴. Таким образом, уже в середине XVI столетия виконт Монтегю воспринимался именно как аристократ-католик, конфессиональная составляющая образа которого была не менее – а для кого-то и более – важна, чем его имидж политика и придворного.

Подобным же образом он представлен и в посвящении к другому сочинению, созданном в конце 1560-х гг., хотя в нем конфессиональная составляющая образа по необходимости выглядит более размытой.

Речь идет о написанной на латыни поэме, посвященной преследованию первых христиан в рисские времена. Ее автор – Эдмунд Кэмптон (1540–1581), богослов и полемист-католик, один из первых английских иезуитов – и первый из них, казненный в Англии. Поэма, впрочем, была написана в тот период жизни, когда будущий мученик католической церкви – а тогда еще преподаватель Оксфордского университета – тщетно пытался примирить желание сделать карьеру в Англии (что бы-

² The Conspiracie of Catilline. 1557. The Epistle Dedicatorie (unpaginated): 'that excellent and noble man your father, faithfull I mean to his liege lord and Kyng, and to our Lorde his God, mose faithfull'.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem: 'your lordship <...> hath at all tymes, and against all the rabblements of heretykes, sustained and mostee constantly and Christianly avauced the catholyke faith of our Saviour and redeemer Jesu Christ'.

ло возможно при покровительстве государственного секретаря Сесила, графа Лестера и самой королевы Елизаветы) с угрызениями совести, вызванными отказом от католической веры. В конце концов, в борьбе победила совесть: в 1569г. Кэмпиион покинул Оксфорд, уехав сначала в Ирландию, а в 1571г. – в Нидерланды, где публично объявил о своем возвращении к католицизму⁵.

Поэма внешне конфессионально нейтральна, но не стоит забывать о том, что католики – как и другие преследуемые христианские сообщества – любили уподоблять себя мученикам первых веков. Таким образом, в сочинении Кэмпииона, стилизованном под поэзию Вергилия, содержится очевидный намек на страдания католиков при протестантском режиме. Поэма не печаталась в XVI столетии, и известна в двух рукописных копиях – British Library Add. MS 36529, f.69-78 и Holkham MS 437, f.2-17, причем во второй рукописи посвящение и имя автора вымараны, и не читаются⁶. Только в рукописи из Британской библиотеки есть посвящение «Энтони Брауну, виконту Монтегю, одаренному героическими добродетелями: Эдмунд Кэмпиион из Оксфорда молится о его вечном и истинном счастье»⁷.

⁵ ODNB online <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/4539>.

⁶ *Killroy*. 2005. P. 54-57, 149-153. Дж. Киллрой установил, что вторая рукопись – парадная копия первой или общего оригинала. Первая из них была изготовлена в 1567–1569 гг. и принадлежала сэру Джону Харингтону из Степни; ее вместе с коллекцией книг унаследовал его сын, сэр Джон Харингтон-младший, который позднее (в начале 1590-х гг.) заказал парадную копию поэмы, которая, вероятно, была подарена какому-то католику – причем новый владелец вымарал имя казненного иезуита и виконта Монтегю из соображений безопасности. Предположительно, эта рукопись была потом конфискована вместе с другими бумагами, как это часто случалось с архивами дворян-католиков, и оказалась в коллекции владельца Холкхэм-холла – главного солиситора (1592–1594) и атторнея (1594–1606) сэра Эдварда Кока, преследовавшего рекузантов. Не вполне ясно, каким образом оригинал поэмы оказался в руках Харингтона-старшего. Киллрой предполагает, что рукопись поэмы хранилась в Оксфорде, в колледже Св. Иоанна (Сент-Джонс), к которому принадлежал Кэмпиион, по крайней мере, до 1572 г. Затем в нем был проведен обыск с целью изъять и уничтожить католические сочинения, и некто, возможно, библиотекарь, стремясь спасти поэму, передал рукопись официальному проверяющему колледжа, католику сэру Уильяму Корделлу. Последний мог передать оригинал Харингтону, который его и скопировал для собственного пользования. Возможно и другое объяснение. Корделл был близким другом Уильяма Роупера, свекра сестры Монтегю Люси Браун. Поэтому он вполне мог получить рукопись от самого Монтегю – или от его родственников – и затем показать ее Харингтону.

⁷ BL, Add. MS 36529. F. 70. Текст поэмы издан Дж. Киллроем. См. *Killroy*. 2005. P. 155: ‘*Heroicis virtutibus ornatissimo viro D. Antonio Browneo Vicecomiti montis acuti Edmundus Campianus Oxoniensis aeternam et veram felicitatem praecatur*’.

В посвящении Кэмптион отдавал дань учености виконта, как то и подобает в обращении к патрону. Он также подчеркнул «придворные» добродетели – достоинство и при этом милость виконта к нижестоящим, а главное – его благочестие: «Среди наших соотечественников твое великое достоинство, исключительная ученость, испытанное благочестие и твоя милость вызывает восхищение и гордость⁸. Кэмптион не забыл упомянуть и о высоком звании виконта, пожелав в последней строке Монтегю сохранить его как можно дольше⁹. Таким образом, и здесь образ сновника соединяется с образом аристократического патрона-католика.

Однако если для единоверцев виконта служение монарху и католическое благочестие оказывались равновеликими слагаемыми его образа, то в образе, созданном полемистами-протестантами, верность монарху доминировала. В памфлете, посвященном разгрому Армады («Копия письма дону Бернардино Мендосе, испанскому послу во Франции, повествующего о положении в Англии и обнаруженного в покоях некоего Ричарда Ли», опубл. в 1588 г.)¹⁰, говорится следующее: «Первым привел отряды к королеве [на смотр в Тилбери – А.С.] знатный, добродетельный и благородный виконт Монтегю. Как бы люди не судили о нем из-за его религиозных взглядов, но, по правде, он, как сообщают, всегда заявлял, и в тот раз также торжественно провозгласил перед королевой и всем ее двором, принародно: он, будучи больным и старым, явился, полный решимости жить и умереть, защищая королеву и свою страну от всяких захватчиков, будь то папа, король или любой властитель. И за это он отдаст свою жизнь, детей, земли и имущество. Чтобы показать, что его ум в согласии со словами, он лично предстал перед королевой со своим отрядом, состоявшим из 200 всадников. Их вели его сыновья, а вместе с ними – ребенок, прекрасно державшийся в седле, а именно наследник его рода, то есть, старший сын его сына и наследника. Это обстоятельство отметили многие и, как я сам слышал, воздавали ему хвалы, видя деда, отца и сына, одновременно вскочивших в седло ради службы королеве»¹¹.

⁸ Ibid. P. 155: 'summa simpliciter in admiratione et gloria apud homines nostros fuerunt excellens dignitas, singularis erudition, spectata pietas, et mansuetudo tu'.

⁹ Ibid. P. 156: 'Tuam interea dignitatem (qua nihil habet haec aetas vel sanctius vel celebrius) clementissimus Deus incollumem ac illaesam diutissime teneri velit'.

¹⁰ The Copie of a Letter. 1588.

¹¹ Ibid. P. 24-25: 'The first that shewed his Bands to the Queene, was that noble, virtuous, honorable man, the Viscount Mountague, who howsoever men do iudge of him for opinion in Religion, yet to tell you the truth, he is reported alwayes to have professed, as now also at this time he did professe and protest solemnely, both to the Queene, and to all her Court, in open Assemblies, that he now came, though he was very sickly and in age, with a full resolu-

Благодаря этому рассказу виконт Монтегю и его семья превратились в образец лояльных католиков, ставивших свою страну и монарха выше конфессиональных пристрастий. Превращение виконта в «лоялиста без страха и упрека» было обусловлено политическими обстоятельствами лета-осени 1588 года¹².

Выбор языка памфлета ограничивал его потенциальную аудиторию англоязычными читателями. Прежде всего, конечно, речь шла о жителях Британских островов, подданных Ее Величества – англичанах и – отчасти – ирландцах. Как и все полемические тексты, «Копия письма» четко очерчивала границу между своими и чужими, врагами – в данном случае, испанцами. Им был противопоставлен образ победоносной английской нации, объединенной в любви к стране и королеве. Важной частью этого образа были католики, ставившие верность Елизавете и Англии превыше требований Рима¹³. Монтегю был отнюдь не единственным католиком, чье присутствие в Тилбери было отмечено в памфлете: там упомянуты также его двоюродный брат, граф Вустер, а также лорды Ламли, Стёртон, Дарси, Мордаунт, Скроуп и Юр¹⁴. Кроме того, в памфлете упоминались и

tion to live and die in defence of the Queene, and of his countrie, against all Invaders, whether it were Pope, King or Potentate whatsoever, and in that quarrel he would hazard his life, his children, his lands and goods. And to shew his mind agreeably thereto, he came personally himself before the Queene, with his Band of horsemen being almost two hundred: the same being led by his owne sonnes, and with them a yong child, very comely seated on horseback, being the heire of his house, that is, the eldest sonne to his son and heire: a matter much noted of many, whom I heard to commend the same: to see a grandfather, father, and sonne, at one time on horseback afore a Queene for her service’.

¹² *Pollen*. 1911. P. 300-304. См. также: *Read C.* 1961. P. 45-47. См. также *Сепегина*. 2011. С. 257-282. Бернардино де Мендоса был в 1578–1584 гг. испанским послом в Лондоне и создал обширную шпионскую сеть, которую продолжал контролировать и после того, как перебрался в Париж. Поэтому история об аресте католического священника – естественно, агента испанцев – и перехвате его письма, рассказывавшего о событиях, разворачивавшихся в Англии перед предполагаемым появлением Армады у ее берегов, выглядела вполне правдоподобно. На роль сочинителя письма был «избран» Ричард Ли – католический священник, арестованный и казненный летом 1588 года. Вплоть до начала XX века письмо Ли считалось подлинником. Но в 1911 г. Дж. Поллен обнаружил в архивах рукопись памфлета, написанную рукой одного из секретарей лорда-казначея, лорда Бёрли, с собственноручной правкой последнего. Таким образом, публикация представляет собой образец эффективной пропаганды английского правительства.

¹³ В 1570 г. папа Пий V отлучил Елизавету I от церкви и провозгласил долгом католиков свергнуть ее.

¹⁴ Генри Сомерсет, граф Вустер (1527–1589), был сыном Элизабет Браун, тетки виконта Монтегю; Джон, лорд Ламли (1534–1609); Джон, лорд Стёртон (1552–1588); Томас, лорд Дарси из Чича (1565–1639), впоследствии – граф Риверс; Льюис,

многочисленные лорды-протестанты. Однако только Монтегю удостоился не просто упоминания, а небольшого рассказа; более того, согласно тексту памфлета, именно он первым прибыл в Тилбери.

Представляется, что виконт Монтегю был избран в качестве «образца» католика по целому ряду причин. Во-первых, в отличие от многих единоверцев, он с самого начала царствования публично (в парламенте) заявлял о своих религиозных взглядах. Кроме того, он оказывал покровительство другим католикам. А узы родства связывали его с католическими семействами не только юга, но и севера Англии, а также и Ирландии. Но одним только влиянием среди католиков в Англии дело не ограничивалось. Хотя памфлет и написан по-английски, он предназначался не только для читателей в Англии, но и для католиков-эмигрантов, обитавших за пределами страны. Предполагаемым адресатом в данном случае были те католики, что жили в испанских владениях – в Нидерландах и в самой Испании. В таком случае выбор Монтегю в качестве «образцового католика», лояльного Елизавете, совершенно очевиден: Филипп II знал Монтегю еще с 1554 г., помнил его по посольству 1559 года. Кроме того, виконт был связан узами родства с покровителями английских католиков в Испании, стоявшими за подготовкой Армады (круг герцогини Ферия). Именно им – вполне способным читать по-английски – и предназначался памфлет Сесила. И именно для них в тексте появилась вставка о виконте Монтегю – их родственнике и убежденном католике. Если уж он верен английской королеве и готов сражаться за нее, испанцам не на что надеяться в Англии – таков был подтекст памфлета¹⁵.

Памфлет получил большую известность, а история о виконте Монтегю почти мгновенно была распознана как прекрасный инструмент, при помощи которого можно было добиться своих целей. Католики освоили его первыми. Уже в 1589 г. некий Рэнделл, арестованный католик из Оксфордшира, заявил на допросе, что хотя он и католик, но «так же

лорд Мордаунт из Тарви (1538–1601); Генри, лорд Скруп из Болтона (1534–1592); Уильям, лорд Юр из Уиттона (1530–1594).

¹⁵ Нацеленность на испанскую аудиторию косвенно подтверждается и тем фактом, что памфлет был издан лондонским печатником Ричардом Филдом (1561–1624). В 1588 г. Филд, только что закончивший свое ученичество, вступил в деловое партнерство с вдовой покойного мастера, гугенота Тома Вотрулье, Жаклин. «Копия письма» стала первым изданием, на котором значится имя Филда. От своего мастера Филд унаследовал не только типографию и жену (он женился на Жаклин в 1589 г., и впоследствии предприятие носило его имя), но и правительственные заказы. За «Копией письма» последовали другие тексты, причем специализацией Филда были полемические сочинения, адресованные испанцам (часть из них даже была написана по-испански). О Филде см. *Kirkwood*. 1931.

готов сражаться против испанцев, как милорд Монтегю»¹⁶. Более того, сам виконт при случае был готов воспользоваться сочиненной о нем историей. В своей речи 1592 года он произнес: «Я заявляю также, что если папа, или король Испании, или любой другой иностранный правитель решит вторгнуться в наше королевство, по любой причине, я одним из первых с оружием в руках встану на защиту моего государя и страны, насколько хватит сил»¹⁷. В данной фразе образ защитника отечества, одним из первых взявшегося за оружие – явно напоминающий о памфлете 1588 года – соединяется с намеком на циркулировавшие среди английских католиков рукописи, обосновывавшие правомочность сопротивления испанцам, хотя тех и послал в Англию папа¹⁸.

Речь виконта, в свою очередь, использовали другие католики. Священник Уильям Уотсон, полемизируя с английскими иезуитами, которых он обвинял в «подрывной деятельности», стремился противопоставить им лояльное большинство католиков во главе со знатными дворянами. В одном из своих памфлетов (1602 г.) Уотсон использовал речь виконта, о которой, скорее всего, узнал от друга, сассекского дворянина Энтони Коупли¹⁹, расширив цитирувавшийся выше пассаж и переиначив его: «Достопамятный старый лорд Монтегю... сказал следующее: если сам папа придет с крестом, ключами и Евангелием в руках, он в числе первых готов будет бежать к Его Святейшеству с тем, чтобы простершись у его ног, со всем сердечным смирением предложить ему свои услуги, чтобы выказать себя его послушным чадом. Но если же вместо того, чтобы прийти с торжественной процессией, с крестом, книгой, молитвами и проповедями, он появится под звуки королевского марша, с герольдами, с военны-

¹⁶ 'As redye [a] man to fyghte agaynste the Spanyards as my Lord Mowntague was'. Цит. по: *Questier*. 2006. P.125.

¹⁷ *Questier*. 2004. P.252: 'I protest that yf the Pope or the Kinge of Spayne or anye other forreyne Potentate shoulde offer to invade this realme, for any cawse whatsoever, I woulde be one of the fyrst that shoulde beare armes agenst him of them for my prynce & cowntreye, to the uttermost of my power'.

¹⁸ Речь идет о трактатах Томаса Райта и Джона Бишопа. Их аргументы сводились к следующему: объявляя Елизавету I смещенной в 1570г., папа Пий V руководствовался неверными или неполными сведениями, а поскольку в делах, касающихся политики, понтифик не является непогрешимым, папскую буллу исполнять необязательно. Испанцы же хоть и провозглашают себя защитниками веры, на самом деле руководствуются собственными интересами, и сопротивляться им можно и нужно. Более того, даже папе можно сопротивляться с оружием в руках, если он решит высадиться в Англии, так как он в данном случае поведет себя как светский правитель, с которым можно воевать. См.: *Серегина*. 2006. С.123-129.

¹⁹ См.: *Серегина*. 2008b. С.195-207, особ. 198-199.

ми знаменами напоказ, с трубами, барабанами, пиками, аркебузами и солдатами, выстроившимися в боевом порядке, тогда он первым выйдет сражаться против него, вооруженный до зубов²⁰.

Приведенная Уотсоном речь была полной фикцией, но она довела до совершенства образ Монтегю-лоялиста. Позднее он был заимствован многими полемистами в их собственных целях. Так, в 1621 г. протестант Томас Гейнсфорд использовал его в своем памфлете *'Vox spiritus'*, изданном в контексте полемики вокруг предполагавшегося брака принца Уэльского (будущего Карла I) и испанской инфанты. В памфлете испанскому послу Гондомару (одному из главных «авторов» идеи испанского брака) во сне является дух сэра Уолтера Рэли и убеждает его, что все англичане – даже католики – против этого союза. Одним из аргументов стало упоминание о речи виконта Монтегю (в версии Уотсона)²¹.

Второй виконт Монтегю (Энтони Мария Браун, 1574–1629) унаследовал от деда репутацию лояльного католика, однако он к середине 1590-х гг. имел все основания причислять себя к единоверцам, несправедливо обиженным режимом, несмотря на верность королеве. Многие из «обиженных» группировались вокруг графа Эссекса, представавшего в образе непримиримого врага испанцев и связанных с ними заговорщиков и одновременно – патрона всех лояльных католиков, к которому правительству следовало бы проявить терпимость.

Среди таких лоялистов было немало эмигрантов, разочарованных годами службы испанскому королю и стремившихся вернуться на родину и занять там подобающее, как они полагали, место. Одним из них был сэр Фрэнсис Дейкр, брат леди Магдален Монтегю, вдовы первого виконта. О нем и его бедствиях в Испании упомянул вернувшийся в начале 1590-х гг. в Англию Льюис Льюкнор в своем «Рассуждении о приеме, оказанном испанцем английским беглецом» (1595 г.)²². Представление родственников Монтегю как верных королеве – и за то претерпевавших от испанцев

²⁰ *Watson*. 1602. P.176-177: 'the old Lord Mountacute of worthie memorie ... saying to this effect: that is the pope himselfe should come in with crosse, key and gospell in his hand, he would be readie with the first to run unto his Holines to cast himself downe at his feete to offer his service unto him in all humbleness of hart, and what not to shew himselfe a dutifull childe. But if, in teede of comming in solemne procession with crosse, booke, praier and preaching, he should come in a sounding royall march with heralds of armes, with banners of blood displaied, with trumpets, alarum, pikes, harquebuse and men of armes all amrshald in rankes set in battell array, then would he be the first men in the field armed at all points, to resist him...?'

²¹ *Gainsford*. 1983. P.25. О Гейнсфорде и его произведении подробнее см. *Adams*. 1976. P. 141-144.

²² *Lewkenor*. 1595.

– не прошло незамеченным: в 1597 г. Льюкнор был избран в палату общин от боро Мидхёрст, которым распоряжался виконт²³.

Но включение Льюкнора в состав правящей элиты отнюдь не было легким или безоблачным, и вскоре недовольный оказанным ему приемом – а он рассчитывал на придворную должность – сэр Льюис примкнул к кругу недовольных, формировавшемуся вокруг графа Эссекса. Показателем может служить изданный им в 1599 г. перевод с латыни трактата кардинала-венецианца Гаспаро Контарини «О республике и правительстве Венеции» (1543)²⁴. В политическом контексте того времени произведение, восхвалявшее республиканское устройство Венеции и правление там знати, прочитывалось как завуалированная критика коррумпированного правительства стареющей королевы Елизаветы²⁵. Перевод был посвящен родственнице Монтегю – вдовствующей графине Уорик (вдове Эмброза Дадли, кузена первого виконта), урожденной Энн Рассел. Она была дочерью графа Бедфорда – друга первого виконта и одной из влиятельных дам королевской опочивальни. Графиня, будучи бездетной вдовой, воспитывала Эдварда Рассела, молодого графа Бедфорда – сына своего племянника, принадлежавшего к числу друзей графа Эссекса.

Примерно в то же время и сам виконт Монтегю причисляется современниками к числу католических сторонников Эссекса. В изданной в 1596 г. политической сатире сэра Джона Харингтона (протестанта, принадлежавшего к кругу Эссекса) «Метаморфозы Аякса» упоминается виконт, следующий путями своего деда – то есть, лояльного католика, верно служившего своей правительнице²⁶. Более того, маргиналии автора, сохранившиеся в двух экземплярах сатиры, призывающей к очищению правительства и двора от пятнающей их грязи – в том числе и жестокости по отношению к лояльным католикам – указывают на то, что затронутые в сочинении вопросы обсуждались в замке Уардур, принадлежавшем католику – барону Эренделлу, а в числе присутствовавших были сам владелец замка, сэр Мэтью Эренделл, его старший сын Томас, носивший титул графа Священной Римской империи (дарованный ему императором Рудольфом II), супруга Томаса Мария (Ризли) и ее брат, граф Саутхэмптон – кузены Монтегю²⁷. Достоинства же предмета должны были обсуждать присяжные из числа титулованных дворян и джентри, большая часть ко-

²³ Hasler. 1982. Vol. II. P. 474-476.

²⁴ Lewkenor. 1599.

²⁵ Norbrook D. 2002. P. 87-88; Peltonen. 1995. P. 105-118.

²⁶ Harington. 1962. P. 224: 'the lord I heare does partisare, or rather I should say avisare'.

²⁷ Killroy. 2005. P. 90.

торых также являлась католиками. Упомянутые Харрингтоном аристократы – граф Нортумберленд, виконт Монтегю, граф Вустер и лорд Ламли, католики, а также друзья и/или родственники Эссекса²⁸.

Таким образом, в середине 1590-х гг. виконт Монтегю воспринимался, с одной стороны, как незаслуженно обиженный аристократ, верный монарху – образ, обязанный своим возникновением первому виконту и пере-интерпретации его имиджа политика в 1588 г. и позднее – а с другой, как член круга влиятельных придворных, способный в силу этого оказывать покровительство. Такая репрезентация виконта была важна для тех католиков рубежа XVI–XVII вв., которые в ходе конфликта внутри английского католического сообщества стремились представить себя в роли идеальных подданных (секуляряные священники), противостоящих нелояльным заговорщикам (иезуиты), пытаясь договориться с правительством о терпимости (к собственной фракции). Для священников-апеллянтов и связанных с ними мирян-католиков виконт Монтегю был идеальным патроном. Поэтому неудивительно, что именно ему в 1596 г. была посвящена поэма, написанная его дальним родственником, Энтони Коупли (*'Fig for Fortune'*)²⁹.

Поэма представляла собой католическую интерпретацию «Королевы Фей», в которой Коупли в аллегорической форме провозглашал верность католиков Елизавете. Историки английской литературы обычно интерпретируют ее как «мольбу о терпимости к лояльным католикам»³⁰. Вместе с тем в поэме присутствует и утверждение истинности католической веры, подкрепляемой благодатью, сообщенной католическими таинствами. Благодать дает католикам силы отказаться от мести, предпочтя ей мученичество³¹. Виконт Монтегю – влиятельный католик из семьи лоялистов, успевший как прославиться благочестием, так и пострадать за веру – прекрасно подходил к этой схеме. Поэтому в посвящении речь идет о добродетелях (подразумеваем: католических) виконта:

Великий Монтегю, трижды великий в сиянии добродетелей
И потому трижды великий в моей привязанности...³²

В тексте, впрочем, Коупли упоминает и о высоком положении молодого аристократа:

²⁸ Ibid. P. 91.

²⁹ Copley. 1883.

³⁰ Shell. 1999. P. 133-137, особ. 134; Voss. 2000. P. 1-26; Knapp. 1992. P. 85-86.

³¹ Briez Monta 2005. P. 100-111.

³² Copley. 1883. P. 3.

...Изобилие твоего высокого положения,
Почетное рождение, твой богатый доход,
Одобрение и уважение всей страны...³³

Однако именно католическая добродетель виконта оказывается причиной посвящения. Коупли не добивался покровительства виконта. Его целью было представить его как символ католического сообщества, верного как своей религии, так и монарху. Этот образ был частью полемического арсенала католического духовенства, применявшего его в ходе внутренних конфликтов. Именно католические клирики-апеллянты – и связанные с их кругом миряне (Э. Коупли) – впервые начали представлять виконта Монтегю в качестве лидера католического сообщества. И вероятно, именно они в первые годы XVII века побудили Монтегю отправить слугу (клирика) в Рим – предположительно, с посланием, касавшимся вопроса о наследовании престола Яковом Шотландским и терпимости к католикам. Посланный представил виконта понтифику в роли благочестивого католика, пострадавшего за веру. В ответ Климент VIII издал бреве (5 февраля 1603 г.), в котором восхвалялось религиозное рвение Монтегю; последнего призывали содействовать сохранению единства и мира среди английских католиков. Другое бреве (13 февраля 1603 г.) даровало общую индульгенцию любому католику, кто исповедавшись и причастившись, посетил бы капеллу в его доме и помолился бы там в праздник Тела Христова и все богородичные праздники и их октавы.³⁴ Виконт Монтегю и его поместье, таким образом, приобретало особый статус в рамках английского католического сообщества, превращаясь в его лидера и духовный центр соответственно.

Клирики-апеллянты, впрочем, отдавали себе отчет в том, что отнюдь не все миряне-католики воспримут молодого виконта в таком качестве. По сообщению правительственного агента, в апреле 1603 года в одной из лондонских тюрем, в помещении, отведенном арестованному священнику Томасу Блюету, состоялась беседа нескольких клириков с неназванным мирянином-католиком. Предметом обсуждения были способы оказать давление на нового монарха с тем, чтобы он даровал английским католикам свободу исповедать свою веру и политические права. Присутствовавшие сошлись на том, что таким средством стало бы объединение всех дворян-католиков под руководством одного лидера-аристократа. На роль последнего выдвигались графы Вустер или Нор-

³³ Ibid. P. 64.

³⁴ Цит. по. *Questie.r* 2006. P. 264-265. Октава - отдание праздника – особая литургия, посвященная празднику и служащая через неделю после него.

тумберленд. Кандидатура виконта Монтегю рассматривалась и была отклонена, несмотря на то, что участники беседы отметили его рвение в деле католичества, а также и известность в стране. Но молодой виконт «не был обучен военному делу, и славится лишь ученостью»³⁵, поэтому он вряд ли мог приемлемым лидером, в отличие от Нортгумберленда, воевавшего в Нидерландах в 1580-х годах, и Вустера – королевского конюшего и члена Тайного Совета.

Таким образом, образ лидера католического сообщества – знатного аристократа, стоически претерпевающего гонения за веру, имел существенный недостаток. В нем не хватало «политической компоненты» – служения стране и государю, военного и управленческого опыта, которые всегда подчеркивал дед виконта. Заявка на лидерство, окрашенная исключительно в тона благочестия и мученичества, вряд ли могла в самом деле сделать Монтегю неформальным главой английского католического дворянства, однако она была незаменимой для полемистов из числа духовенства. Образ виконта становился аргументом во фракционных спорах; представлявшие его клирики конструировали «идеального патрона», знатного, безупречно лояльного и столь же безупречно верного Риму, и при этом оказывавшего поддержку определенной группе внутри духовенства. Сам виконт, похоже, поддался этому внушению. Его парламентская речь 1604 г., в которой он практически присвоил себе право говорить от имени католического сообщества, свидетельствовала именно о таком лидерстве³⁶. Она была своего рода примеркой на себя той роли, которую группировавшиеся вокруг Монтегю клирики фактически навязывали ему; а молодой виконт явно поддавался внушению своих капелланов в куда большей степени, нежели его дед.

Отклик на речь виконта показывает, в каком качестве его воспринимали единоверцы. В письме сэру Томасу Чэлонеру (воспитателю принца Генри) сообщалось следующее: «Наши изменники-паписты немало сожалеют об аресте лорда Монтегю. Они утверждают: он достоин того, чтобы молиться за него конца мира, и его нужно внести в поминальный свиток, потому что он заявил – как они говорят: мои честь, земли и жизнь мне дороги, но моя душа – дороже, и я никогда не подчинюсь этому биллю (произнес он), подразумевающему, что за жен-паписток нужно будет платить штраф так же, как и за мужей»³⁷.

³⁵ National Archives, PRO, SP 14/1/7. F. 18-19.

³⁶ О речи второго виконта Монтегю см.: Серегина 2008а. С. 342-372. В статье приводится транскрипция и комментированный перевод этой речи.

³⁷ National Archives, PRO, SP 14/8/83. F. 167r: 'my Lord Montagues commytment yt is muche lamented amonge our trrayterous papists whoe affirme that he is worthye to be

Из приведенного письма явствует, во-первых, что недовольство дворян-католиков вызвало подтверждение Яковом I в 1604 г. предписания мужьям платить штрафы за жен-рекузантов (впервые введенное статутом 1593 г.). Во-вторых, виконт здесь воспринимается как образец благочестия и несгибаемой стойкости перед лицом преследований – то есть, на него проецируются желаемые, идеальные качества – но не как реальный политический лидер гонимой общины.

Можно предположить, что записи речи виконта циркулировали в католической среде. На данный момент известна лишь одна, включенная в подготовленный в первые годы XVII столетия рукописный сборник. Два тома *in folio* представляют собой своего рода «католическую энциклопедию», или пособие по полемическому богословию. Ее разделы, организованные в алфавитном порядке, посвящены богословским вопросам, вызывавшим ожесточенные споры католиков и протестантов (например, «месса», «святые» и т.п.). Материал каждого раздела выстроен по одной формуле: сначала следуют цитаты из Библии, затем – ссылки на постановления соборов, и в конце – цитаты из трудов св. Отцов и авторитетных богословов, в том числе и авторов XVI – начала XVII вв. Сборник был составлен в 1604–1609 гг. сэром Томасом Трешэмом и католическим священником Филиппом Вудвордом и предназначен для дочери сэра Томаса, Мэри Бранденелл³⁸.

Семья Монтегю упоминается в сборнике несколько раз (во 2-м томе). Во-первых, в разделе о преследованиях составитель проследил историю гонений на христиан, завершив ее преследованиями католиков при Елизавете и в начале царствования Якова I, тем самым уподобив последних первым³⁹. Список подвергшихся преследованиям католиков выстроен таким образом, чтобы охватить все католическое сообщество. Он выстроен по сословиям: в нем присутствуют епископы, священники⁴⁰, монарх (Мария Стюарт), титулованные аристократы, рыцари и

prayed fo to the worldes end and that he shalbe enrolled for yt; I meane the spec he used as they saym viz: my honor, landes and lyfe are deere but my sowle deerer and I will never yeldde to this bill (quothe he) meaning againstes papists to be payde for by a penal statute aswell as the husbände³⁸.

³⁸ Вплоть до 1968 г. рукопись принадлежала семейству Бранденелл из Норхемптоншира, потомкам известного католического рода, а потом была продана на аукционе Сотби и теперь хранится в Бодлеянской библиотеке Оксфорда (MS Engl. Th. B. 1–2). См. *O'Leary*. 1968. P. 79. О датировке и авторстве сборника: *Серегина*. 2012. С. 51–63.

³⁹ Bodleian Library, MS Engl.Th.b2. F.375-426.

⁴⁰ Ibid. F. 395-400; 401-402.

эсквайры⁴¹; последними идут женщины-дворянки⁴². В списке присутствуют почти все аристократы, пострадавшие за веру: умерший в Тауэре в 1595 г. граф Эрендел, изгнанник граф Уэстморленд, подвергавшиеся арестам граф Саутхэмптон и Десмонд, виконт Монтегю, лорд Вокс и др. За его пределами остался лишь казненный как изменник в 1572 г. граф Нортумберленд (лидер Северного восстания 1569 года). А в числе рыцарей и эсквайров немало общих родственников Монтегю, лорда Вокса и сэра Томаса Трешэма – лорд Эренделл, Уильям Кейтсби, Александр Калперер, Уильям Роупер, Фрэнсис, Джордж и Генри Брауны, Фрэнсис Инглфилд, Томас Фицгерберт, Роберт Тайритт и др.

Таким образом, мы видим, что составители сборника стремились прославить семью Трешэмов и их родственников в качестве «столпов», духовных лидеров английского католического сообщества – мучеников за веру и богословов. Именно в последнем качестве Монтегю – дед и внук – представлены в одном из заключительных разделов (of things contingent)⁴³. В нем сведены речи, проповеди и отрывки текстов, нацеленных против протестантов. В раздел включены речи сэра Томаса Трешэма и лорда Вокса, арестованных в 1580 г. по подозрению в укрывательстве иезуита Кэмпiona и принужденных защищать свою веру и практику *gesusansy* от протестантских проповедников⁴⁴, и другие сочинения Трешэма. За ними следуют речи обоих виконтов Монтегю⁴⁵, затем речь аббата Фекенхэма (произнесена в палате лордов в 1559 г.)⁴⁶, а за ними – подборка из полемических сочинений Стивена Гарднера, епископа Винчестерского и другие документы⁴⁷.

Из контекста, в который включены речи виконтов Монтегю, явствует, что оба они в данном случае воспринимались лишь в качестве символов, «идеальных образов» благочестивых католиков, стойчески встречавших несправедливые гонения, а отнюдь не в качестве государственных деятелей и/или политических лидеров английских католиков, причем имидж старшего виконта был здесь переосмыслен; он не соответствовал параметрам того образа, который пытался создать он сам, но отвечал потребностям полемистов.

⁴¹ Ibid. F.403-404; 404, 405-408.

⁴² Ibid. F. 413.

⁴³ Ibid. F.821-898.

⁴⁴ Ibid. F. 822-839.

⁴⁵ Ibid. F.840-843, 845-847.

⁴⁶ Ibid. F.851-853.

⁴⁷ Ibid. F. 860-878

Превращение образа второго виконта Монтегю в аргумент внутриконфессиональной полемики обусловило частоту его появления на страницах полуофициальной корреспонденции английского католического духовенства. Оно постоянно присутствовало в переписке архипресвитеров – Джорджа Биркхеда и его преемников – с представителями английских секулярных священников в Риме, символизируя поддержку католического дворянства планам по воссозданию в Англии епископата, особенно в 1610–1611 гг. и в начале 1620-х гг.)⁴⁸. Примерно тогда же – в 1610 г. – Ричард Смит использовал имя Монтегю в своей кампании в Риме, издав латинскую биографию леди Монтегю⁴⁹. А участие самого виконта в кампании назначения епископа вкупе с его принципиальным отказом принести присягу на верность королю (в редакции 1606г.) вновь привлекало к нему внимание единомышленников.

Католические авторы посвящали виконту и членам его семьи свои труды, причем из посвящений явствует, что они рассматривали его как «идеальный образ» католика-страдальца за веру. Соответственно, и посвящаемые им тексты носили, в основном, характер наставлений, а другие (наряду с Монтегю) адресаты посвящений указывали на то, что они предназначались «столпам благочестия» английского католического сообщества и покровителям единомышленников, способных защитить членов своей свиты и оказать финансовую помощь католическим общинам на континенте. Так, в 1604 г. эмигрировавший в Дуэ печатник и книготорговец Джон Хейэм (1568–1632)⁵⁰ составил сборник наставительных текстов (посвященных подготовке христианина к исповеди, мессе и принятию причастия, молитве, добродетельной жизни и духовному созерцанию), переведя с испанского и итальянского отрывки из сочинений богословов XVI столетия (в частности, Карло Борromeо)⁵¹. В 1610 г. Хейэм переиздал свой труд, расширив его – добавив к нему перевод трактата о христианской жизни Луиса де Гранады и переработку «Псалтири Иисуса» (наставительного труда монаха-картузианца из Сиона Ричарда Уитфорда, ум. 1542)⁵². Именно это издание и было посвящено

⁴⁸ The Newsletters. 1998. P. 41, 43, 59-61, 77, 88, 93, 109, 113, 131, 143, 144, 193, 282; Stuart Dynastic Policy. P. 143, 144, 191, 225, 303.

⁴⁹ Smith. 1609.

⁵⁰ О Хейэме см.: Allison. 1957-1958. P.226-242.

⁵¹ Six Spiritual books. 1604. Тимоти Мак Канн ошибочно полагал, что первое издание сборника было напечатано самим Хейэмом и посвящено Монтегю (McCann. 1989. P. 404). Первое издание было отпечатано в типографии Пьера Оруа. См.: Allison & Rogers. 1994. Vol. II. P. 84. No. 425.

⁵² Six Spiritual books. 1611. Allison & Rogers. 1994. Vol. II. P. 85. No. 426, 427, 428.

виконту Монтегю (тогда как первое было адресовано всем преследуемым католикам). Среди других адресатов были дамы – основательницы и аббатисы английских монастырей на континенте – Джоан Беркли (1555–1616) и (в переиздании 1618 года) Мэри Перси (1570–1642), первые настоятельницы бенедиктинской обители в Брюсселе, к которой присоединись родственницы виконта (Эренделлы из Уардура)⁵³, а также Мэри Гуч, аббатиса конвента клариссинок из Гравелина⁵⁴.

Сочинения сходных жанров посвящались и другим представителям семейства Монтегю и их родственникам⁵⁵. Третьему виконту, Фрэнсису Брауну, был посвящен изданный в 1635 г. перевод с итальянского парафраза семи покаянных псалмов (принадлежавшего перу Пьерто Аретино, 1534 г.⁵⁶) Генри Хокинса⁵⁷. Еще целый ряд текстов был посвящен родственницам Монтегю – сестре второго виконта Джейн, леди Инглфилд⁵⁸, его дочери Мэри, леди Питер⁵⁹ и леди Эренделл (урожденной Энн Филипсон)⁶⁰.

Такое количество посвящений указывало на восприятие Монтегю в качестве патронов католического духовенства. Порой посвящения отражали и благодарность за оказанные благодеяния. Так, изданный в 1616 г. «Толковый словарь» английского языка сассекского рекузанта Джона Буллакера⁶¹ был посвящен Джейн (Сэквил), виконтессе Монтегю в благодарность за прошлые благодеяния (предположительно, за защиту от преследований в Сассексе, а возможно, и за помощь в финансировании его занятий медициной в университете Кана)⁶².

Еще одно посвящение выпадает из общего ряда. Оно было обращено ко второму виконту не единоверцем, а сассекским священником-протестантом, богословом и автором популярного бестиария Эдвардом Топселлом⁶³. Его наставительное сочинение «Домовладелец, или совершенный человек» (1610) было адресовано сассекским дворянам – Ричар-

⁵³ *Neville*. 1909. P. 1-72.

⁵⁴ *Registers* 1914. 25-P. 173.

⁵⁵ О посвящениях см.: *Серегина*. 2010б. С. 22-44, особ. С. 38-41.

⁵⁶ См.: *Boillet*. 2007. P. 227-277.

⁵⁷ *Aretino*. 1635. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 79. No. 397.

⁵⁸ *Mathieu*. 1633. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 81. No. 405.

⁵⁹ *de Molina*. 1623. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 63. No. 307.

⁶⁰ *Drexelius*. 1630; *Binet*. 1632; *Canus*. 1632. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 81. No. 408.5; P. 77. No. 390; P. 127. No. 643.

⁶¹ *Bullaker*. 1616.

⁶² *McCann*. 1971. P.75-86.

⁶³ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/27557>

ду Сэквилу, графу Дорсету, виконту Монтегю, Сэпмсону Леннарду и Ричарду Бланту. Трое из адресатов – Дорсет, Леннард и Блант – в разные моменты были патронами Топселла, предоставлявшими в его распоряжение принадлежавшие им приходы⁶⁴. Присутствие в списке виконта Монтегю объяснить труднее. Будучи влиятельным землевладельцем, виконт, конечно, имел право распоряжаться целой группой приходов. Но Топселл не имел никакого отношения ни к одному из них; таким образом, Монтегю не был его патроном в прямом смысле, хотя он мог искать потенциального покровителя, как считает исследовавший посвящение Тимоти МакКанн⁶⁵. Однако анализ текста посвящения позволяет усмотреть и другую возможную мотивацию автора, а именно, попытку Топселла если не обратить виконта – благочестивого, но заблуждающегося христианина – в истинную веру, то хотя бы вернуть его к практике «церковного папизма», которой придерживался его дед и, по всей видимости, и жена (особенно в периоды конфликта с правительством, какими и были для семьи Монтегю 1610–1611 гг.). Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют и сожаления о том, что «христианский труд таких рук будет утерян и не получит вознаграждения из-за отсутствия истинной любви, или любви к истине»⁶⁶, и молитва Топселла о том, чтобы «эта благородная леди [жена виконта] не изменяла своей религии»⁶⁷. Виконтесса Монтегю была обращенной католичкой, однако она, по всей видимости, являлась «церковной паписткой», то есть, присутствовала на протестантских службах в приходской церкви, как предписывал закон страны; поэтому Топселл формально мог записать ее в свои единоверцы. И, наконец, в посвящении проводилась четкая параллель с первым виконтом: «Вы рождены в величии и благородстве и происходите от деда, во всем похожего на вас, справедливого, умеренного, мудрого, щедрого, доброжелательного и благоразумного, любившего свою страну, но не ее религию»⁶⁸.

В этом образе уподобление внука и деда перевернуто – по сравнению с католическими интерпретациями. В последних оба рассматриваются как идеальные, бескомпромиссные католики, тогда как у Топселла, как и в других протестантских текстах, внук сравнивается с дедом –

⁶⁴ *McCann* 1989. P.403-405.

⁶⁵ *Ibid.* P.405.

⁶⁶ *Topsell* 1610. Dedication (unpaginated): 'the Christian worke of such a hande, be lost and unrewarded, for the want of true love, or the love of truth'.

⁶⁷ *Ibid.*: 'nor that Noble Lady change her religion'.

⁶⁸ *Ibid.*: 'You are great and nobly born descended of a Grand-father, in all things like yourself, iust, temperat, wise, liberal, merciful and provident, a louer of his country, but not of his Countries religion'.

благородным аристократом, служившим своей стране, несмотря на конфессиональные противоречия. Эти два образа – католический герой и католик-лоялист – воспроизводились на протяжении столетий. Протестанты и католики, стремившиеся так или иначе наладить отношения с правительством, склонны были использовать второй из них. А первый переключался на страницы многочисленных исторических сочинений, посвященных католикам-рекузантам, и стал одной из составляющих мифа о героическом прошлом английского католицизма.

Монтегю – и дед, и внук, таким образом, включены в «канон» католических героев и мучеников, представляющих собой образец поведения для дворян-католиков, а их реальная политическая роль не представляла для потомков и родственников большого интереса. Впрочем, такое истолкование деятельности виконтов Монтегю было характерно для одной группы внутри католического сообщества – для бескомпромиссных католиков-рекузантов, отказывавшихся идти на компромисс с правительством и, соответственно, лишенных возможности участвовать в управлении страной. Именно к их числу относились Трэшемы, да и сами Монтегю в начале XVII века. Для них та роль, которую они «навязали» *post factum* Монтегю – стоически претерпевать гонения – оказывалась единственной доступной «мужской» ролью⁶⁹.

В свою очередь, складывание «канона» католических героев, которые пассивно претерпевали гонения, способствовало формированию исторической памяти английского католического сообщества, в которой доминировал именно такой идеальный образ – мученика, а не активного борца с режимом. Этот «канон» воспринимался последующими поколениями католиков, которые подчеркивали лояльность и пассивное мученичество своих предков из собственных соображений – например, чтобы противопоставить лояльность католиков мятежности протестантов в эпоху Реставрации, или чтобы добиться возвращения им политических прав в конце XVIII – начале XIX в. И именно этому канону историки, начиная от антикваров-католиков и заканчивая исследователями XX столетия, обязаны смещением своего исследовательского фокуса в сторону «героев» – рекузантов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Bodleian Library (Oxford), MS Engl.Th.b2. F.375-426.

British Library (London), Add. MS 36529. F.70.

National Archives (Richmond, London), PRO, SP 14/1/7. F.18-19.

⁶⁹ См. Серегина 2010а. С. 119-139.

- National Archives (Richmond, London), PRO, SP 14/8/83. F.167.
- Aretino P.* A Paraphrase upon the 7 Penitential Psalmes, transl. by H. Hawkins. Doway, 1635.
- Binet E.* The Admirable Life of S. Aldegond, transl. by H. Hawkins. S.Omer, 1632.
- Bullaker J.* The English Expositor. L., 1616.
- Camus J.P.* A Draught of Eternitie, transl. by M. Pinckney. Doway, 1632.
- The Conspiracie of Catilline ..., translated bi Thomas Paynell. L., 1557.
- The Copie of a Letter Sent out of England to Don Bernardin Mendoza, Ambassadour in France for the King of Spaine, declaring the state of England... Found in the chamber of one Richard Leigh. L., 1588.
- Copley A.* A Fig for Fortune [L., 1596] // Publications of the Spencer Society. Vol. 35. Manchester, 1883.
- Drexelius H.* The Angel-Guardian's Clock, transl. by Sir Thomas Hawkins. Rouen, 1630.
- Harington J.* A New Discourse of a Stale Subject, Called the Metamorphosis of Ajax / Ed. by E.S. Donno. L., 1962.
- Gainsford T.* Vox Spiritus, or Sir Walter Rawleighs Ghost [1620] Facsimile edition. Exeter, 1983. *Lewkenor L.* The Commonwealth and Government of Venice. L., 1599.
- Lewkenor L.* A Discours of the Usage of the English Fugitives by the Spaniard. L., 1595.
- Matthieu P.* The History of S. Elizabeth, transl. by Sir Thomas Hawkins. Bruxelles, 1633.
- de Molina A.* A Treatise of the Holy Sacrifice of the Masse, transl. by J. Floyd. S.Omer, 1623.
- Neville A.* English Benedictine nuns in Flanders, 1598-1687 // Catholic Record Society. Vol. 6. 1909. P. 1-72.
- The Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Vol.12. Cambridge, 1998.
- Registers of the English Poor Clare Nuns at Gravelines, 1608-1837 // Catholic Record Society. Vol. 14. 1914. P. 25-173.
- Six Spiritual bookes Ful of Marvelous Pietie and Devotion. Doway, 1604.
- Six Spiritual bookes Ful of Marvelous Pietie and Devotion. Doway, 1611.
- Smith R.* Vita... Dominae Magdalenaë Montis-Acuti in Anglia Vice-Comitissâ. Apud J. Mascardum. Romæ, 1609.
- Stuart Dynastic Policy and Religious Politics, 1621–1625 / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Vol. 34. Cambridge, 2009.
- Topsell E.* The House-Holder: or, Perfect Man. Preached in three Sermons. L., 1610.
- Watson W.* A Decacordon of Ten Quodlibeticall Questions. L., 1602.

Литература

- Adams S.L.* Captain Thomas Gainsford, the 'vox spiritus' and the vox populi // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol.49. 1976. P. 141-144.
- Allison A.F., Rogers D.M.* The Contemporary Printed Literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640. 2 Vols. Aldershot, 1994.
- Allison A.F.* John Heigham of S.Omer (c. 1568-c. 1632) // Recusant History. Vol. 4. 1957-1958. P. 226-242.
- Boillet E.* L'Arétin et la Bible. Genève, 2007.
- Briez Monta S.* Martyrdom and Literature in Early Modern England. Cambridge, 2005.
- The House of Commons, 1558–1603 / Ed. by P.W. Hasler. 3 Vols. L., 1982.
- Killroy G.* Edmund Campion: Memory and Transcription. Aldershot, 2005.
- Kirkwood A.E. M.* Richard Field, Printer, 1589–1624 // The Library. Vol. 12. 1931. P. 1-35.

- Knapp J.* An Empire Nowhere: England, America and Literature from 'Utopia' to 'The Tempest'. Berkeley, 1992.
- McCann T.J.* The Catholic Recusancy of Dr. John Bullaker of Chichester, 1574–1627 // *Recusant History*. Vol. 11. 1971. P. 75–86.
- McCann T.* "The Known Style of a Dedication Is Flattery": Anthony Browne, 2nd. Viscount Montagu of Cowdray and His Sussex Flatterers // *Recusant History*. Vol. 19. 1989. P.396–410.
- Norbrook D.* Poetry and Politics in the English Renaissance. 2nd edition. L., 2002.
- O'Leary J.G.* A Recusant Manuscript of Great Importance // *Essex Recusant*. Vol. 10. 1968. P. 79.
- Peltonen M.* Classical Humanism and Republicanism in English Political Thought, 1570–1640. Cambridge, 1995.
- Pollen J.* Who Wrote the 'Letter to Mendoza' of 1588? // *The Month*. Vol.117. 1911. P. 300–304.
- Questier M.C.* Loyal to a Fault: Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself // *Historical Research*. Vol. 77. 2004. P. 225–253.
- Questier M.C.* Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550–1640. Cambridge, 2006.
- Read C.* William Cecil and Elizabethan Politics // *Elizabethan Governments and Society* / Ed. by S.T. Bindoff, J. Hurstfield and C.H. Williams. L., 1961. P. 45–47.
- Shell A.* Catholicism, Controversy, and the English Literary Imagination, 1558–1660. Cambridge, 1999.
- Voss P.* The Catholic Presence in English Renaissance Literature // *The Ben Jonson Journal*. Vol. 7. 2000. P. 1–26.
- Серегина А.Ю.* [а] Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* Вып. 18. М., ИВИ РАН, 2010. С. 119–139.
- Серегина А.Ю.* [а] Католик или политик? Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.) // *Диалог со временем*. 2008. Вып. 25/2. С. 342–372.
- Серегина А.Ю.* «Католическая энциклопедия» начала XVIIв.: формирование исторической памяти английского католического сообщества // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 40. С. 51–63.
- Серегина А.Ю.* [b] Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI – первой половины XVII в. // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 32. С. 22–44.
- Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006.
- Серегина А.Ю.* «С оружием в руках»: английские католики и политическая пропаганда XVI–XVII вв. // *Человек читающий: между реальностью и текстом источника* / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., ИВИ РАН, 2011. С. 257–282.
- Серегина А.Ю.* [b] Фанатики или лоялисты? Английская католическая оппозиция XVI–XVII вв. // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе* / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 195–207.
- Oxford Dictionary of National Biography online <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/4539>.
- Oxford Dictionary of National Biography online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/27557>.

Серегина Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; aseregina73@yandex.ru

Л. Е. МАРГАРЯН

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС У. РОБЕРТСОНА И Э. БЁРКА

Автор предпринимает сравнительный гендерный анализ исторических работ Уильяма Робертсона (1721–1793) и Эдмунда Бёрка (1729–1797). Рассматривается их отношение к «женской власти», а также понимание особой роли леди и «рыцарского» отношения к ней как маркера цивилизованности.

Ключевые слова: У. Робертсон, Э. Бёрк, гендерный дискурс, эпоха Просвещения, европоцентризм, леди, рыцарство, цивилизация и варварство

Изучение гендерного дискурса и представлений о месте женщины в конструктах мыслителей эпохи Просвещения имеет важное значение для понимания рассматриваемой эпохи в целом и ее гендерного кода.

В статье сделана попытка проследить трансформацию гендерного дискурса эпохи в трудах двух выдающихся умов Британского Просвещения, в текстах, отражающих одновременно их мировоззрение и социокультурную ситуацию эпохи.

В историографии немало исследований, посвященных историческим трудам британских просветителей, однако в большинстве таких публикаций гендерная тематика либо отсутствует, либо находится на периферии внимания исследователей. То же можно сказать и о современной российской историографии. Исключения составляют работы И.Е. Рудковской о трактовке поздними просветителями роли женщин в политике¹, в которых, в частности, на основе «Истории Шотландии» У. Робертсона рассматривается вопрос о понимании им легитимности женской власти.

В зарубежной британской и американской историографии эта тема тоже недостаточно исследована². Из немногочисленных работ, посвященных аспектам гендерной истории эпохи Просвещения, стоит выделить монографию британского историка Карен О'Брайн «Женщины и Просвещение в Британии XVIII века»³, в которой рассмотрены этапы трансформации взглядов англоязычных писателей на женщин высшего сословия («леди») как влиятельных и пользующихся уважением членов современного им британского социума, а также оценка влияния «леди» как цивилизующего начала. Большой интерес представляет также статья

¹ Рудковская. 2010; 2011.

² О работах по гендерной истории предпросветительской и просветительской эпох в зарубежной историографии см.: *Репина*. 2002; 2007; 2012.

³ *O'Brien*. 2010.

Сперджена Томпсона⁴, посвященная анализу «европоцентризма» Э. Бёрка и его пониманию европейской галантности.

В эпоху Просвещения роль женщины в обществе возросла, что, прежде всего, было обусловлено ростом уровня ее образованности. Многие в этот период стали говорить, что образованность женщины является своего рода критерием развития общества: чтобы быть уважаемой и востребованной, светская дама эпохи Просвещения должна была владеть, как минимум, несколькими языками, музицировать, уметь не только слушать, но и самой вести и направлять беседу, обольщать и пр. Тем не менее, женская власть считалась неприемлемой по отношению, как к мужчинам, так и к обществу в целом. У женщин не было ответственности перед законом, но соответственно не было и прав. За их проступки на политической арене взыскание или даже наказание возлагалось на мужа или отца. Предполагалось, что по тому же принципу должны были строиться взаимоотношения и в королевской семье. Венцом жизненного пути женщины по-прежнему считалось материнство. Статус Матери в обществе эпохи Просвещения был высок как никогда, а утонченная образованность и благовоспитанность женщины, должны были служить, прежде всего, духовному воспитанию ребенка⁵, формированию личности, вписывающейся в контекст Нового времени. Эту идею развивали почти все ведущие мыслители того времени. Однако начиная с XVI столетия женщины-монархи в европейских странах стали обычным явлением. В результате династических пертурбаций, происходивших в эпоху «Великого Перехода» в Западной Европе, женская власть перестала рассматриваться как нечто противоестественное.

«История Шотландии» – первый исторический труд Робертсона и первое крупное произведение по истории Шотландии. Книга вышла в свет в феврале 1759 года и имела такой большой успех среди читателей, что уже в конце того же месяца пришлось начать работу по подготовке второго издания. «История» Робертсона жива и эмоциональна, он не игнорирует переживания своих героев, их скрытые личностные мотивы, и рассматривает в комплексе не только объективные причины, но и субъективные факторы, побуждавшие исторических деятелей совершать те или иные судьбоносные поступки. По образному выражению современников, Робертсон писал «историю сердец», что делало его труды популярными и привлекательными. Одной из причин большого успеха среди читателей стали персонажи главных героинь исторического повествования – Марии

⁴ *Thompson*. 2003.

⁵ *Буланакова*. 2001. С. 462.

Стюарт и Елизаветы Тюдор. По сравнению с ними остальные персонажи выглядят блекло и, по сути, отгеснены на второй план повествования. Жизненные пути этих двух выдающихся королей тесно связаны, и перекрещиваются в пяти из восьми книг «Истории Шотландии»⁶.

Робертсон не отделял женскую сущность Елизаветы Тюдор и Марии Стюарт от их власти, он часто отмечал, что женские слабости имели влияние на поступки Елизаветы. Так, заточение и смертную казнь Марии историк, в числе других причин, объяснял женским «началом» Елизаветы, которая использовала покушение шотландской королевы на свой престол как удобный повод избавиться от соперницы. Сравнивая лидерские качества и политическую прозорливость обеих монархинь, автор отмечал безусловное превосходство Елизаветы. Однако, наряду с этим, он, без обиняков указывал и на ее женские слабости: любовь к пышным нарядам, падкость на лесть, безудержное стремление повсюду демонстрировать свою привлекательность и очарование. С выходом же на политическую арену Марии Стюарт, королева Англии, не терпевшая конкуренции при своем дворе, вдруг почувствовала себя уязвленной. Не только в Британии, но и на материке общим местом стало сравнение и сопоставление двух королей, которое, как правило, было не в пользу Елизаветы. Королева Шотландии превосходила Елизавету утонченными манерами, красотой и элегантностью фигуры⁷.

Разбирая истоки вражды двух королей, Робертсон не обошел стороной объективные причины, послужившие ее зарождению: покушение Марии на английский престол, ее тайные сношения с английскими католиками и монархами враждебных европейских государств. Однако, по его мнению, первопричиной антагонизма между двумя монархинями стало уязвленное женское самолюбие, хотя Елизавета представила дело так, словно она казнит Марию как государственного преступника, посягающего на основы режима и англиканской церкви. В связи с этим Робертсон, с сожалением писал: «... между ней и Елизаветой зародилась зависть, которая горечью наполнила их жизнь и укоротила дни шотландской королевы»⁸. Характерно, что мужчины из ближайшего окружения Елизаветы, видевшие в Марии угрозу Английскому королевству, протестантской вере и своей личной власти, умело использовали слабость Елизаветы, подталкивая ее к крайним мерам. Свои доклады об антигосударственной деятельности Марии они сопровождали пикантными подробностями из

⁶ Подробно об этом см.: Рудковская. 2010. С. 231.

⁷ Robertson. The History of Scotland. Book III. P. 56.

⁸ Ibid. P. 105-106.

ее личной жизни и рассказами, с каким восхищением говорят о королеве Шотландии даже подданные Елизаветы.

Мария, в оценке Робертсона, была самой красивой и привлекательной женщиной века, прекрасно пела и танцевала и умела красиво говорить и двигаться. Описывая внешность, личные достоинства, а также страдания, через которые вынуждена была пройти Мария Стюарт, автор стремился вызвать в сердцах читателей симпатию и сочувствие к шотландской королеве⁹. С той же целью, описывая последние дни и часы жизни обеих монахинь, Робертсон рассказывает о том, что Елизавета умирала как слабая женщина, с болью вспоминая молодого графа Эссекса, в которого она, уже будучи в преклонном возрасте, влюбилась, дав повод для пересудов и кривотолков, а затем, заподозрив миловидного и весьма легкомысленного юношу в «измене», казнила за два года до своей смерти. Мария же, наоборот, вела себя в высшей степени достойно, как истинная королева и любящая мать¹⁰. Автор говорит о ней с очевидной симпатией, рассматривая ее материнство как преимущество по отношению к Елизавете, которая так и не вышла замуж и не завела детей.

Однако, при всем том, описывая человеческие слабости и политические просчеты обеих королев, Робертсон ни разу не поставил под сомнение легитимность их власти, как и женской власти вообще. Будучи сыном своего времени, он вообще отрицал незыблемость монархического строя и святость персоны монарха, считая их пережитком прошлых эпох, поэтому людям, находящимся на престоле, он не предъявлял претензий в несовершенстве.

Робертсон подчеркивал недостатки и правителей-мужчин. Мария Стюарт, благодаря своей женской привлекательности, смогла приобрести большое влияние Франциска II и скоро полностью подчинила мужа своей воле. Единственным соперником на пути достижения полной власти над ним и страной, Мария считала только мать Франциска – Катерину Медичи: «В период правления Франциска, Катерина и Мария соперничали в борьбе за власть над слабым и неопытным королем, но привлекательность жены с легкостью одержала верх над материнским авторитетом...»¹¹.

Робертсон проводит анализ мужской власти, корнями уходящей вглубь тысячелетий. Он рассматривает много случаев, когда представители сильного пола, с легкостью обрета предназначенную им по праву

⁹ Ibid. P. 8.

¹⁰ Robertson. Book VIII. P. 180-182. Подробно см.: Рудковская. 2010. С. 235.

¹¹ Robertson. Book III. P. 102.

власть, вскоре теряли ее, так и не став полноценными монархами. Многим, взошедшим в малолетнем возрасте на престол монархам, так и не удавалось оспорить реальную власть у своих регентов, либо удавалось это сделать с огромным трудом и большим опозданием, как правило, после смерти опекуна. Но гораздо чаще в борьбе за власть принцы проигрывали своим опекунам. Робертсон отмечает интересную закономерность: ни один из шотландских принцев не умер своей смертью¹².

Отношение Робертсона к женской власти как к вполне естественному явлению отразилось в его наиболее знаменитом произведении – «История государственования Карла V». Описывая примирение Карла V и Франциска, он не без иронии отмечал «...две женщины вознамерились дать Европе желаемое ею благо». Тем более что, по мнению историка, выступившие в роли миротворцев Луиза Савойская и Маргарита Австрийская «...владели глубокими познаниями в политическом деле и были хорошо осведомлены о секретах и интригах своих дворцов»¹³.

Робертсон также не раз упоминает королеву Изабеллу и ее совместные с Фердинандом усилия, направленные на расширение полномочий испанских королей на всей территории страны и превращение Испании в абсолютную монархию: «...счастливое супружество Фердинанда и Изабеллы (из которых первый был наследственным Государем Арагона, а вторая заняла Кастильский престол благодаря любви к ней подданных) соединило все короны Испании и утвердило в ней единовластие...»¹⁴. Изабеллу он описывает как мудрую правительницу, любимую народом, уважаемую знатью и царственным супругом. Благодаря прозорливому женскому уму, гибкости и обходительности ей удавалось «смягчать суровость» Фердинанда, тем самым поддерживая мир и спокойствие в своих владениях. Автор подчеркивает, что испанская королева была любящей матерью: «Она была столь же славна добродетелями, сколько и мудростью, и в тройственном звании Королевы, супруги и матери заслуживает высокой похвалы, которыми превозносят ее испанские историки». Робертсон отмечает, что причиной преждевременной кончины королевы были материнские чувства – она так и не смогла пережить потерю старшей дочери и сына. Не меньше страданий ей причиняло несчастье в браке младшей дочери Иоанны, ее неразделенная любовь к мужу и его непри-

¹² Ibid. P. 33-34.

¹³ Робертсон. 1839. Т. I. С. 22-23. (См.: Рудковская. 2010. С. 236-237).

¹⁴ Там же. С. 140.

крытое презрение к ней. «Она начала постепенно изнемогать душой и телом, и протомаясь несколько месяцев скончалась»¹⁵.

Иоанна была слабоумна и неспособна к управлению страной. После смерти супруга ее разум полностью помутился от горя. Она потребовала, чтобы покойного не хоронили, поскольку слышала, что кто-то из королей ожил через 13 лет после смерти¹⁶. Однако примечательно, что кортесы Кастилии и Арагона отказывались официально признавать помешательство королевы и считали претензии на престол ее сына Карла, незаконными: «...испанцы почли намерение Карла не только явным нарушением своих законов, но даже противоестественным посягательством сына на права матери и неуважением к её несчастью»¹⁷. Этому обстоятельству способствовало то, что молодой Карл тогда еще не проявил себя как талантливый политик. Кроме того, он не владел испанским языком и не мог свободно изъясняться со своими поданными, из-за чего говорил мало и старался отвечать на вопросы предельно кратко и лаконично. Несмотря на недовольство и сопротивление многих вельмож, Карл V был объявлен королем, но с условием, что в случае выздоровления матери, он вернет трон королеве.

Симпатии к некоторым женщинам-правительницам и весьма лояльное отношение Робертсона к отдельным проявлениям «женской свободы» отнюдь не случайны и объясняются особенностью эпохи, в которую он жил и творил. Будучи просвещенным и широко мыслящим человеком, Робертсон научился оценивать людей по заслугам, согласно их добродетелям, независимо от других субъективных факторов, таких как пол, социальное положение, статус.

Однако, как справедливо отмечает И.Е. Рудковская, последний труд Робертсона «История Америки» – «это “История” совсем иного рода, где в рубрикации превалируют не имена или титулы, а такие термины, как “открытие”, “прогресс”, “план”, “схема”, “дух”»¹⁸. Здесь женщины представлены как объект власти, не имеющие никакого влияния на политическую и общественную жизнь. Автор лишь вскользь называет имена некоторых из женщин, упомянутых в его предыдущих трудах. Характерно, что полное отстранение женщин от власти и их бесправие в семье Робертсон считал негативным явлением и показателем низкого уровня развитости общества. В IV книге «Истории Америки» он прерывает рассказ об испанском завоевании, чтобы описать образ жизни коренных жителей

¹⁵ Там же. Т. II. С. 5.

¹⁶ Там же. Т. II. С. 14.

¹⁷ Там же. Т. II. С. 29.

¹⁸ Рудковская. 2011. С. 81.

Нового света. Робертсон сравнивает виды собственности, религию, семейные взаимоотношения и гендерные роли у разных племен, и другие вопросы, которые, так или иначе, касались положения женщин в обществе. Он приходит к выводу, что женщины в примитивных сообществах играли незначительную роль и подвергались жестоким репрессиям.

В «Истории Америки» Робертсон дает характеристику не только туземных народов, но и европейских цивилизованных наций. Он представляет эти два мира как полярные и несопоставимые, хотя с его точки зрения примитивный образ жизни индейцев мало отличался от образа жизни европейцев в доисторические времена. Индейское общество виделось ему одновременно и как модель социальной организации на ранних стадиях развития европейской цивилизации, и как ее противоположность. Местные женщины, согласно Робертсону, находились в «жестоким и тяжелом» рабстве у ленивых и жестоких мужей¹⁹, причем он отмечает способствующие этому обстоятельства. Жизнь местных мужчин состояла из кратковременных подъемов активности охотничьей жизни, после которых наступал долгий период безделья. А у женщин распределение труда было таковым, что они фактически оказывались в положении прислуги. Занятие домашней работой в эпоху Просвещения считалось унижительным, тем более, если женщина посвящала ему все свое время. Уважающая себя дама обыкновенно занимала свой день занятиями музыкой, пением, танцами, чтением, посещением салонов, концертов, а домашним трудом занималась прислуга (в просвещенческой литературе почти никогда не обсуждалось социальное положение простолюдинок, их право на образование и досуг). В отличие от просвещенных европейцев, давших женщинам большой простор для развития и досуга, туземцы лишали своих женщин возможности иметь приватное пространство и время, без чего невозможно получить хоть какое-то образование и подняться по социальной лестнице. «Женщина во многих племенах считалась не многим важней, чем лучший предмет, предназначенный для исполнения нужд»²⁰, – писал по этому поводу Робертсон. Физическая слабость женщин делала их беззащитными и беспомощными существами в обществе, где физическое преобладало над умственным, а положение и статус человека определялись материальными благами, добытыми им на войне. В таких сообществах, убежден Робертсон, нормальные взаимоотношения между полами невозможны. Он отрицал популярный подход, согласно которому в первобытном обществе преобладала свободная любовь и неуправляе-

¹⁹ Такой типаж представлен как противоположность современным ему независимым европейским женщинам. *O'Brien*. 2010. P. 101-102.

²⁰ *Robertson*. 1777. P. 321.

мая, почти животная страсть. Наоборот, Робертсон констатирует упадок рождаемости среди туземных женщин, особенно с появлением белых людей, и объясняет это недостаточностью мужской половой силы у индейцев: «Во всех частях Нового света туземцы демонстрировали безразличное и холодное отношение к своим женщинам. Женщины в этом обществе не удостоивались любви и привязанности, как это бывает в цивилизованных странах, и даже не вызывали неприкрытой и сильной страсти, как у отсталых и неотесанных народов... Презрительное и унижительное отношение к женскому полу в любом уголке мира – знак варварства», – заключает Робертсон²¹.

Такие взаимоотношения между полами были неприемлемы для просвещенных европейцев. В литературе и искусстве восхваляется новая форма отношений между мужчиной и женщиной, которую современники называли «*fine amour*», «утонченная любовь»: мужчина, очарованный дамой, должен полностью посвятить себя ей, служить ей верой и правдой. Для «завоевания» своей избранницы он делает вид, что во всем подчиняется ей. Умение истинно любить и красиво ухаживать – вопрос мужского достоинства. Кавалер, не умеющий галантно ухаживать за своей избранницей, поэтично и изящно говорить о своей любви, посвящать стихи своей любимой, мог стать предметом насмешек. Рыцарь должен был быть счастлив, если вознаграждался за свои старания хоть благосклонной улыбкой, подарком в виде платка или перчатки. Возвышенное отношение к недоступной леди поощрялось и было своего рода заменой какого-либо иного отношения к ней. Культ таких отношений восхвалялся в Европе с XII в., оставаясь идеалом и в эпоху Просвещения. Не следует думать, что этот литературный образ прямо воспроизводит жизненную реальность, но нельзя не признать, что он имеет определенную связь с образом жизни людей этой эпохи. Содержание восхваляемой «куртуазной любви» и рыцарского отношения к даме включает как психофизическое состояние влюбленного, так и свод правил и законов, которым «истинный влюбленный» должен следовать (быть щедрым, ни в чем не отказывать своей даме, совершать ради нее подвиги, быть красноречивым, верным и пр.). Куртуазная любовь была знаком престижа в мужском обществе, благодаря чему влияние созданной поэтами модели смогло, со временем, изменить отношения к женщинам в обществе в целом. Однако это касалось лишь леди, и

²¹ Ibid. P. 292, 319.

даже самый утонченный рыцарь мог обращаться с простолодинками, как ему вздумается, не встречая порицания со стороны общества²².

Согласно Робертсону, прямой противоположностью честным, галантным и страстным европейцам, являются туземные мужчины, демонстрирующие презрительное отношение к представительницам прекрасного пола. Своего рода маркером немощности туземцев Робертсон считал редкий волосяной покров и почти безбородость индейских мужчин, делающие их похожими на евнухов или несовершеннолетних. Поставив под сомнение мужскую силу местных мужчин, Робертсон, по сути, ставит под сомнение легитимность их власти, в очередной раз актуализировав их подчинение белым людям. По его мнению, это вполне справедливо, ведь они отличаются от туземцев джентельменским отношением к женщинам и ярко выраженными вторичными половыми признаками, указывающими на их мужественность и высокую креативность.

Половые взаимоотношения отнюдь не случайно стали предметом обсуждения в трудах Робертсона. В эпоху Просвещения половая сила, потенция, имела важное значение для самореализации и самоутверждения мужчины в обществе. Половые взаимоотношения часто становились темой для обсуждения в английском обществе, даже на политическом уровне²³. Немалое значение придавалось удовлетворенности женщины сексуальной жизнью. Осуждались как отдельные мужчины, так и целые сообщества, демонстрировавшие потребительское отношение к женщинам и пренебрежение их чувствами и эмоциями.

Идею о том, что положение и статус женщины – показатель цивилизованности общества, развивали и другие мыслители Просвещения. Особый интерес в этом плане представляют сочинения современника Робертсона Эдмунда Бёрка, чьи гендерные представления столь же характерны для эпохи, как и взгляды Робертсона. По мнению Э. Бёрка, идеальную форму гендерных отношений являет «век рыцарства», «Золотой век», который он оплакивал как ушедший, но не безвозвратно. Поэтому он придавал большое значение возрождению цивилизованных манер «эпохи рыцарства», как обязательному условию для развития и преуспевания страны и народа. Женщина, в его исторической концепции, занимала особое место, поскольку была хранительницей культурного наследия страны. Бёрк подчеркивал важное стабилизирующее значение культурных традиций в современной Европе. Гневно осуждая Французскую революцию и называя ее не иначе, как достойным осуждения безрассудст-

²² Дюби. 1990. С. 94-95.

²³ Муравьева. 2003. С. 119-129.

вом, он объясняет это тем, что любая революция грозит разрушить не только экономику страны, но и – что гораздо хуже – систему цивилизованных манер, которые поддерживают ее. Средневековое рыцарство, писал Бёрк, было веком «великой верности рангу и полу». Он описал рыцарскую эпоху как время гармонии и толерантности между разными классами и полами, как смешанную систему мнений и чувств. Со сменой эпох этот принцип внешне претерпевал изменения, ибо менялись условия человеческой жизни, но его суть оставалась неизменной, и он продолжал существовать столетиями, оказывая влияние на новые поколения людей, вплоть до времени жизни автора. И если этот дух полностью исчезнет, потеря, по мнению Бёрка, будет невозможной. Именно этот дух, стал отличительной чертой современной Европы. Именно он придавал блеск любым формам правления, еще со времен азиатских империй и, может быть, государств античного мира в период их расцвета²⁴.

Стержневой фигурой старой культуры, ее символом была *леди*, а поведение леди – критерием цивилизованных манер. В «Размышлениях» понятия «женщина», «цивилизация» и «европейская самобытность» составляют единый ряд и ассоциируются друг с другом. В 1771 г., выступая в Палате общин по вопросу о праве разведенных женщин снова вступать в брак, Бёрк объявил: «Основой всего порядка, гармоничного спокойствия и даже нашей цивилизации являются две вещи – нерасторжимость брака и свобода женского пола. Этим обусловлено преимущество Европы по отношению к каждой стране в мире»²⁵. Не совсем понятно, что имел в виду Бёрк, говоря о «свободе женского пола». Очевидно, однако, что подразумевалась не сексуальная свобода женщин.

Идея *леди* напоминает современному миру о его культурных традициях. Согласно Бёрку, общество развивается не только по одной модернизационной траектории, оно также содержит внутренние вариации – следы истории, видимые в поведении женщин²⁶. Мужчина должен посвятить себя женщине, хотя бы открыть для нее дверь, поднять упавший платок с сознанием того, что он восстанавливает историческую роль мужчины, его честь. Многие исследователи конца XVIII – начала XIX вв. считают, что рыцарство стало прототипом современной этики²⁷.

Бёрк в «Размышлениях» подчеркивает преимущество Великобритании, как оплота старых традиций и легитимных порядков, противопоставляя ее революционной Франции. Революцию он описывает как сти-

²⁴ Бёрк. 1993.

²⁵ Burke E. Speech on Divorce Bill... P. 357.

²⁶ O'Brien. 2010. P. 111.

²⁷ Ibid. 145-146.

хию, отбросившую французов на ступень варварства. Дегradировавшая в ходе революции Франция оказалась за гранью цивилизованного мира, а именно – Европы. Бёрк рисует фантазмагорические образы, порожденные Французской революцией: кровавые расправы, разъяренные толпы людей, сопровождающие монархов людоеды, женщины-фурии и пр. Необходимо понять все эти образы, расшифровать скрытый смысл ряда понятий. Все эти коннотации – олицетворение варварства, непонятного и неприемлемого для уважающего себя англичанина и европейца. События, освещенные Бёрком, описывают не Францию и французов, а трансформации, которые происходили в стране, нарушая легитимный порядок в ней, погружая великую страну в хаос, заставляя европейцев терять мужское достоинство и свободу.

Бёрк демонстрирует различия между революционной Францией, т.е. варварством, и Англией – оплотом традиционной европейской цивилизации. Подчеркивая легитимность государственного порядка, гражданского самосознания в Британии, он обосновывает право «Владычицы морей» на власть над колониями и даже на вмешательство в дела Европы, особенно в тех случаях, когда кто-либо сбивается с праведного пути.

Как и у Робертсона, в основу многих работ Бёрка положены идеи европоцентризма. Вовлеченность в стратегию европоцентризма определяет жанр и сюжетную канву «Размышлений» и обуславливает их сходство с путевыми заметками²⁸. Для выявления скрытого смысла некоторых понятий в работе Бёрка, С. Томпсон приводит отрывок из путевых заметок Луи Антуана де Бугенвиля, который описывает в своем «Кругосветном плавании» (1772), как его корабль пришвартовался у берега Таити и команда начала обмен с таитянами, меняя сотни зеркал, бисерные ожерелья, железную посуду, платки и т.п. на бананы, свиней, кокосовые орехи, хлеб. Когда французам удалось вызвать доверие местных жителей, те принесли к их кораблю самый привлекательный товар: молодых женщин. «Большинство этих женщин были наги – сопровождающие мужчины и старые женщины раздели их. Было очень трудно удержать на работе четыреста молодых французских моряков, которые не видели женщин в течение шести месяцев». Несмотря на бдительность капитана, пытавшегося удержать экипаж на борту, один моряк, послушавшись приказа, сошел на берег. Это происшествие описано так: «Один одинокий француз, который был моим поваром, найдя способ избежать моего приказа, вскоре вернулся скорее мертвым, чем живым. Едва сойдя на берег, он вместе с красивой женщиной, избранной им, был окружен толпой индейцев, кото-

²⁸ *Thompson*. 2003 P. 245.

рые раздели его с головы до ног». Он подумал, что безнадежно потерян, не знал, замолкнут ли вопли этих людей, которые подробно изучали каждую часть его тела. После внимательного изучения (его тела), они вернули ему одежду, положили в карманы все, что взяли из них, и привели девушку к нему, желая ему удовлетворить те желания, которые привели его на берег к ней. Они вернули беднягу повара на борт, который сказал мне, что я мог бы ему сделать выговор, но, что я никогда не смогу напугать его так, как только что он был напуган на берегу»²⁹.

Эта история, несмотря на легкомысленный тон, несет в себе значительную идеологическую нагрузку. В короткой встрече с чужаками, человек оказался раздет и чувствует себя совершенно бессильным перед лицом окружившей его толпы. Он как бы «сжимается», слабея от беспардонного разглядывания и прощупывания чужаками его тела, изучения каждой его части. Необузданная дикость пугает матроса больше, чем строгий выговор командира, являющегося олицетворением легитимного порядка. Ведь он француз, европеец, посланный в кругосветное путешествие королем Франции. Одежда – символ его культуры и полномочий, то, что отличает его толпы дикарей. «Естественное» желание приобщиться к их «дикой сексуальности» может трансформировать его, превратив из достойного мужчины в варвара. Одежда – это знак четкого разграничения статуса, пола, функций, одним словом одежда – это порядок.

Для Бёрка одежда – не просто ткань: «Все покровы, украшающие жизнь, были жестоко сорваны; навсегда были отброшены все возвышенные идеи, заимствованные из запасов нравственности, которые владели сердцами и были предназначены для сокрытия человеческих недостатков. Они были объявлены смешными, абсурдными и старомодными. При таком взгляде на мир король – всего лишь человек; королева – не более чем женщина; женщина – не более чем животное; а животные не относятся к существам высшего порядка. Уважение, подобающее слабому полу, должно рассматриваться как романтический вздор»³⁰. Поэтому, чтобы десакрализовать королевскую особу, лишить ее ореола величия и уравнять с простолюдниками из толпы, с королевы срывают покровы одежды и покровы власти. Почти обнаженная Мария-Антуанетта превращается в «животное не самого высокого порядка» революционной толпой одичавших людей. Обнажение Марии-Антуанетты – символа старых традиций означает осквернение легитимного порядка в стране, отречение от цивилизованности и от религии. Все события во Франции подобны язы-

²⁹ *Bougainville*. 1772. P. 218-219. Цит. по: *Thompson*. 2003. P. 247.

³⁰ *Burke*. 1790. P. 34.

честву и чужды христианскому духу. Королева же превращается в праведную мученицу, с достоинством терпящую гонения, незаслуженно обрушившиеся на ее голову: «Я слышал, и радовался услышанному, что королева, другой объект триумфа, выдержала этот день (надо сказать, что созданные для страданий умеют страдать) и что она переносит все последующие дни – заточение супруга, собственный плен, изгнание друзей, оскорбительное обращение и весь груз несчастий – со спокойным терпением, с достоинством, подобающим ее рангу и происхождению, как дочь повелительницы, известной своим благочестием и мужеством; говорят, что в ней есть величие римской матроны. Я надеюсь, что до последнего момента она будет выше своих несчастий, и если ей суждено погибнуть, она не погибнет от неблагородной руки...». Достойный мужчина, оказавшись здесь, становится бессильным перед этим потоком невежества, как европеец среди туземцев. «Я слышал, что августейший монарх, который был главным объектом триумфа нашего проповедника, не только много пережил, но был глубоко удручен этим позорным случаем. Как мужчина он, естественно, чувствовал ответственность за супруга и детей, за преданных ему гвардейцев, которых хладнокровно убивали в его присутствии; как монарх он был удивлен странной и пугающей переменой, происшедшей с его подданными, он более беспокоился о них, чем о себе».

Спротивлявшимся происходящему, оставалось лишь одно, покинуть родину. Бёрк описывает беглецов из Франции, как мужчин, сохранивших мужское достоинство и гражданскую добродетель. Он описывает праведный гнев Лалли Толанда, который бежал от непонятного и пугающего хаоса, охватившего его родину и поклялся никогда туда не возвращаться: «...я думаю, что те, кто подобно Вам разделяют мои мысли, меня не осудят. Клянусь Вам, что мое здоровье разрушено; но если даже забыть об этом, я более не в силах выносить тот ужас, который вызвала во мне эта кровь, эти головы, эта почти задушенная королева, этот король, влекомый, как раб, и въехавший в Париж в сопровождении убийц, несущих перед ним головы его несчастных телохранителей. Эти коварные янычары, эти убийцы, эти женщины-каннибалы, этот крик “Всех епископов на фонарь!”». Приведя слова другого эмигранта из Франции, Бёрк заключает: «Мужчина чести и добродетели, талантливый и, следовательно, беглец, беглец из лап дикарей»³¹.

Гендерный образ дикости – метафора женщины, пожирающей мужчину, «женский каннибализм», встречается у многих авторов, особенно

³¹ *Burke* .1790. P. 65.

тех, кто обращался к истории Америки и местных жителей. Сравнение ужасов Революции во Франции с поведением дикарей из Нового света, стало общим местом в трудах многих европейцев того времени. К этой теме обращался и Робертсон в «Истории Америки», с которой хорошо был знаком Бёрк. Так, в V книге Робертсон описывает то, что он называет «военной операцией» коренных американцев. Он пишет об их неорганизованных, хаотичных атаках: они идут в наступление ночью, и всегда надеются поймать своих врагов врасплох, то есть застать их во время сна или еды. «Сначала, когда пленят противника, они добры и уважительны, но позже их ярость проявляется с большей силой... Женщины деревни, вместе с юношами, которые не достигли возраста, чтобы носить оружие, собираются вместе и формируют две линии, через которые заключенные должны пройти. Пленных жестоким образом избивают и бросают в них палки или камни... Заключенных связывают голыми к столбу, но так, чтобы они могли двигаться вокруг него. Все, кто присутствуют – мужчины, женщины и дети, устремляются к ним, как фурии. Применяется любой вид пыток, какой только злоба мести может придумать. Некоторые сжигают их конечности каленым железом, некоторые калечат их тела ножами, другие срывают плоть с костей, вырывают ногти с корнем, терзают и выкручивают их сухожилия. Они соперничают друг с другом в утонченности пыток... Варварские сцены часто сменялись одна другой, не менее шокирующей. Если невозможно, успокоить дух мести, который бушует в самом сердце дикарей, то это часто побуждает американцев пожирать тех несчастных, которые стали жертвами их жестокости»³². Пленные встречают свой конец как пища для племени, пища, которая принимается не ритуально или торжественно (что подразумевалось бы в мужской сфере), но в духе «мести, которая бушует в сердце дикаря», воплощенном в женщинах, которые желали возмездия за гибель родных и близких, убитых иноплеменниками.

Вероятно, этот отрывок из книги Робертсона хорошо знал Бёрк, и это прослеживается в той части текста, где описана трансформация толпы французских революционеров в онодагское племя, а женщин из толпы – в фурий, питающихся пленными. Описывая одичавших женщин, вытворяющих ужасные вещи с пленными, Робертсон подчеркивает разницу с европейцами, ибо это противно их обычаям. Автор сознательно акцентирует участие женщин и детей в этих леденящих кровь истязаниях. Точно так же и Бёрк неоднократно обращается к неистовствам женщин во время революции. Оказывается, что именно женщины больше всего теряют от

³² *Robertson*. 1842. P. 188.

революции «света и разума». Мужчины же теряют мужское достоинство, ведь мужчина, который не защищает женщину, уже человек низкого ранга, недостойный называться европейцем.

На анонимной деревянной гравюре испанского автора изображены южноамериканские женщины с детьми, окружившие большое блюдо, посредине которого находится человеческая голова, а вокруг нее – внутренности. Показательно, что женщины едят человеческий кишечник, самую нечистую часть тела. На другой гравюре – изображение «званого обеда», на котором женщины и дети пьют кровь из миски. Не менее жуткое зрелище – на известной гравюре Андре Тевета (1575 г.). На ней местные мужчины расчлняют тела и бросают их на гриль, а женщина радостно тянет кишечник из обезглавленных трупов убиенных европейцев.

Подобные гравюры, изображающие акт каннибализма женщин в самой искаженной, преувеличенной манере, преподносятся как документальные: они, соседствуют с выполненными в академическом стиле гравюрами, изображающими ранее неведомые флору и фауну открытых европейцами земель. С помощью этих изображений и описаний историки эпохи Просвещения осмысливали происходящее не только за пределами европейской ойкумены, но и в самой Европе.

Однако для Бёрка «антиподом женщин-каннибалов была не Мария-Антуанетта, как ошибочно считают многие критики, а мужчина с общепринятыми ценностями»³³, человек ясного разума и твердой воли. Антиподы революционной толпы – король, эмигранты, сбежавшие из хаоса революции, и англичане. Женщина у Бёрка – представительница «слабого» пола. Столь почитаемая им Мария-Антуанетта не выступает как самостоятельное действующее лицо, наделенное политической волей, а ее деяниям как монархини не дается никакой оценки, и представлена она, скорее, как достойная женщина высокого ранга, нежели правитель. Ее образ несет в себе преимущественно цивилизационную и эмоциональную нагрузку. Королева – украшение Франции, которое должно лелеять и защищать. Этим отличается подход Э. Бёрка от подхода У. Робертсона, который, говоря о женщинах наделенных властью, все же давал их политической деятельности и взглядам, если таковые имелись, какую-то оценку – положительную или отрицательную.

Характерно, что говоря о гибели королевы, Бёрк сокрушается не о ней, а о том, что ее не уберегли. «О, какие перемены! Какое сердце нужно иметь, чтобы без волнения наблюдать такой взлет и такое падение!... Могли я вообразить, что доживу до того времени, когда увижу, как галантная нация, нация людей чести и кавалеров, обрушит на нее такие несчастья! Я думал, что десять тысяч шпаг будут вынуты из ножен, чтобы наказать даже за взгляд, который мог показаться ей оскорбительным. Но век рыцарства прошел. За ним последовал век софистов, экономистов, конторщиков, и слава Европы угасла навсегда. Никогда, никогда больше мы не встретим эту благородную преданность рангу и полу; этого гордого смирения, повиновения, полного достоинства, подчинения сердца, которое в рабстве сохранило восторженный дух свободы. Щедрость, защита слабых, воспитание мужественных чувств и героизма – все разрушено. Они исчезли – эта чувствительность к принципам, строгость чести, которая ощущала пятно, как рану, которая внушала отвагу и в то же время смягчала жестокость, которая оживляла все, к чему прикасалась, и при которой даже порок утрачивал половину зла и грубости»³⁴.

Сравнивая гендерные представления двух видных британских просветителей, можно отметить как сходство, так и различия, обусловленные особенностями мироощущения и авторского стиля. Робертсон развивал просвещенческую идею о том, что все люди рождаются с равными возможностями. Неравенство между людьми – следствие луч-

³³ *Thomphson*. 2003. P. 246.

³⁴ *Бёрк*. 1993.

ших или худших условий жизни, воспитания, образования и целеполагания. Достоинства и пороки правителей, по Робертсону, определяются не полом, а личными качествами. Робертсон, по сравнению, например, с Г. Болингброком³⁵, в своих трудах часто вдавался в подробное описание тонкостей человеческой природы, а также бытовых мелочей.

Что касается Э. Бёрка, то он придерживался более консервативных взглядов на женскую природу и женскую власть. Женщина для него – объект поклонения и восхищения, заботы и опеки, даже важный цивилизующий фактор, но она не может претендовать на равную с мужчиной власть. Самоценность женщины – в том, что она *леди*, и это сугубо европейский феномен, маркер европейской цивилизации, который отличает белых людей, обладающих «рыцарским кодексом», от нецивилизованных дикарей. Представления о роли женщины и мужчины в обществе оказались в текстах избранных авторов тесно связаны с такими базовыми понятиями, как цивилизация, варварство, власть (как официальная и легитимная власть, политическое доминирование, так и неформальные способы достижения своих целей)³⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Robertson W.* The history of Scotland. L.: Cadell and Davies, 1817.
Robertson W. History of America. L., 1777.
Robertson W. The History of the Discovery and Settlement of America. N.Y.: Harper & Bros., 1842.
Bougainville L.A. A Voyage Round the World. London: J. Nourse, 1772.
Burke E. Reflection on the Revolution in France, and the Proceedings of Certain Societies in London Relative to that Event. L., 1790.
Burke E. Speech on Divorce Bill, 29 April, 1771 // The Writing and Speeches of Edmund Burke. Vol. II / Ed. by P. Langford. Oxford, 1981.
Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. Сокр. перевод с англ. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/berk_razm.php
Робертсон В. История государственного императора Карла V. М., 1839.
O' Brien K. Women and Enlightenment in Eighteenth-Century Britain. Cambridge university press, 2010.
Tergue F. Elizabeth I: Queen of England. // Women Writers of the Renaissance and Reformation. Athens, 1987.
Thompson S. Edmund Burke's Reflections on the Revolution in France and the subject of Eurocentrism. (Critical Essay): Irish University Review: a journal of Irish Studies. Vol. 33, No. 2. 2003.

³⁵ Маргарян. 2014.

³⁶ См.: Репина. 2002. С. 86.

- Буланакова М.А.* Представления о материнстве в Стюартовском обществе и повседневный опыт английских аристократок // *Материалы 12-й международной конференции молодых ученых.* 2001. <http://www.sovmu.spbu.ru/main/conf/man-nat-soc/2001/7-3.htm>
- Дюби Д.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // *Одиссей. Человек в истории.* 1990. М., 1990. С. 90-96.
- Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: ИВИ РАН, 2005.
- Маргарян Л.Е.* Гендерный дискурс в трудах Г. Болингброка // *Преподаватель XXI век.* 2014. № 1. (в печати).
- Муравьева М.Г.* Лорд или джентльмен: к эволюции английской маскулинности в раннее новое время. // *Социальная история.* // *Женская и гендерная история,* 2003. М.: РОССПЭН 2003.
- Репина Л.П.* Женщины и мужчины и истории: Новая картина европейского прошлого. М.: РОССПЭН, 2002.
- Репина Л.П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // *Диалог со временем.* 2007. Вып. 19. С. 5-27.
- Репина Л.П.* «Приватное / публичное» и «власть женщин» // *Factorul feminin în istorie / Coord. st. Lilia Zabolotnaia. Chisinău: CEP USM, 2012. P. 27-37.*
- Рудковская И.Е.* Женщины в политике в исторических трудах позднего Просвещения. // *Гендерное образование в подготовке учителя: материалы IV Всероссийской конференции, 16–17 ноября 2010 г. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011.*
- Рудковская И.Е.* Женщины в политике в трактовке В. Робертсона и Н.М. Карамзина. // *Диалог со временем.* 2010. № 31. С. 229-250.
- Маргарян Лусинэ Ервандовна, аспирантка кафедры Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; luyusa-margar@mail.ru*

В. П. БОГДАНОВ

БЛАГОРОДНОЕ СОСЛОВИЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В. ДВОРЯНСКИЕ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье показана эволюция дворянского сословия России в XVIII – начале XX века. Автор на основе произведений русской классической литературы приходит к выводу, что высокое положение дворянства в Российской империи держалось на службе. Перестав быть служилым сословием, дворянство потеряло свои позиции в политической, социальной, экономической и культурной сфере. Приводимый материал позволяет по-новому взглянуть на роль Манифеста о вольности дворянской 1762 г. и отмену крепостного права 1861 г. в истории «увядания» дворянского сословия.

Ключевые слова: дворянство, социальная история, русская классическая литература.

Огромная роль, которую играло дворянство в жизни России XVIII – начале XX в., обуславливает постоянный интерес к истории этого сословия со стороны исследователей. Ещё в XVIII в. были предприняты попытки осмыслить положение «благородного сословия» (Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов и др.). В XIX в. работы носили описательный характер¹; наибольшие успехи были достигнуты в области генеалогии дворянства. В советское время, несмотря на идеологическое неприятие, был выпущен ряд работ, рассматривающих роль дворянства в государственной², экономической³ и культурной⁴ жизни страны. За столетия изучения судеб дворянства в России в научный оборот введён массивный источниковый фонд, от нарративных текстов XV–XVI вв. (летописей, родословцев и др.), до различных делопроизводственных комплексов XIX – начала XX в. Однако (как, впрочем, и для других тем) в оборот практически не введены художественные произведения, хотя привлечение литературы в качестве исторического источника – проблема, поставленная в историографии давно. Ещё В.О. Ключевский рассматривал героев комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» и романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как исторические типы⁵. Поскольку до Октябрьской революции (а в значительной степени даже в советское время) литература совмещала в себе функции и

¹ Яблочков. 1876.

² Соловьев. 1973; Троицкий. 1974; Зайончковский. 1978; и др.

³ Ковальченко, Селунская, Литваков. 1982; и др.

⁴ Лотман. 2002; и др.

⁵ Статья «Евгений Онегин и его предки» была напечатана в журнале «Русская мысль» в 1887 г. (№ 2), статья «Недоросль Фонвизина (опыт исторического объяснения учебной пьесы)» в журнале «Искусство и наука» за 1896 г. (№ 1).

философии, и гуманитарного знания вообще, осуществляла образно-эстетическое отражение действительности и познание её⁶, то в настоящее время она довольно успешно привлекается как источник по истории мировоззрения и идейно-общественной борьбе⁷. Использование литературных произведений в качестве источников по социальной истории ведётся не столь интенсивно. Только яркие литературные образы купечества (положительные и негативные) привлекали историков и публицистов и до революции⁸, и в настоящее время⁹. Другие сословия, в том числе и дворянство, редко становятся объектом исторических исследований; исключение составляет монография Ю.А. Федосюка¹⁰.

Отличие дворянства от других сословий образно определено М.Е. Салтыковым-Щедриним в «Пошехонской старине» (1887–89 гг.):

– Какая главная привилегия дворянина?

– Главная и единственная: не бей меня в рыло. Затем прочие подразумеваются сами собой. [Пошехонская старина. XXVI].

В значительной степени такое положение обеспечивалось «благородством происхождения»¹¹. Представители других сословий в лучшем случае вспоминают своих дедов: герой тургеневских «Отцов и детей» Базаров, хотя и принадлежит к выслужившемуся дворянству, но больше отождествляет себя с крестьянами и говорит, что его *дед* «землю пахал». Дворяне (и русская литература это прекрасно показывает) гордились древностью своего рода. Старый князь Болконский у себя в кабинете держит родословное древо и портрет легендарного предка семьи – потомка Рюрика. Нередко семейные легенды мало правдоподобны. Например, герой повести «Степной король Лир» рассказывает, что: «Наш род от вшеда (он так выговаривал шведа)... Харлуса ведётся, ... в княжение Ивана Васильевича Тёмного... приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом, а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался» [Тургенев И.С. Степной король Лир. 1]. А у героя «Вишневого сада» Семёнова-Пищика род вообще происходил от коня, которого Калигула ввёл в сенат [Черхов А.П. Вишневый сад. III]!

⁶ Зарубина. 2003. С. 101.

⁷ Старыгина. 2003; Никольский, Филимонов. 2008; и др.

⁸ Берлин. 1913.

⁹ Пименов. 2002; Левандовская, Левандовский. 2002; Зарубина. 2003.

¹⁰ Федосюк, 2001.

¹¹ Об этом подробнее см.: Осовская. 1987; Зарубина. 2003. С. 102-103.

В силу своей замкнутости и малочисленности, русское дворянство более чем какая-либо другая категория населения подпадала под определение «сословия»¹². Впрочем, «благородство происхождения» (действительное или вымышленное), замкнутость и малочисленность не делало дворянство однородным.

Во-первых, следует отметить многонациональность русского дворянства. Так в рассказе «Однодворец Овсянников» (1847) И.С. Тургенева упомянут помещик Франц Иванович Лежён – уроженец Орлеана, попавший в Россию в составе наполеоновской армии. Явный сарказм по поводу происхождения некоторых дворянских родов можно увидеть в рассказе «Дикий помещик» (1869) М.Е. Салтыкова-Щедрина: «да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Кучум-Кильдибаев (явный намёк на князей Урусовых, Кучумовых и др. татарские роды – В.Б.), от принципов своих отошёл!» На не совсем российское происхождение указывает и фамилия тургеневского Чертопханова. Особенно много в литературе фигурирует «отзейских немцев», таких как фон Дидериц (переделанный в России в «Дрыдырица» – муж чеховской «дамы с собачкой»), или горьковский Барон из пьесы «На дне». Наиболее полно описанный в литературе образ «отзейского немца» – граф Функендорф, персонаж «Захудалого рода» (1874 г.) Н.С. Лескова.

Во-вторых, довольно чёткая грань (прежде всего в образе жизни) лежит между провинциальным и столичным дворянством. Если в городах дворяне занимаются службой или поглощены «благородной праздностью» (это ещё одна сторона рыцарского этиоса, выделенная М. Оссовской) – недаром салон А.П. Шерер сравнивается с прядильной мастерской, в которой «веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I. Ч. 1. Гл. 3], – то в деревне жизнь течёт спокойно. Современник Шерер, дядя Онегина «лет сорок с **ключницей бранился**, в окно смотрел и мух давил...» [Пушкин А.С. Евгений Онегин. II, 3]. Если дворянская барышня слишком увлекается бурной светской жизнью, то её могут отправить: «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» [Грибоедов А.С. Горе от ума. I, 4]. Русское провинциальное дворянство на рубеже XVIII–XIX вв. даже не всегда было грамотным. В повести Тургенева «Степной король Лир» всячески подчёркивается, что главный герой, помещик Харлов, с трудом читает и пишет¹³, а заявления, что не было Ивана Васильевича Тёмного, а был либо Василий Васильевич Тёмный или Иван Васильевич Грозный, на него не действовали.

¹² Миронов. 1999. Т. 1. С. 82–98.

¹³ Проблема неграмотности дворянства см.: Миронов. 2010. С. 651–652.

Согласно Салтыкову-Щедрину в Пошехоньи в первой половине XIX в. «образовательный уровень помещичьей среды был еще менее высок, нежели материальный. Только один помещик мог похвалиться университетским образованием, да двое... получили довольно сносное домашнее воспитание...» [*Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. XXVI].

Провинциальные дворяне в своём быту нередко смыкаются с крестьянами. Если в XVIII в. деревенские помещики по большей части весьма близки «с своей прислугой и нравами и образованием» [*Аксаков С.Т.* Семейная хроника. III], то и в XIX в. «разница между дворянами и дворовыми так же мала, как между их названиями» [*Герцен А.И.* Былое и думы. I, 2]. При этом традиционный быт провинциального дворянства воспринимался современниками как уходящая черта. Недаром Н.В. Гоголь одну из повестей сборника «Миргород» назвал «*Старосветские (курсив мой – В.Б.) помещики*». Подобный тип существует и во второй половине XIX в. Так, о матери Базарова, потомственной дворянке, И.С. Тургенев пишет, что она «была настоящая русская дворяночка прежнего времени; ей бы следовало жить лет за двести, в старомосковские времена..., была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света...» и т.д. «[Подобные женщины теперь уже переводятся!]» [*Тургенев И. С.* Отцы и дети. 21, конец].

Третье различие – имущественное. Здесь можно вспомнить героев повести А.С. Пушкина «Дубровский», действие которой происходит в 1820-е гг., «старинного русского барина», генерал-аншефа К.П. Троекурова и его друга поручика А.Г. Дубровского. Дубровский так отозвался о псарне Троекурова: «псарня чудная, вряд людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». При этом один из псарей заметил: «Мы на свое житье... благодаря бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». При этом «Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вслед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаля могла отнестися и к ним» [*Пушкин А. С.* Дубровский. I, 1; курсив мой – В.Б.]. Между богатыми и бедными дворянами нередко устанавливаются патерналистские отношения, и бедные соседи явно заискивают перед Троекуровым. «Самые мелкотравчатые» помещики, которые «не успевали сводить концы с концами искали подспорья в том, что перекочевывали с детьми от одних соседей к другим, играя незавидную роль буфонов и приживальцев» [*Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская

старина. XXVI]. Вспомним, что в 1859 г. (когда начинается действие романа «Отцы и дети»), у помещицы Одинцовой проживает дальняя родственница, княжна, владевшая всего одним крепостным. «Для ради важности держат, потому что княжеское отродье», – думал про неё Базаров [Тургенев И.С. Отцы и дети. XVI]. Здесь же можно вспомнить Телегина-Вафлю – персонажа «Дяди Вани» (1896 г.) А.П. Чехова – у чьего дяди Войничские купили имение, в котором он теперь «правая рука» (как называет его Соня) не то на кухне, не то во дворе.

Четвёртое, и самое сильное различие – между потомственными дворянами и дворянами, выслужившимися или получившими его за коммерческую деятельность. Какой-нибудь Акакий Акакиевич Башмачкин Н.В. Гоголя по Табели о рангах, имеющий право на личное дворянство, стоит неизмеримо ниже по социальной лестнице, нежели *значительное лицо*. Инкорпорация «выслужившихся» в дворянское сословие проходила трудно. Герой «Семейной хроники» С.Т. Аксакова, столбовой дворянин С.М. Багров (хотя не состоящий на службе и даже далеко не самый богатый) с явной осторожностью относится к выбору своего сына, собравшегося жениться на дочери выслужившегося чиновника – коллежского советника, товарища наместника губернии Н.С. Зубина. Павел Петрович Кирсанов не воспринимает Базарова как равного себе, хотя отец последнего, полковой врач, имеет право на дворянство по ордену и чину (т.е. сам Базаров дворянин во втором поколении). Семья Приваловых (из «Приваловских миллионов Д.Н. Мамина-Сибиряка»), видимо, получила дворянство за промышленную деятельность на Урале. Однако, в отличие от своих исторических прототипов Демидовых, Строгановых и др., так и не смогла стать «своей» в благородном сословии. Показателем этого может служить тот факт, что отец и сын Приваловы женятся на представительницах «неблагородных» уральских промышленных семей.

Потомственные дворяне, титулованные и нетитулованные, провинциальные и столичные – один большой коллектив родственников, державших в своих руках все сферы жизни российского общества в течение нескольких столетий. Уже давно стала хрестоматийной фраза Фамусова:

Нет! Я перед роднёй, где встретится, ползком;
Сыщу её на дне морском,
При мне служащие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки...
...Как станешь представлять к крестичку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!

[Грибоедов А. С. Горе от ума. I, 4].

Эти строки считаются яркой иллюстрацией семейственности чиновного дворянского мира первой четверти XIX в. Но положение мало изменилось к концу века. Уместно вспомнить связь карьеры Стивы Облонского с тем кругом, в котором он родился и вырос: «Место это [начальника одного из присутственных мест] он получил через мужа сестры Анны, Алексея Александровича Каренина... Половина Москвы и Петербурга была родня и знакомые Степана Аркадьевича. Он родился в среде тех людей, которые были и стали сильными мира сего. Одна треть государственных людей, стариков, были приятелями его отца и знали его в рубашке; другая треть были с ним на «ты», а третья треть были хорошие знакомые; следовательно, раздаватели земных благ в виде мест, аренд, концессий и тому подобного все были ему приятели... Ему бы смешно показалось, если б ему сказали, что он не получит места с тем жалованием, которое ему было нужно...» [*Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Т. I, Ч. 1, гл. 5]. В самом конце столетия семейство Гаевых-Раневских рассчитывает на финансовую помощь своей ярославской тетушки-графини... Провинциальное дворянство, периодически отправлявшее в столицы и крупные города искателей счастья (которые очень часто добивались заметных успехов) рассчитывало, в первую очередь, на родственные связи. В конце 1770-х гг. провинциальный помещик С.М. Багров определил своего сына Алексея в Верхний земской суд в Оренбурге [*Аксаков С.Т.* Семейная хроника. Отр. 3], где он женился и обзавёлся домом. Через тридцать лет, в начале 1820-х гг. герой гончаровской «Обыкновенной истории» Петр Адуев покинул родное имение и вполне успешно обосновался в столице. Его, конечно, донимали надоедливые родственники и знакомые по провинциальной молодости, и он старался избегать общения с ними. Но вот, как и он 17 лет назад, в столицу приезжает его племянник Александр... [*Гончаров И.А.* Обыкновенная история. Ч. I, 2].

Юридически дворянство до 1762 г. – служилое сословие. Причём высшая доблесть – служба военная. Отец Стародума, героя «Недоросли», служил Петру Великому «в военной службе», в те времена, когда «придворные были воины, да воины не были придворные». Когда некий молодой граф, с началом очередной войны стал «искать возможности не идти на неё», он заслужил презрение Стародума [*Фонвизин Д.И.* Недоросль. III, 1]. В середине XVIII в. «дворяне долго служили в солдатском и унтер-офицерском звании, если не проходили их в колыбели и не падали всем на голову из сержантов гвардии в капитаны в армейские полки» [*Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова внука. Отр. 1]. Кстати, это указание С.Т. Аксакова разбивает обыденные представления, что в XVIII в. дворяне служили только офицерами.

Даже после указа о вольности дворянства, как показано в историографии многие представители благородного сословия продолжали оставаться на службе. Если советская историография идею службы низвела до материальных предпосылок¹⁴, то художественная литература показывает принципиально иную мотивацию. Вряд ли служба фонвизинского Милона, героя «Капитанской дочки» Петруши Гринёва мотивировалась жадной властью или необходимостью дополнительного денежного дохода. Просто новое поколение формировалось под влиянием предыдущего, чьё детство и юность пришлось если не на петровское царствование, то на время, когда его идеи ещё были живы. Дворянство по-прежнему считало своим *долгом* хоть какую-то часть жизни отдать службе. Отец Петруши Гринёва записывает своего сына в полк, а не в гвардию: «...пускай *послужит* (выделение наше –Авт.) он в армии..., да понюхает пороху, да будет солдат...» [Пушкин А.С. Капитанская дочка. Гл. 1]. Ровесником Митрофанушки и молодого Гринёва следует считать и отца князя Андрея, генерала Николая Болконского, из «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Провожая сына на войну, он говорит: «...Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне старику, больно будет... А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. I. Ч. 1, гл. 25]. Т.е. он и такие, как он, считали службу первой обязанностью дворянина и ради блага государства готовы были жертвовать собой и тем, что им дорого; отдавали своих детей на службу своей стране и государю.

Но уже через поколение указ 1762 г. привёл к появлению заметной категории не служащих дворян. По замыслу правительства это постановление указывало новое направление службы – хозяйственную деятельность. В 1797 г. (видимо, ещё достаточно молодым человеком) вышел в отставку и герой «Барышни-крестьянки» Пушкина И.П. Берестов, который «выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, устроил доходы...». Бросается в глаза то обстоятельство, что в имении Берестова есть фабрика – перед нами капитализирующийся помещик. Внешне на капиталистический лад устроено хозяйство и его ближайшего соседа Г.И. Муромского, который завёл у себя «английский сад», «поля свои обрабатывал по английской методе». Но, как известно, «на чужой манер хлеб русский не родится». Оба так поглощены хозяйственными заботами, что не видят в службе особой необходимости. Старший Берестов даже удерживает сына, окончившего университет, от поступления на военную службу и тот вынужден стать сельским барином.

¹⁴ Троицкий, 1974. с. 253

На деле указ 1762 года способствовал развитию у дворянства «паразитического» образа жизни. Как иронично показал Фонвизин, некоторые дворяне удивлялись, что «Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?» [Фонвизин Д.И. Недоросль. V, 4]. Примечательно, что вскоре после его введения (в 1765 г.) состоялся процесс над знаменитой «Салтычихой» – Д.Н. Салтыковой, собственноручно замучившей 139 крепостных¹⁵. Впрочем, и саму мадам Простакову за жестокость постигло наказание: имение было передано в опеку.

Уже поколение детей Митрофанушки, Гринёва, старого Болконского не едино в отношении службы. Например, князь Андрей Болконский несмотря на все разочарования, не видит себя вне службы. Он поступает в комитет Сперанского, а до этого занимается хозяйством, видя в этом тоже своего рода служение, и, один из первых, переводит крестьян в «вольные хлебопашцы». Но неслужилых дворян в поколении князя Андрея значительно больше, чем в поколении его отца. Не служит Пьер Безухов; Анатолий Курагин только «числится где-то», что вызывает смех у старого «служаки» князя Николая Болконского. По сути дела не служащие дворяне – все, к кому заезжал в поисках «мертвых душ» Чичиков¹⁶, лишь Манилов был на службе.

В хозяйственном плане поколение помещиков «Мёртвых душ» тоже не однородно. В «дубинноголовая» Коробочка, и «кулак» Собакевич, и даже «прореха на человечестве» Плюшкин, и Костанжогло в той или иной степени заняты хозяйством. Манилов, Ноздрёв, Тентетников – нет. Кстати, над этим поколением, вскоре после войны 1812 г., нависает угроза разорения. Как пишет Н.С. Лесков об этом времени, «помещики средней руки охотно должны и жили не по средствам. Непривычные к расплатам, эти новые аристократы... брали займы, мало думая, или, лучше сказать, совсем не думая, об отдаче» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4]. Отец Онегина (если сам Онегин родился ок. 1795 г., то отец – ок. 1770 г) тоже «земли отдавал в залог»¹⁷. Муромский первым из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский Совет. Начиная заново свою карьеру, Чичиков именно в Опекунском совете узнает о возможности махинации с мёртвыми душами. Кстати, в

¹⁵ Дворянские роды... 1995. С. 213.

¹⁶ В обыденном представлении Гоголь изображает «николаевскую Россию». Но в тексте есть постоянные упоминания, что действие происходит «вскоре после изгнания французов», а самого героя некоторые принимают за сбежавшего с о. Св. Елены Наполеона, умершего в 1821 г.

¹⁷ О внутренней хронологии романа см.: Лотман. 2003. С. 481-484.

конце 1810-х гг. появляется значительная категория дворян, которые превращаются в «рыцарей наживы» (и это не только гоголевский Чичиков)... Уже это поколение дворян столкнулось с «диффузией сословий»: «обеднявшие дворяне шли в приказные; состоятельные приказные опять поднимались в дворяне: богатые сыновья прасолов и откупщиков ездили куролесить в Грузию, где дебоширили во всю ширину русской природы и вывозили себе оттуда ассессорство, дававшее право на дворянство. Российское дворянство в одно и то же время и росло, и цвело, собиралось колоситься, и... уже вяло» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4].

Из представителей этого поколения наиболее занят «благородной праздностью», живёт насыщенной духовной жизнью Пьер Безухов. Он говорит князю Андрею: «труд физический для него [для крестьянина] есть такая же необходимость, такое же условие его существования, как для тебя и для меня труд умственный. ...Я ложусь спать в третьем часу... не сплю до утра оттого, что я думаю и не могу не думать, как он не может не пахать, не косить... Как я не перенесу его страшного физического труда, а умру через неделю, так он не перенесет моей физической праздности, он растолстеет и умрет» [Толстой Л.Н. Война и мир. Т. II. Ч. 2, гл. 11]. Недаром Толстой пытается сделать из Пьера прообраз декабриста¹⁸. Из персонажей «Мёртвых душ» только Манилов живёт духовной жизнью, хотя единственная читаемая им книга два года лежит заложенной на 14-й странице. Заключительная глава 1-го тома содержит притчу о дворянине Кифе Мокиевиче, который настолько занят интеллектуальными упражнениями, что даже не занимается воспитанием Мокія Кифовича. А вот и предмет его рассуждений: «Вот, например, зверь, – говорил он, ходя по комнате, – зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица; почему не вылупливается из яйца? ...Совсем не поймешь природы, как побольше в нее углубишься». Как пишет Н.С. Лесков, в это время дворянство «занималось вольтеранизмом, мистицизмом...» [Лесков Н.С. Захудалый род. II, 4]. Увлечение мистицизмом после Отечественной войны 1812 г. (в частности исканиями кружка Татариновой) семьи Луповицких описана в начале романа Мельникова-Печерского [Мельников-Печерский П.И. На горах. III, 1].

Представители этого поколения, ощущая всю неправильность устройства окружающего мира, больше размышляют над ним, чем предлагают конкретные пути решения; все их искания не приводят к каким-

¹⁸ Е.Н. Цимбаева убедительно доказала, что образ Пьера не историчен [Цимбаева, 2005. С. 84-90]. Разделяя мнение исследователя, что Безухов вряд ли мог стать декабристом, считаем вполне вероятным, что образ Пьера вполне отражает духовные искания поколения, родившихся в 1770–1780-х гг.

либо результатам. Думается, в этом и заключается историческая трагедия декабризма.

На смену князю Андрею и Пьеру, гоголевским помещикам и пушкинским Муромскому и Берестову, приходит новое поколение – поколение самих Пушкина и Гоголя, т.е. людей, родившихся в самом конце XVIII – начале XIX в. Это и Евгений Онегин, и вся молодёжь романа, Дубровский, Печорин, Петр Адуев, их более молодые сверстники братья Николай и Павел Петровичи Кирсановы. В этом поколении уже мало тех, кто занят службой. На службе состоит Г.А. Печорин (впрочем, автор ни разу не показывает его «в деле»), да старший Адуев. Онегин, открывший галерею лишних людей, не служит. Дубровский рано выходит в отставку... Из детей генерала, участника войны 1812 г. Кирсанова, в молодости служил только Павел Петрович, но ко времени действия романа, т.е. к 20 мая 1859 года, он уже много лет в отставке. Про Николая Петровича известно, что он окончил университет со званием кандидата, но как сложилась его карьера неизвестно.

Представители данного поколения мало занимаются и хозяйством. Исключение составляет, пожалуй, только старший Адуев, чья хозяйственная деятельность нетипична: продав своё имение [Гончаров И.А. Обыкновенная история. 2], он стал владельцем стеклянного и фарфорового завода на паях с двумя компаньонами, т.е. перед нами тип совершенно капитализировавшегося русского дворянина конца 1830-х годов. Его современники совсем иные. Онегин, получив дядюшкино наследство и заменив «ярем барщины старинной» лёгким оброком (также поступил и пушкинский литератор Белкин), вряд ли заделался рачительным хозяином. Хозяйственной деятельности Дубровского не суждено было сбыться (имение перешло к Троекурову¹⁹). Если Николай Петрович Кирсанов пытается ещё исполнять обязанности «хозяина», предусмотренные Указом о вольности дворянства, то Павел Петрович совершенно отошёл от дел.

Духовная жизнь этого поколения значительно богаче и разнообразнее, чем у их предшественников. Его старший представитель, Чацкий, как известно, ездил за границу «ума искать», Ленский учился в Геттингене. На их долю выпала пора религиозных и философских исканий 1830–1840-х гг. Об увлечении немецкой философией говорит чет-

¹⁹ В основу повести легла история белорусского помещика Островского, доведенного до нищеты богатым соседом; он был выгнан с крестьянами из своего имения, после чего «стал грабить, сначала подьячих, потом и других» [Добин, 1990. С. 113]. Видимо, случаи изгнания бедных дворян из своих имений имели место. Насколько типичным был разбой, литература не показывает. Хотя известен ещё один благородный разбойник –гоголевский капитан Копейкин...

веростишие, приписываемое либо А. Жемчужникову (1821–1908), либо К. Аксакову (1817–1860):

В тарангасе, телеге ли
Еду ночью из Брянска я.
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская.

Это время споров западников и славянофилов. Славянофильские пристрастия русских дворян нередко выглядели комично. Отодворец Овсянников, герой одноимённой повести из «Записок охотника» Тургенева так описывает своего соседа: «Ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, а сапожки обул с оторочкой; рубаху красную надел и кафтан тоже кучерской; бороду отпустил... и лицо такое мудреное, – пьян, не пьян, а и не в своем уме. ...И ведь вот опять что удивления достойно: и кланяется им барин, и смотрит приветливо, – а животы у них от страху так и подводит».

Нельзя не вспомнить и религиозных исканий русского общества этого времени. Духовные поиски приводят Лизу Калитину, героиню тургеневского «Дворянского гнезда», действие которого протекает в начале 1840-х гг., в монастырь. Духовные искания княгини Р. разбила сердце П.П. Кирсанова... Судя по тому, что на перстне со сфинксом, некогда подаренном ей, она изобразила крест и вернула подарок со словами «Крест – вот разгадка», это тоже поиск себя в религии.

О детях Онегина и Печорина ничего не известно. Судя по всему, их и не могло быть. Лишние люди не могут быть обременены счастливыми узами семьи. Впрочем, у Н. П. Кирсанова имеется сын Аркадий, чьего возвращения он ждал в самом начале романа. Судя по всему, он женится и продолжит династию помещиков Кирсановых. У него есть интересный сверстник – толстовский Каренин. Он представитель потомственного чиновничества и не принадлежит к родовитому барству, его отношение к службе вызывает некоторую иронию со стороны общества. Если он всецело поглощён службой и собственной карьерой, то его коллеги из числа родовитых дворян, например, тот же Стива Облонский, к службе относятся достаточно равнодушно. Братья Левины и их единоутробный брат Кознышев тоже не служат. Если «благородная праздность» Кознышева привела к занятию философией и литературой, а Константин Левин занят хозяйством, то третий брат просто прожигает жизнь. Хозяйственная деятельность Облонского более чем неудачна: его на каждом шагу обманывают. Поэтому он решает поправить своё положение поиском более доходного места и уходит «в коммерцию», становясь членом от комиссии соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных

дорог и банковых учреждений, и первым из семьи перестал «служить правительству».

В середине века (а именно на это время падает становление данного поколения) дворянство теряет свою монополию на образование. Закончивший университет Базаров демонстративно называет себя «Евгений Васильев», а не «Евгений Васильевич» (употребление суффикса «вич» – признак знатного происхождения) [Тургенев И.С. Отцы и дети. 2] и говорит, что «мой дед землю пахал» [Отцы и дети. 10]. Тем самым он показывает, что не стремится быть дворянином, а своим поведением и конкретной помощью людям (он врач) демонстрирует, что в историческом смысле он выше любого дворянина. В свою очередь, некоторые потомственные дворяне из этого поколения (в лице, в первую очередь, Левина), стараются отгородиться от представителей других сословий:

– Какой ты, однако, ретроград! А слияние сословий? – сказал Облонский.

– Кому приятно сливаться – на здоровье, а мне противно... [Толстой Л.Н. Анна Каренина. I, 17].

Но историческая участь дворянства уже предрешена: «Мы прочитали Дворянское гнездо и Обломова... Обе эти пьесы – похоронные песни: в одной отпелся известный житейский порядок, в другой – общественный тип. С Лизой Калитиной, уходившей в монастырь, отрекались от мира чувства и отношения известной дворянской среды, жертвой которых пала отшельница, в лице Обломова, кашля и кашля, лез умирать на печку последний наиболее беспомощный питомец и представитель этих прежних чувств и отношений»²⁰.

Следующее поколение – это поколение Паратова из «Бесприданницы» Островского, Палтусов из «Китай-города» Боборькина, Привалова из «Приваловских миллионов» Мамина-Сибиряка, и, видимо, Гаева из «Вишневого сада». Служил из них только Палтусов, который вернулся с русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Все они судорожно пытаются заниматься хозяйством. Гаев, проевший «состояние на леденцах», к этому хронически не склонен: осознавая всю тяжесть своего положения, он придумывает разного рода проекты, которые не торопится претворять в жизнь. Гаев – духовный преемник П.П. Кирсанова: живёт привычками, называет себя «человеком восьмидесятых годов», говорит, что за свои убеждения пострадал «немало в жизни», думает, что понимает мужика, клянётся, что сделает всё, чтобы не допустить продажи имения и... ничего не делает. Палтусов и Паратов, видимо, тоже не

²⁰ Ключевский. 1990. С. 411.

очень успешны. Палтусов оказывается замешан в аферу, а Паратов, видимо, прокутился. «От приваловских миллионов даже дыму не осталось...» [*Мамин-Сибиряк Д.Н.* Приваловские миллионы. V, 18]. От разорения и позора всех троих спасает выгодная женитьба. Палтусов, за которого выходит замуж купчиха Станицына, как бы капитулирует перед предпринимательским сословием. Об избраннице Паратова ничего неизвестно, кроме того, что с ней он берёт в приданое золотые прииски [*Островский А.Н.* Бесприданница. V, 6]. Привалов женится на дочери золотопромышленника (при том старообрядца!) Бахарева... Так что упрёк Гаева в отношении сестры, что она вышла замуж за недворянина [*Чехов А.П.* Вишнёвый сад. I., кон.] к концу XIX в. звучит комично. «Слияние сословий», о котором говорил Стива Облонский, к концу века, при новом поколении ещё более очевидно.

Монополия на образование и научную деятельность дворянами этого поколения утрачена окончательно. Так, дворянин Пирожков, присутствующий на защите диссертации представителем купечества, возмущается: «Магистрант – из купцов... Дворяне, культурные люди, люди расы, с другим содержанием мозга, – и не могут стряхнуть с себя презренной инертности, а тут тятенька торговал рыбой..., а сынок пишет монографию о средневековых ценах, или об учении Гуго Гроция» [*Боборыкин П.Д.* Китай-город. V.13]. Похоже, что только в 1870-х гг. дворянство заметило, что его потеснила в общественной жизни предпринимательская элита.

В начале XX века судьба дворянских гнёзд решена. Так Тихон Ильич Красов, герой бунинской «Деревни», написанной в 1909 г., «доконал» потомка обнищавших Дурново», и «мужики так и ахнули от гордости, когда взял он Дурновское имение: ведь чуть не вся Дурновка состоит из Красовых» [*Бунин И.А.* Деревня. 1, начало]. Своего рода конечная точка деклассирования дворянства – горьковский Барон из пьесы «На Дне»²¹.

Только в образе жизни на рубеже веков дворянство сохранило свои позиции. Дворянский мир притягивал представителей других сословий. Героиня «Китай-города», дочь генерала, представительница обедневшей дворянской семьи, не прикладывая никаких усилий, просто живя и заботясь об окружающих, покорила сердце предпринимателя Рубцова. Лопухин не женится на Варе, потому что любит Раневскую. Он и Петя Трофимов постоянно бывают в усадьбе, потому, что она притягивает и манит их. То же можно сказать и о героях «Гранатового браслета» (1911 г.)

²¹ Примечательно: в 1887 г. в Москве было выявлено 9170 человек в ночлежках, из них оказалось 497 дворян. См.: В Комиссию..., 1887. С. 23.

А.И. Куприна (любовь телеграфиста Желткова к княгине Вере Шеиной²²) или «Анны Снегиной» (1925 г.) Е.А. Есенина (любовь крестьянского сына к молодой помещице). И хотя дворянство уходит с исторической сцены, усадьбы уступают место дачам, мир дворянских гнёзд продолжает волновать сердца даже тех, кто их невольно уничтожает.

Перед нами эволюция дворянского сословия. Общим местом и в публицистике и в историографии стало утверждение, что закат дворянского сословия был вызван процессами активной капитализации русской экономической жизни, начиная со второй половины XVIII в., а с отменой крепостного права в 1861 г. потеря дворянством первенства в общественной и экономической жизни была уже необратима. Мол, дворянство не могло приспособиться к новым условиям капитализирующегося общества и вести хозяйство по-новому. Видимо, эта идея берёт начало ещё с передовых статей М.Н. Каткова, писавшего, что дворянство в пореформенной России перестало «быть в государстве тою громадною силой, какою оно было при крепостном праве»²³. Подхвачена эта идея и в классических работах советских историков²⁴. Произведения литературы подтверждают эти выводы. Например, в романе П.Д. Боборыкина «Китай-город», действие которого происходит в конце 1870-х, описывает потерю социального статуса семьей Долгушиных: «...обеда на двадцать человек, игра, туалеты и мотовство детей, четырнадцать лошадей на конюшне. Все это держалось до эманципации и разом рухнуло... Крестьянский выкуп пошел на долги. Земля осталась кое-какая... и ту продали» [Боборыкин П.Д. Китай-город. III. 6] При этом литературные произведения показывают и другую сторону рассматриваемого процесса. В том же романе Боборыкина показано, что крестьянская реформа предоставляла и значительные выгоды дворянству: «До эмансипации... десятина в моих местах пятьдесят рублей была, а теперь она сто и сто десять. Аренда... вдвое выше... Я ничего не потерял! Ни одного вершка. А доходы больше. Хозяйство я бросил... Зато рента стала вдвое, втрое» [Боборыкин П.Д. Китай-город. III. 19], но лишь немногие смогли ими воспользоваться.

Более того, бросается в глаза тот факт, что большинство дворян уже не вели хозяйство не только по-новому, но и по-старому. Фирс в «Вишнёвом саде» открывает глаза своим господам, что в «прежнее время...

²² Это тем более показательно, что в основу сюжета легла действительная история [Добин, 1990. С. 162-174].

²³ См., например: Катков, 1898. с. 26.

²⁴ См., например: Соловьев, 1973.

вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало... сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было!» [Чехов А.П. Вишневый сад. I]. Теперь рецепт забыт и даже вишнёвые деревья не плодоносят. Хозяйственная деятельность (пусть и основанная на старых источниках дохода) Гаевых-Раневских – дело прошлого. Раневская живёт в Париже, «сорит деньгами», а Гаев «проедает состояние». Дело в инертности, свойственной на рубеже веков этому сословию. Левин рисует безотрадную картину обеднения дворянства в силу каких-то иррациональных причин: «Мне досадно и обидно видеть это со всех сторон совершающееся обеднение дворянства, к которому я принадлежу, и, несмотря на слияние сословий, очень рад, что принадлежу. И обеднение не вследствие роскоши – это бы ничего; прожить по-барски – это дворянское дело, это только дворяне умеют... Барин ничего не делает, мужик работает и вытесняет праздного человека... И я очень рад мужику. Но мне обидно смотреть на это обеднение по какой-то ...невинности». [Толстой Л.Н. Анна Каренина. I, 17]. Недаром, анализируя деятельность земских начальников (выбравшихся, как известно, из дворян), правительство констатировало, что главный «их порок лень и безразличие»²⁵.

В то же время разорившиеся и разоряющиеся дворяне встречаются и в начале XIX в.: отец Онегина, старый граф Ростов, Муромский и т.д. Им на смену приходят гоголевские персонажи (Хлобуев, Петух из второго тома «Мёртвых душ»). Тургенев, описывая в повести «Бригадир», действие которого происходит около 1830 г., пишет, что «разоренные дворяне и в то время не считались редкостью» [Тургенев И.С. Бригадир. 6]. Значит, причину разорения дворянства следует искать не только в развитии капитализма пореформенной России: Великие реформы *ускорили*, но не *предопределили* разорение дворянства. Причины потери дворянством своего экономического положения и, в конечном счёте, уход с общественно-политической сцены, следует искать глубже.

Русские писатели показали, что русскому человеку нужны определённые рамки, диктующие его жизнь. Так, по мнению Пьера Безухова, для крестьянина труд физический – неперемное условие существования. Смягчение его труда приводит к развращению. Пушкин о постепенном разорении автора повестей Белкина пишет: «Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем... Иван Петрович принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостию, на первый год

²⁵ Соловьев, 1973. С. 191

выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие более двух третей obroка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки». Автор называет такую позицию «пагубным нерадением». Гоголевский помещик Тентетников «уменьшил барщину, убавил дни работы на себя, ... и думал, что теперь дела пойдут наиотличнейшим образом». Но вскоре он стал замечать, что «на господской земле всё всходило как-то хуже, чем на мужичьей: сеялось раньше, всходило позже... Ещё трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуясь на тягость барщины. Странное дело! Он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, думая, что бабы оборотят это время на домашнее хозяйство, обошьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было! Праздность, драка, сплетни...» [*Гоголь Н.В. Мертвые души*. Т. II, 1]. Образцовый хозяин Костанжогло прямо связывает упадок имения Хлобуева с тем, что он развратил крестьянина праздностью: «Довёл мужика до какой бедности! ... И мужик изленился, и загулял, и стал пьяница» (*Гоголь Н.В. Мертвые души*. Т. II, 4). Видимо, после того, как служба для благородного сословия перестала быть обязанностью, и инерция старого дворянского кодекса остановилась, дворянство, как и крепостной, слишком изнеженный мягким хозяином, «разленилось». Только служба и сдерживает представителей дворянства от окончательной социальной деградации. Ведь успешные помещики, которые встречаются в русской литературе, – это либо служилые (Адуев старший) или отставные («старый помещик» из «Анны Карениной») дворяне, либо те, кто относится к ведению хозяйства как к службе (Костанжогло, Левин).

Перед нами очевидная взаимосвязь субъективных качеств (праздность конкретных дворян) и объективных процессов (деклассирование дворянского сословия в целом). Изначально дворянство своим экономическим положением было обязано, в первую очередь, службе (связанной нередко с риском жизни, с проявлением воинских доблестей²⁶); перестав же быть служилым сословием, оно лишилось и экономической мощи, и позиций в культурной и политической сфере. Напрашивается каламбур, что их «благородная праздность» сменилась «неблагородной». Художественная литература, в силу своей образности, показывает рассматриваемый процесс лучше других памятников прошлого. Видимо, эту особенность (показывать связь субъективных и объективных факторов) следует считать отличительной чертой литературных произведений как исторических источников.

²⁶ Гуревич, 1990. С. 131

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берлин П.А.* Буржуазия в русской художественной литературе // Новая жизнь, М., 1913. №1.
- В Комиссию о пользах и нуждах Общественных при Московской Городской Думе: доклад председателя комиссии И.Н. Мамонтова по вопросу о передаче в ведение Московского Городского управления дела разбора и призрения нищих в Москве и об организации благотворения в Москве Городским Общественным Управлением. 3 ноября 1887г. М., 1887.
- Гуревич А.Я.* Средневековый купец // Одиссей. 1990.
- Дворянские роды Российской империи. Т. II 1995.
- Добин Е.С.* История девяти сюжетов. М., 1990.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.
- Зарубина Н.Н.* Российский предприниматель в художественной литературе XIX – начала XX вв. // Общественные науки и современность. 2003. № 1.
- Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1881. М., 1898.
- Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990.
- Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.
- Левандовская А.А., Левандовский А.А.* «Тёмное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // ОИ. 2002. № 1.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб., 2002.
- Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб., 2003.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 1999.
- Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России. М., 2010.
- Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М., 2008.
- Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
- Пименов В.В.* Москва в русской литературе XIX в.: этнографические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 4;
- Соловьёв Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. М., 1973.
- Старыгина Н.Н.* Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. М., 2003;
- Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М.: Наука, 1974;
- Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, Наука, 2001.
- Цимбаева Е.Н.* Исторический анализ литературного текста. М., 2005.
- Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

Богданов Владимир Павлович, старший научный сотрудник Лаборатории истории культуры Исторического фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; vpbogdanov@gmail.com

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

С. Ю. КОЗЛОВА

«ЖЕНСКИЙ СЛЕД» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕВОГО БЛОКА В ИТАЛИИ (1946 г.)

В данной статье предпринята попытка раскрыть, как в момент формирования республиканского избирательного права послевоенной Италии вовлекались женщины и какой след они оставили в политической культуре Первой Республики в условиях «несовершенной двухпартийности».

Ключевые слова: *избирательное право, политическая культура, женский электорат, политический образ, левый блок, Италия.*

«Может быть, женщины в большей степени готовы к завоеванию права голоса, чем считает мужчина». (1901 г.)
(Е. Боскетти. «Право голоса женщинам»)

Сегодня, когда женщины стоят во главе государств и возглавляют министерства обороны, мало кому это покажется противоестественным. А учитывая всплеск интереса к политико-культурному подходу в рамках «новой политической истории» и посвящённый ему массив исследовательской литературы, можно считать, что концептуально проблема политической культуры заняла достойное место в иерархии исторического знания¹. О специфике итальянской политической культуры и её главных составляющих в общих чертах уже написано в отечественной литературе². Тем не менее, «фактологическая нива» разработки политико-культурной тематики далеко не исчерпана.

В настоящей статье предпринята попытка дополнить политическую историю Италии конкретным фактом – показать, какую роль сыграли итальянские женщины на заре становления Первой Итальянской республики, когда в процессе утверждения новой политической культуры сталкивались различные идеологии. Автор попыталась выделить в левой политической культуре страны женский компонент. Учитывая особенность страны, в которой тогда сильно были выражены и противостояли друг другу католические и левые политические силы, процесс этот проходил нелегко. Достаточно вспомнить, что женское избирательное право в Ита-

¹ См. об этом, например: *Могильницкий*. 2003; *Репина*. 2004; *Репина*. 2009.

² См., например: *Лисовский, Любин*. 1996; *Политическая культура...* 1994.

лии было законодательно оформлено позднее, чем во многих европейских странах – Финляндии, Норвегии, Дании, Великобритании, Австрии, Германии, Швеции, Португалии, Испании.

Путь итальянок к избирательному праву был долг и тернист. По меткому выражению премьер-министра Италии межвоенного периода Д. Джолитти, включение женщин в электоральную базу можно сравнить с «прыжком в неизвестность»³. Подготовка к этому «прыжку» началась ещё в 1861 г., после провозглашения единого Королевства Италия, и была связана с активным участием женщин в национально-освободительном движении. Прошло более 80 лет, заполненных петициями, отклонёнными законопроектами и инициативами, прежде чем итальянским женщинам было предоставлено право голоса.

В ходе Второй мировой войны произошло крушение прежней системы власти, распад политических институтов и социальной организации итальянского общества. После её окончания «политика как сфера руководства обществом и государством перестала быть исключительно прерогативой привилегированных групп, элит и олигархий и становилась объектом оспаривания и демократической борьбы между различными силами»⁴. В Италии наметились контуры системы «несовершенной двухпартийности», выражавшейся в доминирующей роли католической и коммунистической политических культур.

На левом фланге этой системы находился тандем двух партий – Итальянской коммунистической партии (далее – ИКП) и Итальянской социалистической партии пролетарского единства (далее – ИСППЕ), которые, придерживались пакта о совместных действиях, заключённого в 1937 г. В своей пропаганде они отстаивали позицию о том, что женщины имеют право и обязанность «сознательного участия в рождении болезненной, но радостной итальянской демократии»⁵.

На другом полюсе итальянской политической системы представители Партии христианских демократов (далее – ХДП), в феврале 1946 г. также отмечали, что необходимо бороться с неоправданными предубеждениями, которые «в прошлом препятствовали участию женщины в социальной жизни», а также «расширять участие женщин в политике, конференциях и международных встречах»⁶.

³ La stagione del suffragismo // Italia 1946: le donne al voto / a cura di M. Fugazza, S. Cassamagnaghi. Milano, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insmli.it/publicazioni/35/Voto%20donne%20versione%20def.pdf>

⁴ Лисовский, Любин. 1996. С. 9, 11.

⁵ Sereni. 1946. 8 marzo. P. 1.

⁶ Цит. по: De Gasperi alle donne italiane. 1946. 19 febbraio. P.1.

Политическая активизация самих итальянок в 1946 г. развивалась по двум основным векторам. Первый связан с «формированием» женского электората, второй – с деятельностью на поприще партийной и государственной политики. В этих двух плоскостях и происходило зарождение совершенно новой, женской, политической культуры на фоне появления антифашистских, демократических ценностей и возникновения новых форм политического мышления в целом⁷.

Формирование женской политической культуры Италии (в рамках обозначенных векторов) происходило с учётом пяти основных факторов.

Первым фактором являлось законодательное оформление женского избирательного права. Первоочередной задачей, стоявшей перед руководством страны, было принятие нового избирательного закона. Его разработкой занялась Консультативная ассамблея, временный совещательный орган при правительстве. Новый избирательный закон, утверждённый Советом министров 20 марта 1946 г., предоставил право голоса женщинам и установил возрастной ценз в 21 год. Закон 1946 года стал кульминацией борьбы за получение избирательных прав итальянками и, одновременно, отправной точкой множества процессов, связанных с их политической активизацией. Отправным в этой активизации являлось представление о «политической зрелости» итальянских женщин. Ещё в годы Сопrotивления некоторые подпольные издания ссылались на «политическую зрелость», проявленную женщинами, «зрелость, которая составляла значительную предпосылку для признания законным их полного гражданства»⁸ и предоставления им права голоса как значительной его составляющей. Левые партии подходили к этому вопросу с практических позиций и заговорили о «политической зрелости» женщин лишь после первого тура муниципальных выборов (март-апрель 1946 г.), в ходе которого итальянки эту зрелость «продемонстрировали». В 1944–1945 гг. «право голоса для женщины могло означать немедленное преимущество в ситуации, когда руководству страны могли быть предоставлены обновляющие силы»⁹. С принятием нового избирательного закона такие силы появились, и носителем их выступил именно женский электорат. Включение пункта о женском праве голоса в избирательный закон 1946 г. являлось важным шагом в сторону равноправия полов.

Вторым фактором стала политика «вливания информации» в женские массы, проводившаяся левыми партиями. Коммунисты отмечали:

⁷ Лисовский, Любин. 1996. С. 9.

⁸ Guerra. 2000. P. 170.

⁹ Ingrao. 1956. 4 aprile. P. 1.

«впервые принимая участие в политической жизни, итальянки знали, за кого они должны отдать свои голоса, они знали, каким мужчинам, каким женщинам и каким партиям стоит доверять»¹⁰. «Вливание информации» происходило в трёх основных формах. Накануне выборов в Учредительное собрание (далее – УС), назначенных на 2 июня 1946 года, самой распространённой из этих форм были предвыборные собрания. После первого тура муниципальных выборов в ИКП с удовлетворением отмечали: «в местностях, где наша партия добилась значительных результатов, многие женщины были избраны в коммунальные советы, а некоторые были назначены членами советов городского самоуправления»¹¹.

Процесс вовлечения итальянок в политическую жизнь требовал времени и сил. Новая электоральная группа не имела опыта участия в выборах и до 1946 г. была полностью обособлена от политической жизни. Для воздействия на женщин создавалось особое информационное пространство. На предвыборных собраниях женщины получали необходимую информацию о политических партиях и их программах, информацию по вопросам религии, семьи, морали, труда, преподносимую в упрощённом виде. Основная цель этих собраний – научить женщин голосовать «правильно». Правила работы с женским электоратом, которых придерживался левый блок, были изложены заведующей женским комитетом ЦК ИКП Р. Пиколато в одном из апрельских номеров газеты «Унита». Она отмечала: «женщины приближаются к нам, и мы знаем, что мы приближаемся к ним, говоря просто, позволяя почувствовать крестьянке, рабочей, домохозяйке, учительнице, что мы знаем их нужды». На собраниях выступали в основном женщины, члены ИКП и ИСППЕ, а также женских общественных организаций. Привлечение активных и инициативных итальянок к проведению собраний было заранее продуманным, грамотным ходом. В ИКП отмечали: «мы установили, что большое количество женщин принимает участие в собраниях только из-за выступающих женщин и там, где говорит женщина»¹².

Левые партии не пренебрегали «никакой деятельностью, получавшейся в результате сближения с женщинами». Собрания проходили в переполненных залах, ведь женщины «всегда хотели знать, как объяснить те или иные вещи»¹³. На собраниях докладчики разъясняли женскому электорату необходимость участия в выборах. В назидание их организаторам Р. Пиколато писала: «необходимо будет убедить жен-

¹⁰ Le elezioni si sono svolte nell'ordine e nella calma. 1946. 12 marzo. P. 1.

¹¹ Picolato. 1946. 19 aprile. P. 2.

¹² Picolato. 1946. P. 2.

¹³ Ibidem.

щин, что только если всё население, в том числе и женщины, объединится в реальную демократическую силу, появится уверенность в сохранении мира, восстановлении домов, больниц, школ и появлении рабочих мест для всех: мужчин и женщин, молодых и пожилых». Докладчики приводили «простые и понятные доводы, способные подтолкнуть к целостному восприятию и создать атмосферу единства мнений, атмосферу, в которой женщины понимают выступающего, женщину или мужчину, который гуманно и душевно говорит о них, об их проблемах и не ищет красивых фраз». Создание атмосферы, располагающей к беседе, было не единственной целью левых партий. Основные их силы были направлены на формирование особых доверительных отношений между оратором и аудиторией: «женщины должны чувствовать в выступающей маму, работницу, человеческое существо, которое помнит руины и страдания, спровоцированные фашизмом и войной»¹⁴.

После войны основополагающей для итальянцев стала идея национального единства, а вовлечение женщин в политическую жизнь оценивалось, прежде всего, как значительный шаг в сторону этого единства. Наследие фашистского режима и послевоенная разруха, тяготы и страдания, пережитые итальянками, создавали особую психологическую атмосферу – атмосферу позволявшую найти подход к женщине. Социальные и экономические проблемы, требовавшие немедленного решения, умело использовались политиками в их пропагандистской деятельности: «не говорите абстрактно, а говорите женщинам, что им необходимо делать, упоминая многие общественные несправедливости, которые ещё существуют и заставляют миллионы людей умирать от голода»¹⁵.

Учредители предвыборных собраний выработали целую систему методов работы с женским электоратом и постоянно её совершенствовали. Существенные изменения претерпел основной подход к женскому электорату как однородной массе, распадающейся на социальные или профессиональные группы. На смену ему пришёл дифференцированный подход: «мы должны отличать наш метод работы от пропаганды в женской среде и более не разговаривать с крестьянкой так же, как разговариваем с преподавателем»¹⁶. Проведение собраний предполагало тщательную подготовку докладчиков, выбор темы «на злобу дня». С аудиторией обсуждались те проблемы, преодоление которых способствовало сплочению женщин разных возрастов, профессий, материального достатка.

¹⁴ Цит. по: *Picolato*. 1946. 19 aprile. P. 2.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ *Ibidem*.

Второй формой агитации, воздействия на женщин, являлась индивидуальная беседа. Отмечалось, что «каждый день, говоря наедине с крестьянкой, домохозяйкой, объясняя всё то, что нельзя сказать на собраниях и используя энтузиазм, необходимо построить любезную беседу»¹⁷. Третью форму агитации представляла печатная продукция и партийная периодика. В контексте широкого распространения неграмотности вопрос о том, насколько эффективной, по сравнению с предыдущими, она являлась, остаётся открытым. Для той группы девушек и женщин, которая имела доступ к образованию, «местами, где сформировалось их политическое сознание, являлись дом, школа и университет»¹⁸. Постепенный рост политической грамотности в среде женского населения, особенно в крупных городах, заставлял партии постоянно совершенствовать методы и тактику, учиться обосновывать недостатки своих программ, особенно в части социальной и экономической политики.

В преддверии выборов в УС женщины готовились голосовать «за мужчин и женщин, чтобы избрать людей, которые стремятся к общественному благу, <...> выступают за улучшение жилищных условий, распределение продовольствия, реорганизацию в школах, <...> которые работают для защиты интересов работающих женщин и матерей»¹⁹.

Третьим фактором, оказавшим влияние на формирование женской политической культуры, являлся традиционализм в отношении к женщинам (и, как следствие, женщин к самим себе). С признанием женского избирательного права в сферу общественной жизни стали вовлекать «женские опыты» – знания и умения, основной сферой накопления которых в довоенный период была семья. Левые политики отмечали, что вовлечение женщин в политическую жизнь – гарантия нового политического и социального климата, «в который женщина, с её решимостью и чувством ответственности, её контактами с потребностями повседневной жизни, может сделать бесценный вклад»²⁰. Эти контакты «подпитывали» в сознании итальянцев представление о том, что наилучшим образом женщины способны решать вопросы, связанные со сферой образования и школы, материнства и детства, а также со сферой благотворительности.

«Резкое отставание массового сознания от реальных политических процессов»²¹ предопределило и влияние традиционализма на формирование первых образов женщин-политиков. Любой политический образ

¹⁷ *Picolato*. 1946. 19 aprile. P.2.

¹⁸ *Tonini*. 2000. P.199.

¹⁹ Цит. по: *Secco*. 1946. 7 marzo. P.1.

²⁰ *Sereni*. Op cit. P.1.

²¹ *Лисовский, Любин*. 1996. С. 9.

необходимо рассматривать в национальном контексте. В ходе подготовки к выборам в УС на страницах газеты «Унита» появилась череда женских образов, которые условно можно разделить на две группы.

Первая группа отражала традиционные представления о женщине как матери, супруге, хозяйке и базировалась на «женских опытах» в сфере частного, связанных с целым рядом стереотипов – «устойчивых эмоционально окрашенных представлений, упрощающих и «огрубляющих» реальность и зачастую воспринимаемых как сама реальность»²².

Самым распространённым был образ матери семейства. После первого тура муниципальных выборов 1946 г. в ИКП констатировали: «женщины охотно голосовали за списки, где была представлена хотя бы одна женщина, скромная рабочая или хорошая мать»²³. Популярность этого образа была связана с рядом факторов. Во-первых, образ матери строился на традиционном представлении о женщине, выполнившей свою главную, репродуктивную функцию, что для итальянцев было крайне важно. Сами итальянки вынуждены были с ранних лет выстраивать собственную идентичность как путь к достижению основной цели – стать хорошей матерью и надёжной опорой для своего мужа. Во-вторых, складывалось представление о том, что электорат находится под особой материнской опекой, и, как в семье женщина стремится сделать всё необходимое для своих детей, так и в обществе она будет действовать в интересах своего народа. В-третьих, отличительной чертой итальянцев является особо уважительное отношение к матери, основанное на религии и особом почитании Девы Марии, воплощающей в себе черты идеальной женщины и являющейся символом материнства, терпения и страдания, олицетворением смирения.

Смежным ему являлся образ «борца за спасение детства»²⁴, основанный на традиционном представлении о женщине, как воспитателе и покровителе детей. Основой этого образа стало участие женщин в благотворительных акциях, устраиваемых женскими организациями. В целом, благотворительные акции, направленные на помощь детям, стали мощным инструментом привлечения электората в кампании, предварявшей выборы в УС. При содействии женщин-политиков в Риме и других крупных городах Центральной и Северной Италии организовывались приюты, где дети, потерявшие родителей во время войны, получали кров и пропитание. В подобных приютах дети получали шанс на

²² Цит. по: Журавлёва. 2012. С. 16.

²³ Цит. по: *Picolato*. 1946. 19 aprile. P.2.

²⁴ *Benucci*. 1946. 19 maggio. P.2.

спасение от послевоенной нищеты, болезней и голода. Детям из бедных семей женщины подыскивали приёмные семьи в провинции, где они провели суровую послевоенную зиму. Особое внимание уделялось помощи одиноким матерям, более других пострадавшим в войне. Родители, видевшие своих детей сытыми и довольными, готовы были отдать голоса за «нужных» кандидатов. Для многих матерей во время войны «борьба против немцев была борьбой против голода»²⁵, а после неё сама возможность бороться с голодом воспринималась как одна из черт свободного итальянского общества, а те, кто помогал вести эту непростую борьбу, был достоин представительства в органах власти.

Менее распространённым был образ домохозяйки. Его использование было связано с двумя основными аспектами. Во-первых, в послевоенной Италии был высокий процент женской безработицы. Женщине с детьми было очень сложно найти работу, так как первый закон о защите прав работающих матерей был принят только в 1950 г., а широко-масштабное строительство детских садов началось лишь в 1971 г. Во-вторых, к моменту выборов в УС ещё незначительная часть итальянок успела включиться в общественную жизнь, многие из них, особенно в южных регионах, оставались преданными идеям фашизма.

Второй образный ряд в изображении итальянской женщины возник под влиянием Второй мировой войны, был связан с «приобретённым историческим опытом, который принуждал избирать новые формы существования и поведения, менять политическое, экономическое и социальное мышление»²⁶. К традиционному женскому образу добавились черты борца за свободу, принимавшего идеи антифашизма, активно участвовавшего в движении Сопrotивления и испытавшего на себе все горести военного времени. Так появились образы женщины «с безупречным характером бойца-антифашиста»²⁷, «женщины-заключённой» и «женщины-организатора». Многие итальянки пострадали во время фашистского режима и в годы войны, были приговорены к тюремным срокам, значительная их часть участвовала в проведении манифестаций, многие примкнули к женским группам при партизанских отрядах.

Образ «скромной рабочей» также использовался левым блоком в преддверии выборов в УС. В годы войны значительная часть итальянской промышленности, около 40%²⁸, держалась на женской рабочей

²⁵ Le mamme romane voteranno per: Marcella Ferrari Lapicciarella. 1946. 16 maggio. P. 2.

²⁶ Лисовский, Любин. 1996. С. 13.

²⁷ Le mamme romane voteranno per: Nadia Gallico Spano. 1946. 16 maggio. P. 2.

²⁸ La «Giornata della donna». 1946. 5 maggio. P. 1.

силе. Этому образу соответствовала женщина, которой знакомы были нужды масс, «одна из тысяч и тысяч итальянок из народа, сумевшая найти повод, чтобы работать»²⁹.

Несмотря на разнообразие, это были образы «женщины для женщин», они могли привлечь лишь узкую электоральную группу. В целом, женщины-политики агитировали «за защиту физической и моральной чистоты римских семей, за защиту прав трудящихся женщин, за социальную эмансипацию женского населения»³⁰. Стоит учитывать и то, что на практике не существовало «чистых» женских политических образов. Мы можем говорить лишь о том, что в образе каждой конкретной женщины-политика преобладали те или иные черты.

Четвёртым фактором, влиявшим специфическим образом на формирование левой женской политической культуры, являлись разного рода страхи, связанные с отсутствием опыта, плохой осведомлённостью в вопросах, связанных с политикой, возможным недоверием со стороны мужчин. Среди самих женщин распространено было мнение о том, что необходимо доказывать, демонстрировать другим, что они «заслуживают» оказанного им доверия³¹.

2 июня 1946 г. в Италии состоялся общенародный референдум по вопросу о будущем государственном устройстве. По результатам голосования за республику отдали свои голоса 54,27% избирателей³². Основной лозунг сторонников республики – «За демократию, свободу, прогресс» – принёс им перевес в 2 млн. голосов. На Севере и в Центре страны итальянцы проголосовали в основном за республику, а на Юге – за монархию. Некоторые итальянки отмечали, что 2 июня в кабине для голосования у них «душа ушла в пятки», так как они «боялись ошибиться между символами республики и монархии»³³. Распространённость страхов отчасти объясняет популярность предвыборных собраний, проводившихся левым блоком. Страхи были распространены и в среде итальянских политиков. Каждая из политических партий имела свои опасения по поводу женского электората. Например, в ИКП некоторые опасения были связаны с тем, что большое влияние на женщин оказывали их приходские священники, а в ХДП – с тем, что участие женщин в политической жизни постепенно отдаляло их от традиционных ценностей и надламывало единство семьи. Среди рядовых итальян-

²⁹ Donne e uomini di Roma votate per i candidate comunisti! 1946. 2 giugno. P.2.

³⁰ Le mamme romane voteranno per: Nadia Gallico Spano. 1946. 16 maggio. P.2.

³¹ *Secco*. 1946. 7 marzo. P.1.

³² Risultati del referendum istituzionale. 1946. 4 giugno. P.3.

³³ Il 1946 di... // *Mercurio*, 1946. № 27-28...

цев также бытовало мнение, согласно которому всё, что отвлекало женщину от дома, опасно для мира в семье, а участие женщин в политической жизни наносило ущерб «миру очага».

Пятым фактором, который необходимо рассматривать в контексте национального подъёма, идеи национального единства и возрождения итальянского общества, являлось чувство ответственности и долга, представление об участии в выборах, как о свободе, проявлении демократии.

Муниципальные выборы 1946 года продемонстрировали, что «во многих случаях женщины, особенно крестьянки, первыми направились к избирательным урнам»³⁴. Подобная активность итальянок объяснялась несколькими причинами. Во-первых, в 1946 г. итальянки воспринимали избирательное право как проявление свободы, прежде всего, свободы от фашизма – «унизительного и болезненного происшествия»³⁵ в истории Италии. Во-вторых, участвуя в выборах, женщины впервые почувствовали себя полноправными гражданками своего государства, способными повлиять на его судьбу. В-третьих, итальянки чувствовали на себе определённую ответственность за судьбу страны. В-четвёртых, у женщин была надежда преодолеть своё угнетённое состояние, и верный путь, ведущий к этому, они видели именно в участии в выборах.

Женщины признавали, что право голоса они должны использовать «со всей серьёзностью», а также отмечали, что они готовы бороться, чтобы убедить сильный пол «в справедливости своих идей». На наш взгляд, этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, более высокое, чем у мужчин, нравственное сознание женщин, бескорыстное желание обозначить своё место в деле возрождения национальной политики. Во-вторых, это может быть и признаком позиции доминирования, к которому женщина стремилась в семейной жизни, и которое, как образец, она переносила на общественную жизнь, в частности на сферу политики.

В целом, вопрос женского избирательного права был тесно связан с вопросом о роли женщины в семье и её месте в семейной иерархии. С правом голоса уходила в прошлое беспрекословная подчинённость мужу. Женщины отмечали, что столкнувшись с противоположным мнением мужа в вопросах политики, они не будут молчать, а постараются переубедить его, представить ему «своё видение», что до этого момента в условиях строгой иерархии и патернализма было невозможно. Итальянки говорили, что, если мужчина будет заставлять их голосовать за «его» партию, они всё равно будут голосовать за «свою». В женской среде уже то-

³⁴ Alle urne // Italia 1946: le donne al voto...

³⁵ Il 1946 di... // Mercurio, 1946. № 27-28...

гда наблюдался не только «избирательный оптимизм», выражавшийся в том, что некоторые итальянки направлялись к урнам «с чистой совестью» и «спокойным духом», веря, в то, что голосование – это «импульс к восстановлению морали», и их голос «поможет возрождению Отечества». Наряду с ним обнаружил себя и «избирательный пессимизм», в соответствии с которым «право голосовать принудительно», а один голос ничего не решит и «не окажет благотворное влияние на жизнь страны»³⁶.

К выборам в УС итальянцы готовились на волне антифашистских настроений, они должны были стать «как для Италии, так и для всего мира, доказательством политической зрелости женщин и их демократических настроений»³⁷. Привлечение женщин к работе УС являлось важным пунктом предвыборных программ партий левого блока: «Если мы будем работать хорошо, множество женщин включатся в работу нового Учредительного собрания, это будут женщины, которые участвовали в создании народно-демократической республики»³⁸.

Накануне выборов ни одна политическая партия не могла игнорировать значение, которое имел женский электорат. В 1946 г. право голоса получили более 14,5 млн. женщин, что составило 53% от общего числа имевших право голоса³⁹. ИКП, ИСППЕ и ХДП сделали особую ставку на женский электорат.

Второй вектор, по которому происходило формирование женской политической культуры, связан с непосредственным участием итальянок в деятельности левых партий и их представительством в УС. «Антифашистская демократия» призывала женщин заниматься политикой»⁴⁰. Политические партии стали активнее призывать их вступать в свои ряды.

К 30 октября 1945 г. в ИКП было зачислено 237 тыс. женщин⁴¹, а на начало января 1946 г. их число составило порядка 279 тыс., почти в четыре раза меньше, чем мужчин. Коммунисты отмечали, что «слабым местом» их работы было «недостаточное влияние среди молодых людей и женщин»⁴². Похожая ситуация сложилась и в партии социалистов. К апрелю 1946 г. в ИСППЕ женщины и молодёжь составляли около 19% от общего числа членов партии⁴³. После войны возродилась женская орга-

³⁶ Tiriamo le somme // Gioia. 14.04.1946...

³⁷ *Secco*. Op. cit. P. 1.

³⁸ *Picolato*. Op. cit. P. 2.

³⁹ Paura del voto femminile...

⁴⁰ *Sereni*. Op. cit. P. 1.

⁴¹ *Gemisto*. 1946. 5 gennaio. P. 2.

⁴² Le conclusioni della Commissione per la verifica dei poteri. 6 gennaio. P. 1.

⁴³ *Любин*. 2007. С. 327.

низация социалистов, имевшая филиалы в провинциях и свой печатный орган «Донна социалиста», выходивший под редакцией Л. Узеллини⁴⁴. Активнее остальных в ИКП и ИСППЕ вступали женщины северных индустриальных и центральных регионов, а также районов и зон распространения сельскохозяйственных кооперативов в Эмилии-Романье и Тоскане, традиционных местах влияния левых политических партий⁴⁵.

На V съезде ИКП, проходившем в Риме с 29 декабря 1945 г. по 9 января 1946 г., в ЦК ИКП вошли 70 человек (57 действительных и 13 кандидатов в члены), из них пятеро (7%) — женщины. Действительными членами стали швея Э. Гуальди и швея Р. Монтаньяна, а кандидатами в члены — рабочая А. Бей, учитель начальной школы Н. Марчеллина и Р. Пиколато, рабочая, руководитель женских секций партии⁴⁶.

На начало 1946 г. ни одна из местных организаций ИКП не имела «в качестве секретаря женщину», ни одна женщина не отвечала «за агитацию или пропаганду и другие важные сферы партийной работы»⁴⁷. Предполагалось, что эта проблема не может быть решена «искусственно» — простым назначением пяти или шести женщин на посты секретарей партийных организаций. Весной 1946 г. левыми партиями был выработан новый подход, сводившийся к тому, чтобы «подтолкнуть женщин решать все проблемы жизни, партии и страны»⁴⁸. В ходе первого тура муниципальных выборов, проходившего весной 1946 г., ИКП было выявлено, что женщины охотнее голосовали за женщин. Этот факт подтолкнул политиков рассматривать женщину не просто рядовым членом партии, а «инициативным действующим лицом»⁴⁹. Главным шагом к достижению этой цели стало участие женщин в работе УС. К середине марта 1946 г. Национальным советом был разработан избирательный закон, который ввёл возрастной ценз в 25 лет⁵⁰ для кандидатов в члены УС. В нём женщины должны были занять место, которое «в итальянском демократическом движении принадлежит им по праву»⁵¹.

Левые партии активно вносили женские имена в избирательные списки. Например, в список от ИКП по римскому избирательному окру-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Kumc.* 2012. С. 203.

⁴⁶ *Il nuovo Comitato Centrale del Partito.* 1946. 8 gennaio. P. 1.

⁴⁷ *Gemisto.* Op. cit. P. 1.

⁴⁸ *Ibidem.*

⁴⁹ Цит. по: *Incontro delle donne comuniste con Longo.* 1967. 8 gennaio. P. 8.

⁵⁰ Цит. по: *Decreto legislativo luogotenenziale 10 marzo 1946, n. 74.* Art. 1.

⁵¹ *Le mamme romane voteranno per: Marcella Ferrari Lapicciarella.* 1946. 16 maggio. P. 2.

гу были внесены имена 33 коммунистов, в том числе пяти женщин⁵². Но в некоторых южных регионах, например, в округе Беневенто и Кампобассо и провинции Фоджа⁵³, женского представительства не было.

На выборах в УС наибольшее количество голосов набрали христианские демократы, коммунисты и социалисты⁵⁴. УС начало свою работу в Риме 25 июня 1946 г.⁵⁵ Наибольшее женское представительство было в ИКП. В рядах республиканцев (23 места), Партии Действия (7 мест) и более мелких партиях женского представительства не было.

Равенство между мужчинами и женщинами было закреплено в статьях 3, 29, 31, 37, 48 и 51 Конституции Итальянской Республики. В соответствии со статьей 51 Конституции «все граждане обоего пола могут на равных условиях поступать на службу в государственные учреждения и занимать выборные должности в соответствии с требованиями, установленными законом».

Подводя итоги, подчеркнём, что обособление итальянского сознания от влияния авторитетов, догм, традиций и предрассудков, связанных с представлением о неполноценности женского пола, повлёкшее за собой признание женского избирательного права и женского представительства в органах власти, легло в основу формирования политической культуры Италии после Второй мировой войны. В кульминационный 1946 год в стране была заложена не только основа обновления власти, но прочный фундамент для формирования левой женской политической культуры. Строительство этого фундамента хронологически совпало с началом становления демократических институтов, складыванием системы «несовершенной двухпартийности», временем, когда чётко обозначились контуры нового государства – Итальянской Республики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Конституция Итальянской Республики / пер. с итал. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 423-450.

105 deputati comunisti all'Assemblea Costituente // L'Unita. 15.06.1946.

Venucci S. I bimbi tornato da Modena // L'Unita. 19.05.1946.

De Gasperi alle donne italiane // L'Unita. 19.02.1946.

⁵² Donne e uomini di Roma votate per i candidate comunisti! 1946. 2 giugno. P.2.

⁵³ La nostra lista per la circoscrizione di Benevento e Campobasso. 1946. 18 maggio. P.2; I nostri candidati per la provincia di Foggia. 1946. 23 maggio. P.2.

⁵⁴ Risultati delle elezioni alla Costituente. 1946. 4 giugno. P.1.

⁵⁵ Козлова. 1970. С. 218.

- Decreto legislativo luogotenenziale 10 marzo 1946, n. 74. Norme per l'elezione dei deputati all'Assemblea Costituente [Электронный ресурс]. URL: <http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1946-03-10;74>.
- Donne e uomini di Roma votate per i candidate comunisti! // L'Unita. 02.06.1946.
- Gemisto G.* Il lavoro tra le donne e tra i giovani // L'Unita. 05.01.1946.
8. Il 1946 di... // Mercurio, 1946. № 27-28 // Italia 1946: le donne al voto / a cura di M. Fugazza, S. Cassamagnaghi. Milano: Istituto Lombardo di Storia Contemporanea, 2006. Сайт Национального института истории освободительного движения Италии: <http://www.insmli.it/publicazioni/35/Voto%20donne%20versione%20def.pdf>.
- Il nuovo Comitato Centrale del Partito // L'Unita. 08.01.1946.
- Incontro delle donne comuniste con Longo // L'Unita. 08.01.1967.
- Ingrao P.* Le donne in campo // L'Unità. 12.04.1956. P.1.
- I nostri candidati per la provincia di Foggia // L'Unita. 23.05.1946.
- La «Giornata della donna» // L'Unita. 05.03.1946.
- La nostra lista per la circoscrizione di Benevento e Campobasso // L'Unita. 18.05.1946.
- Le conclusioni della Commissione per la verifica dei poteri // L'Unita. 06.01.1946.
- Le elezioni si sono svolte nell'ordine e nella calma // L'Unita. 12.03.1946.
- Le mamme romane voteranno per: Marcella Ferrari Lapicciarella // L'Unita. 16.05.1946.
18. Le mamme romane voteranno per: Nadia Gallico Spano // L'Unita. 16.05.1946.
- Picolato R.* Rafforzare la propaganda tra le donne // L'Unita. 19.04.1946.
- Risultati delle elezioni alla Costituente // L'Unita. 04.06.1946.
- Risultati del referendum istituzionale // L'Unita. 04.06.1946.
- Secco M.* La Giornata della donna // L'Unita. 07.03.1946.
- Sereni E.* 8 marzo // L'Unita. 08.03.1946.
- Tiriamo le somme // Gioia. 14.04.1946 // Italia 1946: le donne al voto / a cura di M. Fugazza, S. Cassamagnaghi. Milano: Istituto Lombardo di Storia Contemporanea, 2006. Сайт Национального института истории освободительного движения Италии. <http://www.insmli.it/publicazioni/35/Voto%20donne%20versione%20def.pdf>
- Литература**
- Григорьева И.В.* Италия в XX веке. М.: Дрофа, 2006. 256 с.
- Журавлёва В.И.* Понимание России в США. Образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.
- Китс Дж.* История Италии / пер. с англ. Т.М. Котельниковой. М.: Астрель, 2012. 246 с.
- Комолова Н.П.* Новейшая история Италии. Пособие для учителей. М.: «Просвещение», 1970. 319 с.
- Лисовский Ю.П., Любин В.П.* Политическая культура Италии. М.: ИНИОН РАН, 1996. 64 с.
- Любин В.П.* Социалисты в истории Италии: ИСП и её наследники, 1892–2006. М.: Наука, 2007. 464 с.
- Мозильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Вып. II. Становление «новой исторической науки». Изд. Томского университета, 2003.
- Политическая культура: теория и национальные модели. М., 1994.
- Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. М., 2004.
- Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.
- Alle urne // Italia 1946: le donne al voto / a cura di M. Fugazza, S. Cassamagnaghi. Milano: Istituto Lombardo di Storia Contemporanea, 2006. [Электронный ресурс] //

- Сайт Национального института истории освободительного движения Италии. URL: <http://www.insmli.it/pubblicazioni/35/Voto%20donne%20versione%20def.pdf>
- Guerra, E. Soggettività individuali e modelli del femminile: il “desiderio” della politica // Donne, guerra, politica. Esperienze e memorie della Resistenza / Lorena La Rovere. Bologna: CLUEB, 2000. P. 169-189.
- La stagione del suffragismo // Italia 1946: le donne al voto / a cura di M. Fugazza, S. Cassamagnaghi. Milano: Istituto Lombardo di Storia Contemporanea, 2006. Сайт Национального института истории освободительного движения Италии. URL: <http://www.insmli.it/pubblicazioni/35/Voto%20donne%20versione%20def.pdf>.
- Le donne elette all'Assemblea Costituente // Italia 1946: le donne al voto / a cura di M. Fugazza, S. Cassamagnaghi. Milano: Istituto Lombardo di Storia Contemporanea, 2006. Сайт Национального института истории освободительного движения Италии: <http://www.insmli.it/pubblicazioni/35/Voto%20donne%20versione%20def.pdf>.
- Paura del voto femminile // Italia 1946: le donne al voto / a cura di M. Fugazza, S. Cassamagnaghi. Milano: Istituto Lombardo di Storia Contemporanea, 2006. Сайт Национального института истории освободительного движения Италии. URL: <http://www.insmli.it/pubblicazioni/35/Voto%20donne%20versione%20def.pdf>.
- Tonini C. Studentesse, diplomate, laureate. L'esperienza scolastica e la formazione politica delle donne nella resistenza // Donne, guerra, politica. Esperienze e memorie della Resistenza / Lorena La Rovere. Bologna: CLUEB, 2000. P. 191-210.

Козлова Светлана Юрьевна, магистрант 2-го года обучения, исторический факультет Ярославского государственного университета; libushe19@yandex.ru

Т. М. ГАВРИСТОВА

ДЖО И ПЕГГИ АППИА: СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ¹

В статье рассматривается история одного из первых в Европе и Африке смешанных браков, заключенных в середине XX в. (на заре африканской независимости), который в корне изменил отношение к проблеме метисации и на протяжении десятилетий являл собой пример для подражания. В 1953 г. он был признан одним из событий года в Великобритании на Золотом Береге (современное название – Гана).

Ключевые слова: *Аппиа, Крипис, гендерная история, метисация, культура, Африка, Гана, Великобритания, Кваме Нкрума.*

*Кожа твоя горда белизной,
Кожа моя черна;
Дай мне руку, пойдем со мной,
Музыка грянет, звучна.
В одной гармонии соединим, в песню одну сольем
Все, что в призыве моем звучит и в зове звучит твоим.
Музыка в воздухе:
Слышат все, как, ненависть прочь гоня,
Звучат, сочетаясь,
Клавиши ночной и клавиши белого дня.
Музыка в воздухе: видят все,
Как дерзновенно и смело
Одной гармонией сплетены
Облик черный и облик белый.*

Гастон Бард-Уильямс (Сьерра-Леоне)².

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался активизацией исследований в области персональной истории, которая «вернула себе авторитет»³, с одной стороны, благодаря антропологизации истории (как науки), а с другой – в связи с ростом у читательской аудитории интереса к произведениям биографического жанра, что в свою очередь было подготовлено рядом социально-политических и культурно-психологических факторов, в том числе селебритизацией политики, культуры и шоу-бизнеса.

Эпоха постмодерна, начало которой обычно относят к середине XX века и связывают с окончанием второй мировой войны (с обновлением политической ситуации в мире и регионах, парадом суверенитетов в бывших колониях), ознаменовала собой становление новых подходов

¹ Работа выполнена при поддержке проекта № 235 в рамках базовой части государственного задания на НИР Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

² Бард-Уильямс Г. 1983. С. 386–387.

³ Ретина. 2011. С. 290.

к изучению и репрезентации тем, лежащих на перекрестии научных исследований. Семья – один из древнейших социальных институтов, который является частью предмета персональной истории, – привлекла внимание специалистов в области социальной и культурной антропологии, гендерной истории, этнологии, социологии, психологии и других отраслей знаний. Однако ни одна из них не может претендовать на комплексный анализ процессов, так или иначе связанных с трансформацией семьи и брака и представлений о них во времени и пространстве.

В условиях глобализации вследствие активизации миграций, стирания границ между государствами и этносами, медиатизации и еще целого ряда причин, связанных с последствиями либерализации и демократизации экономики и социально-политических структур, очевидным стал рост числа смешанных браков: межрасовых, межэтнических, межконфессиональных. Каждая из перечисленных разновидностей в свое время подвергалась запретам, а смешанные пары – неприятию и гонениям. Остракизм проявлялся на официальном (административном) и бытовом уровнях и выражался в принятии специальных, в том числе антимишенических, законов, указов о депортации из страны проживания смешанных пар и рожденных ими детей; в отказе от квартиры и найме на работу; в несогласии родственников, прежде всего родителей, на брак дочери или сына соответственно с мужчиной или женщиной с иными соматическими признаками («цветным», евреем и т.д.).

В XX веке негативизм в отношении межрасовых браков был широко распространен (в ЮАР, например, запрет на них был снят только в 1985 г.), хотя в 1950–1960-х гг. в Европе они явно вошли в моду. В первом десятилетии XXI века примерно 20% африканцев, живших в Великобритании, имело белых жен⁴. Метисация стала отличительной чертой современной гендерной ситуации, хотя доля белых мужей у чернокожих жен была и остается несколько ниже.

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть один из самых экстравагантных «черно-белых» браков, заключенных на заре африканской независимости. Бракосочетание Эннид Маргарет (Пегги) Криппс (1921–2006) и Джозефа Эммануэля Аппиа (1918–1990) в Великобритании, по свидетельству современников, стало едва ли не главным событием 1953 года. В нем, безусловно, был заложен демонстрационный эффект. Союз двух сердец рассматривался (при активном участии средств массовой информации) как свидетельство торжества политики британского конформизма, нерушимой связи метрополии с колониями в

⁴ Bland. 2005. P. 29.

разгар освободительной борьбы африканских народов. Лейбористское правительство во главе с Клементом Эттли, 62-м премьер-министром Великобритании, реализуя на рубеже 1940-х и 1950-х годов проект ее превращения в «государство великого благоденствия», успешно продвигало идею содружества наций. Рождение «черно-белой семьи» превратилось в своего рода пиар акцию, вызвало международный резонанс.

Молодожены принадлежали к кругу людей известных – в настоящее время их вполне можно было бы отнести к числу тех, кого называют селебрити (в буквальном переводе с английского: знаменитость). Отец невесты – сэр Стаффорд Криппс (1889–1952), один из лидеров левого крыла Лейбористской партии, – входил в состав политической элиты Великобритании. В семье ее матери Изабель имелись депутаты парламента и иерархи англиканской церкви. Пегги получила образование, типичное для ее круга. Она училась в Королевском колледже и закрытой школе для девочек; изучала иностранные языки и со временем в совершенстве овладела французским, итальянским, немецким, русским и рядом других языков; регулярно посещала церковь; участвовала в благотворительных акциях, по окончании школы намеревалась изучать историю искусства в Эдинбургском университете в Шотландии и даже отправилась во Флоренцию (сокровищницу шедевров), чтобы прежде увидеть воочию работы Леонардо да Винчи, Микеланджело и других мастеров эпохи Возрождения.

Однако начало мировой войны нарушило ее планы. Пегги вернулась домой, поступила на курсы секретарей, начала работать сначала в Лондоне, затем с отцом – в Москве и Тегеране, в дипломатических представительствах, а еще позднее – в Министерстве иностранных дел и Министерстве информации Великобритании. За ней закрепилась репутация трудоголика, способного работать от зари до зари (случались и переутомления). Ей приходилось общаться с большим количеством людей разных национальностей, и она не искала различий между ними.

Победа Лейбористской партии на выборах 1945 года и возвращение сэра С. Криппса в кабинет министров, где он последовательно занимал должности министра торговли (1945–47), министра экономики (1947) и, наконец, министра финансов (1947–50), вынуждали его жену и дочь заниматься общественной деятельностью. Пегги была знакома с лидерами индийского освободительного движения: Махатмой Ганди, Джавахарлалом Неру (и его дочерью Индирой), Мухаммедом Али Джинной. Вместе с матерью она побывала с благотворительной миссией в Китае, где встречалась с Чан Кайши и его женой Сун Мэйлин, Чжоу Эньлаем и Цзян Цин

(супругой Мао Цзэдуна). Опыт общения с разными людьми, полученный в СССР, Иране, Индии, Бирме, приверженность идее содружества наций, культивируемой лейбористами, привел Пегги к осознанию необходимости сотрудничества между народами. В конце 1940-х она начала работать в отделе по делам молодежи Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) и в организации «Расовое единство», создание которой было инициировано сестрой премьер-министра Великобритании К. Эттли.

Активизация деятельности, направленной на укрепление расовой солидарности была связана с тем, что Лондон в послевоенные годы наводнили студенты из колоний. Их целью было получение образования (профессии). В числе африканцев было немало будущих знаменитостей. Большую роль в их консолидации сыграл Союз западноафриканских студентов (СЗАС), основанный еще в 1925 г. Изначально в нем культивировался дух конформизма. Однако после второй мировой войны очевидной стала антиимпериалистическая направленность его деятельности. В 1945 г. Кваме Нкрума, будущий (первый) президент независимой Ганы, интегрировал СЗАС в panaфриканское движение, что повлекло за собой распространение в среде его членов демократических и даже радикальных идей.

В 1950 г. Пегги Криппс, секретарь организации «Расовое единство», впервые встретила с Джозефом (Джо) Эммануэлем Анпия, президентом СЗСА. Отношения между ними развивались быстро. В январе 1952 года он сделал ей предложение, и оно было принято. Бракосочетание состоялось спустя год. О помолвке не было объявлено своевременно из-за болезни и смерти сэра С. Криппса, хотя Изабель (мать Пегги) одобрила выбор дочери и даже предложила ей до свадьбы совершить путешествие на Золотой Берег, чтобы своими глазами увидеть страну, где ей предстояло жить. Пегги отправилась в Африку на корабле по Атлантике и, к своему удивлению, обнаружила Джо в Кумаси. Его вызвали домой в связи со смертью двоюродного деда – одного из правителей ашанти⁵.

Рождественский сочельник Пегги провела, как принято, в кругу семьи (родственники жениха строго соблюдали христианские заповеди), а в канун Нового (1953) года присутствовала на всенощной в методистской церкви, где спустя полвека ее провожали в последний путь под звуки зауспокойной молитвы. Во время поездки она побывала в только что открытом педагогическом колледже, в кампусе университета

⁵ Ашанти (асанте) – народ, проживающий на территории Ганы, преимущественно христиане (протестанты, англикане, католики). Язык ашанти принадлежит к группе акан.

науки и техники – детища К. Нкрумы (в настоящее время носит его имя), где, на последнем году жизни, в возрасте восьмидесяти четырех лет, она получила почетную степень доктора литературы (к своему большому удовольствию).

Мисс Криппс пересекла страну с юга на север, побывала в городе Навронго, одной из главных достопримечательностей которого является католический собор, сооруженный в 1906 г., совершила путешествие по реке Вольта и французскому Тоголенду. По возвращении в Лондон ей пришлось выслушать немало спекуляций относительно своего пребывания в Африке: о бракосочетании еще не было объявлено, и Пегги не могла объяснить истинную причину поездки. В одном из интервью она упомянула о том, что ей, как «члену семьи, принадлежащей к политической элите, было интересно узнать, с кем в будущем предстоит сотрудничать Великобритании»⁶. Сопровождаемая К. Нкрумой – премьер-министром Золотого Берега, в те годы близким другом Дж. Аппиа, она встречалась с выдающимися людьми: с правителями ашанти – асантехене⁷, с вдовой блестящего педагога (и миссионера) Джеймса Аггрея (ему принадлежит крылатое высказывание о гармонии черных и белых клавиш, которое любил цитировать его ученик К. Нкрума⁸) – афроамериканкой Роуз Аггрей; художником Кофи Антубамом; и другими.

О помолвке было объявлено после вечеринки в саду Букингемского дворца, где многие испытали шок. Журналисты пытались прояснить ситуацию на пресс-конференциях. Комментарии были кратки. Невеста ссылалась на благословение родителей; жених – на то, что в его стране нет никаких расовых или религиозных предрассудков.

Объявление о бракосочетании вызвало бурную реакцию в обществе и сняло немало вопросов. Венчание в июне 1953 года стало главной обсуждаемой темой. В Великобритании и на Золотом Береге информацию о свадьбе размещали на первых полосах газет. В публикациях было все: от враждебности и негодования до восхищения и восторгов. Например, Чарльз Сварт, министр юстиции ЮАР, назвал этот брак «отвратительным» («свинским»), отметив, что расценивает его как вполне подходящий аргумент в пользу подготовленного им билля о недопущении «цветных» и «аборигенов» в общественный транспорт для белых. Пресса

⁶ *The Telegraph*. 24.02. 2006.

⁷ Асантехене – традиционные правители ашанти; обладатели «золотого трона».

⁸ В «Автобиографии» К.Э. Нкрума цитировал знаменитое высказывание Д. Аггрея: «Вы можете сыграть какой-нибудь мотив на белых клавишах, и вы можете сыграть какой-нибудь мотив на черных клавишах, но для полной гармонии вы должны пользоваться и белыми, и черными клавишами». См.: *Нкрума К.* 1961. С. 21.

Северной Родезии выражала обеспокоенность по поводу того, что подобный инцидент повторится в будущем, считая его «оскорбительным» для каждого здравомыслящего европейца и подрывающим политическую стабильность в британских колониях⁹. В среде образованных африканцев бракосочетание Джо и Пегги был воспринято с одобрением – едва ли не как «подарок судьбы»¹⁰. Многие выпускники лондонских университетов намеревались вернуться на родину с белыми женами – более образованными, более цивилизованными и, что немаловажно, более состоятельными, чем африканки того же круга. Некоторые уже были женаты; другие – собирались заключить брак.

Свадебная церемония проходила в одной из англиканских церквей в Лондоне. В роли шафера выступал Джордж Падмор – известный теоретик panaфриканизма, член Коминтерна и Профинтерна, будущий советник К. Нкрумы (1957–59). Сам премьер-министр, незадолго до этого назначенный на должность, был слишком занят и не смог отвлечься от государственных дел. На свадьбе присутствовали настоящие и будущие лидеры Лейбористской партии (Хью Гейскелл, Майкл Фут, Эньюрен Беван); леди Квист, жена Эммануэля Чарльза Квиста, спикера Ассамблеи Золотого Берега; Кришна Менон, посол Индии в Великобритании. На фоне «британских аристократов в сюртуках и шляпках, министров и членов парламента от социалистов и Тори»¹¹ выделялись облаченные в цветные кенте¹² с орнаментом адинкра¹³ родственники и друзья жениха.

Джо принадлежал к аристократическому роду ашанти, хотя время от времени отрицал свою принадлежность к его верхушке. Он родился в Кумаси – «городе золотого трона», столице ашанти. Его отец был школьным учителем и в свободное время руководил службой в методистской церкви. В Лондоне Джо изучал право, в Гайд-парке в «уголке ораторов» оттачивал красноречие, упражняясь в риторике и одновременно в критике колониальной политики и нежелания британских властей предоставить независимость Африке. По свидетельству современников¹⁴, он был очень красив (большеглазый, кудрявый, с элегантной бородкой), обаятелен, остроумен и одинаково хорош как в европейском, так и традиционном

⁹ *The Telegraph*. 24.02.2006.

¹⁰ *Appiah*. 1992. P. VII.

¹¹ *The Guardian*. 06.03.2006.

¹² Кенте – традиционная мужская длинная широкая рубаха.

¹³ Адинкра – система идеографических и пиктографических символов ашанти, каждый из которых обозначает отдельное слово или понятие; широко используется в текстильном и гончарном производстве.

¹⁴ *The Guardian*. 14.03.2006.

костюме. Африканец (ашанти), христианин (методист)¹⁵, отчасти – сноб, Дж. Аппиа вполне комфортно ощущал себя вне Африки. Лондон в те годы рассматривался многими образованными африканцами как «Небеса Обетованные». Для Джо «раем» должна была стать независимая Гана¹⁶.

Медовый месяц молодожены провели во Франции – в центре внимания прессы. Смешанные браки были редки. В газетах печатали фотографии именитой четы, перемещения отслеживались светской хроникой. В мае 1954 года в Лондоне, где Джо завершал обучение, появился на свет их первенец Кваме Энтони Аппиа, названный в честь К. Нкрумы, будущий блестящий философ и антрополог, профессор Гарвардского университета (США). По возвращении в Кумаси в семье родились еще три дочери: Ама – в 1955 г., Адва – в 1960 г., Абена – в 1962 г.

Пегги занималась семьей, детьми, помогала мужу в адвокатской конторе (как когда-то отцу). Она приобщалась к традициям, научилась носить одежду ашанти, посещала, как принято, похороны, знакомилась с родственниками мужа. Она жила обычной жизнью, которая, по сути, была очень похожа на жизнь ее английской родни.

Джо и Пегги построили дом в элитном квартале. Когда-то здесь была деревня (от нее сохранилось название – Мбром). Хорошая, почти «семейная» атмосфера сложилась здесь. «Тетушка Джейн пекла хлеб на всю округу»¹⁷. Соседями были начинающие политики, юристы: Виктор Овусу, соратник Джо, министр иностранных дел Ганы (1969–71); через улицу – отец Джо с семьей и другие представители клана Аппиа. Это была их среда. Недалеко находился дворец асантехене: тетка Джо по матери – а матрицентричные связи в среде ашанти считались первичными – состояла в браке с асантехене Премпе II (1892–1970)¹⁸. В расположенном поблизости университете науки и техники преподавали друзья и единомышленники.

Пегги открыла двери своего дома для окрестных детей, предоставив в их распоряжение библиотеку. Она собирала детские книги, классику, поэзию, многотомные серии Heinemann – произведения африканских писателей; коллекционировала «гирьки ашанти»¹⁹ (торговцы-хауса

¹⁵ Appiah K. 1992. P. IX.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid. P. VII.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ «Золотые гирьки» ашанти («аберамбо») – бронзовые (реже медные) гирьки, которые веками использовались для взвешивания золота; выполнены в технике исчезающей восковой модели («потерянного воска»), представляют собой миниатюрную бронзовую скульптуру (их размеры редко превышают 5-6 см), разнообразную по фор-

скупали их для нее, где только могли); изучала фольклор и языки. Жена члена парламента, она была образцом поведения: вошла в совет церкви Святого Джорджа, участвовала в создании культурного центра в Кумаси, покровительствовала сиротам и Национальной ассоциации слепых, поддерживала семьи политических заключенных.

Сын и дочери Аппиа посещали воскресную школу церкви Святого Джорджа, где вместе (бок о бок) занимались католики, баптисты, копты, методисты, англикане, где «рождался мир детских дружб и царил атмосфера веры, надежды, любви»²⁰. Мир отца казался им далеким и одновременно близким. Это был суд, куда он ежедневно ходил, облачившись в европейский костюм с неизменной свежей розой в петлице (из разбитого женой сада); парламент (тема постоянных разговоров супругов) и, конечно, президент К. Нкрума. Отношения с ним складывались сложно. В известной на весь мир «Автобиографии» К. Нкрумы нет упоминаний об Аппиа. Возможно, он изъясил их оттуда, как только Джо попал в опалу. Между тем связывало их многое: Лондон, куда Кваме приехал из США и где пережил «духовную эмансипацию»²¹, «почувствовав себя, как дома»²²; СЗАС, где начался процесс их самореализации; идеи panaфриканизма; общение с У.Э.Б. Дюбуа²³ и Дж. Падмором. Благодаря Аппиа, К. Нкрума стал вице-президентом СЗАС; благодаря Нкруме, Аппиа обрел спутницу жизни: принято считать, что именно К. Нкрума представил Джо будущей невесте.

Образованные и динамичные, оба были настоящими «романтиками» эпохи. Приверженцы витающих тогда в воздухе идей «афрооптимизма» (к началу 1980-х гг. на смену им пришел «афропессимизм»), они мечтали построить независимое государство – великую Гану (новое название Золотой Берег получил – вместе с обретением независимости – 6 марта 1957 года). В ее границах должны были ужиться установки либерализма и социализма, христианства и демократии.

ме и сюжетам (это изображения людей, животных, птиц, рыб, растений, символов власти, оружия, орудий труда, геометрические фигуры). Некоторые были фетишами, оберегами, талисманами и просто украшениями, символизировали статус человека.

²⁰ Appiah K. 1992. P. VII.

²¹ Нкрума. 1961. С. 52.

²² Там же. С. 46–47.

²³ Уильям Эдуард Беркхард Дюбуа (1868–1963) – родился в США; историк, социолог, общественно-политический деятель, первый чернокожий выпускник Гарвардского университета; инициатор проведения и один из руководителей panaфриканских конгрессов 1919, 1921, 1923, 1927, 1945 годов; борец за права чернокожих. В 1961 г. переехал в Гану, принял ганское гражданство, умер в Аккре.

Дружба закончилась по мере того, как Дж. Аппиа интегрировался в большую политику. Он был избран в парламент в 1957 г., выступал в оппозиции президенту и Народной партии конвента (НПК)²⁴. К. Нкрума не выносил ни критики, ни конкуренции. Поведение бывшего друга его раздражало. Амбициозный (и субъективный), он хотел единолично управлять страной. Осагиефо (в буквальном переводе с языка акан: Спаситель); мессия, призванный освободить Африку от пут колониализма; харизматический лидер; кумир университетской молодежи; тиран, опасющийся конкурентов и страдающий от собственной изоляции; философ, христианин, увлеченный идеями К. Маркса; на исходе жизни любил повторять, что хотел бы стать священником, но стал президентом²⁵. Он привел Гану к независимости, но, как подметил К.Э. Аппиа, не сделал ее народ счастливым и не обрел счастья сам.

Будучи весьма наблюдательным ребенком, Кваме-младший не раз видел тезку утомленным работой (и бессонницей). В книге «В доме отца моего...» К.Э. Аппиа подверг обстоятельному анализу годы детства. Он вспоминал, как в канун Рождества (в течение многих лет) К. Нкрума приходил к ним в дом и неизменно дарил детям календарь с изображением королевы Елизаветы Второй, главы и символа Содружества наций. Возможно, уже тогда он был разочарован происходящим в стране²⁶.

Мироощущение Джо Аппиа отличалось противоречивостью. Он был своим при дворе ашанти и в среде британских левых (соответственно благодаря происхождению и родственникам жены). Его уважали в парламенте и правительстве. В его взглядах присутствовали отголоски либеральных и социал-демократических идей. Сторонник panaфриканизма, он разделял взгляды Ф. Фанона, идеолога освободительного движения, и, по мнению сына, был типичным «еврофоном»²⁷. На исходе 1950-х гг. Джо был одним из немногих, кто одевал кенте на заседания парламента и коллегии адвокатов, что (в условиях влажного и жаркого климата при отсутствии кондиционеров) позволяло ощущать себя гораздо комфортнее, чем в парадной тройке (или в шелковых чулках, парике из конского волоса и красной суконной мантии судьи).

На склоне лет Дж. Аппиа завершил работу над воспоминаниями, их название символично: «Автобиография африканского патриота»²⁸.

²⁴ Народная партия конвента была создана по инициативе Кваме Нкрумы, правящая партия (1957–1966).

²⁵ *Mazrui, Tidy*. 1984. P. 65.

²⁶ *Appiah*. 1992.

²⁷ *West Africa*. 1990. 23–29 July. P. 2154.

²⁸ *Appiah*. 1990.

Книга была издана в США. Когда Джо умер (он скончался в больнице, в Аккре, в окружении семьи), его дети нашли записку (в несколько строк), в которой он завещал им помнить, что они граждане мира.

Конфликт с К. Нкрумой достиг апогея к началу 1960 года. В октябре 1961 года Аппиа-старший был обвинен в участии в политическом заговоре. После его ареста жена отказалась покинуть Гану, и приказ о ее депортации был отменен.

Сложность ситуации заключалась еще и в том, что маленький Кваме был болен. Ему требовалось грамотное лечение, но Пегги не могла показать его лучшим врачам: мужу требовалось ее присутствие. Мальчика положили в центральный госпиталь в Кумаси, который, как раз в дни его госпитализации, посетила британская королева Елизавета, прибывшая со своим первым визитом в Гану. Королеву сопровождал супруг – Филипп, герцог Эдинбургский, – и президент К. Нкрума. На тумбочке, у постели маленького пациента, посетители госпиталя увидели фотографию родителей. Герцог Эдинбургский, ранее уже совершавший визит в Кумаси, был знаком с Пегги Аппиа. Он подошел к ребенку и передал ей привет.

Президент Ганы не мог сдерживать возмущения поведением представителя иностранного государства, посмеявшегося выразить сочувствие жене человека, который был задержан как политический преступник. Не имея возможность сразу выразить негодование, К. Нкрума приказал депортировать врача, лечившего мальчика²⁹, а на первых полосах британских газет вновь появилась информация – о черно-белой семье. Леди Криппс, мать Пегги, чтобы поддержать дочь, приехала в Гану. Ей даже удалось добиться встречи с зятем в тюремных застенках. В канун Рождества 1962 года она вернулась с больным внуком домой, в Англию.

После свержения режима К. Нкрумы в 1966 г. Джо Аппиа вернулся в политику, возглавил коллегия адвокатов и (в 1970–72 гг.) новую оппозиционную партию – Партию справедливости. В 1974 г. он присутствовал на VI panafricanском конгрессе в Дар-эс-Саламе, где правил балом президент Танзании Джулиус Ньерере, а за два года до этого, в 1972 г., в Народной демократической республике Гвинея принимал участие в переговорах с президентом Секу Туре относительно судьбы останков К. Нкрумы, скончавшегося в Бухаресте³⁰, – «о его возвращении домой»³¹.

²⁹ *The Telegraph*. 24.02. 2006.

³⁰ К. Нкрума (1909–1972) последние годы жизни провел в Конакри (Народная демократическая республика Гвинея); в 1972 г. был похоронен на родине, в деревне Нкрофу; перезахоронен в 1992 г. в мемориальном парке имени К. Нкрумы в Аккре.

В 1976–78 г. Дж. Аппиа представлял Гану в ООН, находился на дипломатической службе. Его офис в Аккре размещался вблизи от мемориала У.Э.Б. Дюбуа, которого он, как и К. Нкрума, считал своим наставником и кумиром. Верность panafricanismу и неприятие расизма Джо сохранил на всю жизнь.

Дети Аппиа учились за границей. Ни в школе, ни в университете, ни в быту никто из них не ощущал дискомфорта от принадлежности сразу к двум расам (двум культурам) – они «жили одним миром»³². Жизнь на два дома составляла будни черно-белой семьи. Уклад ашанти для них был столь же привычным, как и жизнь в Англии. Их «английская бабушка жила в деревне... по соседству с сестрой... где та родилась. Отец в Кумаси – рядом со своим отцом, хотя ашанти обычно придерживались матрицентричных традиций, а английская бабушка, напротив, сохраняла матрилинейные связи в «патриархальной» Англии...»³³. Они читали те же книги, что и их сверстники в Гане и Англии, слушали ту же музыку, смотрели одни и те же фильмы. Их принадлежность к двум культурам для них была скорее привилегией, чем проблемой: они говорили на разных языках, соблюдая верность установке: «весь мир – одна семья». В книге «В доме отца моего...» К.Э. Аппиа не раз обращался к мысли о том, что маленьким мальчиком он думал, что у всех детей есть семья в Африке и Европе и бабушки – ашанти и англичанка. Потребовалось время, чтобы понять, что не у всех есть дядя в Ливане, кузены – в США, Франции, Кении, а «сестры замужем за норвежцем, ганаянцем и нигерийцем»³⁴, что, возможно, в данном случае способствовало осознанию собственной исключительности.

Пегги до конца жизни жила в Кумаси, изучала искусство, переводила на английский язык пословицы и поговорки ашанти, писала рассказы для детей. Ее сын и дочери очень любили эти истории. Став взрослыми, они охотно читали их своим детям, живущим в Ботсване, Нигерии, США (вдали от бабушки)³⁵.

Уже в середине 1960-х гг. Пегги начала публиковать серию сказок, ныне популярных во всем мире. Имя ее обрело известность прежде всего благодаря историям о пауке Ананси, а также романам для детей и взрослых³⁶. Некоторые из них («Запас лука», «Шальные деньги») переведены

³¹ Appiah. 1992. P. IX.

³² Ibid. P. VIII.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ <http://www.livelib.ru/author/357409>

на русский язык³⁷. В историю литературы младшая дочь сэра С. Криппса – П. Аппиа – вошла как известная африканская писательница.

Брак Джо и Пегги оказался прочным – они никогда не мешали друг другу, что было важно в плане самореализации; не строили барьеров в отношениях с окружающими; занимались своим делом. Их история, будучи достоянием гласности, легла в основу популярного на исходе 1960-х фильма «Угадай, кто придет к обеду» (1967) – мелодрамы Стэнли Крамера, получившего два «Оскара»: за оригинальный сценарий и лучшую женскую роль (Кэтрин Хелберн). В 2005 г. в Голливуде и в 2007 г. в Индии с него были сделаны ремейки, что свидетельствует об огромном интересе аудитории к таким сюжетам. И хотя можно привести немало примеров подобных браков, заключенных в середине XX в. африканскими знаменитостями, в числе которых Л. Сенгор³⁸, Ф. Фанон³⁹, В. Шойинка⁴⁰ и др., именно Аппиа являли собой пример для подражания.

Семья – один из столпов общества, основа социализации, сакральная территория, где происходит физическое и духовное взросление человека, формирование личности. В общении с близкими человек обретает статус и этос, веру, надежду, любовь. Атмосфера семьи питала Аппиа интеллектуально и духовно. Каждому ее члену была гарантирована защита и свобода выбора, каждый находил в ней свою нишу, уважая интересы и мнения других. В идеале таким виделся Аппиа родительский дом.

Книгу – «посвящение отцу» – К.Э. Аппиа назвал просто: «В доме отца моего...», используя известный фрагмент «Евангелия от Иоанна» (14:3-3). В свое исследование, выполненное на стыке социальной и культурной антропологии, автор вложил лишь отдельные моменты воспоминаний и весьма значительный пласт евангельской мудрости, усвоенной им в процессе общения с родителями. От отца он, как и сестры, «унаследовал Африку в целом, Гану – в частности, и, конечно, ашанти»⁴¹ – корни. От отца и матери (от обоих) им досталось понимание того, что «в

³⁷ Аппиа, Джозелето. 1987.

³⁸ Леопольд Сенгор (1906–2001) – президент Сенегала, французский поэт и африканский философ (создатель негритюда), единственный африканец, удостоенный чести быть избранным во французскую академию – в состав «сорока бессмертных»; вторым браком был женат на французженке Коллет Хуберт.

³⁹ Франц Фанон (1925–1961) – идеолог освободительного движения, психиатр, психоаналитик; автор бестселлера «Черная кожа, белые маски» и других; состоял в браке с французженкой Жози Дубле.

⁴⁰ Воле Шойинка (род. 1934) – нигерийский писатель и театральный деятель; первый чернокожий лауреат Нобелевской премии в области литературы; первым браком был женат на англичанке Барбаре Скит.

⁴¹ Appiah. 1992. P. VIII.

доме отца моего обитателей много», и любая «обитель» способна вместить сколь угодно большое количество людей, разных и равных.

Семейные узы, своего рода «сеть», «мировая паутина»; сообщество близких и дальних родственников – такое восприятие семьи традиционно для граждан мира. Их семейное общение, по мнению К.Э. Аппиа, напоминает распространенную в настоящее время во всем мире игру – «puzzle» (головоломка). Собрать ее непросто. Дети и внуки Аппиа, племянники и крестники живут в Африке, Европе, Америке; у них латинские, английские, норвежские, нигерийские, ашантийские, афроамериканские имена; они говорят на разных языках с характерным и разнообразным акцентом. Это клан сэра С. Криппса и Дж. Аппиа, и связующее звено между ними – память. О семье, возникшей на перекрестке эпох; о людях, способных разрушить стереотипы и найти себя; о том, что есть универсальные – общечеловеческие ценности, в числе которых свобода выбора играет не последнюю роль. И каждый из членов этого клана непременно «должен быть свободен в своем выборе... чтобы найти себя... и это важно – из любви к человечеству»⁴².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аппиа П., Джолето А.* Запах Лука. Хоронить еще рано. Шальные деньги. М., Художественная литература, 1987. 350 с.
- Бард-Уильямс Г.* Клавиши рояля / Перевод с англ. А. Голембы // Избранные произведения поэтов Африки. М.: Радуга, 1983. С. 386-387.
- Нкрума К.* Автобиография / Перевод с англ. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 288 с.
- Петина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX- XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Appiah J.* The Autobiography of African Patriot. N.Y.: Praeger, 1990. 400 p.
- Appiah K.A.* Cosmopolitan Patriots // Cosmopolitics: Thinking and Feeling beyond the Nation. Minnesota, 1998. XII, 306 p.
- Appiah K.A.* In My Father's House: Africa in the Philosophy of Culture. N.Y.: Oxford University Press, 1992. XIV, 225 p.
- Bland L.* White Women and Men of Colour: Miscegenation Fears in Britain after the Great War". Gender and History. 2005. April. Vol. 17. Issue I. P. 19-47. Guardian. 2006. 06.03.
- Mazrui A., Tidy M.* Nationalism and New States in Africa: From about 1935 to the Present. L.: Heinemann, 1984. XX, 504 p.
- The Telegraph.* 24.02. 2006.
- West Africa.* 1990. 23-29 July.

Гавристова Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета; tanja1994@mail.ru

⁴² Appiah. 1998. P. 91.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

С. В. САННИКОВ

ОБРАЗЫ ОДОАКРА И ТЕОДОРИХА КАК ОСНОВАТЕЛЕЙ ГЕРМАНСКИХ КОРОЛЕВСТВ В ИТАЛИИ: АНАЛИЗ МИФОЛОГИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ (на материале «*Excerpta Valesiana*»)

Автор анализирует ключевые сюжеты второй части хроники «Анонима Валезия» с применением междисциплинарного подхода, в основу которого положена концепция архетипов К.Г. Юнга и теория мифа Дж. Кэмпбелла. В структуре образов Одоакра и Теодориха прослеживаются архетипы коллективного бессознательного, обозначаемые в аналитической психологии как архетипы Героя, Отца, Мудрого Старца, Тени.

Ключевые слова: королевская власть, раннее средневековье, архетип, мифология, образ власти, Аноним Валезия.

Большой интерес для изучения образов власти эпохи поздней античности и раннего средневековья представляет анонимная хроника VI в., которую принято обозначать по имени издателя как *Anonymus Valesianus* (Аноним Валезия) или *Excerpta Valesiana* (Извлечения Валезия)¹. События эпохи становления германских королевств в Италии освещаются во второй (последней) части хроники (*Pars posterior*), известной, с подачи Т. Моммзена, как *Chronica Theodericiana* (Хроника Теодориха).

Исследователи неоднократно обращались к изучению этого памятника и анализу представленных в нем образов власти, оценивая содержащиеся в нем свидетельства относительно их достоверности, полноты, возможности использования для уточнения датировки тех или иных событий, реконструкции социально-политических аспектов правления того или иного короля². Данный подход позволил исследователям сделать вывод о том, что многие эпизоды повествования носят вымышленный характер и свидетельствуют о «написании исторического романа»³.

Признавая правомерность такой оценки, можно предложить и иной подход к прочтению содержательной части рассматриваемого ис-

¹ *Excerpta Valesiana, pars posterior*. 1961. Русскоязычный перевод большей части источника: Аноним Валезия. Извлечения. 2000. С. 176–193.

² Подробная библиография содержится в работе: *Excerpta Valesiana*. 1961. Некоторые, наиболее значимые, работы более позднего периода: Adams. 1976; Barnish. 1983; Буданова. 1988; Goltz. 2008; Козлов. 2011.

³ Barnish. 1983. S. 592.

точника, а именно – анализ его сюжетной линии с точки зрения выявления мифологических мотивов, сюжетов и образов. Такого рода анализ может быть выполнен с позиций междисциплинарного методологического синтеза, с привлечением концепции архетипов К.Г. Юнга и теории мифа Дж. Кэмпбелла⁴.

Мифологические составляющие образов королевской власти в хронике Анонима Валезия прослеживаются как в описании действий правителя, характера правления, событий его жизненного пути, так и в персональных качествах, приписываемых правителю автором. Примером импликации мифологической составляющей может служить описание встречи Одоакра со святым Северином, в ходе которой будущий король получает напутствие святого старца и предсказание о его великом будущем в Италии: «Одоакр, которого мы уже упоминали ранее, отстранил Августула от власти и был провозглашен королем. Он правил в течение тринадцати лет. Его отца звали Эдико, и Одоакр также упомянут в книгах о житии святого Северина, монаха из Паннонии, который дал ему совет и предсказал обретение им королевской власти»⁵.

При описании деталей этого события автор обращается к сочинению Евгиппия, цитируя следующий фрагмент: «И с таким же благоговением предстали перед ним некие варвары, которые, идя в Италию, завернули к Северину, желая получить благословение. Среди них был и Одоакр, который позже правил в Италии, в то время юноша высокого роста, облаченный в самые жалкие шкуры. Он, дабы не задевать своей головой очень низкий потолок кельи, нагнулся и, стоя в дверях, спросил человека Божьего о своей судьбе. Ему, прощаясь, Северин сказал так: “Иди в Италию, иди! Ныне ты покрыт самыми жалкими шкурами, но вскоре будешь раздавать великие богатства”»⁶.

Эпизод имеет параллели с легендарным предсказанием Св. Бенедикта королю остготов Бадвиле (Тотиле): в обоих случаях провидец называет точный срок, отведенный правителю. Интересно, что арианские короли в этих эпизодах изображены как получающие напутствие ортодоксальных святителей. Встреча героя с мудрым старцем, предсказывающим ему великое будущее и королевскую власть является архетипическим сюжетом. Реконструируя сюжетную канву испытаний мифологического героя, Дж. Кэмпбелл отмечает: «первый, с кем им предстоит столкнуться в их героическом путешествии, представляет собой фигуру защитника (чаще

⁴ См. подробнее: Юнг. 2006; Кэмпбелл. 1997.

⁵ Excerpta Valesiana, pars posterior, 45.

⁶ Житие святого Северина. 1998. С. 228.

всего это древняя старуха или старик)»⁷. Мудрый старец выполняет функцию «инициирующего жреца», а сама встреча с ним носит характер инициации – посвящения героя и оказания ему сакральной поддержки перед началом его испытаний.

Следует также обратить внимание на содержательную часть предсказания Северина, обещающего юному Одоакру, что вскоре он будет «раздавать великие богатства». В варварском сознании эпохи Великого переселения народов богатство выходит за рамки реципрокных отношений и приобретает значение символическое, «когда обмен уже не оказывается чисто транзитивным, когда предмет (материал обмена) становится чем-то самодовлеющим»⁸. В данный период в романизированной германской среде распространяется демонстративное (престижное) потребление, которое выступает уже не просто в качестве «обобщенного индивидуального вознаграждения», а уже в качестве своего рода «социальной судьбы, которая с большей степени касается каких-то определенных групп или классов, затрагивает их, противопоставляя друг другу»⁹.

Вслед за прозвучавшим предсказанием Герой обретает королевскую власть: «В то время, которое слуга Божий предсказывал ему, как только Одоакр вошел в Италию, он получил королевскую власть (*regnum asserit*)»¹⁰. В данном фрагменте произведения Анонима Вalezия представляет интерес характеристика власти Одоакра, поскольку в историографии VI века сложилось две основные традиции интерпретации власти этого правителя – одна из них характеризует его власть как королевскую, другая же – как власть тирана и узурпатора.

Необходимо отметить, что на протяжении большей части периода своего правления Одоакр не давал формальных оснований для представления его в образе узурпатора, поскольку он не присваивал символы императорской власти, и всячески демонстрировал свое подчиненное положение по отношению к императору. Кризис легитимности Одоакра проявился в ходе противостояния с Теодорихом Амалом, когда король, стремясь сохранить власть, провозгласил своего сына цезарем. Образ Одоакра как узурпатора власти был акцентирован во времена правления Теодориха Амала в Италии, и получил дальнейшее развитие в контексте идеологической политики императора Юстиниана по восстановлению внутригосударственного единства.

⁷ Кэмпбелл. 1997. С. 76.

⁸ Бодрийяр. 2007. С. 71.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ *Excerpta Valesiana, pars posterior*, 47.

Фигура короля Теодориха во второй части хроники Анонима Валеция занимает центральное место и получает значительно более детальное и разностороннее освещение, нежели фигура его предшественника. В образе короля получают отражение различные категории коллективного бессознательного, архетипы Героя, Отца, и Мудрого старца¹¹.

Формирование образа Героя начинается с описания обстоятельств провозглашения Теодориха королем, характеристики его личных качеств и происхождения из королевского рода: «Когда Теодорих вошел в Равенну и убил Одоакра, готы, не дожидаясь повеления нового императора, утвердили Теодориха своим королем, ведь он был воинственнейшим и отважным человеком, отцом которого был король готов по имени Валамир. Теодорих был его родной сын; его мать на языке готов звалась Эререлива, но в католической вере при крещении приняла имя Евсевии. Он был мужем выдающимся и благожелательным ко всем, и правил тридцать три года»¹².

В описании первых тридцати лет правления Теодориха в хронике доминирует мифологическая фигура защитника народа (архетип Отца), опекающего страну, обеспечивающего мир и процветание, подобно тому, как это происходит в описанном К.Г. Юнгом мифе о «Золотом веке»¹³: «В его время Италия в течение тридцати лет хранила благополучие, так что его преемники также имели мир. Ничего превратного он не совершал. Он одновременно правил двумя народами, римлянами и готами, таким образом, что хотя сам принадлежал к арианской секте, он, тем не менее, не совершал посягательств на католическую веру; он устраивал игры в цирке и амфитеатре, и даже римляне звали его Траяном или Валентинианом, временам которых он стремился подражать; и готами, поскольку своим эдиктом он установил правосудие, он считался во всех отношениях сильнейшим королем. Военную службу для римлян он сохранил на том же основании, что и при императорах. Он был щедр на дары и раздачу зерна, и хотя казну он застал опустошенной, его трудами она была восстановлена и наполнена»¹⁴. Теодорих наделяется чертами мудреца, которому народная молва приписывает авторство афоризмов: «Хотя он был неграмотен, он был, тем не менее, настолько мудрым, что

¹¹ Краткую характеристику основных архетипов юнгианской психологии см.: Зеленский. 2004.

¹² Excerpta Valesiana, pars posterior, 58–59.

¹³ «Это освященная временем архетипическая мечта о “Золотом веке” (или о Рае), где человечество наслаждается изобилием всего и вся под великим, справедливым и мудрым руководством вождя» (Юнг. 2006. С. 85).

¹⁴ Excerpta Valesiana, pars posterior, 59–60.

до сих пор некоторые из его высказываний считаются среди людей поговорками, и поэтому не трудно вспомнить некоторые из всего их множества. Он сказал, “тот у кого есть богатство, не сможет скрыть этого, как и тот, кто одержим демоном”, а также “бедный римлянин подражает готу, а богатый гот подражает римлянину”¹⁵.

Архетип Мудрого старца явно прослеживается в образе судьи, выносящего приговоры, сопоставимые по лаконичности с решениями библейского царя Соломона. Хронист пересказывает следующую фабулу, призванную проиллюстрировать мудрость короля: «Один человек умер, оставив жену и маленького сына, который не знал матери. Этот сын, еще младенцем, был взят от нее кем-то, отвезен в другую провинцию, и там вырос. Когда он стал юношей, он каким-то образом возвратился к своей матери, которая уже была помолвлена с другим человеком. Когда мать увидела своего сына, она обняла его, благодаря Бога за то, что снова увидела его, и он жил с ней в течение тридцати дней. Но когда вернулся человек, обрученный с матерью, и увидел юношу, он спросил, кто это такой. Она ответила, что это ее сын. Когда мужчина узнал о том, что это ее сын, он стал требовать возврата предбрачного дара и говорить: “Либо ты отрицаешь, что он твой сын, либо я точно покидаю это место”. Мать, попрекаемая нарушением брачного обета, стала отвергать своего сына, которого она сама прежде признала, говоря: “Покинь мой дом, юноша, поскольку я приняла тебя как странника”. Но он продолжал говорить, что он вернулся к своей матери и в дом своего отца. Что тут много говорить? Пока это продолжалось, сын подал жалобу на свою мать королю, который повелел ей предстать перед ним. И он сказал ей: “Женщина, твой сын подал на тебя жалобу. Что ты можешь сказать? Твой ли он сын, или нет?”. Она ответила: “Он не мой сын, но я приняла его как странника”. И когда сын женщины по порядку огласил все перед королем, тот снова спросил женщину: “Он твой сын или нет?” Она сказала: “Он не мой сын”. Король сказал ей: “Каково твое богатство, женщина?” Она ответила: “Почти в тысячу солидов”. И король провозгласил с клятвой, что он не сделает ее мужем никого, кроме этого молодого человека, и что она не получит никакого иного мужа. Женщина была обескуражена и призналась, что юноша её сын. Помимо этих историй есть и многие другие»¹⁶.

Еще одной составляющей образа короля Теодориха являются черты праведника, опекающего католическую церковь и римские традиции,

¹⁵ Excerpta Valesiana, pars posterior, 61.

¹⁶ Excerpta Valesiana, pars posterior, 62.

на что указывает описание его посещения Рима и встречи с римским папой Симмахом: «После того, как мир был заключен в городе Церкви, король Теодорих вошел в Рим и почтил Святого Петра с таким уважением, словно сам был католиком. Папа Симмах, и весь сенат и народ Рима, среди общего ликования встретил его за городом. Затем, приближаясь к Риму и входя в него, он появился в сенате, и обратился к народу в Пальмах, обещая, что с Божьей помощью он будет хранить ненарушенным все, что провозгласили прежние римские императоры»¹⁷. Несмотря на то, что итог правления Теодориха в свете данной хроники омрачен конфликтом с представителями христианской конфессии, образ Теодориха как основателя королевства свободен от негативных характеристик, связанных с его принадлежностью к арианской ереси.

Наиболее ярко в образе Теодориха выражены именно черты покровителя своего народа, обеспечивающего такое процветание страны, которое приобретает характерные черты упомянутого архетипа «Золотого века»: «Беднякам города он выдавал каждый год сто двадцать тысяч мер зерна, и для восстановления дворца и реконструкции стен города он повелел каждый год выдавать двести либр из хранилища винного налога... И он настолько заслужил расположение соседних народов, что они предлагали ему заключение союзов, в надежде, что он станет их королем. В самом деле, купцы стекались к нему из разных провинций. При нем был такой порядок, что если кто-либо желал оставить в поле свое серебро или золото, то это было так же безопасно, как если бы происходило в стенах города. И он установил такое правило по всей Италии, чтобы никакой город не устанавливал ворота. А там, где уже были ворота, они никогда не закрывались. И каждый мог вести свое дело в тот час, когда хотел, как если бы это было днем. В его времена шестьдесят мер зерна покупались за один солид, и тридцать амфор вина за один солид»¹⁸.

Сходные образы обнаруживаются, например, в тексте «Младшей Эдды», при описании правления легендарного конунга Фроди: «Так как Фроди был самым могущественным конунгом в северных странах, считают, что это он водворил мир во всех землях, где говорят по-датски, и люди на севере называют это миром Фроди. Тогда никто не чинил зла другому, даже повстречав убийцу отца или брата, на свободе или связанным. Не было тогда ни воров, ни грабителей, так что одно золотое кольцо долго лежало на Ялангрсхейд-поле»¹⁹.

¹⁷ Excerpta Valesiana, pars posterior, 65.

¹⁸ Excerpta Valesiana, pars posterior, 72–73.

¹⁹ Младшая Эдда. 1994. С. 142.

Сопоставимые описания «Золотого века» встречаются и у других раннесредневековых авторов, в частности, Беда Достопочтенного и Павла Диакона. Нортумбрия эпохи правления Эдвина описывается Бедой как идеальное христианское королевство: «Говорят, что в то время в Британии – вернее в той ее части, которой владел король Эдвин, – царил такой мир, что женщина с грудным младенцем на руках могла пройти через весь остров от моря до моря безо всякого вреда для себя. Этот король так заботился о благе своего народа, что велел установить на дорогах возле источников с чистой водой столбы и повесить на них медные кубки для утоления жажды путников. Никто не смел уносить их или использовать не по назначению – не из страха, но из любви к королю»²⁰.

Характеристика королевства лангобардов в Италии Павлом Диаконом также содержит в своей основе элементы мифа о «Золотом веке»: «Это было поистине удивительно в королевстве лангобардов: в нем не было никакого насилия, не замышлялся никакой тайный заговор, никого несправедливым образом не принуждали к повинности, никого не грабили; не было ни воровства, ни грабежей, и каждый мог спокойно и без страха идти, куда ему угодно». Весьма характерно, что подобные модели не воспринимались германцами как утопические, что прослеживается на примере кодекса короля Альфреда, в котором нормы закона Моисея устанавливаются как имеющие прямое действие²¹.

Резкий контраст с образом «Золотого века» представляет описание последних лет правления Теодориха, которые охарактеризованы как результат козней дьявола, похищающего этого великого человека для своих целей: «Вскоре после этого дьявол нашел, каким образом похитить человека, который правил государством хорошо и без недовольства подданных»²². Описываемое автором преследование представителей ортодоксальной церкви ставит Теодориха в положение врага христианской веры: «Тогда король, после своего возвращения в Равенну, действовал более не как друг Господа, но как враг Его закона»²³.

Метаморфозы мифологических архетипов, лежащих в основе формируемого в хронике образа короля Теодориха, указывают на крайне противоречивый характер источника. Если в первой половине произведения доминирует архетип Отца (мифологическая фигура Защитника), то во второй части, очевидно, довлеет архетип Тени, выраженный в об-

²⁰ Беда Достопочтенный. 2001. С. 67.

²¹ См.: Санников. 2009.

²² Excerpta Valesiana, pars posterior, XIV.

²³ Excerpta Valesiana, pars posterior, XV.

разе дьявола, похищающего душу короля Теодориха²⁴. Наличие противоречивых характеристик и составляющих образа Теодориха объясняется, по всей видимости, участием нескольких авторов в работе над формированием текста хроники, либо компиляцией различных источников в процессе работы одного автора²⁵.

Описание жизни и правления короля Италии завершается свидетельством о том, что Бог «наложил на Теодориха то же наказание, которое понес и Арий, основатель его религии. Король был поражен диареей, и после трех дней разверзшегося чрева утратил свой трон и саму жизнь в тот день, на который он планировал нападение на церкви»²⁶.

В средневековой историографической традиции неоднократно встречается описание смертей еретиков от диареи, которая, согласно свидетельству некоторых авторов, постигла ересиарха Ария²⁷. Связь смерти человека с нечистотами, по-видимому, также имела в средневековой культуре семиотическое значение, обусловленное бинарной оппозицией категорий «мироздания» (*mundus*) и «нечистот» (*immundus*)²⁸. Описание позорной смерти Теодориха, таким образом, завершает картину бесславного окончания его жизни, содержа имплицитное указание на борьбу с христианской религией как причину утраты королем жизни и королевской власти.

Подводя итоги проведенного анализа образов королей Одоакра и Теодориха, представленных в хронике Анонима Вalezия, можно сделать вывод о том, что в своей основе данные образы восходят к архетипам коллективного бессознательного, обозначаемым в аналитической психологии как архетипы Героя, Отца, Мудрого Старца, Тени. Рассматриваемые архетипы имеют архаическое происхождение, уходя своими корнями в «детство» человечества – период, когда формировалась потестарная мифология – сфера мифологических представлений о правлении богов среди людей²⁹. Данные представления получают завершенное выражение в мифе о «Золотом веке», определенные вариации которого транслируются и в средневековую политическую мифологию.

²⁴ «Дьявол есть вариант архетипа Тени, т.е. опасного аспекта непризнанной, темной половины человека» (*Юнг*. 1994. С.101).

²⁵ См. подробнее: *Barnish*. 1983. P. 572; *Adams*. 1976.

²⁶ *Excerpta Valesiana, pars posterior*, XVI.

²⁷ Данная трактовка встречается в произведениях Сократа Схоластика, Руфина, Григория Турского, Виктора Тонненского (см. библиографию в конце статьи).

²⁸ См. подробнее: *Дугин*. Постфилософия. [Электронный ресурс].

²⁹ См. подробнее: *Санников*. 2011. С. 31–41.

Выполненное исследование показывает, что даже при высоком уровне изученности фактической стороны содержания исторического источника, представленные в нем сведения имеют большую ценность с точки зрения постижения ментальности, изучения категорий коллективного бессознательного и понимания природы мифологического сознания. Это подтверждает тезис М. Блока о том, что «исторический источник в принципе неисчерпаем, – его познавательные возможности зависят от способности историков вопрошать их по-новому, подходить к ним с тех сторон, с которых ранее их не изучали»³⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аноним Валезия*. Извлечения. Пер. с лат. В.М. Тюленева // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты)*. Отв. ред. И.В. Кривушин. Иваново, 2000. С. 176–193.
- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англос / Пер. с лат. и комментарии В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 178 с.
- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.
- Буданова В.П.* Варвары в представлении «Анонима Валезия» // *Культура и общественная мысль*. М., 1988. С. 57–64.
- Виктор Тонненский*. Хроникон Виктора / Пер. с лат. Д. Суруленкова. 2009. [Электр. ресурс] URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Victor_Tonnenensis/frametext.htm (дата обращения: 17.12.2013)
- Григорий Турский*. История франков / Отв. ред. В. Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 464 с.
- Дугин А.Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.platonizm.ru/book/export/html/124> (дата обращения: 17.12.2013)
- Житие святого Северина. Пер. А.И. Донченко. Петербург: Алетейя, 1998. 267 с.
- Зеленский В.В.* Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М.: Когито–Центр, 2004. 256 с.
- Козлов А.С.* Социальный аспект информации «Анонима Валезия» // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 40–59.
- Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. Киев: Рефл–бук, 1997. 384 с.
- Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин–Каменский. М.: Ладомир, 1994. 256 с.
- Руфин Аквилейский*. Церковная история // Тюленев В. М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: Изд-во Олега Абышко. 2005. С. 230–284.
- Санников С.В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: НГТУ, 2011. 212 с.
- Санников С.В.* Перевод пролога к кодексу короля Альфреда // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Том 8. Выпуск 1: История. Новосибирск, 2009. С.205 – 209.

³⁰ Блок. 1986. С. 204.

- Сократ Схоластик*. Церковная история / Пер. СПбДА под ред. И.В. Кривушина. М.: РОССПЭН, 1996. 368 с.
- Юнг К.* Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 320 с.
- Юнг К.Г.* Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2006. 352 с.
- Adams J.N.* The Text and Language of a Vulgar Latin Chronicle (Anonymus Valesianus II). BICS Suppl. 36. London, 1976. Pp. xxv + 189 S.
- Barnish S.J.B.* The Anonymus Valesianus II as a Source for the Last Years of Theoderic. // Latomus 42, 1983, S. 572–596.
- Excerpta Valesiana. [I. Origo Constantini imperatoris. II. Theodericana.] Recensuit Jacques Moreau. Lipsiae: B. G. Teubner, 1961. XX + 33 S.
- Goltz A.* Barbar – König – Tyrann. Das Bild Theoderichs des Großen in der Überlieferung des 5. bis 9. Jahrhunderts. Berlin–New York, 2008. 698 S.

Санников Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Новосибирского национального исследовательского государственного университета, sannikov_s@ngs.ru

В. Л. ГАЙДУК

ДИСКУССИЯ О ТЕАТРЕ НАЧАЛА 1918–1920-х ГОДОВ

Театральная дискуссия 1918–1920-х гг. рассматривается как самостоятельное явление культуры. Проанализированы точки зрения главных оппонентов – А.В. Луначарского и П.М. Керженцева. Показано влияние театральной дискуссии на формирование государственных органов управления театральным делом в Советской России.

Ключевые слова: театр, Наркомпрос, Пролеткульт, театральная традиция, советский репертуар.

Дискуссия о театре, которая развернулась после событий октября 1917 года, была призвана выработать единую концепцию развития театрального дела в Советской России. В спорах о судьбе театрального искусства не только рождались новые театры и целые театральные системы, но также создавались органы государственного управления театральным делом. Тесная связь между искусством и государством подчеркивалась тем обстоятельством, что основные оппоненты занимали административные должности: А.В. Луначарский был наркомом просвещения, а П.М. Керженцев – одним из руководителей Пролеткульта.

Управление театральным делом после октябрьских событий было передано Народному комиссариату Просвещения, созданному в ноябре 1917 года. Первоначально в структуре Наркомпроса не было отдельного театрального сектора, театральный отдел появляется только в сентябре 1918 года. Главной целью отдела было «общее руководство театральным делом в стране в широком государственном масштабе; создание нового театра в связи с перестройкой государственности и общественности на началах социализма; упорядочение художественно-профессиональной жизни в сфере театра»¹. Понятие «нового театра», указанное в постановлении, не было однозначно определено. А.В. Луначарский под «новым театром» понимал скорее обновленный театр – он предлагал сделать театры доступными и изгнать «из них враждебный или негодный для пролетариата элемент»², постепенно наполняя их новым содержанием. Вместе с тем, Луначарский настаивал на сохранении старых театров: «пролетариат не может пройти мимо всех тех культурных сокровищ, которые оставило ему в наследство прошлое»³.

¹ СУ РСФСР. 1918. № 68. Ст. 740.

² Луначарский. 1923. С. 106.

³ Луначарский. 1923. С. 105.

Противоположной точки зрения на искусство придерживались представители Пролеткульта. Необходимо отметить, что первая конференция Пролеткульта, заложившая основу Всероссийского Пролеткульта, была созвана в сентябре 1917 г. по инициативе Луначарского. Впоследствии радикальная политика, предлагаемая пролеткультовцами, подвергалась все большей и большей критике со стороны наркома просвещения.

Противоборство Наркомпроса и Пролеткульта задает временные рамки дискуссии: с момента создания Наркомпроса в ноябре 1917 года до опубликования письма ЦК РКП(б) 1 декабря 1920 года «О пролеткультах». После 1 декабря 1920 года Пролеткульт фактически становится одним из отделов Наркомпроса, что приводит в дальнейшем к угасанию этой организации.

В исторической литературе дискуссия 1918–1920 гг. не рассматривается как самостоятельная⁴. Правомерность изучения этой дискуссии как самостоятельного явления определяется тем, что она носила институциональный характер, в отличие от всех последующих дискуссий. Кульминацией дискуссии становятся 1919–1920 гг., в это время основной площадкой для споров был журнал «Вестник театра», который появился именно в 1919 г. Этот журнал – официальный печатный орган театрального отдела Наркомпроса, но, в отличие от печатных изданий Пролеткульта, на его страницах печатались как сторонники А.В. Луначарского, так и сторонники П.М. Керженцева.

В дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вестник театра», можно выделить два основных вопроса: 1) театральная традиция и 2) репертуар современного театра. Оба вопроса напрямую затрагивали проблемы соотношения старого и нового не только в театре, но и во всей культуре. В частности, необходимо было решить, каким будет новый театр, каково место дореволюционных театров в новой системе, какие пьесы будут ставить в новом театре и т.д.

Прежде всего, необходимо уточнить некоторые термины, которые использовались участниками дискуссии. Вяч. Смьшляев в статье «На новых путях. О некоторых театральных терминах»⁵ дает определение шести этапам развития театра, а именно: старому театру, буржуазному театру, пролетарскому театру, массовому театру, массовому празднеству и массовому зрелищу.

Старый театр «носит несомненную печать художественности, т.е. обладает способностью через данную форму искусства <...> передавать

⁴ См.: Коржихина. 1997; Золотницкий. 1976.

⁵ Смьшляев. 1920. № 50. С. 4-5.

зрителям творческие предчувствия, возбуждает их активность в определенном направлении»⁶. Этому виду театра, как и остальным четырем, противопоставляется буржуазный театр, который «является средством эксплуатации и наживы»⁷. Зритель в подобном театре является потребителем театрального товара. Старый театр предшествует буржуазному театру. И если старый театр является примером позитивного театрального опыта, то буржуазный театр, безусловно, пример негативного опыта. Пролетарский театр, по мнению Вяч. Смышляева, – это «старый театр, развивающийся при нормальных условиях, предоставленных ему победой рабочего класса»⁸. Завершающим звеном цепочки «старый театр – пролетарский театр» является массовый, или социалистический театр. Весь трудовой народ становится в таком театре творческим коллективом. Массовое празднество и массовое зрелище – промежуточные этапы развития театра, отдельные проявления грядущего социалистического театра. Современным Вяч. Смышляеву является этап пролетарского театра и отдельно стоящие массовые празднества и массовые зрелища.

Точка зрения Вяч. Смышляева близка точке зрения Пролеткульта, за несколькими исключениями, а именно: пролеткультовцы не признавали преемственности театральной традиции и ставили знак равенства между старым и буржуазным театром. П.М. Керженцев писал, что «буржуазный театр, даже в лучших своих формах и видах, для нас может быть только любопытным музеем и ничем больше»⁹. Столь радикальная точка зрения Керженцева и всего Пролеткульта в отношении старых дореволюционных театров вынудила Луначарского проводить так называемую охранительную политику в области театра, которая заключалась в создании в составе ТЕО НКП секции Государственных театров, подчиненной напрямую наркому просвещения. В число государственных театров входили Большой театр, Малый театр, Мариинский театр, МХАТ со всеми студиями, Детский театр, Камерный театр и некоторые другие.

Еще одним радикальным предложением Пролеткульта была жесткая политика национализации театров. И А.В. Луначарский, и ТЕО НКП, во главе которого стояла О.Д. Каменева, были против такой радикальной политики. В докладе, посвященном этому вопросу, Каменева подчеркивает, что, проводя национализацию, театр «можно либо разрушить, <...> либо искалечить»¹⁰. Луначарский предлагает свой проект

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Керженцев. 1920. № 48. С. 4.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 13. Л. 3.

объединения и национализации театрального дела. Ключевым моментом проекта является разделение театров на автономные и неавтономные. К автономным относятся «театры, культурная ценность которых признается бесспорной и которые находятся в руках зарекомендовавших себя и устойчивых коллективов»¹¹. К категории неавтономных театров относятся, соответственно, все остальные театры. Неавтономные театры обязаны выполнять все распоряжения специально созданного для этого Центротейтра¹², в то время как автономные подчиняются напрямую наркомупросвещения.

26 августа 1919 года СНК РСФСР издает декрет об объединении театрального дела, в основу которого был положен проект Луначарского. Декрет провозглашает национализацию всего театрального имущества, которое переходило в собственность Центротейтра и передавалось в «пользование художественным коллективам, имеющим или желающим иметь театр, и артистическим труппам на определенных началах»¹³. Государственные театры по-прежнему имели особый статус: они подчинялись не Центротейтру, а наркомупросвещения.

Важной проблемой, как для старого, так и для нового театра, являлся репертуар. Новый репертуар практически отсутствовал, и театры вынуждены были ставить дореволюционные пьесы. Для отбора пригодных к постановке дореволюционных пьес Луначарский создает в составе ТЕО НКП репертуарную секцию. В обязанности секции входило также составление репертуарных списков рекомендованных пьес, в которых разграничивался репертуар государственных и рабоче-крестьянских театров¹⁴. Необходимо отметить, что функции, которые выполняла репертуарная секция ТЕО НКП, впоследствии были закреплены за Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром (Главреперткомом), созданным в 1923 г. При учете этого обстоятельства начало театральной цензуры следует относить к 1918 г., а не к 1923 г., как считается в историографии¹⁵.

Проблема репертуара была также связана с восприятием современных пьес рабоче-крестьянской аудиторией. А.В. Луначарский в статье «Именем пролетариата»¹⁶ пишет, что рабочие и крестьяне не понимают современных пьес и просят заменить их пьесами Н.В. Гоголя и

¹¹ Луначарский. 1919. № 170. С. 4.

¹² Там же.

¹³ СУ РСФСР. 1919. № 44. Ст. 440.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 6. Л. 1.

¹⁵ См.: Блюм. 1994; Горяева. 2009.

¹⁶ Луначарский. 1919. № 50. С. 3-4.

А.Н. Островского¹⁷. В дальнейшем появятся специальные комиссии, например, Комиссия по изучению зрителя при театральной секции Государственной академии художественных наук, задачей которых будет изучение восприятия различных спектаклей новой публикой. Но такие комиссии появятся только в 1922 г., а в 1919–1920 гг., отвечая на запросы публики, театры, в том числе и самодеятельные, будут ставить произведения классического репертуара, который окажется более доступным для новой аудитории, чем революционные и агитационные пьесы современных авторов.

А.В. Луначарский и П.М. Керженцев выстраивают две различные схемы развития театрального искусства. Луначарский подчеркивает необходимость искоренения художественной безграмотности среди пролетариата путем его знакомства с достижениями старого театра. Старый театр должен заложить прочный фундамент, на котором можно будет строить новый социалистический театр, и только в этом случае новое искусство будет понятно широкой рабоче-крестьянской аудитории. Керженцев рассматривает ситуацию в обратном порядке: первоначально пролетариат должен построить свой собственный, новый социалистический театр, и «только через десять – двадцать лет, в период мирного социалистического строительства»¹⁸ рабочие и крестьяне сумеют оценить достижения старого театра.

На очередной конференции по вопросам художественной жизни, которая состоялась в Москве в 1919 г., ни точка зрения Луначарского, ни точка зрения Керженцева не получила единогласной поддержки. Резолюция конференции соединяла в себе обе точки зрения: «Пролетариат создает свое искусство не только путем критического изучения классических образцов прошлого, но и путем революционного идеологического разрыва с духом буржуазной культуры»¹⁹. Таким образом, дискуссия практически зашла в тупик, т.к. ни одна из точек зрения на развитие театра в Советской России не была принята как основополагающая: государственные театры находились под опекой Луначарского, Керженцев претворял свои идеи в жизни в рамках театральных студий Пролеткульта. Две театральные линии – линия профессионального театра и самодеятельного театра – по-прежнему не имели точек пересечения.

В октябре 1919 г. А.В. Луначарский назначает на должность заведующего ТEO НКП Вс.Э. Мейерхольда. По мнению, Ш. Фицпатрик,

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Керженцев*. 1919. № 50. С. 2-3.

¹⁹ Конференция по вопросам художественной жизни Москвы. 1919. № 58. С. 4.

Луначарский пошел на этот стратегический шаг, чтобы, с одной стороны, удовлетворить требования пролеткультовцев, а с другой стороны, чтобы обезопасить государственные театры²⁰. Но доктрина «Театрального октября», выдвинутая Мейерхольдом, противоречила ожиданиям Луначарского. В доктрине провозглашается полная национализация театров, ликвидация государственных театров, введение пьес революционного репертуара в театры, борьба против фальшивой идеологии и развитие театральной техники актера»²¹.

Кроме того, Вс.Э. Мейерхольд объявляет курс на милитаризацию театров²², которая привносит в театральную политику военный дискурс: театральный фронт, гражданская война в театре и т.д. Мейерхольд считал, что театр не может быть аполитичным, на него оказывает влияние среда, в которой он существует, следовательно, если страна находится в состоянии гражданской войны, то такая же гражданская война ведется и в стенах театров²³.

Будучи заведующим ТEO НКП, Мейерхольд создает свой театр – театр РСФСР 1-й, – в котором он осуществляет постановку по пьесе Э. Верхарна «Зори». Необходимо отметить, что это произведение было одним из наиболее обсуждаемых в тот период. Объясняется это, прежде всего, скудностью репертуара, который мог бы отвечать запросам революционного времени, о чем говорилось ранее. Мейерхольд писал о пьесе «Зори» еще в дореволюционных статьях, например, в статье «Театр (к истории и технике)»²⁴ он подчеркивает, что «новый театр вырастает из литературы» и эта новая литература уже появилась: «Ибсен, «Зори» Верхарна, «Земля» Брюсова, «Тантал» Вяч. Иванова»²⁵.

П.М. Керженцев в книге «Творческий театр»²⁶ подчеркивает, что «Зори» являются подлинно революционным произведением и постановка этой пьесы в театре, безусловно, потребует введения новых театральных приемов²⁷. Во-первых, он настаивает на уничтожении рампы, которая отделяет зал от сцены. Во-вторых, предлагает активно вовлекать зрителей в сценическое действие, и, в-третьих, говорит о введении коллективных выступлений, таких как хоровые элементы.

²⁰ Fitzpatrick. 2002. P. 150.

²¹ Театральный Октябрь. 1919. 27 окт. С. 2.

²² Мейерхольд. 1921. № 23. С. 3.

²³ О современном театре (из речи Вс.Э. Мейерхольда). 1919. № 70. С. 11-12.

²⁴ Мейерхольд. 1908. С. 9-40.

²⁵ Там же. С. 150-151.

²⁶ Керженцев. 1918.

²⁷ Там же. С. 66-67.

В.М. Бебутов и Вс.Э. Мейерхольд в статье, освещающей планы постановки «Зорь», указывают на необходимость отказа от «столь уродливого явления»²⁸, как рампа, и призывают отказаться от декораций в пользу плакатов и пустой сценической площадки. Упразднение рампы представляется авторам не только как технический акт, но и как акт эстетический, создающий новый театр. В упрек П.М. Керженцеву, на которого есть прямая ссылка в тексте, – «...как это казалось тов. Керженцеву, когда он писал свою книжку “Творческий театр”»²⁹, – ставится непонимание эстетического смысла упразднения рампы.

Спектакль «Зори» становится воплощением доктрины Театрального октября на сцене: текст пьесы был осовременен; отсутствовали рампа, декорации, костюмы, занавес как элементы старого театра; в спектакль вводились большие массовые сцены и др. Н.К. Крупская высказалась против такой трактовки произведения: «Надо восстановить текст Верхарна!»³⁰ Статья Крупской была опубликована в «Правде» – центральном печатном органе страны, что, по сути, определяло отношение государственного аппарата как к этому спектаклю, так и ко всей театральной концепции Вс.Э. Мейерхольда.

Против Театрального Октября выступает и А.В. Луначарский. В феврале 1921 г., после очередной реорганизации структуры Наркомпроса, ТЕО НКП упраздняется, вместо него появляется театральный отдел Главполитпросвета (ТЕО ГПП)³¹, и Вс.Э. Мейерхольд более не занимает государственных должностей. Театр окончательно переходит из разряда развлекательных учреждений в разряд учреждений образовательных и воспитательных, как это предполагал П.М. Керженцев³².

Деятельность Пролеткульта подвергалась критике со стороны партийного руководства еще раньше – в декабре 1920 года. После публикации 1 декабря 1920 года в «Правде» письма ЦК РКП(б) «О Пролеткультах»³³, в котором резко критикуется идейная платформа Пролеткульта, деятельность этой организации, как отмечает Н.Ю. Адрианова³⁴, идет на спад. На первый план выходят, по утверждению А. Аймермахера³⁵, политико-образовательные задачи.

²⁸ Мейерхольд. 1968. С. 16.

²⁹ Там же.

³⁰ Крупская. 1920. С. 3.

³¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1231. Л. 20.

³² Керженцев. 1918. С. 14.

³³ О пролеткультах. 1920. С. 1.

³⁴ Адрианова. 2008. С. 61.

³⁵ Аймермахер. 1998. С. 49.

Показательной является характеристика точки зрения Пролеткульта, приведенная в докладе Е. Просветова «Проблема организационного театра», прочитанном 1 марта 1922 года: «Пролеткульт отказался от официального закрепления за собой каких бы то ни было театральных течений и этим косвенно как бы декларировал свою лояльность в отношении ко всем театральным направлениям»³⁶.

Таким образом, вмешательство ЦК РКП(б) положило конец противоборству Наркомпроса и Пролеткульта в театральной сфере. Пролеткульт стал одним из отделов Наркомпроса, а ТЕО стал подчиняться Главполитпросвету, руководимому Н.К. Крупской. Сама же дискуссия о театре утихла лишь на время. В начале 1920-х годов она приобретает новое преломление в плоскости обсуждения спектаклей различных театров. Но в этом витке споров отсутствует институциональный компонент, который был характерен именно для дискуссии 1918–1920 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 2306. Оп. 24. Д. 6. Л. 1.
 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1231. Л. 20.
 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 6. Л. 1.
 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 24. Д. 13. Л. 3.
 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 1230. Оп. 1. Д. 371. Л. 1.
 Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1918. № 68. Ст. 740.
 СУ РСФСР. 1919. № 44. Ст. 440
Керженцев П.М. Буржуазное наследие // Вестник театра. 1919. № 50. С. 2-3.
Керженцев П.М. Дискуссия и полемика. Театральный музей // Вестник театра. № 48. 1920. С. 4.
Керженцев В. Революция и театр. М.: Денница, 1918. 63 с.
Керженцев В. Творческий театр. Пути социалистического театра. М.; Пг.: Книга, 1918.
 Конференция по вопросам художественной жизни Москвы // Вестник театра. 1919. № 58. С. 4.
Крупская Н.К. Постановка «Зорь» Верхарна // Правда. 1920. 10 ноября. С. 3.
Луначарский А.В. Идеализм и материализм. Культура буржуазная и пролетарская. Пг.: Путь к знанию, 1923. 140 с.
Луначарский А.В. Именем пролетариата // Вестник театра. 1919. № 50. С. 3-4.
Луначарский А.В. Театра и искусство. Проект тов. Луначарского // Известия. 3 авг. 1919. С. 4.
Мейерхольд Вс.Э. К постановке «Зорь» в первом театре РСФСР // Статьи. Письма. Речи. Беседы. М., 1968. Ч. 2. С. 16.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 371. Л. 1.

Мейерхольд Вс.Э. Милитаризация московских театров и Всерабис // Известия. 1921. № 23. 3 февр. С. 3.

Мейерхольд Вс.Э. Театр (к истории и технике) // О театре. Книга о новом театре. СПб.: Шиповник, 1908. С. 9-40.

О пролеткультах // Правда. № 278. 1 дек. 1920. С. 1.

О современном театре (из речи Вс.Э. Мейерхольда) // Вестник театра. 1919. № 70. С. 11-12.

Смышляев Вяч. На новых путях. О некоторых театральных терминах // Вестник театра. 1920. № 50. С. 4-5.

Театральный Октябрь. // Известия. 1919. 27 окт. С. 2.

Литература:

Адрианова Н.Ю. Концепция «пролетарской культуры» и монументальная лениниана как отражение идеологических установок в обществе в первые годы советской власти (1917–1927). М.: Триада-Фарм, 2008. 142 с.

Аймермахер А. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932 гг. М.: АИРО-XX, 1998. 205 с.

Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 1994. 319 с.

Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР, 1917-1991. М.: РОССПЭН, 2009. 405 с.

Золотницкий Д.И. Зори театрального октября. Л.: Ленингр. Отд. Изд-ва «Искусство», 1976. 372 с.

Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М.: РГГУ, 1997. 372 с.

Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment: Soviet organization of the arts under Lunacharsky, Oct. 1917-1921. Cambridge : Cambridge univ. press, 2002. 380 p.

Гайдук Владислава Леонидовна, аспирант кафедры социальной истории факультета истории НИУ «Высшая школа экономики»; vgaiduk@hse.ru

О. Е. КОШЕЛЕВА

ВНЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ МЕЩАНИН В ЗЕРКАЛЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Рец. на книгу: *З.М. Кобозева. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.)* или *Рассказ о «душе с повинностями»*. – Самара: Изд-во «Самарский университет» 2013. – 608 с., 48 илл.

Ключевые слова: история повседневности, город, мещанское сословие.

Первое, что ощущаешь, читая монографию Зои Михайловны Кобозевой – это душевную теплоту автора по отношению к предмету своего исследования – мещанству г. Самары. Да, речь идет о том самом городском слое населения, название которого приобрело негативное значение, обозначающее пошлость, узость взглядов, конформизм, малую образованность, отсутствие личного достоинства, трусоватость и еще множество не самых приятных характеристик, крепко припечатанных классической русской литературой. «Клоп» Маяковского – вот он, типичный мещанин! Многие могут сказать, что профессиональный историк не должен в научном тексте проявлять симпатий и антипатий к предмету своего исследования, тем не менее, они присутствуют всегда, даже если их тщательно скрывают. В данном случае автор их не утаивает, а сознательно подчеркивает – было бы невозможно написать книгу о мещанстве без сочувствия и, главное, интереса, к нему. Что, однако, далеко не равно идеализации. «Все правда», – пишет автор, подытоживая высказывания классиков о мещанстве, – но давайте здесь, на историческом поле, обойдемся «без назидательности» (с. 14). Впрочем, это чувство симпатии – черта практически всех исследований, написанных «о маленьком человеке», который совсем не герой, а часто – дурак и пьяница. Более того, З.М. Кобозева органично включает себя и своих близких – жителей города Самары – в собственное исследование. Это их лица мы видим на обложке книги – так сразу начинается визуальное знакомство с представителями мещанского сословия.

Значимость исследования именно мещанского сословия, а не просто горожан – исключительная: оно очень мало изучено в отечественной историографии. В России конца XIX столетия, стремительно двигавшейся к революции, негативное отношение к мещанству сложилось

в силу разных исторических обстоятельств, как среди дворянства и интеллигенции, так и среди рабочих и крестьян. Оно перешло и в советскую эпоху, когда марксистская наука признала неспособность российского «третьего сословия» сыграть важную роль в развитии страны. Все это привело к малой изученности и к недостаточному осмыслению роли и места мещанского сословия в истории России.

З.М. Кобозева закономерно отказывается от марксистского подхода (с. 20), который в данном случае дал бы только негативные ответы, ее опорой вполне обоснованно стала история повседневности. Ведь мещанство состояло, по преимуществу, из людей, которые не делали политики, в первую очередь они были заняты своими повседневными проблемами, главная из которых – выжить и преуспеть в нелегких условиях имперской городской жизни.

Тем не менее, это «мещанское» занятие повседневными проблемами несет в себе немалое историческое значение. В критические моменты истории роль мещанства оказывалась в разных ситуациях весьма неоднозначной. Так, велико было значение низших слоев городского населения во всех трех французских революциях; полагают, что именно эти же слои создали благоприятные условия для расцвета фашизма в Германии. И сегодня, в эпоху постмодернизма, утратившую прежние высокие идеалы и сосредоточенную на «мещанском благополучии», простой городской обыватель играет важнейшую роль в формировании современной России. Именно он отстоял свою, так жестоко осмеянную классиками, точку зрения на жизнь.

Исследование мещанской повседневности основано автором на таком сложном и, на первый взгляд, скучном материале, как делопроизводственная документация, или, говоря иначе, на давно ненужных, пожелтевших бюрократических бумажках, представляющих собой счета, жалобы, повестки, квитанции, протоколы заседаний давно исчезнувших учреждений г. Самары. В фондах самарского архива они полностью сохранились, и до настоящего времени лежали там не тронутые рукой историка. И вот эта рука перевернула в них каждую страницу, а глазам открылись «тысячи «маленьких» трагедий», не имеющих биографического начала и конца и повествующих о конкретном мгновении в жизни индивида» (с. 14). Среди текстов, обращенных во власть, по редчайшей счастливой случайности нашлись и личные тексты (письмо к сыну, стихи гимназиста и др.), и даже вещи (потерянный кухаркой кошелек, медаль, так и не нашедшая своего героя). Дискурс писем со временем изменялся: если в середине XIX в. в них был чрезвычайно силен личный элемент,

власть в рамках патриархальной культуры персонифицировалась с конкретным старостой, которому можно было поведать о своем житье-бытье, то к концу века он стал малозаметен и подорван использованием телеграмм, «в которых уже полностью устраняется оттенок личного обращения во власть» (с. 375). Внимательное отношение к каждой строке текста, к тому, как человек обращается к адресатам, к тому, как он именует сам себя, какой пользуется лексикой, орфографией и пунктуацией, позволяет автору увидеть за ними культурные и социальные смыслы. Все документы – разные, если посмотреть на них в подробностях, но в них также оказывается и много общего, если сменить угол зрения с индивидуального на однотипное. «Смена регистра» на типичное, на повторяющиеся сюжеты, помогала автору выявить «болевые точки», «точки напряжения» (tension) в мещанском сообществе. Такими точками были: налоговая повинность, рекрутская повинность, паспортная система, домашняя неустроенность, разрушение сословных структур.

Книга посвящена не вообще мещанскому сословию как таковому, а конкретно – мещанству, приписанному к г. Самаре. Оно, по справедливому мнению автора, имело свои особенности, обусловленные характерными чертами самой Самары, которую З.М. Кобозева характеризует как «город-фронтир», находящийся на границе культурной ойкумены и «дикого поля», как поволжский «Новый Орлеан». «Географический образ Самары, – пишет автор книги, – обладает миграционной подвижностью. Из этого вытекает такая особенность горожан, как перенесение пространственных стереотипов поведения из автохтонных территорий на Самару и их “непоглощаемость” местным культурным фоном: деревенские продолжают жить в Самаре по-деревенски, различные этносы сохраняют свою модель поведения и этику, пришлые “столичные” противопоставляют себя провинциальному “хамству”, – и всё вместе формирует неповторимый маргинальный колер, в котором присутствует своя специфическая стратификация: до революции – сословная с маргинальной спецификой, в современное время – буржуазная все с тем же маргинальным подтекстом» (с. 37). У Самары не было своей, уходящей корнями в древность, мифологизированной истории. Большинство жителей города относилось к мещанству, здесь было мало дворян и интеллигенции, и это мешало появлению мещанской культуры, образующейся в процессе множества заимствований из культуры иных слоев населения.

Таково пространство, в которое автор помещает своих негероических героев. В нем они начинают оживать и действовать: читателю демонстрируют основные типы мещанских домов (победнее и побогаче),

семьи, которые их населяют, внутреннее убранство жилищ, сады-огороды, выгоны для скота. Последний отличался разнообразием: в 1890 г. по Самарской губернии числилось 6824 верблюда, и ночью их можно было увидеть на улицах города, поскольку городская дума запретила езду на этих «большегрузах» днем. (с. 256). Самарские мещане представлены через множество профессий: это портные, булочники-пирожники, модистки, столяры, моляры, слесари, печники, бондари, колесники, дворники – всех не перечесать. Но время шло вперед – и набор специальностей менялся: появились кондукторы, машинисты, телеграфисты, фельдшеры. Мещане активно занимались торговлей, держали различного рода заведения (гостиницы, трактиры, харчевни и пр.) и имели небольшие промышленные предприятия. Многие из преуспевших мещан из сословной замкнутости «устремляются на свободу: в профессионализацию и индивидуализм» (с. 265). Тем не менее, прислуга и чернорабочие преобладали в мещанстве в течение всего рассматриваемого периода – от Великих реформ и до революции 1917 г. Источники позволили детально представить в книге социальную структуру и материальную сторону жизни, общий облик самарского мещанства. Но для автора это только контекст исследования, а не его результат. Она ставит себе цель «увидеть и услышать мещанина, не исковерканного типизацией», реконструировать его поведенческие практики, воссоздать его эмоции и ментальность, мимолетно встретиться взглядом с тем или иным автором текста, вслушаться в его слова и понять побуждения, заставившие его взяться за перо.

И все-таки – спросит читатель, кто же такие эти «мещане», что это за социальная категория граждан Российской империи? У автора книги нет прямого ответа на этот вопрос, вместо него представлен материал о законодательстве по городским группам населения, начиная с XVIII века, и историография проблемы со всеми ее спорами и противоречивыми утверждениями. Думается, что это правильное решение, поскольку однозначно сказать, кто такие мещане, каковы их права и обязанности в государстве, невозможно – они не оставались неизменными и, как считает автор, являлись «симбиозом» законодательных инициатив и социального творчества горожан. Дать точное определение мещанству – означает показать его в статике, зафиксировать в какой-то определенный момент истории. З.М. Кобозева стремится показать мещанство в динамике. Мещанское общество «выросло из посадской общины с ее тяглым сознанием, традиционной этикой и торговым духом» (с. 89). Мещане были низшим слоем горожан, тянувших налоговое бремя, прикреплен-

ных к определенному городу, исполнявших рекрутскую повинность. Принадлежность к мещанству была пожизненной и наследственной, но в него можно было приписаться, получив увольнительный приговор от прежнего общества (например, крестьянской общины или купеческой гильдии). Екатерининское законодательство о городах дало мещанству возможность активно участвовать в органах городского самоуправления, а с введением Городового положения 1870 года «мещанство, получая свой сословный орган, мещанскую управу, в делах города перестает играть ту традиционно патриархальную роль “хозяина”, которую оно играло вместе с купечеством в делах местного самоуправления ранее» (с. 67).

Таким образом, книга в трех первых главах повествует о временах переменчивых и трудных – от «золотого века» мещанства 1850–1860-х гг., когда никто и не подозревал, что он «золотой», до времен реформ и перемен, разьевших устоявшийся бытовой уют привычек, и заставивших каждого думать о своем будущем самостоятельно, утратив «плечо» общины. Реформы создавали *всесословное* общество горожан. Для мещанства их обязанности перед властью – сбор подушной подати по принципу круговой поруки, рекрутская повинность, выдача паспортов были заменены индивидуальными денежными сборами, круговая порука – индивидуальной ответственностью, а рекрутчина – всеобщей воинской повинностью. Для мещанской управы почти не осталось поля деятельности, тем не менее, самарские мещане приложили максимум усилий, чтобы ее сохранить. В книге Кобозевой полностью приводится интереснейший документ – поданный губернатору в 1883 г. «Протест» мещан города Самары против ликвидации их управы, который с удивительной ясностью зафиксировал попытки мещанства остановить процесс умирания их сословной организации. Просьбу удовлетворили, и делопроизводство чудом выжившей управы хорошо передает этот процесс ее малозначимой деятельностью, одновременно сопровождающейся эмоциональной напряженностью: «Чем более одинокой и ненужной в пространстве империи становилась эта группа, тем более склонялась к преувеличению своей роли, что отражалось на их восприятии себя как вершителей человеческих судеб: этот нравственный, а этот порочный; этот бедный, а этот притворяется таковым; этот платежеспособный, а этот будет обузой обществу» (с. 219).

Другой вопрос, который безусловно возникает перед читателем книги, это – насколько специфична или типична история самарского мещанства в целом, а также различные аспекты его бытия, выбранные для изучения? Автор тоже постоянно задается этими вопросами. Но их

невозможно решить, не обращаясь к сравнениям с другими городами. Казалось бы возникает коллизия много раз обсуждавшаяся историками: микроистория (в данном случае – в виде изучения одного города) не в силах подняться до генерализации, до «объективных закономерностей исторического процесса». Тем не менее, З.М. Кобозевой удалось показать общее и особенное самарского мещанства, и сделано это простым и хорошо работающим способом – обращением к результатам других исследований по истории русского города (Л.В. Кошман, А.Б. Каменского, А.И. Куприянова, Н.В. Середы и др.). Ее постоянный «собеседник» – Б.М. Миронов, работы которого генерализируют многообразные социальные черты городов центральной России. Иногда наблюдения разных авторов совпадают, иногда – нет. Так, рассматривая хозяйственную жизнь самарского мещанства, З.М. Кобозева замечает: «Таким образом, идя, казалось бы, совершенно другим путем в рассуждении о благосостоянии и хозяйственной жизни мещанина пореформенной России провинциального города, чем это делает Б.Н. Миронов, и наблюдая за повседневностью, а не за антропометрическими показателями, мы приходим к тем же выводам: “имперская Россия модернизировалась и благосостояние населения росло, несмотря на все издержки”» (с. 272).

Еще одна проблема – как выстроить масштаб «соотношения “отрезка” события, выхваченного из жизни ничем не примечательного горожанина, отображенного в документе, к “отрезку” сословной жизни, начертанной для многих таких ничем не примечательных горожан законодательством и властью»? Как показать «сословную модель», заданную «сверху» законодательством и приспособленную «снизу» обывателями города к своей повседневной жизни? (с. 18). Путь открывается исследователю один: проанализировать с разных сторон и в разных подходах весь комплекс текстов, пусть и самых незначительных, исходящих от самих мещан. Услышать их индивидуальные голоса, зафиксированные бюрократическим текстом. Это – рискованный путь (по нему в свое время успешно прошла исследовательница-социолог Н.Н. Козлова¹, но ее «голос», к сожалению, З.М. Кобозевой оказался не услышан). Конечно, невозможно ограничиваться только «голосами», автор книги параллельно учитывает и феномен власти на ее разных уровнях, ее действия, ее учреждения, ее сословную политику. Ибо «голоса» мещан, отраженные в бюрократических документах, обращены именно к власти. И тут «собеседником» автора вполне закономерно оказывается М. Фуко, к которому она обращается за советом и поддержкой почти во

¹ Козлова. 1996.

всех главах. Именно с опорой на его концепцию «многочисленные латентные техники “захвата тела” властью, – пишет автор, – будут исследоваться... во всех разделах, посвященных общественной и частной жизни мещанина, так как во всех своих ипостасях жизнь человека – это “дисциплинарное пространство”, в котором он живет, из которого бежит и куда возвращается, чтобы закончить свой жизненный путь» (с. 22-23). И действительно, создается впечатление, что Фуко прямо писал о российском обывателе, жившем в таком «дисциплинарном пространстве», где «просматривается каждая точка, где индивиды водворены на четко определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, где непрерывно ведущая запись связывает центр с периферией, где власть действует безраздельно по неизменной иерархической модели, где каждый индивид постоянно локализован, где его изучают и относят к живым существам, больным или умершим – все это образует компактную модель дисциплинарного механизма» (с. 324). Власть требовала от мещан, а до того – от их предков, посадских людей – сбора податей (которые раскладывались на все общество, и само общество решало, как они будут собраны). Поэтому каждый мещанин был записан в «обывательскую книгу», и не имел права отлучаться из города без особого разрешения, что регулировалось паспортной системой. Кроме того, мещане несли рекрутскую повинность. Этим проблемам посвящены три главы второго раздела книги. Они подробно раскрывают то, как, согласно законодательству, работала, или должна была работать, система этих повинностей. Однако это – только «условия задачи», поставленные государством. Обращаясь к документам собраний мещанского общества и его управы, З.М. Кобозева раскрывает повседневную сторону исполнения этих условий, со всеми трудностями, трагедиями, уловками и успехами «маленького человека» перед лицом бюрократической машины. Паспортный контроль создавал людям множество проблем, не позволяя уехать на заработки и торги без бюрократических проволочек, что приводило к затруднениям с заработком и, соответственно, к росту недоимок в налогах. Заброшенный жизнью из Самары куда-нибудь в Красноярск или Самарканд, мещанин должен был писать в самарскую управу с просьбой о замене ему просроченного паспорта или об откреплении его от самарского мещанства, посылать деньги на новый документ. Сколько среди этих посланий находится маленьких историй, заканчивающихся воплем души «пришлите скорее паспорт!». Не могу не привести хотя бы один пример: «Милостивый государь Алексей Ильич! Описываю Вам свое несчастное положение. Хотя вы и не виноваты, извините, что вас затрудняю. Прошу вас

как родного отца, наведите справки, где в настоящее время находится паспорт и пришлите почтовую квитанцию отправленного паспорта, еще прошу вас, если он отослан по ошибке, то попросите мещанскую управу выдать копию, чтобы можно было мне приехать в Петербург, хотя на 15 дней. Товар у меня отправлен и с того времени как с Вами видался, а сам живу в Пензе. А из дому получил 4 телеграммы, что паспорта нет...» (с. 367). Как выяснилось позднее, паспорт по ошибке был отправлен в Ташкент. Комментарии излишни! И в то же время паспорт был важен для самоидентификации мещанина как полноправного члена определенной общины. Письма на «паспортную» тему показывают, что мещане использовали эту систему и в личных целях – для оказания давления на своих домочадцев – жен, мужей и детей: «...жена моя Екатерина Иванова ныне Пашкова оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалилась... покорнейше прошу жене моей... без ведома моего паспорта...не выдавать», – обращался в управу покинутый муж (с. 346).

«Мир мещанского общества был неотделим от мира денег, тщательно вписываемых в документацию, равно как и вписанных в контекст их повседневности» (с. 293). В главе «Мещане и деньги» показан сложный денежный оборот, с которым сталкивались органы мещанского управления, начиная с расклада повинностей на каждую семью, сбором недоимок и кончая выплатой зарплаты мещанскому старосте. Проблем и конфликтов в этой сфере множество: и раздел наследства, и благотворительность, оплата лечения беднейших членов общины, и сбыт фальшивых кредитных билетов, и многое другое, проходящее через документы и письма самарских мещан. Среди них документы людей и весьма состоятельных, и совершенно нищих. Именно о последних сведений больше всего – они описывают свое плачевное состояние, из которого следует, что выплатить недоимки им невозможно: «Имею честь объяснить, что я недоимку эту по малолетству и бедному состоянию своему заплатить не могу...» (с. 295).

Рекрутский набор, расходы на него и организация ложились в основном на плечи мещанских обществ. Определение кандидатов в рекруты производилось по правилам «очередной системы» с учетом рабочей силы семейств. Материалы о рекрутской повинности многочисленны и хорошо показывают все уловки, на которые шли семьи, чтобы избежать отдачи в рекруты своего домочадца. Производили семейный раздел недвижимости, чтобы уменьшить число мужчин в одной семье, нанимали за себя добровольцев, решивших пойти в солдаты вне очереди по самым разным причинам, вместо рекрута вносились деньги, добывались меди-

цинские свидетельства о несовместимых со службой болезнях и увечьях, приносилось свидетельство о том, что будущий рекрут – единственный кормилец большой семьи. Иногда рекрутчина, как и паспорт, применялись для «воспитательного воздействия». К примеру, 60-летний мещанин Федей Матвеев сам просил забрать его сына в рекруты, так как его сыновья «не помогают в уплате долга, даже причиняют мне сыновния оскорбления и в особенности Иван... отдать Ивана за меньшого моего сына в солдаты» (с. 399).

Мещанин-рекрут превращался в воина, и в нем следовало воспитывать чувство патриотизма. З.М. Кобозева показывает большое количество официальных мероприятий в городе, посвященных военным юбилеям, использование темы патриотизма массовой литературой, однако она вынуждена признать, что не находит каких-либо зафиксированных рефлексий обывателей Самары по поводу их патриотических чувств (с. 412). Русско-японская война тяжелее всего сказалась именно на мещанстве, однако и здесь не удалось найти какой-то явной социальной реакции. Скорбь по погибшим была спрятана за домашними стенами, а власти города пытались по мере сил материально поддержать семьи не вернувшихся с войны низших офицеров. Автор улавливает за документами, связанными с войной, «тягловую» психологию мещанского сословия, «адаптировавшегося к роли основного, после крестьянства, поставщика солдат для империи. Смысл бытия беднейшей части этого сообщества заключался в выживании. Процесс выживания вовсе не обязательно был связан с доминированием эмоций обреченности. Но на все, включая войну, мещанин смотрел по-деловому: раз неизбежно, следовательно, следует приспособиться» (с. 417).

В специальном разделе затрагивается тема «privacy» (семья и любовь; болезнь, старость и смерть). Показанная через «письма во власть», т.е. через жалобы и просьбы, она и выглядит весьма драматически, впрочем, как и во все времена. Однако и в этой сфере есть сословная специфика и движение времени: мода на чувствительность («жестокий романс»), более гуманное отношение к детям, эмансипированные дамы (в основном – вдовы). Старость, вызывавшая о помощи и к родственникам, и к мещанской управе, находила мало поддержки. Низкий уровень жизни большинства представителей сословия приводил к тому, что не было денег на лечение, на содержание себя в старости, на похороны.

И вот Россию накрыли революционные времена – глава о них, на мой взгляд, одна из самых удачных в книге. Эти времена показаны не совсем обычно – с точки зрения повседневной жизни, в которой меща-

не-революционеры объединены с мещанами-хулиганами. «Дискурс революции наводнил и пропитал ментальность обывателя настолько, что уже невозможно было понять, с кем в действительности имеешь дело: с революционером или хулиганом; с играющей в революцию местной интеллигенцией или теми, кто серьезно покушался на государственный строй и презумпцию человеческой жизни. 2 декабря 1905 г. после заседания семейно-педагогического кружка в здании земской управы в Самаре публика расходилась в 12 часов ночи с пением “Марсельезы” и выкриками “Долой самодержавие!”. Та же публика, которая окружила “скопище” кружковцев, шла за ними, готовая броситься в драку, со словами “Вас самих, мерзавцев, долой!”» (с. 531).

В 1905–1906 гг. революционный невроз охватил всех жителей, из обывателей они стали бастующими (бастовали по профессиональной принадлежности: приказчики, модистки, грузчики, кондукторы конки и др.), деятелями эсеровских комитетов, распространителями листовок, пропагандистами, читателями нелегальной литературы, любителями приключенчески-девиантного образа жизни, провокаторами и доносчиками. Жизнь города весьма и весьма оживилась. Многие обзавелись оружием. Но все сохранившиеся политические дела в Жандармском управлении показывают, что серьезных деятелей революции из мещанской среды не вышло. Некоторые проявляли свою революционность таким образом, как мещанин Макеев, который в конторе при станции «Самара» «немного в не трезвом виде собрал около себя служащих криком: Долой самодержавие! Долой Николку!». Далее кричал, что он его затопчет ногами, и «если бы за это пришлось поплатиться жизнью, зато буду знать, что погиб за свободу!» (с. 544). Подобные взрывы эмоций, направленные против власти, начиная с Петра I, во множестве засвидетельствованы в делах, сохранившихся в недрах архивов политического сыска, в них несколько менялась риторика, но пьяное состояние оказывается константным. Представлены в главе не только анекдотические, но и трагические случаи. Покушение на убийство представителя власти, совершенное 19-летним учеником 3-го класса городского училища Захаром Ярыгиным, рассмотрено автором подробно. Ярыгина втянули в этот теракт молодые эсеры, сказав, что он не имеет права отказываться от порученного ему задания. Ярыгин, видимо, побоялся стать предателем «дела партии». Но, «каким образом социально-политические изменения преломлялись в сознании Ярыгина, остается только предполагать», – считает З.М. Кобозева (с. 522). Юноша выпил несколько бутылок водки и произвел два выстрела в упор из пятизарядного револьвера в помощника исправника Тимофеева.

Оба раза револьвер дал осечку. После этого Ярыгин протянул револьвер исправнику. Помимо Ярыгина перед читателями проходит внушительная череда лиц, так или иначе оказавшихся замешанными в революционной деятельности, их много особенно среди учащейся молодежи, каждый – со своей нелепой и не сложившейся судьбой. Если раньше, в стабильные для мещанского общества времена, оно могло контролировать порядок и удалять от себя лиц девиантного поведения, то теперь, в период своего распада, оно из последних сил старалось удержать старые «уставные нормы», наладить нормальную повседневную жизнь.

Итак, история, рассказанная в книге, это история сословия от «золотого века», пришедшегося на первую половину XIX столетия, до его затянувшейся кончины в начале века XX-го. Сословие не хочет умирать, борется за себя до последнего. И хотя двери управы закрылись навсегда, мещане продолжали жить в городе, но уже без поддержки «своих». Главная интрига остается за пределами книги, за барьером 1917 года. Однако намек на нее автором сделан вполне определенно: «Сам обыватель Самары проснулся 26 октября 1917 г. все тем же мещанином-обывателем. Аккуратно сложил свою идентичность в сундук, подоткнул нафталином, и стал ждать новой социальной роли, уготованной ему творцами русской истории» (с. 607).

Эта история мещанского сословия сшита автором из сотен мелких лоскутков, предоставленных источниками, простегана концептуальными подходами современной историографии, обрамлена множеством ассоциаций с художественной литературой, песнями, фольклором. Получилась искусная, необычная, привлекательная работа.

Каковы же выводы – спросит читатель? Они таковы – вот так неоднозначно, если взглянуть с точки зрения повседневности, проходил в г. Самара процесс модернизации, быстро разрушая старые структуры, и создавая новые, вот так приспособлялись мещане к тяжелейшему давлению власти, принимая его как данность, свыкаясь с ним. Вот так, снабжая казну деньгами, горожан – товарами и услугами, армию – солдатами, правительство – лояльностью и аполитичностью, мещане держали государство на своих не очень мощных плечах. Такова была роль мещанства в истории государства Российского.

Книга З.М. Кобозевой включает в себя такой аспект, о котором могу не сказать, поскольку ему не придают значения, а на мой взгляд он важен. Историческое познание может быть разным. Оно совсем не обязано иметь концептуализированную форму, принятую в диссертационном жанре. Оно может оставаться на уровне качественного описания

реалий прошлого и их авторского, профессионального интерпретирования. Такое знание не объясняет прошлое, оно рассказывает о нем, разъясняет его в подробностях, расширяя и уточняя представления читателя о прошлом. Сентенцию эту поясню примером из жизни.

Ко мне в гости пришли дети-шестиклассники, брат с сестрой. Я дала им рассматривать иллюстрированную книгу. Это был известный немецкий альбом Занга – издание фотопортретов начала XX века. В нем представлены разные социальные типы того времени – целые семьи и индивидуальные фото представители рабочих, буржуа, аристократов, позирующих перед фотокамерой. Реакция детей на этот альбом меня озадачила: нет, им не было скучно – они просто умирали от смеха, разглядывая его. А мне и в голову не могло прийти, что в нем есть что-то смешное, наоборот, старые фотографии всегда навевают грусть. Почему же дети так смеялись? Потому что они увидели «прошлое» совершенно непосредственно, а не в абстракции школьного предмета истории, и восприняли его как «иное», «чужое», а значит – смешное, смехом они унижали прошлое и возвеличивали свое время. История же как раз и призвана через показ «прошлого» и его интерпретацию давать понимание «иного», «чужого», иметь критическое осмысление и собственного времени, которое так скоро тоже превратится в «прошлое». Именно так, приучая к картинам прошлого, микроисторические работы и имеют возможность развивать мышление не только детей, смех которых вызван их непосредственностью, но и взрослых, которые тоже часто смеются над прошлым, но только про себя.

Работа З.М. Кобозевой рассказывает о мещанах все возможное, делает их понятными, они перестают быть читателю «чужими», и он уже с вниманием и без смеха станет рассматривать старые фотографии, помещенные в книге.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.) или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Изд-во «Самарский университет» 2013.

Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.

Кошелева Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; okosheleva61@gmail.com

О. В. МОРОЗОВ

**Рец. на кн.: Леонтьева О. Б. Историческая память и образы
прошлого в российской культуре XIX – начала XX в.
(Самара: Изд-во «Книга», 2011. 447 с.)**

Рецензия на монографию известного исследователя, специалиста по интеллектуальной истории и исторической культуре России, профессора Самарского государственного университета О.Б. Леонтьевой.

Ключевые слова: историческая культура России, память, образы прошлого.

Монография О.Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в.» заняла важное место среди работ по исторической памяти в России и Европе¹. В книге представлены результаты двух исследовательских проектов: «Историческая память и образы прошлого в русской культуре 1860–1880-х гг.» (Gerda Henkel Stiftung, 2006–2008) и «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (грант ОИФН РАН, 2009–2011).

Очевидный интерес отечественных историков к проблематике памяти объясняется не столько модными тенденциями западной историографии, сколько актуальной для современной России повесткой дня. Обращение к исторической памяти XVIII, XIX, XX столетий и даже допетровских времен обусловлено тем, что за двадцать с лишним лет российскому обществу так и не удалось определиться с нравственными ориентирами, идентичностью, а также подходами к оценке национального прошлого. Кризис постсоветской идентичности явился и культурным контекстом, и стимулом обращения к анализу мнемонических практик предыдущих эпох. «Войны памяти», сотрясающие сегодня общественную среду, телевидение, Интернет – следствие непроработанного исторического наследия XX века. Результаты этого наследия проявляются то в попытках навязать школе единый «историко-культурный стандарт», то в малопродуктивных дискуссиях о роли Сталина в организации массовых репрессий и развязывании Второй миро-

¹ В том же предметном поле находятся появившиеся относительно недавно коллективные труды: *Образы прошлого и коллективная идентичность...* 2003; *История и память...* 2006; *Диалоги со временем...* 2008; *Образы времени...* 2010; *Историческая культура императорской России...* 2012.

вой войны, то в диагностируемой социологами тоске россиян по утраченному имперскому величию. Академическим исследователям, которые в массе своей надеются уйти от проблем «преодоления прошлого», рано или поздно придется взять на себя роль разрушителей идеологических идолов и творцов нового исторического сознания.

Впрочем, книга О.Б. Леонтьевой не о нравственном долге ученых, а об исторических представлениях, бытовавших в дореволюционной России. Изучение исторической памяти помогает понять задачи, которые ставили производители и потребители исторического знания, каким видели они прошлое своей страны, как и из чего создавались его репрезентации. Для анализа О.Б. Леонтьева выбрала моменты переопределения и ревизии исторических представлений в пореформенной России 1860-х гг. и на закате империи Романовых в начале XX века.

Введение к книге содержит обзор подходов к изучению памяти, разработанных в рамках разных социогуманитарных дисциплин: анализ нарративных структур и языка текста, пространственных метафор и «ландшафта памяти», мифологических образов и их роли в сознании человека, «образов прошлого» и их воплощения в художественной культуре. Видимо, автору импонирует подход, использованный С.Ю. Малышевой² в работе с раннесоветскими революционными празднествами: на его основе выстраивается вся архитектура книги. Вслед за Малышевой Леонтьева выделяет три слоя исторических представлений: «“глобальный” (представление об истории, ее ходе и об историческом времени); мифология конкретных исторических событий; и мифология личности»³.

В первой главе рассматриваются представления о природе и задачах исторического знания от Великих реформ до «Серебряного века». Во второй – проблемы периодизации российской истории и ведущие образы трех разных эпох: Киевской Руси, Руси в период монгольского ига, Московского государства. В третьей главе анализируются представления об Иване Грозном и Петре I – самых популярных персонажах исторических нарративов второй половины XIX – начала XX в. Четвертая глава воспроизводит образы народной вольницы и старообрядчества. Наконец, в центре пятой главы находятся героические образы. К ним русская интеллигенция относил декабристов и народников.

Хотя в целом хронологические границы охватывают вторую половину XIX — начало XX в., автор оставляет за собой право расширять и

² Малышева. 2008.

³ Там же. С. 683–684.

сужать временные рамки исследования по мере необходимости. Как пишет О.Б. Леонтьева, «генеалогии некоторых образов исторической памяти логично проследить с самого начала XIX или даже с конца XVIII в. Тем не менее, исследовательское внимание будет сосредоточено прежде всего на пореформенном периоде отечественной истории и на тех переменах в историческом сознании образованного общества, которые происходили после отмены крепостного права и сопутствовали модернизации российского социума» [С. 20–21]. Гибкие временные рубежи дают автору больше свободы, но вместе с тем сильно растягивают и без того насыщенное повествование.

В основе предлагаемого исследовательского подхода лежит понятие М.А. Барга «историческая культура», подразумевающее, что научное творчество развивается в широком культурном контексте⁴. Понятие это синкретично: оно позволяет охватить все формы исторического знания и представить их в виде цельного явления, миновав любые демаркации. При анализе представлений о прошлом «образованного общества» Российской империи 1860–1880-х гг. такой подход продуктивен.

О.Б. Леонтьева объясняет свой выбор тем, что характерной чертой эпохи Великих реформ была значительно меньшая, чем в наши дни, дистанция между академической историей и неакадемическими представлениями. Фигура В.О. Ключевского, в которой органично соединились образы ученого и просветителя, – лучшее тому свидетельство: «В.О. Ключевский – центральная фигура российской исторической науки [...] – приобрел небывалую славу и моральный авторитет в российском обществе именно как неутомимый просветитель: лектор, обладающий “тайной всецело покорять себе аудиторию”, и автор научных трудов, которые по “степени художественности” можно было воспринимать как “памятник русской изящной литературы...”» [С. 34]. Эту же мысль подтверждает популярность публичных лекций и диссертационных защит по истории, куда с готовностью приходили столичные интеллектуалы, принимавшие участие в научных диспутах.

В книге обстоятельно описываются споры ученых о границах и основаниях исторической науки, возможных методах изучения прошлого и главное — о вопросах профессиональной этики (о пределах допустимого, о возможностях интерпретации, о волюнтаризме, о моральной ответственности, о праве судить). О.Б. Леонтьева проследила линии моральной истории, реализма, научного позитивизма, символизма и ви-

⁴ Леонтьева. 2010. С. 844.

зионерства, уделила внимание вопросу влияния на историю философских парадигм (например, в усвоении идей баденской школы неокантианства видятся первые шаги к антропологическому повороту) [С. 62]. Это компактный, емкий и понятный научный материал.

Автору удалось раскрыть такие темы, как континуитет, цезуры и принципы периодизации. Её объяснения позволяют понять, как образуется смысл истории. Так, моральная история Карамзина в середине XIX в. превратилась в «суд над историей» и этический максимализм. Судить надо было не только лица, но и процессы, явления. Позитивизм 1870-х гг. пытался отрешиться от максимализма через поиски законов, которые бы определяли развитие общества и государства. Не меньший интерес представляют доминантные образы прошлого и их эволюция. Леонтьева контекстуализирует единицы и категории дискурса о прошлом, реконструируя современные им смыслы.

Исследуемые О.Б. Леонтьевой трансформации науки и общественной мысли дают повод задуматься о том, как сегодня видит историю не только российский гуманитарий, но и далекий от науки обыватель. И хотя во второй половине XIX века проблема нравственного осмысления прошлого стояла перед Россией далеко не так серьезно, как сейчас, даже в недрах господствовавшего тогда позитивизма зрели представления о необходимости моральной оценки, которую должен давать историк. Н.И. Кареев в статье «Суд над историей», опубликованной в журнале «Русская мысль» (1884), предостерегал от апатии и бесстрастия, способных наступить при чрезмерном увлечении объективизмом. Этим он ставил себя между суровыми призывами к поиску «обнаженной истины» и «субъективной школой», представленной П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским и С.Н. Южаковой. По словам Леонтьевой, возможный благодаря этой школе «суд над историей» подрывал авторитет объективных исторических законов, пытаясь описывать прошлое с «позиций Правды — социально значимых представлений об “истине на деле”» [С. 49], что во многом было продиктовано жадной интеллигенции к обновлению и стремлению порвать с «проклятым» крепостническим прошлым.

Сегодня слово «правда» постепенно уходит из лексикона историка в научно-популярный дискурс и публицистику. Благодаря западной историографии XX в., российские историки смогли частично оправиться от синдрома «объективности». Правда, тот тут, то там периодически возникают реплики в его защиту. Вопрос «Может ли история быть объективной?» был даже вынесен в название научной конференции, проходившей на историческом факультете МГУ в 2011 г. Неакадемические

же представления о природе гуманитарного знания представляют для профессиональных историков откровенную угрозу. Вызывает опасения не столько порабощающая умы идеологема «объективной» истории, сколько бескомпромиссная уверенность в том, что многообразие исторических реалий может быть сведено в русло одной универсальной интерпретации, запертой внутри письменного нарратива (напр., «канонического» учебника или единого «историко-культурного стандарта»).

Критика «объективных законов» пользовалась большим успехом в начале XX в., когда наступило разочарование в «картезианском идеале науки» [С. 61]. Такие ученые, как В. Дильтей, В. Виндельбанд и Г. Риккерт отвергали исторический «презентизм», делая упор на поиск в прошлом уникального и неповторимого, стараясь избежать навязанных прошлому законов и закономерностей. Для российской методологии истории этот период ознаменовался повышенным интересом к баденской школе неокантианства, разработкой новых методов интерпретации источника, чем занимался, например, А.С. Лаппо-Данилевский. Леонтьева подчеркивает, что российская историческая школа на данном этапе занимала позицию между позитивизмом и неокантианством, привлекая подходы обоих течений. Прежние модели никуда не ушли, но под давлением новых веяний отступили на второй план.

В художественной жизни «Серебряного века» легко различим мемориальный уклон, «воскрешающая сила исторической памяти» [С. 55], где постепенно стираются грани между изучением прошлого и визионерством («Роза Мира» Д. Андреева). Реинкарнация прошлого посредством художественной культуры была краеугольным камнем религиозной философии В. Соловьева, мечтавшего о «цельном знании» – воплощении единства интеллектуального сообщества [С. 58]. Влияние религиозной философии заставило по-новому подойти и к целям осмысления прошлого – самой сути парадигмы «исторического прозрения». В предреволюционное время это уже был не поиск «народной Правды», а желание открыть религиозную истину, «вечные замыслы Бога о мире» [С. 81].

В первом разделе второй главы разбираются попытки упорядочить историю по хронологическому принципу. Здесь автору удастся показать, что историческая наука XIX века пыталась избавиться от династического способа периодизации («по князьям и царям»), предлагая новые принципы упорядочения хаотичного потока прошлого. Хронологические структуры создавали В.Н. Татищев, А.-Л. Шлёцер, М.Ф. Владимирский-Буданов, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский. Особняком в этом перечне стоит С.М. Соловьев, не видевший смысла в периодизации. Исключение

он сделал только для эпохи Петра I, которую считал рубежом между «двумя разными Россиями». Водораздел между допетровским и послепетровским временем, стал для Соловьева переходным периодом, временем возмужания народа, когда на смену чувству приходит мысль.

Историческая наука искала в образах прошлого отправную точку для развития коллективной идентичности, «колыбель национальной государственности и культуры» [С. 425]. Претендентами на этот почетный титул оказывались то Киевская Русь, то Московское государство, то петровская Россия, то империя монголов (здесь, правда, автор выходит за рамки начала XX в. и обращается к работам Н.С. Трубецкого).

Хотя историки XIX в. стремились отойти от устаревшей хронологии, вырваться из плена событийной истории им так и не удалось. Иногда, конечно, политическая история гармонично сочеталась с описаниями законов, нравов, культуры и торговых отношений. По этому пути пошел Н.М. Карамзин, который остался верен «династической» периодизации. В остальном по-новому выделенные периоды предлагали читателю всё то же линейное повествование, разделенное реперными точками на «пространственно-временные целостности» [С. 91]. Только теперь эти целостности были дольше. «Неизменным оставалось убеждение, что каждую стадию отечественной истории можно описать как целостный и своеобразный мир-хронотоп, кардинально отличающийся от предшествующей и последующей стадии», – пишет О.Б. Леонтьева [С. 98]. Таким образом, новым периодизациям не удалось избежать влияния дискретности, которая господствовала в умах ученых и культурных деятелей второй половины XIX – начала XX в.

Интересно, что выбранный автором способ аналитической реконструкции исторических представлений создает у читателя эффект постоянного волюнтаристского переписывания рассказа о прошлом в угоду современности. Может быть, этот эффект возникает потому, что в этом движении не показаны когнитивные аспекты науки, а только политические. Связь между политическим и научным дискурсами представлена не через ангажированность историков, а с точки зрения исторической культуры и единых стимулов развития (интерес к земскому самоуправлению, формам государственности, поиски ассоциаций и аллюзий). У кого-то из персонажей это более нюансировано, у кого-то представлено в виде довольно прямых параллелей. О.Б. Леонтьева рассматривает эту зависимость на научных, литературных и музыкальных произведениях больших жанров. При этом показано не только «онаучивание» политического и художественного дискурсов (на примере работ

М.Н. Каткова и Л.А. Тихомирова) [С. 227–228], но и встречный процесс – использование в науке литературных метафор и визуальных образов.

Поиски идентичности «образованным обществом» Российской империи представлены в виде борьбы нескольких идеологических моделей. Все они опирались на собственные перечни событий и героев и за всеми стояли свои сторонники. В основе каждой лежала своя фундаментальная идея, будь то верность царской династии или величие русского национального характера. «Национальная» история растекалась на три главных течения: «национально-государственное», «национально-либеральное», «национально-культурное» [С. 426]. Помимо династического и национального существовала также и «демократически-народническая» модель, основанная на идее народа-демоса и критике господствовавшего в стране социального строя [С. 426]. Все модели предполагали свои особенности выстраивания исторического нарратива.

Теперь о том, что вызвало сомнения или встречные размышления. Созданная автором панорама развития исторической культуры напоминает идейные конструкции просвещенного российского общества изучаемых периодов, для которых характерна дискретность и антропоморфизм. Исторические образы получили в книге автономную жизнь. Они появляются, сменяют друг друга, у них есть культурно-психологические свойства, прагматика, они становятся то более, то менее яркими или рациональными. К сожалению, эффект блокбастерного создания исторического нарратива не снижает даже авторское утверждение, что различные трактовки исторических героев [С.230] и идеологические модели соседствовали и соперничали [С. 426]. Нам мало что дает такое признание.

При знакомстве с введением невольно бросаются в глаза слабо аргументированные нюансы. Так, упоминание о том, что в работе изучаются исторические представления не всей России, а конкретной социальной группы – образованных слоев, появляется далеко не сразу [С. 19], и в названии монографии эта фокусировка никак не отражена. Да и в тех случаях, когда автор упоминает об «образованном обществе» [С. 20], она не разъясняет читателю объект своего изучения, его характеристики и параметры. Конечно, после работ Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Т. Ренджера, П. Бурдьё, Э. Геллнера и других конструктивистов утвердилась аксиома о созидательной роли элит в деле формирования национальной истории и производных от нее идентификационных структур. Но равнозначны ли между собой понятия «элиты» и «образованное общество» в данном исследовании? Кто представляет это общество? И как оно соотносится с понятием «интеллигенция», актуальным на тот период?

Семантическая размытость есть и в использовании другого термина – «так называемой *высокой* культуры» [С. 20]. На мой взгляд, подобная формулировка не отражает специфики выбранных автором источников и затрудняет верификацию инструментальных приемов. Даже если не соотносить объект изучения и его определение в источниках, то все равно хотелось бы уточнить, что именно входит в «высокую культуру», и как соотносится с ней, например, «историческая культура», определяемая вслед за М.А. Баргом «как системное единство “исторической мысли”, “типа исторического письма” и представлений о прошлом”, живущих в коллективной памяти той или иной эпохи» [С. 25]?

Актуален и еще один вопрос: насколько оправдана концепция «исторической культуры» при изучении представлений о прошлом конца XIX в.? Как пишет автор в заключении, в эту эпоху «пути науки и искусства в деле воссоздания исторического прошлого кардинально разошлись: искусство продолжало создавать исторические мифы, наука взяла на себя дело их критики» [С. 424]. Если внутри более позднего исторического знания постепенно кристаллизуются свои границы, нужно четко определить, корректно ли изучать историческую память образованных слоев через понятие, в основу которого положено «системное единство»?

Приводимое в начале первой главы соображение, что историческая наука является частью исторических представлений общества, подводящее нас к мысли о синкретизме знания в эпоху Александра II, выглядит декларативным, не содержит хронологических уточнений и опирается на слова другого автора, написанные по иному поводу. Так, О.Б. Леонтьева пишет: «...историческая наука является не только отраслью научных знаний, но и частью исторических представлений общества, “совокупности донаучных, научных, квазинаучных и венаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом”» [С. 27]. Закавыченные слова взяты из статьи Л.П. Репиной «Образы прошлого в памяти и истории», где говорится не об исторической науке, а об исторической памяти. Приведем эту фразу целиком, чтобы восстановить ее исходный смысл: «“Историческая память” понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание *группы*) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание *общества*) или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и венаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом»⁵. К сожалению

⁵ Ретина. 2003. С. 9–10.

нию, неточное цитирование подрывает убедительность аргументации и ее смысловую стройность.

Посетую еще на невнимательность к профессиональной лексике. Так, например, понятие «историческое знание» сначала используется в широком значении – как совокупность разных форм знания о прошлом: «...представляется целесообразным вначале (в первой главе) обратиться к анализу тех структурных перемен, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в. в историческом знании России: к проблеме смены парадигм исторического мышления» [С. 21]. Через несколько страниц историческое знание сужается до значения исторической науки, которая противопоставляется «другим формам исторической культуры»: «Можно выдвинуть рабочую гипотезу, что смена парадигм исторического знания свидетельствует о столь же кардинальных изменениях других форм исторической культуры...» [С. 28].

Наконец, строгое отношение к терминам непременно вызовет у вездливого читателя недоумение, почему автор оставляет в стороне понятие «память», вынесенное к тому же в заглавие книги? О памяти О.Б. Леонтьева пишет только во Введении, забывая концептуализировать ее в дальнейшем с применением теоретического и эмпирического материала. Создается впечатление, что историческая память для автора – всего лишь один из вводных теоретических этапов, трамплин на старте, после которого в центр исследования переходят такие термины, как «образ» и «историческая культура». Возможно, причиной этого стало невнимание к способам восприятия образов, концентрация только на содержимом дискурса, его структуре и языковых средствах.

В XIX – начале XX в. произошла эволюция исторических представлений от монархизма в сторону народа как хранителя базовых ценностей русской культуры и главного субъекта исторического повествования. В этом наука, художественная культура и общественная мысль были едины. Все модели идентичности, описываемые автором, вращаются вокруг категорий «власти» и «народа» – узловых вопросов для «образованного общества» царской России, остающихся актуальными и поныне. Развитие исторической культуры от монархического начала к народному – важный ориентир для современного человека. В этом плане книга О.Б. Леонтьевой заполнила важную лауну, проиллюстрировав опыт формирования национальной идентичности, существовавший в последние полвека Российской империи⁶.

⁶ В данной рецензии использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в

БИБЛИОГРАФИЯ

- Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А. Дмитриев. М., 2012.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008.
- Леонтьева О.Б.* Власть и народ в зеркале исторических представлений российского общества XIX века // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 844–884.
- Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Изд-во «Книга», 2011.
- Малышева С.Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1910-х годов // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 682–710.
- Образы времени и исторические представления: России – Восток – Запад* / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003.
- Репина Л.П.* Образы прошлого в памяти и истории // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 9–18.
- Морозов Олег Владимирович*, аспирант факультета истории НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева; olegzorom@rambler.ru

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (ответ на рецензию О. В. Морозова)

Автор специально останавливается на необходимых терминологических разграничениях и ключевых теоретико-методологических проблемах исследования исторической памяти, исторической культуры и коллективной идентичности.

Ключевые слова: историческая память, образы прошлого, историческая культура, «образованное общество», «высокая культура».

Для начала я хотела бы поблагодарить Олега Владимировича Морозова за рецензию, за внимательное и вдумчивое прочтение моей книги. Всегда приятно, когда научная работа находит своего адресата, и вдвойне – когда этим адресатом оказывается молодой исследователь, чья научная работа также связана с изучением исторической памяти. Научная и гражданская позиция автора вызывает мое глубокое уважение и поддержку. Можно согласиться со справедливым высказыванием о «непроработанности» исторического наследия XX века в сознании российского общества и о порожденных этим «войнах памяти» в общественной среде и медийном пространстве. Как и автора рецензии, меня тревожит бескомпромиссная уверенность многих наших современников в том, что возможно отыскать универсальную и «единственно верную» интерпретацию исторического прошлого. Думаю, что именно эти размышления и эта тревога стали подспудным двигателем появления и моей монографии, и рецензии О.В. Морозова на нее.

Безусловно, научный диалог с внимательным и требовательным читателем важен для самого автора: он позволяет взглянуть на исследуемую проблему в новом ракурсе, высветить ее узловые точки, постараться разъяснить те аспекты темы, которые при написании книги, в силу погруженности в проблему, казались самоочевидными и не требующими дополнительной аргументации. Отмечу, что сомнения и встречные размышления рецензента затрагивают как терминологические разграничения, так и архитектонику, и наконец, саму концепцию книги. Тем более важным мне представляется ответить на эти вопросы и сомнения.

Начну с терминологических вопросов, поскольку они, так или иначе, связаны с общей концепцией книги. Прежде всего, это вопрос о том, почему для обозначения той группы, которая фигурирует в работе как носитель исторической памяти, выбран именно термин «образованное общество», каковы характеристики и параметры этой группы. С ним связан и вопрос о содержании термина «высокая культура».

Термин «образованное общество», который я выбрала для обозначения субъекта исторической памяти, широко употреблялся в литературе изучаемой эпохи. Пример тому – публицистика Ф.М. Достоевского, который горячо и страстно писал об оторванности «образованного общества» (объединяя в этом понятии дворянство, чиновничество и интеллигенцию) от «массы народа», от «родной почвы», и считал «образованное общество» плодом петровской европеизации. Этот термин довольно активно используется и в наши дни, когда описываются реалии XIX века. «Образованное общество бурлило, непримиримые мнения сталкивались друг с другом», – читаем в недавно вышедшей книге С.А. Экштута¹. Поясняя свой тезис о «бурлящем» образованном обществе, Экштут говорит далее о «государственных мужах», радикально настроенной студенческой молодежи и об интеллигентах, состоявших на государственной службе. Поскольку же я пишу не о социуме как таковом, а именно об исторической памяти и исторической культуре России XIX в., я понимаю под «образованным обществом» людей, имевших достаточный уровень образования, чтобы читать Карамзина или исторические романы, рассматривать исторические полотна, понимая смысл отображенных на них реалий и событий, улавливать смысл исторических аллюзий в статьях публицистов и т.п. Сознаю, что границы этого термина и описываемой им социальной группы довольно размыты; по социальному происхождению, статусу, политическим взглядам представители этой группы могли существенно отличаться друг от друга. Обрисовка социальных границ этого слоя – задача самостоятельного исследования, и в последнее десятилетие в отечественной науке появился ряд интересных работ, целью которых является именно изучение «публики», «аудитории» художественных произведений, «адресатов» научного и политического дискурса (например, известная работа А. Рейтבלата «Как Пушкин вышел в гении»²). Понятие «образованное общество», на мой взгляд, семантически шире понятия «элита», неразрывно связанного с представлениями о господстве, лидерстве и влиянии (не обязательно политическом), и по-

¹ Экштут. 2012. С. 12.

² Рейтблат. 2001.

нения «интеллигенция», которое в русской мысли обычно несло в себе некую аксиологическую, моральную составляющую.

Термин «высокая культура» применительно к реалиям XIX в. я употребляю в максимально широком смысле – как противоположность традиционной культуре; как все те виды культуры, для усвоения норм и семантики которых требуется определенный уровень образования. Реконструкция и анализ народных представлений об историческом прошлом не входили в цели моей работы – хотя, безусловно, могли бы стать интереснейшей темой для отдельного исследования. В этом плане «образованное общество» можно рассматривать как носителя «высокой культуры» (что и оговаривается в моей книге – с. 20). Историческая культура в таком случае является одним из аспектов, одной из сторон высокой культуры, поскольку историческая мысль и представления о прошлом могут пронизывать самые разные сферы, жанры и виды культуры.

Рецензент упрекает меня в невнимательности к профессиональной лексике, считая, что понятие «историческое знание» в моей работе «сначала используется в широком значении – как совокупность разных форм знания о прошлом», а затем, «через несколько страниц историческое знание сужается до значения исторической науки, которая противопоставляется другим формам “исторической культуры”». Тем не менее, в обоих случаях, указанных рецензентом (с. 21 и 28), термины «историческое знание» и «историческая наука» используются мною как синонимичные. Чтобы убедиться в этом, достаточно продолжить ту самую цитату из моей работы, которую приводит О.В. Морозов. «Исходя из задач исследования, представляется целесообразным вначале (в первой главе) обратиться к анализу тех структурных перемен, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в. в историческом знании России: к проблеме смены парадигм исторического мышления. *В данном случае познавательные повороты в исторической науке рассматриваются в контексте сложного, многоуровневого процесса эволюции исторической культуры общества*» (с. 21). Иными словами, под «историческим знанием» я понимаю именно знание научное, поддающееся научной верификации и тем самым отличающееся от образно-символических представлений о прошлом³. Безусловно, соотнесение таких семантически насыщенных понятий, как «историческая культура», «историческое знание», «историческое

³ В теоретико-методологических трудах И.М. Савельевой и А.В. Полетаева в сходном значении используется термин «общественнонаучное знание о прошлом», противопоставляемое «вненаучному знанию» и «обыденным представлениям о прошлом»). Савельева, Полетаев. 2003. Т. 1. С. 249–250.

мышление», «историческая память», само по себе является дискуссионной темой, полем столкновения противоборствующих трактовок. В данном случае я сознательно остановилась именно на таком разграничении, которое отвечало целям моего исследования.

Ряд возражений и сомнений рецензента связан с вопросом о том, насколько оправдано применение разработанной М.А. Баргом концепции исторической культуры (понимаемой как системное единство исторической мысли, способов историописания и представлений о прошлом) при изучении реалий российского общества конца XIX в., – тогда как для изучения представлений о прошлом, свойственных 1860–1880-м гг., рецензент считает такой подход продуктивным. Отмечу, что в данном случае я двигалась от эмпирического материала к поиску теоретических моделей для его осмысления. Исследование эволюции некоторых образов и сюжетов (Ивана Грозного, Петра Великого, старообрядчества, «русского бунта») в российской культуре заставило меня заметить, что довольно частыми явлениями в культуре XIX – начала XX в. были – говоря языком самого рецензента – как «онаучивание» политического и художественного дискурсов, так и использование в науке литературных метафор и визуальных образов. Сфера исторических знаний той эпохи по мере изучения материала представляла уже не как замкнутый мир строгой науки, развивающийся по своим внутренним законам (как ее обычно рассматривают в классических историографических трудах), а скорее как открытая система, впитывающая веяния общественной жизни и активно откликающаяся на морально-этические и эстетические искания «властителей дум». Для теоретического осмысления этих явлений оказалась продуктивной модель, предложенная М.А. Баргом. Разумеется, пути науки и искусства с течением времени могли разойтись, и даже кардинально (что мы и наблюдаем, в частности, в наши дни); но проследить, как внутри «системного единства», сформировавшегося во второй половине XIX в., постепенно возникали линии напряжения и точки излома, было одной из существенно важных задач моего исследования.

Мне действительно импонирует яркое исследование С.Ю. Малышевой о советских революционных праздниках; архитектоника наших работ сходна потому, что нас обеих интересовала проблематика формирования «мест памяти», мифологизации прошлого (методология этого направления восходит к П. Нора и классической работе «Места памяти»). Ключевые идеи наших работ были представлены научной общественности одновременно, в одном и том же коллективном труде⁴. Но в то

⁴ Леонтьева. 2008. Гл. 22. С. 636–681; Малышева. 2008. Гл. 23. С. 682–710.

же время структура наших работ нацелена на решение разных исследовательских задач: и та статья С.Ю. Малышевой, на которую ссылается рецензент, и ее монография, опубликованная в 2005 г.⁵, посвящены проблемам вторжения идеологических мифов в пространство городской повседневности, в быт и сознание провинциального горожанина; моя же работа – проблемам взаимопроникновения научных и художественных дискурсов при создании картины «общего прошлого».

Хотелось бы сделать еще одно пояснение, которое мне представляется принципиально важным. По словам рецензента, «о памяти О.Б. Леонтьева пишет только во Введении, забывая концептуализировать ее в дальнейшем с применением теоретического и эмпирического материала»; рецензент полагает, что историческая память для моей работы – не более чем «трамплин на старте», позволяющий перейти в дальнейшем исследовании к иным терминам и темам. Боюсь, что после такого упрека (кстати, «забыть о памяти» – замечательный оксюморон) у читателя рецензии может сложиться впечатление, что автор монографии ненароком подменяет предмет своего исследования или механически пристегивает текст «Введения» к основному тексту работы, посвященной иным проблемам.

Во «Введении» я сочла необходимым очертить несколько путей к изучению исторической памяти, сложившихся в современной историографии: изучение дискурсивных структур; исследование образов прошлого; изучение мира памяти с помощью пространственных метафор; анализ мифов исторической памяти, сложившихся вокруг реальных исторических событий. Именно этим и обусловлена логика построения монографии: дискурсивные структуры исторического знания и способы организации исторического нарратива (в том числе пространственно-временные конструкты) рассматриваются в первой и второй главах; образы прошлого и пути его мифологизации – во всех остальных разделах моей работы. В этом плане историческая память не исчезала из сферы моего внимания ни на одной стадии работы над книгой.

Центральной проблемой моей работы является не только реконструкция структур исторической памяти самих по себе, но изучение роли исторической памяти в формировании коллективной идентичности. Мне представлялось важным проследить, в какой мере модели становления национального самосознания (и национальной историографии как одной из его составляющих), столь колоритно воссозданные в работах Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Г. Иггерса, «работают» применительно к россий-

⁵ Малышева. 2005.

ским реалиям. Именно поэтому, как справедливо указывает рецензент, при реконструкции исторических представлений прошедшей эпохи я сосредоточила внимание не на когнитивных аспектах исторической науки, а на иных ее сторонах. При этом моей целью было выявить не столько злободневно-политическую, сколько аксиологическую составляющую исторической культуры пореформенной России; понять, какие нравственные дилеммы возникали перед историком, художником или поэтом, обращавшимся к сюжетам прошлого. Соперничество разных трактовок исторических событий, как я стремилась показать, во многих случаях свидетельствовало не просто о научных противоречиях, о «внутрицеховых» разногласиях профессиональных историков, и даже не о «постоянном волонтаристском переписывании рассказа о прошлом в угоду современности», но о наличии ценностных конфликтов в жизни пореформенного общества. Именно поэтому в заключительной части работы я веду речь уже не о концептуализации понятия «историческая память», а о тех моделях, сценариях коллективной идентичности, которые формировались в сознании образованного общества изучаемой эпохи и были неразрывно связаны с тем или иным видением прошлого.

В завершение я хотела бы еще раз выразить признательность автору – за серьезный анализ моей работы, за возможность вернуться к обсуждению вопросов, затронутых в монографии, и, прежде всего, к методологическим проблемам изучения исторической памяти. Хотелось бы пожелать автору рецензии успехов в его дальнейшей научной работе и выразить надежду на продолжение научного диалога – тем более, что наши научные интересы находятся в одном и том же проблемном поле.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2008. С. 636–681.
- Мальшиева С.Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1920-х годов // Диалоги со временем... 2008. С. 682–710.
- Мальшиева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005.
- Рейтблат А.* Как Пушкин вышел в гении. М., 2001.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. С. 249–250.
- Экитут С.А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012.

Леонтьева Ольга Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета; oleontieva@yandex.ru

SUMMARIES

M.F. ROUMYANTSEVA. Phenomenology vs Neo-Kantianism in A.S. Lappo-Danilevsky's theory. The author views an original theory of historical knowledge by A.S. Lappo-Danilevsky (1863-1919) in the context of Neo-Kantianism and phenomenology. The specific of the Russian version of Neo-Kantianism is shown as focused on the object of historical knowledge, a historical source and related to the principle of the 'acknowledgement of the other's animation'. The article demonstrates that the historian understood the nature of historical source in phenomenological sense.

Keywords: *A.S. Lappo-Danilevsky, Russian Neo-Kantianism, phenomenology, methodology of history, historical source*

O.V. SINITSYN. German and Russian Neo-Kantianism: from the method of the disciplines of culture to the character of historical knowledge. The article presents a study of shared and peculiar characteristics of two versions of Neo-Kantian methodology in German and Russian historical thought of the late 19th – early 20th cc. The author focuses his attention on the concepts of the character of historical knowledge by H. Rickert and A.S. Lappo-Danilevsky.

Keywords: *Neo-Kantianism, methodology, historical knowledge, ideographic method, nomothetic method, idealism, subjectivism, historicism.*

S.P. RAMAZANOV. Gnoseological and social contexts of the Neo-Kantian discourse of A.S. Lappo-Danilevsky. The article demonstrates the influence of the social situation in Russia in the first decade of the 20th c. on the character of the methodological studies by a famous Russian historian A.S. Lappo-Danilevsky. The author argues that the historian's interpretation of neo-Kantianism was determined by the traditions of Russian historiography and the professionalism of the Russian methodologist.

Keywords: *historical laws, value, estimation, historical importance, idea of the whole.*

N.V. SEREDA. Rehabilitation of methodology. The author shows how the ideas of A.S. Lappo-Danilevsky slowly found their way back into Russian historiography after the 1960s. Stages in the adaptation and interpretation of the heritage of the scholar by Russian historians are revealed, and it is shown that the most important of them was the period when the school of historical source studies existed.

Keywords: *classification of historical sources, research methods, methodology of historical studies, historiographical situation of the late 20th c.*

L.B. SUKINA. The concept of the history of the 17th-century Russian culture by A.S. Lappo-Danilevsky and its place and role in contemporary studies in humanities. The author correlates the concept of the development of the Russian culture in the 17th c. by A.S. Lappo-Danilevsky to his methodology of history and evaluates its cognitive potential. The second part of the article presents an analysis of the works by contemporary scholars that have been influenced by the concept explicitly and implicitly.

Keywords: *A.S. Lappo-Danilevsky, Russian culture, methodology of history, comparative studies of historical sources, historical anthropology.*

T.A. BULYGINA. A.S. Lappo-Danilevsky on the history of ideas and intellectual history. The author addresses the problem of the inclusion of the texts by A.S. Lappo-Danilevsky into the field of intellectual history and analyses the concepts by the scholar in the context of the contemporary approaches to the history of ideas.

Keywords: *history of ideas, intellectual history, socio-cultural context, intellectual communication, scholar's laboratory.*

A.A. BONDARENKO. Theoretical grounds of A.S. Lappo-Danilevsky's act source studies in the diplomatics of Lithuanian medieval acts. This article considers some ideas of A.S. Lappo-Danilevsky concerning the theory of act source studies and source classification expressed by him in the 'Essays on the Russian diplomatics of Private Acts' and the 'Methodology of History'. The researcher's ideas are analyzed by the example of the archives of Polish Queen and Grand Duchess of Lithuania Bona Sforza. **Keywords:** *diplomatics, acts, Queen Bona's Metrics, stavlenniy list, Grand Duchy of Lithuania, A.S. Lappo-Danilevsky, Bona Sforza.*

V.YA. MAUL. Examinations of the Pugachev's rebels in the context of the new paradigm of source studies. The article attempts to demonstrate the heuristic potential of published sources and to show the effectiveness of their use in the studies of the past, if the research methods are oriented towards cultural studies and go back to the works by A.S. Lappo-Danilevsky and his followers. It is shown that new images of the Russian rebellion are construed when the study is focused on emotive, rather than factual, aspects of popular protest.

Keywords: *A.S. Lappo-Danilevsky, methodology of source studies, Pugachev's rebellion, examination and trial materials.*

E.V. P LAVSKAYA. The problems of the analysis of journalism in the 'Syn Otechestva' journal (1826-1852). The article analyses publications from the journal 'Syn Otechestva' (1826–1852) in order to find out the characteristics of journalism as historical source. It is shown that this group of sources includes articles on the matters of public interest; they are dialogic in character as an author addresses his readers directly or indirectly. The author demonstrates that the forms of such address varied in the 19th c. The forms of journalism included letters, memoirs, reviews and essays.

Keywords: *journal 'Syn Otechestva', types of sources, journalism, sections of journal.*

L.N. MAZUR. «The visual turn» in historical sciences at the late 20th early 21st cc.: the search of new research methods. The article discusses the information aspects of A.S. Lappo-Danilevsky's ideas on the development of historical knowledge. Modern trends of evolution of the methods of historical development analyzed. Particular attention paid to the methods of historical data visualization, especially the method of observation, its technologies and implementation requirements.

Keywords: *methods of historical research, information technology, audio-visual sources, the method of observation in historical research.*

Z.M. RUBININA. Family photo archive as historical source (the Levitsky family archive, the collection of the State Historical Museum). The article explores the characteristics of a family photo archive as historical source and discusses the perspectives of using this type of photo documents in research. The object of study is a family archive of an 'ordinary' family of the late 19th – early 20th c., that belonged to the group of Russian 'raznochinny' intelligentsia, so it is possible to analyse the use and the role of photos in the everyday life of 'ordinary' people. The study is based on the analysis of the archive of the Levitsky family from the collection 'the Lenin Museum of the State Historical Museum.

Keywords: *historical source, family photo archive, history of photography, history of everyday life, Russian raznochinny intelligentsia.*

V.D. KAMYNIN. Contemporary interpretations of the concept of 'historiographical source' and the ideas of A.S. Lappo-Danilevsky concerning the source studies.

The author compares various interpretations of the concept of historiographical source and reveals factors that influenced the positions of scholars. It is shown that as far as this key historiographical concept is concerned Russian historiographical tradition could claim continuity since the early 20th to the 21st century. The article demonstrates how various interpretations of this concept influence the quality of contemporary dissertations. The author argues that the ideas of A.S. Lappo-Danilevsky could be used to help compensate for the shortcomings of the existing discourse.

Keywords: *A.S. Lappo-Danilevsky, historiographical source, discourse, dissertations.*

S.I. MALOVICHKO. Misunderstanding as a form of co-existence of various types of historical knowledge.

The article is focused on the co-existence of academic and socially-oriented types of historical knowledge in the first half of the 19th c., viewed through an example of the 'skeptical school' and its adversaries. The author concludes that the form of their coexistence was mutual misunderstanding. Understanding could not be provided by a desire to 'correct' another type of history but rather it could result from the reflection on the meta-level of the discipline, in the context of the principle of the 'acknowledgement of the animation of the other' actualized within the field of the source studies of historiography.

Keywords: *types of historical knowledge, history as academic discipline, socially-oriented history writing, M.T. Kachenovsky, 'skeptical school', A.S. Lappo-Danilevsky, history as science.*

N.V. NEKRASOVA. V.I. Kolosov (1854-1919): shaping the intellectual space of Tver.

The author analyses the activities of a Tver historian V.I. Kolosov that resulted in the shaping of Tver's intellectual space. The study uses the 'individualizing' method of A.S. Lappo-Danilevsky. The author argues that studying the historian's public activities is necessary in order to understand his historical work.

Keywords: *A.S. Lappo-Danilevsky, research school of source studies, V.I. Kolosov, intellectual biography, intellectual communities of Tver.*

M.E. KOLESNIKOVA. A Scholar's biography within the field of the history of historiography.

When studying various themes of historiography one needs to pay a good deal of attention to biographical studies. A.S. Lappo-Danilevsky wrote about it, insisting that it was necessary to analyse a scholar's biography when evaluating the product of his intellectual work. The article deals with contemporary approaches to biographical studies in the context of the history of historical discipline.

Keywords: *history of historiography, biographical studies, sources of biographical studies.*

N.N. ALEVRAS. A.S. Lappo-Danilevsky and the culture of dissertations of the Russian historians, late 19th – early 20th cc.

The article is focused on the work of A.S. Lappo-Danilevsky within the dissertation system, and particularly on his experience of submitting his magisterial dissertation and the practice of reviewing the dissertations of his graduate students and colleagues.

Keywords: *A.S. Lappo-Danilevsky, V.I. Veretennikov, S.M. Seredonin, dissertation, disputation, culture of dissertation, reviewer, methodology, St Petersburg historians.*

N.YU. BOLOTINA. A.S. Lappo-Danilevsky's work with the documents from the Moscow Archive of the Ministry of Justice, the State Archive of the Ministry of Foreign Affairs and the Moscow Main Archive of the MFA (the materials from the Russian State Archive of Ancient Acts). Records of the Moscow Archive of the Ministry of Justice, the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs and the Russian State Archive of Ancient Acts reveal what kind of historical sources Lappo-Danilevsky used at various stages of his academic career. The author describes the procedure that provided historians' access to original documents in the late 19th – early 20th c.; letters of A.S. Lappo-Danilevsky to S.A. Belokurov, the director of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs, where the historian asked for manuscripts to be sent to him to St Petersburg, and discussed the characteristics of the documents, are published in the appendix.

Keywords: *A.S. Lappo-Danilevsky, S.A. Belokurov, Moscow Archive of the Ministry of Justice, Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs, the State Archive of the Ministry of Foreign Affairs, Russian State Archive of Ancient Acts, source studies, historiography, archival studies, archaeography.*

M.P. VALTZ. The reception of the ideas by W. Stern in the methodology of history' by A.S. Lappo-Danilevsky. The article analyses the mechanisms of the reception as the important way to appropriate one's ideas and uses the example of the implications of the developments in psychology for historical knowledge. The author studies the correlation between the 'Methodology of history' by A.S. Lappo-Danilevsky and the ideas of W. Stern.

Keywords: *reception, A.S. Lappo-Danilevsky, W. Stern, methodology of history, psychology.*

I.N. IONOV. Connected history: between the double bond and negative feedback. The article examines the demographic, social, psychological conditions of evolution of the connected history as an important direction of the modern world (global) history. It shows how population explosion in the West in the 19th century and the accompanying features of socialization affected the conversion of embryos of the connected history of the 17th – 18th centuries to the universal history. Shown as the completion of the demographic transition in the 20th century influenced the formation of modern connected history and the related emergence of a global historical memory.

Keywords: *connected history, demographic transition, feedback, double bond, bovarism.*

O.I. KHORUZHENKO. The Skhorosmir's stone: burial tradition and the ancestral memory construction. The Skhorosmir's stone that had supposedly been made by the members of the Verderevsky family (his would be descendants) is studied in the context of the 17th century genealogical fakes. Here, as in other cases of the falsification of family burial traditions, the stone acted as the place of memory, the core of the family's social and clan identity, and the instrument of its representation in the society.

Keywords: *falsification of sources, necropolis, genealogy, palaeography, ancestral memory, burial tradition.*

O.R. DEMIDOVA. The reckoning: the émigré memoir texts on the Late Romanov period. The article examines the interpretations of the events of the late February – early March of 1917 by witnesses and participants in their memoirs written in 1920–70s. For all diversity of class, previous life experience, as well as ideological, political and party allegiances and viewpoints, and the level of implication, the memoirists interpreted the February Revolution in moral sense and viewed it as a coup that led to the fall of the dynasty and the ruin of the country. The author uses a great number of memoirs and diaries, both published and unpublished.

Keywords: *coup, negotiations, anarchy, memoir, diary, moral evaluation, existential experience, country's future.*

A.YU. SEREGINA. The Viscounts of Montague: representaions of Catholic nobles in polemical and devotional literature of the 16th – 17th centuries. The article analyses the representations of English Catholic nobles – the Viscounts of Montague in the polemical and devotional literature of the 16th – 17th cc. The author studies the transformations of their public images and the ways to manipulate them in various political contexts.

Keywords: *Reformation, English Catholics, 16th -17th century England, Viscounts of Montague, religious polemics, book dedications, manuscripts collections.*

L.E. MARGARYAN. Gender discourse of William Robertson and Edmund Burke. The author presents a comparative gender analysis of the historical works by William Robertson (1721–1793) and Edmund Burke (1729–1797). The article studies their attitudes to ‘female power’, as well as their understanding of the role of ladies and chivalrous behavior towards them seen as a sign of civility.

Keywords: *William Robertson, Ednumd Burke, gender discourse, the Enlightenment period, Europocentrism, lady, chivalry, civilization, barbarity.*

V. P. BOGDANOV. Russian gentry and nobility in the 18th – early 20th cc.: images of the nobles in russian literature. The article traces the evolution of Russian nobility in the 18th – early 20th cc. Having analysed the works of Russian literature the author concludes that privileged position of Russian nobility was based on its service to the Empire. After the obligation to serve had been suspended the nobility lost its high ground in political, social, economic and cultural spheres. The sources used by the author enables one to re-evaluate the roles of the ‘Manifesto of the liberty of the nobility’ (1762) and the Emancipation reform of 1861 in the history of the ‘decline’ of the nobility.

Keywords: *nobility, social history, Russian literature of the 19th century.*

S.YU. KOZLOVA. Women in the political culture of the Left coalition in Italy (1946). This article is an attempt to discover how women were involved in the political culture at the time of formation of the Republican electoral law of the post-war Italy and what traces they left in the political culture of the First Republic in the conditions of the “imperfect two-party system”.

Keywords: *suffrage, political culture, female electorate, political image, left coalition, Italy.*

T.M. GAVRISTOVA. Joe and Peggy Appiah: a family history. The article traces the history of one of the first mixed marriages in Europe and Africa. The couple married in the middle of the 20th century (at the dawn of African independence), and this couple transformed attitudes to the problem of interracial marriages and set an example for generations. In 1953 the marriage was accepted as the Event of the year in the British Gold Coast (now Ghana).

Keywords: *Appiah, Cripps, gender history, interracial marriages, culture, Africa, Ghana, Great Britain, Kwame Nkrumah.*

S.V. SANNIKOV. Images of Theodoric and Odoacer as founders of the Germanic kingdoms of Italy: analysis of the mythological archetypes (upon «Excerpta Valesiana»). The author analyzes the key subjects of the second part of Anonymus Valesianus chronicle using an interdisciplinary methodological approach, based on Karl Jung's concept of archetypes and Joseph Campbell's theory of myth. In the structure of images of Odoacer and Theodoric, the author traces the archetypes of the collective unconscious, referred to in analytical psychology as archetypes of the Hero, the Father, the Wise old man, the Shadow.

Keywords: *royal power, the early Middle Ages, archetype, mythology, the image of authority, Anonymus Valesianus.*

V.L. GAYDUK. The debates on theatre, 1918 – 1920s. The debates on theatre, 1918–1920s, are viewed as a cultural event. The viewpoints of the main opponents – A.V. Lunacharsky and P.M. Kerzhentsev – have been analysed. It is shown that the debates influenced the establishment of the state departments responsible for the management of theatre in the Soviet Russia.

Keywords: *theatre, Narkompros, Prolecut, theatrical tradition, Societ repertoire.*

O.E. KOSHELEVA. Non-literary character: a bourgeois in everyday life. Review: *З.М. Кобозева. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.) или Рассказ о «душе с повинностями».* – Самара: Изд-во «Самарский университет» 2013. – 608 p., 48 ill.

Keywords: *history of everyday life, town, bourgeoisie.*

O.V. MOROZOV. Review: Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. (Самара: «Книга», 2011. 447 с.). The review of a monograph by O.B. Leontieva, Professor of the Samara State University, an expert on the intellectual history and historical culture of Russia.

Keywords: *historical culture of Russia, memory, images of the past.*

O.B. LEONTIEVA. Theoretical and methodological aspects of the studies of historical memory (response to the review by O.V. Morozov). The author focuses her attention on the necessary terminological distinctions and key theoretical and methodological problems of the studies of historical memory, historical culture and collective identity.

Keywords: *historical memory, images of the past, historical culture, 'educated society', 'elite culture'.*

CONTENTS

ANNIVERSARY

Ideas of Alexander S. Lappo-Danilevsky in the intellectual contexts of the 20 th – 21 st centuries <i>M.F. ROUMYANTSEVA</i>	5
Phenomenology vs Neo-Kantianism in A.S. Lappo-Danilevsky's theory..... <i>O.V. SINITSYN</i>	7
German and Russian Neo-Kantianism: from the method of the disciplines of culture to the character of historical knowledge <i>S.P. RAMAZANOV</i>	17
Gnoseological and social contexts of the Neo-Kantian discourse of A.S. Lappo-Danilevsky..... <i>N.V. SEREDA</i>	28
Rehabilitation of methodology..... <i>L.B. SUKINA</i>	38
The concept of the history of the 17 th –century Russian culture by A.S. Lappo-Danilevsky and its place and role in contemporary studies in humanities..... <i>T.A. BULYGINA</i>	45
A.S. Lappo-Danilevsky on the history of ideas and intellectual history..... <i>A.A. BONDARENKO</i>	54
Theoretical grounds of A.S. Lappo-Danilevsky's act source studies in the diplomatics of Lithuanian medieval acts..... <i>V.YA. MAUL</i>	63
Examinations of Pugachev's rebels in context of the new paradigm of source studies <i>E.V. P LAVSKAYA</i>	72
The problems of the analysis of journalism in 'Syn Otechestva' journal (1826-1852) <i>L.N. MAZUR</i>	80
«The visual turn» in historical sciences at the late 20 th early 21 st cc.: the search of new research methods..... <i>Z.M. RUBININA</i>	95
Family photo archive as historical source (the Levitsky family archive, the collection of the State Historical Museum)..... <i>V.D. KAMYNNIN</i>	109
Contemporary interpretations of the concept of 'historiographical source' and the ideas of A.S. Lappo-Danilevsky concerning the source studies..... <i>S.I. MALOVICHKO</i>	120
Misunderstanding as a form of co-existence of various types of historical knowledge <i>N.V. NEKRASOVA</i>	129
V.I. Kolosov (1854–1919): shaping the intellectual space of Tver..... <i>M.E. KOLESNIKOVA</i>	146
A Scholar's biography within the field of the history of historiography..... <i>N.N. ALEVRAS</i>	156
A.S. Lappo-Danilevsky and the culture of dissertations of the Russian historians late 19 th – early 20 th cc..... <i>N.YU. BOLOTINA</i>	165
A.S. Lappo-Danilevsky's work with the documents from the Moscow Archive of the Ministry of Justice, the State Archive of the Ministry of Foreign Affairs and the Moscow Main Archive of the MFA (the materials from the RSA of Ancient Acts) <i>M.P. VALTZ</i>	174
The reception of W. Stern's ideas in A.S. Lappo-Danilevsky's methodology of history	184

History and theory

<i>I.N. IONOV</i>	Connected history: between the double bond and negative feedback	194
-------------------	--	-----

History and memory

<i>O.I. KHORUZHENKO</i>	The Skhorosmir's stone: burial tradition and the ancestral memory construction.....	219
<i>O.R. DEMIDOVA</i>	The reckoning: the émigré memoir texts on the Late Romanov period.....	241

Within the space of cultural history

<i>A.YU. SEREGINA</i>	The Viscounts of Montague: representaions of Catholic nobles in polemical and devotional literature of the 16 th – 17 th centuries.....	260
<i>L.E. MARGARYAN</i>	Gender discourse of William Robertson and Edmund Burke.....	280
<i>V. P. BOGDANOV</i>	Russian gentry and nobility in the 18 th – early 20 th cc.: images of the nobles in russian literature.....	298

History and politics

<i>S.YU. KOZLOVA</i>	Women in the political culture of the Left coalition in Italy (1946)	315
<i>T.M. GAVRISTOVA</i>	Joe and Peggy Appiah: a family history.....	330

Historical notes

<i>S.V. SANNIKOV</i>	Images of Theodoric and Odoacer as founders of the Germanic kingdoms of Italy: analysis of the mythological archetypes (upon «Excerpta Valesiana»).....	343
<i>V.L. GAYDUK</i>	The debates on theatre, 1918 – 1920s.....	353

Reading books

<i>O.E. KOSHELEVA</i>	Non-literary character: a bourgeois in everyday life	362
<i>O.V. MOROZOV</i>	Review: Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. (Самара, 2011).....	374
<i>O.B. LEONTIEVA</i>	Theoretical and methodological aspects of the studies of historical memory (response to the review by O.V. Morozov)	384
SUMMARIES.....		390
CONTENTS.....		396

СОДЕРЖАНИЕ

К Юбилею

Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI вв.: круглый стол к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского.....	5
<i>М.Ф. Румянцева</i>	
Феноменология vs неокантианство в концепции А.С. Лаппо-Данилевского.....	7
<i>О.В. Синицын</i>	
Неокантианство немецкое и русское: от метода «наук о культуре» к специфике исторического познания.....	17
<i>С.П. Рамазанов</i>	
Гносеологический и социальный контексты неокантианского дискурса А.С. Лаппо-Данилевского.....	28
<i>Н.В. Серeda</i>	
Реабилитация методологии.....	38
<i>Л.Б. Сукина</i>	
Концепция истории русской культуры XVII века А.С. Лаппо-Данилевского и ее место и роль в современных гуманитарных исследованиях.....	45
<i>Т.А. Булыгина</i>	
А.С. Лаппо-Данилевский об истории идей и интеллектуальной истории.....	54
<i>А.А. Бондаренко</i>	
Теоретические основания актового источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского в дипломатике литовских средневековых актов.....	63
<i>В.Я. Мауль</i>	
Протоколы допросов пугачевцев в зеркале новой парадигмы источниковедения..	72
<i>Е.В. Плавская</i>	
Проблемы выявления публицистики в журнале «Сын Отечества» (1826–1852)..	80
<i>Л.Н. Мазур</i>	
«Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования.....	95
<i>З.М. Рубина</i>	
Семейный фотографический архив как исторический источник (на примере архива семьи Левицких из коллекции ГИМ).....	109
<i>В.Д. Камынин</i>	
Современные подходы к определению содержания понятия историографический источник и идеи А.С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения.....	120
<i>С.И. Маловичко</i>	
Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания...	129
<i>Н.В. Некрасова</i>	
Деятельность В.И. Колосова (1854–1919) по формированию социокультурного пространства Твери.....	146
<i>М.Е. Колесникова</i>	
Биография ученого в проблемном поле истории историографии.....	156
<i>Н.Н. Алеврас</i>	
А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX – начале XX в.....	165
<i>Н.Ю. Болотина</i>	
О занятиях А.С. Лаппо-Данилевского с материалами МАМЮ, Государственного архива МИДа И МГАМИД (по материалам РГАДА)	174
<i>М.П. Вальц</i>	
Рецепция идей В. Штерна в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского...	184

История и теория

- И.Н. Ионов*
Связанная история: между двойной связью и отрицательной обратной связью... 194

Время – История – Память

- О.И. Хоруженко*
Плита Схоросмира: поминальный обычай в конструировании родовой памяти.... 219
- О.Р. Демидова*
Подводя итоги: эмигрантские мемуарные тексты о конце эпохи Романовых.... 241

В пространстве культурной истории

- А.Ю. Серегина*
Виконты Монтегю: репрезентации аристократов-католиков
в полемической и религиозной литературе XVI–XVII вв..... 260
- Л.Е. Маргарян*
Гендерный дискурс У. Робертсона и Э. Бёрка..... 280
- В.П. Богданов*
Благородное сословие в XVIII – начале XX в.:
дворянские образы в русской литературе..... 298

История и политика

- С.Ю. Козлова*
«Женский след» в политической культуре левого блока в Италии (1946 г.)..... 315
- Т.М. Гавристова*
Джо и Пегги Аппиа: семейная история..... 330

Исторические заметки

- С.В. Санников*
Образы Одоакра и Теодориха как основателей германских королевств в Италии:
анализ мифологических архетипов (на материале «Excerpta Valesiana»)..... 343
- В.Л. Гайдук*
Дискуссия о театре начала 1918–1920-х годов..... 353

Читая книги...

- О.Е. Кошелева*
Внелитературный персонаж: мещанин в зеркале повседневности.
Рец. на книгу З.М. Кобозевой «Мещанское сословие г. Самары
в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.)» 362
- О.В. Морозов*
Рец. на кн.: Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого
в российской культуре XIX – начала XX в. (Самара, 2011)..... 374
- О.Б. Леонтьева*
Теоретические и методологические аспекты изучения исторической памяти:
ответ на рецензию О.В.Морозова 384
- SUMMARIES..... 390
- CONTENTS..... 396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

46 / 2014

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Дизайн обложки И. Н. Граве

Подписано в печать 02. 12. 2013
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ № **43005**

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Протопоповский пер., д. 6.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10